

Редакционная коллегия

Агапов В.С. – д-р психол. наук, проф.
Азоев Г.Л. – д-р экон. наук, проф.
Антоненко И.В. – д-р психол. наук, проф.
Базылевич Т.Ф. – д-р психол. наук, проф.
Баишмаков В.И. – д-р социол. наук, проф.
Воронин В.Н. – д-р психол. наук, проф.
Галазова С.С. – д-р экон. наук, проф.
Грошев И.В. – д-р экон. наук,
д-р психол. наук, проф.
Ефимова М.Р. – д-р экон. наук, проф.
Ионцева М.В. – д-р психол. наук, проф.
Кибакин М.В. – д-р социол. наук, проф.
Клейнер Г.Б. – д-р экон. наук, проф.,
чл.-корр. РАН
Князев В.Н. – д-р психол. наук, проф.
Красовский Ю.Д. – д-р социол. наук, проф.
Крупнов А.И. – д-р психол. наук, проф.
Крыштановская О.В. – д-р социол. наук, проф.
Кузнецов Н.В. – д-р экон. наук, проф.
Лаптев Л.Г. – д-р психол. наук, проф.
Милёхин А.В. – д-р социол. наук, проф.
Митрофанова Е.А. – д-р экон. наук, проф.
Новиков В.Г. – д-р социол. наук, проф.
Пацула А.В. – д-р социол. наук, проф.
Разов П.В. – д-р социол. наук, проф.
Райченко А.В. – д-р экон. наук, проф.
Смирнова Т.В. – д-р социол. наук, проф.
Соболевская О.В. – д-р мед. наук, проф.
Тихонова Е.В. – д-р социол. наук, проф.
Филиппов А.В. – д-р психол. наук, проф.
Фомин П.А. – д-р экон. наук, проф.
Черепов В.М. – д-р мед. наук, проф.
Чудновский А.Д. – д-р экон. наук, проф.
Эриашвили Н.Д. – д-р экон. наук, канд. юр. наук,
канд. ист. наук, проф.

Журнал входит в Перечень ВАК рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по направлениям: 08.00.01 – Экономическая теория (экономические науки), 08.00.05 – Экономика и управление народным хозяйством (по отраслям и сферам деятельности) (экономические науки), 08.00.10 – Финансы, денежное обращение и кредит (экономические науки), 08.00.12 – Бухгалтерский учет, статистика (экономические науки), 08.00.13 – Математические и инструментальные методы экономики (экономические науки), 08.00.14 – Мировая экономика (экономические науки), 19.00.01 – Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки), 19.00.05 – Социальная психология (психологические науки), 22.00.01 – Теория, методология и история социологии (социологические науки), 22.00.03 – Экономическая социология и демография (социологические науки), 22.00.04 – Социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки), 22.00.05 – Политическая социология (социологические науки), 22.00.06 – Социология культуры (социологические науки), 22.00.08 – Социология управления (социологические науки).

Editorial board

Agapov V.S. – Dr. Sci. (Psy.), prof.
Azoev G.L. – Dr. Sci. (Econ.), prof.
Antonenko I.V. – Dr. Sci. (Psy.), prof.
Bazylevich T.F. – Dr. Sci. (Psy.), prof.
Bashmakov V.I. – Dr. Sci. (Soc.), prof.
Voronin V.N. – Dr. Sci. (Psy.), prof.
Galazova S.S. – Dr. Sci. (Econ.), prof.
Groshev I.V. – Dr. Sci. (Econ.),
Dr. Sci. (Psy.), prof.
Efimova M.R. – Dr. Sci. (Econ.), prof.
Iontseva M.V. – Dr. Sci. (Psy.), prof.
Kibakin M.V. – Dr. Sci. (Soc.), prof.
Kleiner G.B. – Dr. Sci. (Econ.), prof.,
corresponding member of RAS
Knyazev V.N. – Dr. Sci. (Psy.), prof.
Krasovskii Yu.D. – Dr. Sci. (Soc.), prof.
Krupnov A.I. – Dr. Sci. (Psy.), prof.
Kryshstanovskaya O.V. – Dr. Sci. (Soc.), prof.
Kuznetsov N.V. – Dr. Sci. (Econ.), prof.
Laptev L.G. – Dr. Sci. (Psy.), prof.
Milyohin A.V. – Dr. Sci. (Soc.), prof.
Mitrofanova E.A. – Dr. Sci. (Econ.), prof.
Novikov V.G. – Dr. Sci. (Soc.), prof.
Patsula A.V. – Dr. Sci. (Soc.), prof.
Razov P.V. – Dr. Sci. (Soc.), prof.
Raichenko A.V. – Dr. Sci. (Econ.), prof.
Smirnova T.V. – Dr. Sci. (Soc.), prof.
Sobolevskaya O.V. – Doctor Sci. (Med.), prof.
Tikhonova E.V. – Dr. Sci. (Soc.), prof.
Filippov A.V. – Dr. Sci. (Psy.), prof.
Fomin P.A. – Dr. Sci. (Econ.), prof.
Cherepov V.M. – Doctor Sci. (Med.), prof.
Chudnovskii A.D. – Dr. Sci. (Econ.), prof.
Eriashvili N.D. – Dr. Sci. (Econ.), Cand. Sci. (Jur.),
Cand. Sci. (Hist.), prof.

The journal is part of the Higher Attestation Commission list of peer-reviewed scientific publications, in which are released the principals scientific results of dissertations for the Degree of Candidate of sciences, but also the Degree of Doctor of Sciences, the following areas are published: 08.00.01 – Economic theory (economic sciences), 08.00.05 – Economics and management of the national economy (by branches and fields of activity) (economic sciences), 08.00.10 – Finance, money circulation and credit (economic sciences), 08.00.12 – Accounting, statistics (economic sciences), 08.00.13 – Mathematical and instrumental methods of economics (economic sciences), 08.00.14 – World Economy (economics), 19.00.01 – General psychology, personality psychology, history of psychology (psychological sciences), 19.00.05 – Social psychology (psychological sciences), 22.00.01 – Theory, methodology and history of sociology (sociological sciences), 22.00.03 – Economic sociology and demography (sociological sciences), 22.00.04 – Social structure, social institutions and processes (sociological sciences), 22.00.05 – Political sociology (sociological sciences), 22.00.06 – Sociology of culture (sociological sciences), 22.00.08 – Sociology of management (sociological sciences).

Статьи доступны по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная, согласно которой возможно неограниченное распространение и воспроизведение этих статей на любых носителях при условии указания автора и ссылки на исходную публикацию статьи в данном журнале в соответствии с правилами научного цитирования
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Главный редактор

И.В. Грошев

Ответственный за выпуск

Л.Н. Алексеева

Редактор

Е.В. Таланцева

Редактор перевода

А.В. Меньшиков

**Выпускающий редактор
и компьютерная верстка**

Е.А. Гусева

Технический редактор

Д.С. Тарасова

Дизайн обложки

Л.Н. Алексеева

Зарегистрирован в Роскомнадзоре,
свидетельство ПИ № ФС77-1361 от 10.12.1999 г.
В запись о регистрации внесены изменения,
регистрационный номер ПИ № ФС 77-76215 от 12.07.2019 г.

На сайте «Объединенного каталога «Пресса России» www.pressa-ru.ru
можно оформить подписку на 2022 год на печатную версию
журнала «Вестник университета» по подписному индексу 42517,
а также подписаться через интернет-магазин «Пресса по подписке»
<https://www.akc.ru>

ЛР № 020715 от 02.02.1998 г.
Подп. в печ. 10.02.2022 г.
Формат 60×90/8
Объем 24,5 печ. л.
Бумага офисная
Печать цифровая
Тираж 1000 экз.
(первый завод 100 экз.)
Заказ № 101

Издательство: Издательский дом ГУУ
(Государственный университет управления)

Издается в авторской редакции

Ответственность за сведения,
представленные в издании, несут авторы

Все публикуемые статьи прошли
обязательную процедуру рецензирования

Адрес редакции:
109542, г. Москва, Рязанский проспект, д. 99,
главный учебный корпус, кабинеты 346 и 345А
Тел.: +7 (495) 377-90-05
E-mail: ic@guu.ru
Сайт: <http://www.vestnik.guu.ru>

The articles are available under the Creative Commons Attribution 4.0 International CC BY 4.0, according to which unlimited distribution and reproduction are possible in any medium. The author's name, references and original sources have to be shown in accordance with scientific citation rules
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Editor-in-Chief

I.V. Groshev

Responsible for issue

L.N. Alekseeva

Editor

E.V. Talantseva

Translation editor

A.V. Menshikov

**Executive editor
and desktop publishing**

E.A. Guseva

Technical editor

D.S. Tarasova

Cover design

L.N. Alekseeva

Registered in the Roskomnadzor
Certificate PI № FS77-1361 from 10.12.1999
Changes have been made to the registration record
Registration number PI № FS 77-76215 from 12.07.2019

LR № 020715 from 02.02.1998
Signed to print 10.02.2022
Format 60×90/8
Size 24,5 printed sheets
Offset paper
Digital printing
Circulation 1000 copies
(the first factory 100 copies)
Print order № 101

Publishing: Publishing house
of the State University of Management

Published in author's edition

The authors are responsible for the information
presented in the publication

All published articles have undergone
a peer review procedure

Editor's office:
109542, Russia, Moscow, Ryazansky Prospekt, 99, State University
of Management, main academic building, office 346 and 345A
Tel.: +7 (495) 377-90-05
E-mail: ic@guu.ru
<http://www.vestnik.guu.ru>

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ УПРАВЛЕНИЯ

Аликаева М.В., Асланова Л.О., Кармова Б.З.

Развитие социально-экономических экосистем: исследование на основе индикаторов цифровизации.....5

Садыков Р.М., Ахметов В.Я.

Социализация экономической системы территории как фактор развития общества14

Титор С.Е.

Региональный опыт реализации риск-ориентированной модели государственного контроля в сфере профессионального образования: анализ социологического опроса21

СТРАТЕГИИ И ИННОВАЦИИ

Ахмаева Л.Г.

Изменение потребительского поведения при внедрении технологии биометрической оплаты товаров29

Валишвили М.А.

Квазипартнерские формы взаимодействия государства и бизнеса в инновационном развитии36

Козырь Н.С.

Стратегия пространственного развития России: белые пятна в специализациях регионов.....43

Рыбина М.Н., Быковская Е.Н.

Потенциальные угрозы и социально-экономические противоречия в условиях формирования «умного города».....50

РАЗВИТИЕ ОТРАСЛЕВОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Иванов И.Н., Орлова Л.В., Сундукова Г.М.

Промышленность Российской Федерации в условиях цифровой трансформации.....57

Любимова Н.Г.

Пути достижения «углеродной нейтральности» в российской электроэнергетике.....63

ЭКОНОМИКА: ПРОБЛЕМЫ, РЕШЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Агеева О.А., Матыцына Ю.Д.

Мониторинг эффективности системы внутреннего контроля и экономической безопасности организации70

Астафьева О.Е., Тинякова В.И.

Определение условий развития промышленных предприятий и новых подходов к использованию ресурсов.....78

Блинова У.Ю., Розжкова Н.К., Розжкова Д.Ю.

Цифровая экономика: терминологический дискурс82

Зотиков Н.З.

Налоговое стимулирование развития территорий89

Лебедев К.В., Васильева Л.В., Суменова Е.С.

Региональные особенности экономики и структура подготовки специалистов99

Яковлева А.С., Любовцева Е.Г.

Влияние налоговой политики на теневую экономику109

ОЦЕНКА ИНВЕСТИЦИЙ

Овчаров А.О., Овчарова Т.Н., Маренов Н.О.

Венчурный капитал: возможности использования зарубежного опыта инвестирования в России117

Шаманина Е.И., Аршинская И.С.

Проблемы инвестирования в предприятия по переработке и утилизации твердых коммунальных отходов124

ФИНАНСЫ И БАНКОВСКОЕ ДЕЛО

Котова К.Ю., Шакирова Н.Н.

Проблемы учета капитала и обязательств в условиях реформирования экономических процессов и внедрения международных стандартов финансовой отчетности130

Кулигин В.Д.

Информационная природа денег138

CONTENTS

CURRENT ISSUES OF MANAGEMENT

M.V. Alikayeva, L.O. Aslanova, B.Z. Karmova

Socio-economic ecosystems development: a study based on digitalisation indicators5

R.M. Sadykov, V.Y. Akhmetov

Economic territory system socialisation as society development factor14

S.E. Titor

Regional experience of implementing the state control risk-based model in vocational education: sociological survey analysis21

STRATEGIES AND INNOVATIONS

L.G. Akhmaeva

Consumer behavior change during the biometric payment technology implementation29

M.A. Valishvili

Quasi-partnership state-business interaction forms in innovative development.....36

N.S. Kozyr

Russian Spatial Development Strategy: blind spots in regional specialisations43

M.N. Rybina, E.N. Bykovskaya

Potential threats and socio-economic contradictions in the context of the smart city formation.....50

DEVELOPMENT OF INDUSTRY AND REGIONAL MANAGEMENT

I.N. Ivanov, L.V. Orlova, G.M. Sundukova

Russian industry in the context of digital transformation57

N.G. Lyubimova

The paths to carbon neutrality in the Russian electric power industry.....63

ECONOMICS: PROBLEMS, SOLUTIONS AND PROSPECTS

O.A. Ageeva, Yu.D. Matytsyna

Monitoring the efficiency of organisation's internal control and economic security system.....70

O.E. Astafyeva, Tinyakova V.I.

Definition of industrial enterprises development conditions and new approaches to resources using.....78

U.Yu. Blinova, N.K. Rozhkova, D.Yu. Rozhkova

Digital economy: terminological discourse82

N.Z. Zotikov

Territories development tax incentives89

K.V. Lebedev, L.V. Vasilyeva, E.S. Sumenova

Economy regional features and specialist training structure.....99

A.S. Yakovleva, E.G. Lyubovtseva

Tax policy impact on shadow economy109

INVESTMENT VALUATION

A.O. Ovcharov, T.N. Ovcharova, N.O. Marenov

Venture capital: opportunities foreign investment experience in Russia.....117

E.I. Shamanina, I.S. Arshinskaia

Problems of investing in enterprises for processing and disposal of solid municipal waste124

FINANCE AND BANKING

X.Yu. Kotova, N.N. Shakirova

Capital accounting and liabilities problems in the context of economic processes reforming and international financial reporting standards introducing.....130

V.D. Kuligin

Informational nature of money138

СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И ПРОЦЕССЫ

<i>Акопян А.Р., Аракелян А.М., Воронцова Ю.В., Крысов В.В.</i>	
Формирование конкурентных преимуществ онлайн-кинотеатров	146
<i>Беляева Д.И., Давлетишина Л.А.</i>	
Оценка числа дел об административных правонарушениях в регионах России	157
<i>Захаров М.Ю.</i>	
Общественный идеал «Да тун»: социальная утопия старого Китая, или современный форсайт-проект	164
<i>Паудаль Н.Ю., Филиндаш Л.В.</i>	
Социальная значимость гипертекста для ментальной идентификации человека цифровой эпохи	169
<i>Потравная Е.В., Кривошапкина О.А.</i>	
Оценка приоритетности компенсационных проектов различными группами населения при промышленном освоении Арктики	175
<i>Юшкина Н.А.</i>	
Электоральный потенциал публичных политиков в социальных сетях	188

SOCIAL TECHNOLOGIES AND PROCESSES

<i>A.R. Akopyan, A.M. Arakelyan, Yu.V. Vorontsova, V.V. Krysov</i>	
Online cinemas competitive advantages formation	146
<i>D.I. Belyaeva, L.A. Davletshina</i>	
Administrative offenses cases number assessment in the Russian regions.....	157
<i>M.Yu. Zakharov</i>	
The social ideal of “Datong”: ancient China social utopia, or modern foresight project.....	164
<i>N.Yu. Paudial, L.V. Filindash</i>	
Hypertext’s social significance for a digital age person’s mental identification	169
<i>E.V. Potravnaya, O.A. Krivoshapkina</i>	
Compensation projects priority assessment by various population groups in the Arctic industrial development	175
<i>N.A. Yushkina</i>	
Public politicians electoral potential in social media	188

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ УПРАВЛЕНИЯ

УДК 332.05

JEL O33

DOI 10.26425/1816-4277-2022-1-5-13

Аликаева Мадина Валентиновна
д-р экон. наук, ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», г. Нальчик, Российская Федерация
ORCID: 0000-0003-1493-6320
e-mail: Alik123@rambler.ru

Асланова Лорина Олеговна
канд. экон. наук, ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», г. Нальчик, Российская Федерация
ORCID: 0000-0001-6702-4451
e-mail: aslanova.lo@yandex.ru

Кармова Бэлла Заурбековна
канд. экон. наук, ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», г. Нальчик, Российская Федерация
e-mail: Bell75@mail.ru

Madina V. Alikayeva
Dr. Sci. (Econ.), Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchik, Russia
ORCID: 0000-0003-1493-6320
e-mail: Alik123@rambler.ru

Lorina O. Aslanova
Cand. Sci. (Econ.), Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchik, Russia
ORCID: 0000-0001-6702-4451
e-mail: aslanova.lo@yandex.ru

Bella Z. Karmova
Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchik, Russia
e-mail: Bell75@mail.ru

РАЗВИТИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ЭКОСИСТЕМ: ИССЛЕДОВАНИЕ НА ОСНОВЕ ИНДИКАТОРОВ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Аннотация. Распространение информационно-коммуникационных технологий на общественные и экономические процессы требует исследования влияния феномена цифровизации на социально-экономические системы. Для этого необходимо в первую очередь разобраться в сущности и трактовках понятия «цифровая экономика» в мировом информационном пространстве, описать ее ключевые характеристики. В статье представлен терминологический анализ этого понятия на основе научных и нормативно-правовых источников. Подчеркнуто его отличие от таких понятий, как «цифровизация», «цифровая трансформация», «Индустрия 4.0». Исследована роль цифровизации и больших данных в экономической деятельности. Рассмотрен ряд индикаторов, применяющихся в мире для оценки качества цифрового развития социально-экономических экосистем, и с помощью этих показателей продемонстрирован уровень цифровизации в России. Перечислены ключевые цифровые преимущества нашей страны. Результаты исследования расширяют знания о потенциале развития цифрового пространства для фундаментальных преобразований в обществе и экономике.

Ключевые слова: цифровая экономика, социально-экономическая экосистема, цифровизация, уровень цифровизации, глобальные индексы цифровизации, трансформация производства, инновации

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках научного проекта № 20-010-00297.

Для цитирования: Аликаева М.В., Асланова Л.О., Кармова Б.З. Развитие социально-экономических экосистем: исследование на основе индикаторов цифровизации // Вестник университета. 2022. № 1. С. 5–13.

SOCIO-ECONOMIC ECOSYSTEMS DEVELOPMENT: A STUDY BASED ON DIGITALISATION INDICATORS

Abstract. The spread of information and communication technologies on social and economic processes requires a study of the digitalisation phenomenon impact on socio-economic systems. To do this, it is necessary, first, to understand the essence and interpretations of the digital economy concept in the global information space, to describe its key characteristics. The article presents a terminological analysis of this concept based on scientific and regulatory sources. Its difference from such concepts as “digitalisation”, “digital transformation”, “Industry 4.0” is highlighted. The digitalisation and big data role in economic activity is examined. A number of indicators used worldwide to assess the socio-economic ecosystems digital development quality is considered. The Russian digitalisation level has been demonstrated by using these indicators. The key digital advantages of our country are listed. The results of the study expand the knowledge about the digital development potential for fundamental transformations in society and economy.

Keywords: digital economy, socio-economic ecosystem, digitalisation, digitalisation level, global digitalisation indices, production transformation, innovations

Acknowledgements. The study was funded by support of the Russian Foundation for Basic Research as a part of the scientific project No. 20-010-00297

For citation: Alikayeva M.V., Aslanova L.O., Karmova B.Z. (2022) Socio-economic ecosystems development: a study based on digitalisation indicators. *Vestnik universiteta*, no. 1, pp. 5–13. DOI: 10.26425/1816-4277-2022-1-5-13

© Аликаева М.В., Асланова Л.О., Кармова Б.З., 2022.

Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

© Alikayeva M.V., Aslanova L.O., Karmova B.Z., 2022.

This is an open access article under the CC BY 4.0 license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

Введение

В последнее десятилетие наблюдается тенденция к последовательному переходу экономики к цифровой трансформации как следующему этапу развития процессов глобализации. Это проявляется в изменении структуры мирового хозяйства, глобальной виртуализации из-за появления новых форм трансграничного движения факторов производства и благ [4]. Информационно-коммуникационные технологии (далее – ИКТ) воздействуют на все общественные отношения, в том числе на процессы управления экономическими субъектами, как изнутри (эндогенная среда), так и снаружи (экзогенная среда). Новейшие технологии преобразуют формы взаимодействия экономических субъектов на различных этапах общественного воспроизводства [7]. Анализ сущности и оценка степени цифровой глобализации, уровня развития цифровой экономики и ее влияния на экосистемы – важная задача в научных исследованиях.

Теория и методы

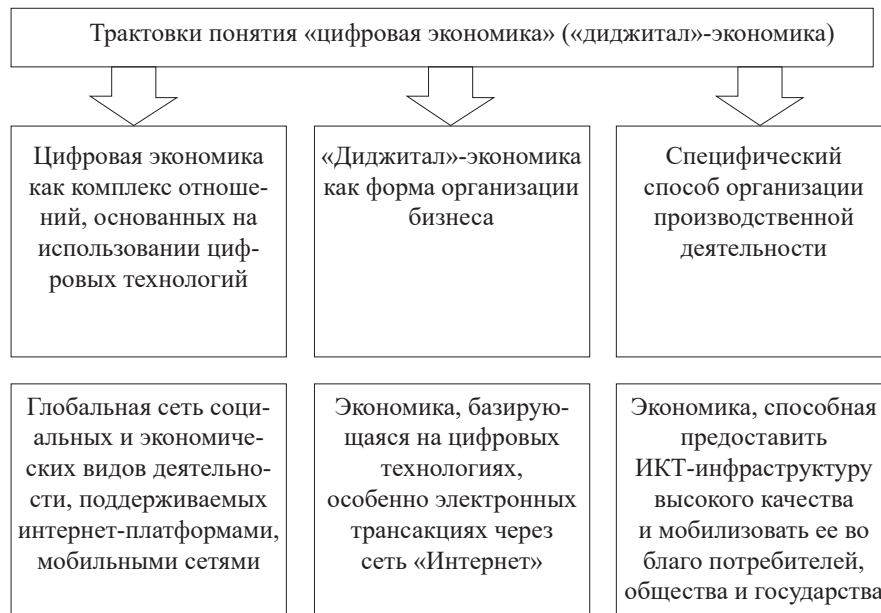
Оценка влияния феномена цифровизации на социально-экономические системы требует изучения сущности и исследования подходов к понятию «цифровая экономика», описания ее ключевых характеристик и индикаторов цифрового развития.

Для того, чтобы оценить влияние феномена цифровизации на социально-экономические системы необходимо в первую очередь разобраться в сущности и трактовках понятия «цифровая экономика», описать ее ключевые характеристики и индикаторы цифрового развития. Интерпретация, сопоставление и обобщение материала, сбор количественных данных, изучение взаимных связей и динамики развития процессов – основополагающие методы представленного в статье исследования.

Дефиниция «цифровая экономика» относительно недавно введена в научный оборот и является своего рода мейнстримом. Впервые термин «цифровая экономика» был упомянут в 1994 г. в труде Д. Трапскота «Цифровая экономика», а Н. Негропonte стал его использовать в научных дискурсах с 1995 г., детерминируя цифровую экономику как процесс перехода «от атомов к битам» [12, с. 199]. Сущностной характеристикой цифровизации (диджитализации) информации является специфика представления, обработки и передачи информационных потоков. В основе цифровизации информации лежит ее главное свойство – возможность различных физических принципов представления, что подразумевает шифрование, кодировку, сжатие, дешифровку, использование всевозможных носителей и т. д.

Сегодня в научной литературе представлено множество трактовок понятия «цифровая экономика». Большинство из них сфокусировано на отдельных ее аспектах. Широкое распространение получило следующее определение цифровой экономики: «Цифровая экономика – экономика, позволяющая осуществлять транзакции посредством электронной торговли в Интернете» [12]. Исходя из этого можно заключить, цифровая экономика основана на «трех столпах»: поддерживающей инфраструктуре, электронном бизнесе и электронной коммерции. Следовательно, цифровизация информации трансформирует процессы телекоммуникации, реализации товаров и услуг, программное обеспечение. С некоторой долей условности можно сказать, что приведенное определение цифровой экономики не отражает сути преобразований и их связи с технологиями, не описывает особенности влияния на экономику, в частности, изменение потребительского поведения, процессы создания стоимости.

Международная финансовая организация The World Bank предлагает интерпретировать цифровую экономику как новый подход к инновационному развитию экономики, в основе которого лежит обмен данными в режиме реального времени. Центр прогнозирования цифровой экономики России предлагает понимать под цифровой экономикой комплекс социально-экономических отношений, складывающихся в сфере формирования и использования электронных технологий, электронной инфраструктуры и услуг, технологий Big Data и прогнозирования с целью оптимизации бизнес-деятельности и увеличения уровня развития государства. На наш взгляд, последнее из приведенных определений наиболее репрезентативно. Обобщая суждения можно сказать, что в мировом информационном пространстве фигурирует три подхода к дефиниции «цифровая экономика», отображенных на рисунке 1.

Источник: [12]

Рис. 1. Трактовка понятия «цифровая экономика» в мировом информационном пространстве

Обобщим взгляды ученых на сущностные характеристики цифровой экономики через призму методических подходов, названных выше.

Р.В. Мещеряков полагает, что цифровая экономика основывается на «цифровых технологиях и охватывает в основном сферу электронных товаров и услуг» и отождествляет ее с «экономическим производством с использованием цифровых технологий». А.А. Энговатова считает, что цифровую экономику нужно рассматривать сквозь призму «методов генерирования, обработки, хранения и передачи данных и использования компьютерных технологий». В.В. Иванов акцентирует внимание на том, что «цифровая экономика является виртуальной средой, дополняющей реальность». Ученый считает, что «деньги, как эквивалент стоимости благ являются порождением виртуального мира и их «оцифрованность» упрощает товарно-денежные отношения, что приводит, в свою очередь, к экономии времени и безопасности операций» [12, с. 200].

Включение определения «цифровая экономика» в нормативно-правовую базу как элемента социально-экономической экосистемы требует дальнейшей конкретизации и анализа [8]. Экосистема цифровой экономики – комплекс взаимосвязанных и взаимодействующих единиц, которые обеспечивают эффективное функционирование экономики за счет использования информационно-коммуникационных технологий и систем анализа больших данных [5].

В сравнительной таблице 1 приведены определения цифровой экономики в нормативно-правовых источниках и документах Российской Федерации (далее – РФ).

Таблица 1

Определения цифровой экономики в программах стратегического развития Российской Федерации

Трактовка	Источник
Цифровая экономика – хозяйственная деятельность, в которой ключевым фактором производства являются данные в цифровом виде, обработка больших объемов и использование результатов анализа которых по сравнению с традиционными формами хозяйствования позволяют существенно повысить эффективность различных видов производства, технологий, оборудования, хранения, продажи, доставки товаров и услуг	Указ Президента РФ от 09 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг.»

Трактовка	Источник
Цифровая (электронная) экономика – совокупность общественных отношений, складывающихся при использовании электронных технологий, электронной инфраструктуры и услуг, технологий анализа больших объемов данных и прогнозирования в целях оптимизации производства, распределения, обмена, потребления и повышения уровня социально-экономического развития государств	«Программа развития Цифровой (электронной) экономики в Российской Федерации до 2035 г.»

Источники: [1; 2; 12]

В целом налицо бесспорный тренд цифровизации всех видов деятельности (рис. 2).

Составлено авторами по материалам исследования

Рис. 2. Преобразование видов деятельности

Среди многих специалистов бытует мнение, что дефиниции «цифровизация», «диджитализация», «цифровая трансформация», «Индустрия 4.0» и «цифровая экономика» синонимичны, предполагая, что суть цифровой экономики сводится к комплексу ИКТ. При такой трактовке сводится на нет экономическая компонента происходящих изменений [7]. Этот подход игнорирует позитивные и негативные последствия таких преобразований.

Основные результаты

Цифровизация является ключевым компонентом цифровой экономики, а ее инфраструктура – стержнем системы. Международные потоки мощно воздействуют на стратегию развития субъектов цифровизации как на микро-, так и на макроуровне (национальном) – рассмотрим это влияние.

Отличительной чертой цифровизации в этом контексте становятся существенные цифровые разрывы и диспропорции между развитыми и развивающимися странами. Они связаны с условиями доступа к сети «Интернет», скоростью загрузки данных, высокой стоимостью телекоммуникационных услуг. С точки зрения степени участия в цифровой экономике данных выделяют всего две страны: США и КНР. На их долю приходится более 50 % всех центров обработки данных, что и обуславливает их конкурентные преимущества.

Повышение роли данных в производстве приводит к тому, что появляются новые способы измерения цифрового разрыва, обусловленные трансформацией цепочек создания стоимости. Принципиальное отличие заключается в том, что стоимость возникает на этапе преобразования необработанных данных. Основная проблема кроется в том, что в отличие от традиционных благ, данные имеют такие свойства как неосязаемость и неконкурентность, что порождает проблему эффективного и справедливого распределения.

Цифровые данные влияют на валовой внутренний продукт в большей степени, чем традиционные трансакции с товарами и услугами, что особенно актуально сегодня. В век глобальной цифровизации, когда запасы автономных инвестиций, например, природные ресурсы, были источником конкурентных преимуществ, в нынешних условиях стали преградой для экономического развития [6].

В результате цифровизации происходит рост благосостояния страны, который тесно коррелирует с уровнем человеческого развития. Создаются наилучшие институциональные условия для развития предпринимательства, повышается эффективность управления, как стороны государства, так и бизнес-структурами. Повышается доступность и прозрачность информации, снижаются транзакционные издержки. Растет производительность труда, хотя нельзя игнорировать тот факт, что цифровизация на рынке труда может привести в дальнейшем к увеличению темпов роста безработицы [10]. Синергетический эффект цифровизации проявляется в том, что выгодополучатели от развития цифровой экономики становятся посредниками ее внедрения.

Распространение цифровой экономики неоднородно. По степени цифровизации, согласно принятой классификации, «выделяют следующие группы стран: лидеры, перспективные, замедляющие темпы роста и проблемные» [9]. Уровень цифровизации оценивается с помощью системы композитных индексов, сгруппированных субиндексов или индикаторов (табл. 2) [3; 11].

В ходе реализации национальной программы Российской Федерации «Цифровая экономика» и шести составляющих ее федеральных проектов были утверждены дорожные карты, содержащие анализ развития сквозных информационных технологий и оценку места России в глобальных показателях развития. В частности, это дорожные карты по технологиям беспроводной связи, AR- и VR-реальностям, нейротехнологиям и искусственному интеллекту, распределенным реестрам, компонентам робототехники и сенсорики, новым производственным и квантовым технологиям [2]. Анализ дорожных карт по развитию цифровых технологий дает возможность оценить место и роль России в глобальных индексах цифровизации (табл. 2).

Таблица 2

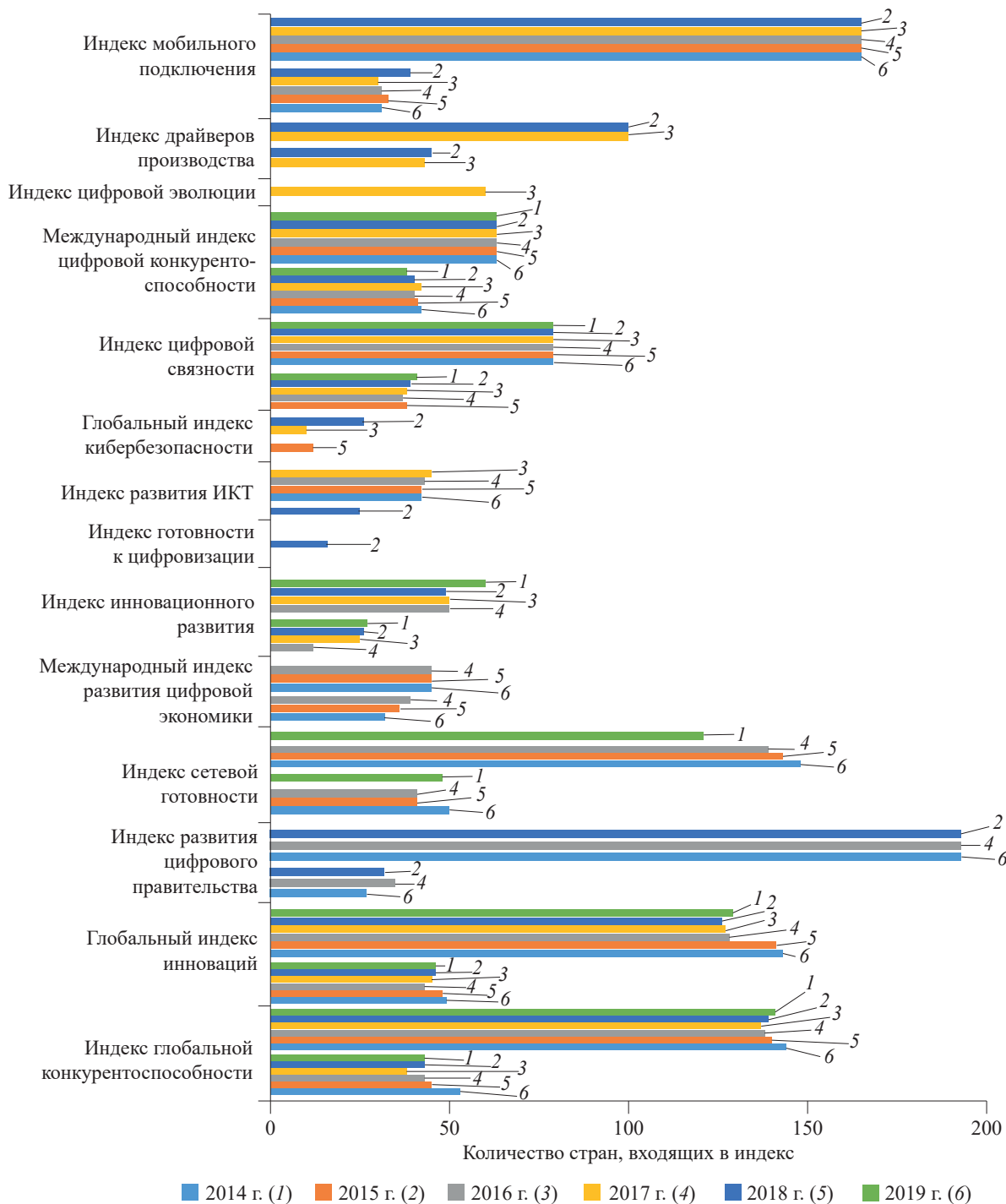
Место России в мировых индексах цифровизации 2014–2019 гг.

Индекс	Источник	Показатель	Год					
			2014	2015	2016	2017	2018	2019
Индекс глобальной конкуренто-способности	Всемирный экономический форум	Позиция РФ	53	45	43	38	43	43
		Значение для РФ	4,4	4,4	4,5	4,6	65,6	66,7
		Всего стран в индексе	144	140	138	137	139	141
Глобальный индекс инноваций	Бизнес-школа INSEAD, Корнельский университет, Всемирная организация интеллектуальной собственности	Позиция РФ	49	48	43	45	46	46
		Значение для РФ	39,2	39,4	38,5	38,7	37,8	37,5
		Всего стран в индексе	143	141	128	127	126	129
Индекс развития цифрового правительства	ООН	Позиция РФ	27	-	35	-	32	-
		Значение для России	0,73	-	0,72	-	0,77	-
		Всего стран в индексе	193	-	193	-	193	-
Индекс сетевой готовности	ВЭФ совместно с Бизнес-школой INSEAD, Корнельским университет	Позиция РФ	50	41	41	-	-	48
		Значение для РФ	4,3	4,3	4,5	-	-	4,9
		Всего стран в индексе	148	143	139	-	-	121
Международный индекс развития цифровой экономики	Европейская комиссия	Позиция РФ	32	36	39	-	-	-
		Значение для РФ	0,4	0,4	0,5	-	-	-
		Всего стран в индексе	45	45	45	-	-	-
Индекс инновационного развития	Bloomberg	Позиция РФ	-	-	12	25	26	27
		Значение для РФ	-	-	78,8	65,3	66,7	66,9
		Всего стран в индексе	-	-	50	50	49	60

Индекс	Источник	Показатель	Год					
			2014	2015	2016	2017	2018	2019
Индекс готовности к цифровизации	The economist intelligence	Позиция РФ	-	-	-	-	16	-
		Значение для РФ	-	-	-	-	52,3	-
		Всего стран в индексе	-	-	-	-	25	-
Индекс развития ИКТ	Международный союз электросвязи	Позиция РФ	42	42	43	45	-	-
		Значение для РФ	6,8	6,8	6,9	7,1	-	-
		Всего стран в индексе	-	-	-	-	-	-
Глобальный индекс кибербезопасности	Международный союз электросвязи	Позиция РФ	-	12	-	10	26	-
		Значение для РФ	-	0,8	-	0,8	0,8	-
		Всего стран в индексе	-	-	-	-	-	-
Индекс цифровой связности	Huawei	Позиция РФ	-	38	37	38	39	41
		Значение для РФ	-	42	45	46	48	49
		Всего стран в индексе	79	79	79	79	79	79
Международный индекс цифровой конкурентоспособности	IMB	Позиция РФ	42	41	40	42	40	38
		Значение для РФ	-	-	-	62,9	65,3	70,3
		Всего стран в индексе	63	63	63	63	63	63
Индекс цифровой эволюции	Tuff's university	Позиция РФ	-	-	-	-	-	-
		Значение для РФ	-	-	-	-	-	-
		Всего стран в индексе	-	-	-	60	-	-
Индекс драйверов производства	Всемирный экономический форум	Позиция РФ	-	-	-	43	45	-
		Значение для РФ	-	-	-	5,3	5,7	-
		Всего стран в индексе	-	-	-	100	100	-
Индекс мобильного подключения	Международная ассоциация GSM	Позиция РФ	31	33	31	30	39	-
		Значение для РФ	66,3	68,5	70,7	72,4	73,2	-
		Всего стран в индексе	165	165	165	165	165	-

Источник: [11]

На основании данных таблицы 2 нами построен рисунок 3, позволяющий их обобщить и интерпретировать. Россия входит в число/группу «перспективных стран», в которых, несмотря на ограничения цифровой инфраструктуры, идет стремительный процесс цифровизации. Об этом нам позволяют судить: индекс глобальной конкурентоспособности – 43 место из 141; глобальный индекс инноваций – 46 место из 129; индекс сетевой готовности – 48 место из 121; индекс цифровой связности – 41 место из 79. Преимущества обусловлены развитой инфраструктурой, размерами рынка и размером инвестиций в человеческий капитал.

Составлено автором по материалам исследования

Рис. 3. Позиция Российской Федерации в мировых индексах цифровизации

Заключение

В России, входящей в группу перспективных стран, ключевыми цифровыми преимуществами являются регуляторная политика, человеческий капитал, информационно-технологическая инфраструктура, размер и емкость рынка, обуславливающие цифровые преимущества страны на мировой арене. Проведенное нами исследование показало, что цифровизация является быстрорастущим трендом в теоретическом и прикладном аспектах. Не претендуя на абсолютную точность, авторы считают, что развитое цифровое пространство обеспечит в перспективе фундаментальные преобразования в обществе и экономике Российской Федерации.

Библиографический список

1. Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 – 2030 годы» // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216363/ (дата обращения 01.12.2021).
2. Программа «Цифровая экономика Российской Федерации». Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 июля 2017 г. № 1632-р. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf> (дата обращения 01.12.2021).
3. Абдрахманова, Г. И., Вишнеvский, К. О., Гохберг, Л. М. [и др.]. Индикаторы цифровой экономики: 2020: Статистический сборник / Нац. иссл. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: НИУ ВШЭ, 2020. – 360 с. <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2194-6>
4. Абдрахманова, Г. И., Вишнеvский, К. О., Гохберг, Л. М. [и др.]. Цифровая экономика: 2021: краткий статистический сборник / Нац. иссл. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: НИУ ВШЭ, 2021. <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2345-2>
5. Аликаева, М. В., Асланова, Л. О., Шинахов, А. А. Теории социально-экономических экосистем: закономерности и тенденции развития // Вестник Воронежского государственного университета инженерных технологий. – 2020. – Т. 82, № 3 (85). – С. 284–288. <https://doi.org/10.20914/2310-1202-2020-3-284-288>
6. Асланова, Л. О., Батова, Б. З., Аликаева, М. В. Динамика основных макроэкономических индикаторов России в контексте экономических санкций // Фундаментальные исследования. – 2016. – № 3-2. – С. 325–329.
7. Асланова, Л. О. Новые подходы к конкурентоспособности предприятия в условиях цифровизации экономики // Экономика и предпринимательство. – 2020. – № 7 (120). – С. 1061–1065. <https://doi.org/10.34925/EIP.2020.120.7.219>
8. Добролюбова, Е. И. Международные показатели цифровизации государственного управления: обзор практики // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. – 2019. – Т. 6, № 1. – С. 28–40. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2019-6-1-28-40>
9. Зверева, А. А., Беляева, Ж. С., Сохаг, К. Влияние цифровизации экономики на благосостояние в развитых и развивающихся странах // Экономика региона. – 2019. – Т. 15, № 4. – С. 1050–1062. <https://doi.org/10.17059/2019-4-7>
10. Кармова, Б. З., Кашироков, Н. А. Инвестиции в человеческий капитал и активизация предпринимательства как факторы экономического роста России // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2020. – № 12-2 (70). – С. 33–38. <https://doi.org/10.24411/2411-0450-2020-11066>
11. Курочкина, И. Г. Оценка уровня цифровизации Российской Федерации в мировых рейтингах // Colloquium-journal. – 2019. – № 2-5 (26). – С. 36–37.
12. Малявкина, Л. И. Цифровая экономика: анализ основных подходов к определению // Образование и наука без границ: фундаментальные и прикладные исследования. – 2017. – № 6. – С. 198–202.
13. Халин, В. Г., Чернова, Г. В. Цифровизация и ее влияние на российскую экономику и общество: преимущества, вызовы, угрозы и риски // Управленческое консультирование. – 2018. – № 10 (118). – С. 46–63. <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2018-10-46-63>

References

1. Decree of the President of the Russian Federation of 09.05.2017 No. 203 “On the Strategy for the Development of the Information Society in the Russian Federation for 2017 – 2030”, *Legal reference system “ConsultantPlus”*. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216363/ (accessed 01.12.2021).
2. Programme “Digital Economy of the Russian Federation”. Approved by the Decree of the Government of the Russian Federation of July 28, 2017 № 1632-r. – Available at: <http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf> (accessed on 01.12.2021).
3. Abdrakhmanova G. I., Vishnevsky K. O., Gokhberg L. M. [et al]. *Digital Economy Indicators in the Russian Federation: 2020: Data Book*, National Research University “Higher School of Economics”, Moscow, HSE, 2020, 300 p. (In Russian). <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2194-6>
4. Abdrakhmanova G. I., Vishnevsky K. O., Gokhberg L. M. [et al]. *Digital Economy: Pocket Data Book*, National Research University “Higher School of Economics”. Moscow, HSE, 2021, 124 p. <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2345-2>
5. Alikaeva M. V., Aslanova L. O., Shinahov A. A. Theories of socio-economic ecosystems: patterns and development trends, *Proceedings of the Voronezh State University of Engineering Technologies*, 2020, vol. 82, no. 3 (85), pp. 284–288. (In Russian). <https://doi.org/10.20914/2310-1202-2020-3-284-288>
6. Aslanova L. O., Batova B. Z., Alikaeva M. V. Dynamics of the main macroeconomic indicators of Russia in the context of economic sanctions, *Fundamental research*, 2016, № 3-2, pp. 325–329. (In Russian).

7. Aslanova L. O. New approaches to enterprise competitiveness in the context of digitalization of the economy, *Journal of economy and entrepreneurship*, 2020, no. 7(120), pp. 1061–1065. (In Russian). <https://doi.org/10.34925/EIP.2020.120.7.219>
8. Dobrolyubova E. I. International indicators of government digitization: practical review, *Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series Public administration*, 2019, vol. 6, no. 1, pp. 28–40. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2019-6-1-28-40>
9. Zvereva A. A., Belyaeva J. S., Sohag K. Impact of the economy digitalization on welfare in the developed and developing countries, *Economy of regions*, 2019, vol. 15, no. 4, pp. 1050–1062. (In Russian). <https://doi.org/10.17059/2019-4-7>
10. Karmova B. Z., Kashirokov N. A. Investment in human capital and the activation of entrepreneurship as factors of economic growth in Russia, *Economy and business: theory and practice*, 2020, no. 12-2 (70), pp. 33–38. (In Russian). <https://doi.org/10.24411/2411-0450-2020-11066>
11. Kurochkina I. G. Assessment of the level of digitalization of the Russian Federation in the world rankings, *Colloquium-journal*, 2019, № 2-5 (26), pp. 36–37. (In Russian).
12. Malyavkina L. I. Digital economy: the analysis of the basic approaches to definition, *Obrazovanie i nauka bez granits: fundamental'nye i prikladnye issledovaniya*, 2017, no. 6, pp. 198–202. (In Russian).
13. Khalin V. G., Chernova G. V. Digitalization and its impact on the Russian economy and society: advantages, challenges, threats and risks, *Upravlencheskoe konsul'tirovanie*, 2018, no. 10 (118), pp. 46–63. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2018-10-46-63>

УДК 316.334.2: 316.334.52

**Садыков Рамиль
Мидхатович**

канд. социол. наук, ФГБНУ
«Уфимский федеральный
исследовательский центр
Российской академии наук»,
г. Уфа, Российская Федерация

ORCID: 0000-0002-1843-4857

e-mail: SadikovRM@mail.ru

Ахметов Виллур Ямилевич

канд. экон. наук, ФГБНУ
«Уфимский федеральный иссле-
довательский центр Российской
академии наук», г. Уфа,
Российская Федерация

ORCID: 0000-0003-0575-0903

e-mail: willi76@mail.ru

JEL R 11

DOI 10.26425/1816-4277-2022-1-14-20

СОЦИАЛИЗАЦИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ТЕРРИТОРИИ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

Аннотация. Проблематика социализации экономики и ее воздействия на социально-экономическое развитие территориальных систем является актуальной и относительно новой в современных условиях. Однако содержание этого феномена все еще остается малоизученным и недостаточно адаптированным к общественному развитию на общенациональном и региональном уровнях. Цель исследования – раскрытие сущности социализации экономической системы территории как фактора развития общества и определение приоритетных направлений гуманизации этой системы. Для достижения цели в статье были решены следующие задачи: проанализировано содержание феномена, отраженного в понятии «социализация экономики», и обозначены наиболее удачные его интерпретации, сложившиеся в отечественном общественном сознании; определены и раскрыты основные характеристики социального развития территорий: социальная ориентированность и ответственность экономики; социализация собственности и потребностей; гуманизация труда и смягчение социальной дифференциации; развитие человеческого и социального капитала. Статья содержит рекомендации по изменению ролевых функций и структуры доходов работников, улучшению охраны и безопасности труда, которые в дальнейшем могут обеспечить социализацию экономики. Результаты исследования расширяют знания о потенциале развития территориальных экономических систем и общества.

Ключевые слова: территориальная социально-экономическая система, социальное развитие, региональное развитие, социализация экономики, социально ориентированная экономика, социализация собственности, социализация потребностей, гуманизация труда, качество трудовой жизни, трудовой капитал, социальный капитал

Благодарности. Исследование выполнено в рамках государственного задания ФГБНУ «Уфимский федеральный исследовательский центр Российской академии наук» на 2022 г.

Для цитирования: Садыков Р.М., Ахметов В.Я. Социализация экономической системы территории как фактор развития общества // Вестник университета. 2022. № 1. С. 14–20.

ECONOMIC TERRITORY SYSTEM SOCIALISATION AS SOCIETY DEVELOPMENT FACTOR

Abstract. The economy socialisation problem and its impact on the social and economic territorial systems' development is relevant and relatively new in contemporary conditions. However, the content of this phenomenon still is poorly studied and insufficiently adapted to social development at national and regional levels. The purpose of the study is to reveal the socialisation essence of the economic territory system as a factor in the social development and to define priority areas for humanisation of this system. To achieve this purpose, the following tasks solved: first, the content of the phenomenon, reflected in the economy socialisation concept, analysed, and its most successful interpretations established in domestic social science, designated, secondly, the main characteristics of the territories social development determined and described in details: social orientation and responsibility of the economy, property socialisation and needs, labour humanisation and mitigation of social differentiation, human and social capital development. The article contains recommendations for changing the role and income structure of employees and improving labour protection and safety, which can further ensure the economy socialisation. The results of the study expand knowledge about the development potential of territorial economic systems and society.

Keywords: territorial socio-economic system; social development; regional development; socialisation of the economy; socially oriented economy, socialisation of property, socialisation of needs, labour humanisation; working life quality, labour capital, social capital

Acknowledgments. This study was carried out within the framework of the state assignment of the Federal State Budgetary Scientific Institution "Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences" for 2022.

For citation: Sadykov R.M., Akhmetov V.Y. (2022) Economic territory system socialisation as society development factor. *Vestnik universiteta*, no. 1, pp. 14–20. DOI: 10.26425/1816-4277-2022-1-14-20

Ramil M. Sadykov

Cand. Sci. (Soc.), Ufa Federal
Research Centre of the Russian
Academy of Sciences, Ufa, Russia

ORCID: 0000-0002-1843-4857

e-mail: SadikovRM@mail.ru

Vilyur Y. Akhmetov

Cand. Sci. (Econ.), Ufa Federal
Research Centre of the Russian
Academy of Sciences, Ufa, Russia

ORCID: 0000-0003-0575-0903

e-mail: willi76@mail.ru

Введение

Современное развитие территориальных социально-экономических систем характеризуется как наличием в них внутренних противоречий между структурными элементами и протекающими процессами, так и влиянием процессов глобализации, и неустойчивой динамикой изменения внешней среды. Существующие и возникающие в жизнедеятельности территорий проблемы в различных сферах свидетельствуют о необходимости поиска новых ориентиров и приоритетных траекторий их развития в условиях социализации экономики, ориентированной на социальную составляющую в общей системе целей. Ключевым вектором развития становится переход к модели социально ориентированной экономики, в которой приоритетом становится не только получение прибыли и успешная конкуренция на различных уровнях социальной организации, но и гуманизация общественных отношений, изменение положения наемного работника, интенсификация его социального и трудового потенциала. Основой перехода к этой модели является не только необходимость поиска новых, более совершенных механизмов и средств достижения поставленных целей, но и возможности, появляющиеся в результате научно-технического прогресса, с переходом к новому технологическому укладу и формированием постиндустриального общества.

Проблематика социализации экономики и ее воздействия на социально-экономическое развитие разновых территориальных систем является актуальной и относительно новой в современных условиях. Однако содержание этого феномена все еще остается малоизученным и недостаточно адаптированным к общественному развитию на общенациональном и региональном уровнях. Вместе с тем само понятие «социализация экономики» в современной отечественной обществоведческой литературе употребляется довольно часто. В методологическом и концептуальном отношении содержание процесса социализации экономической системы или становления и развития социально ориентированного рыночного хозяйства тесно связано с возникновением и функционированием социального государства [11]. Таким образом, провозглашение современной России социальным государством означает, что в нем сформировалась и развивается социально ориентированная рыночная экономика, движение к которой и означает ее социализацию.

Новейшая мировая история, начиная со второй половины XX в., знает целый ряд сложившихся моделей социально ориентированного рыночного хозяйства и связанных с ними разновидностей социального государства. Все эти национальные модели социальной экономики основаны на идее равноправного, свободного и социально-активного сотрудничества всех членов социума в экономической жизни, создания социально-экономических условий для реализации потребностей всех слоев общества и согласования их интересов. Процесс социализации экономики как проявление общей цивилизационной тенденции, обозначившийся в нашей стране к 80-м гг. прошлого века, к сожалению, в силу различного рода причин, с различной долей глубины, рассмотренных в литературе, был существенно замедлен и подменен стремлениями к элитарному потребительству и вывозу финансовых ресурсов за рубеж. Однако это не означает отказа от осмысления существующих концепций и практик социализации экономики на различных уровнях социально-территориальной организации. Социализация экономики, проявляясь в качестве общей цивилизационной тенденции, не может не проявиться в современной России, претендующей на одну из ведущих ролей в многополярном мире. При этом, основная цель социализации экономики – достижение высокого качества жизни, преодоление социальных различий, интенсификация прогресса всех сфер жизнедеятельности общества зависит от решения ее задач на уровне всех территориальных систем страны.

Теория

С точки зрения научного дискурса интерес представляют основы нового направления – социальной экономики, заложенные в трудах зарубежных исследователей А. Этциони, П. Дракера и др. [18; 19]. Необходимость разработки методологических проблем социализации, механизма ее реализации активизировала научные исследования отечественных ученых в этой области. Среди них следует отметить вклад Л. И. Абалкина, М. К. Горшкова, Р.С. Гринберга, Т. И. Заславской, В. В. Ивантера, Д. С. Львова, В. В. Радаева, Н. М. Римашевской, Р. В. Рывкиной, Ж. Т. Тощенко. В частности, Т. И. Заславской разработана концепция социальных аспектов развития экономики, в которой органически сочетаются хозяйственный механизм и действия социальных субъектов [8].

Проблемы социализации территориальных экономических систем, процессы ее модернизации рассматриваются многими региональными научными институтами, в частности Институтом социально-экономического развития территории Российской академии наук [10; 16], Институтом экономики Уральского отделения Российской академии наук [14] и Институтом социально-экономических исследований Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук [3].

Социализацию экономики Л. Л. Тонышева и Ю. В. Трофимова предлагают рассматривать как согласование интересов трудовых коллективов с учетом норм и правил хозяйственной деятельности экономических субъектов. Качественные сдвиги в условиях труда и развития человека, образе и качестве жизни, системе потребностей составляют само содержание процесса социализации экономической системы [15]. Ю. Г. Быченко и Л. В. Логинова определяют социализацию экономики как процесс переориентации экономики на критерии человеческого, социального развития [5].

По мнению У. Б. Баймуратова, социализация экономики – это процесс современных социальных трансформаций в организации общественного воспроизводства, его составных структурных элементах: производстве, распределении, обмене и потреблении [1]. Центральным звеном во взаимосвязях экономической и социальной жизни следует признать социально ответственного человека с его неуклонно растущими потребностями. В соответствии с таким подходом, социализация экономики основана на подчинении экономических процессов интересам общества и человека. Начинается этот процесс созданием внешних благоприятных социально-экономических условий, а заканчивается созданием особого института «человека», как главного фактора всего цикла воспроизводства. Социализация экономической системы означает перевод приоритетов в результатах ее функционирования с экономической к социальной утилитарности. Приоритетом становится улучшение социальных параметров жизнедеятельности и удовлетворение потребностей членов общества.

Социализация экономики представляет собой важнейший этап развития территориальных экономических систем, по мере завершения которого она приобретает характер высокой социальной ориентированности, формируется приоритет развития работника как личности и высоких базовых условий его жизнедеятельности, сокращения социальных различий и интенсификации прогресса общества как, в целом, так и его отдельных групп.

Как нам представляется, условиями социальной экономики и одновременно ее критериями являются социализация собственности и потребностей, гуманизация труда и смягчение дифференциации, социальная ответственность и ориентированность бизнеса, развитый человеческий и социальный капитал.

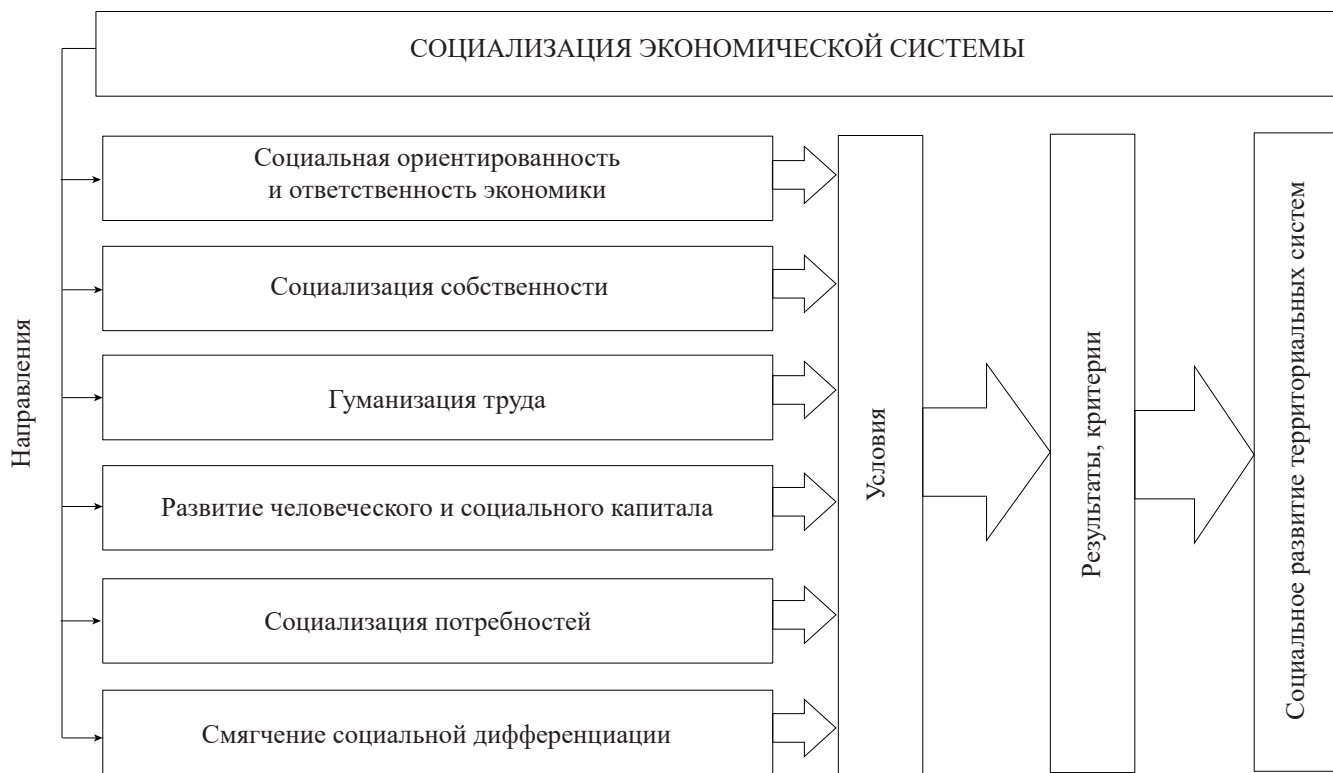
Результаты

Опираясь на приведенные выше характеристики предлагаем алгоритм социализации экономической системы территории, способствующий развитию общества (рис. 1).

Алгоритм содержит общие характеристики социализации экономической системы территории. Рассмотрение этой системы в зависимости от уровня (общенациональный, региональный, муниципальный) может в перспективе закономерно наполнить эти характеристики как общим, так и особенным содержанием.

Базовым условием и критерием социализации экономической системы территориальных образований являются отношения собственности: коллективные и ассоциированные, их организационно-правовые виды. Результативность социализации экономической системы на уровне социально-территориальных систем достигается через развитие коллективных форм собственности и институтов рабочего самоуправления посредством создания производственных советов и представительства в органах управления, контроля в целях совершенствования деятельности организаций, повышения производительности труда, квалификации работников, а также совместного с работодателем принятия решений по социальным вопросам и распределению результатов труда [2].

Основными направлениями социализации экономической системы, призванными обеспечить его социально ориентированное развитие являются: вовлеченность работников в управление предприятием и распределение прибыли; усиление контроля по охране труда и техники безопасности; увеличение расходов на улучшение социально-трудовых отношений; улучшение условий труда и быта работников; повышение производительности труда и инвестиций в трудовой капитал.

Составлено авторами по материалам исследования

Рис. 1 Алгоритм социализации экономической системы территории

Дискуссия

Российские исследователи отмечают, что работники не ощущают себя собственниками предприятий, так как крупные пакеты акций сосредоточены либо в руках государства, либо бывших руководителей и других управленческих кадров. На отечественных предприятиях работники по найму практически не представлены в органах управления. Подобная проблема во многих зарубежных странах решается в рамках системы социального партнерства. В целом участие работников в управлении производством или распределении прибылей является важнейшим элементом социально ориентированной экономики. Мировой опыт показывает, что без участия трудящихся в управлении производством система социального партнерства лишается одного из эффективных механизмов, способствующих согласию в обществе. Привлечение работников к управлению предприятиями является очень важным индикатором процесса гуманизации труда, совершенствования управленческих функций и деятельности, накопления и эффективного использования трудового капитала, положительной динамики способностей, социальных качеств и ответственности персонала.

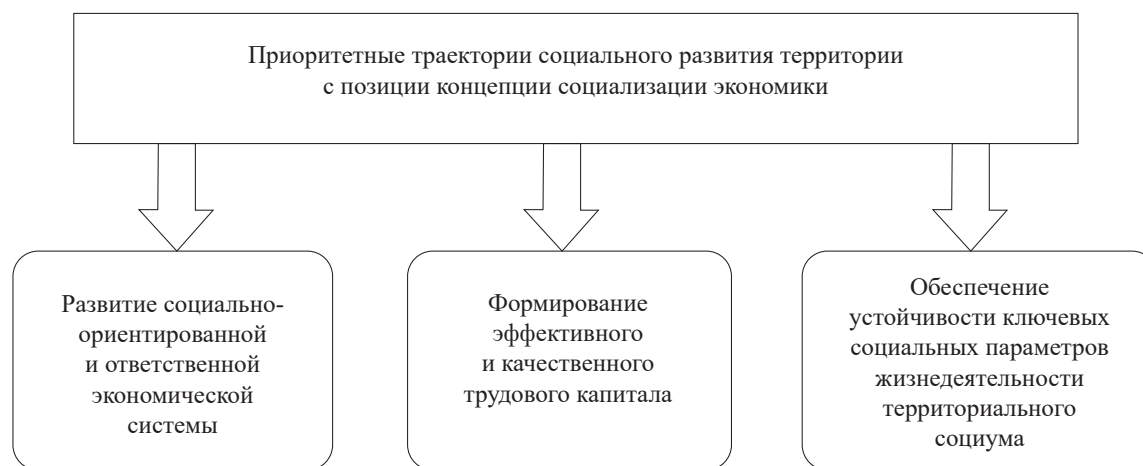
Социализация экономики выражается в постепенном повышении значимости работников, расширении их ролевых функций на предприятиях. Работника с изменением социально ответственного поведения рассматривают уже не как объект, а как субъект управления и производства. Качественное обновление трудового капитала приведет к появлению новых форм организации труда и отношений в процессе производства между работником и работодателем (собственник интеллектуального капитала, партнер по бизнесу имеет свою долю, участвует в управлении) [17]. Интенсификация качества знания, мастерства и компетенций рабочей силы выступает следствием приоритетности трудовой деятельности и отношений в социально-ориентированной экономике.

Развитие способностей и компетенций, удовлетворение социальных и социокультурных потребностей личности характеризуют уровень социализации экономики и становятся ключевым фактором социального развития региона. Удовлетворение высших потребностей является необходимым условием полноценного участия персонала в социальной и трудовой жизни [12]. Удовлетворение социальных и социоэкономических потребностей являются базовым элементом социализации экономики, формируя такой тип хозяйственной

деятельности, которая направлена не только на производство конкретных товаров и услуг, но и связан с совершенствованием и развитием трудового капитала и человека-работника [7].

Одним из последствий общемировых тенденций цифровизации и социализации экономики является освоение работников от узкоспециализированных функций, связанных с технологией производства определенных товаров и услуг. Современная трудовая деятельность становится все более наукоемкой, инновационно-динамичной и социально-ответственной. К субъекту труда предъявляются все более высокие требования из-за необходимости расширения кругозора, непрерывного повышения квалификации, навыков и умений.

Результатом социального прогресса должно быть не просто развитие экономических показателей, но и развитие человека-работника, в частности, и общества в целом. В свою очередь, приоритетными траекториями социального развития региона в условиях социализации экономической системы являются обеспечение социальной направленности функционирования региональной экономической системы, формирование эффективного и качественного трудового капитала региона, обеспечение устойчивости ключевых параметров регионального развития [4; 6] (рис. 2).

Составлено авторами по материалам исследования

Рис. 2. Социальное развитие территории с позиции концепции социализации экономики

Тенденция социализации экономических систем территорий предполагает необходимость пересмотра количественных и качественных параметров трудовых ресурсов. Социальную ориентированность человеческого капитала рассматривают как одну из важных характеристик его конкурентоспособности, как основу новых компетенций, знаний, умений и навыков для постоянного роста производительности труда и прибыли предприятий. Как отмечает Н. В. Зубаревич, человеческий капитал – это мера «воплощенной в человеке способности приносить доход (совокупность знаний, квалификации, здоровья работников, позволяющих повышать производительность труда)» [9]. «Человеческий капитал, – как определяет В. А. Сухих, – это не только носитель экономической деятельности субъекта (человека), но и важный индикатор социально-экономического, культурного и политического развития территории» [13].

Выводы и рекомендации

1. Социализация экономики является необратимым процессом, обеспечивающим формирование рыночной экономики с высокой социальной ориентированностью, в которой актуализированы коллективные формы собственности, консолидирующие в себе принципы гуманизации труда.
2. В современном мире объективной становится тенденция расширения ролевых функций работников, которые все большее участие начинают принимать не только в процессе производства товаров и услуг, но и в процессе управления организациями и распределения прибыли.
3. В условиях российской реальности сегодня наблюдается общее падение уровня заработных плат и доходов работников многих отраслей экономики, в том числе из-за пандемии коронавируса. Социализация экономики предполагает, что все большее количество работников должны переходить из категории наемных

в категорию собственников и менеджеров предприятий, в том числе в результате роста оплаты труда, покупки долей и акций корпораций, получения прибыли от их использования. Социальная ориентированность экономики способствует изменению структуры доходов работников, увеличения удельного веса в ней, наряду с заработной платой, дивидендов от владения собственностью предприятий.

Заключение

В наше время в целях эффективной социализации экономических систем территорий как фактора развития общества приоритетными становятся интересы и потребности всего населения, способного своим трудом, доходами, сбережениями самостоятельно обеспечить рост собственного благосостояния. Необходима активизация предприимчивости, ответственности и творческого подхода в трудовой деятельности для того, чтобы обеспечить развитие территориальных систем в неблагоприятных социально-экономических условиях, в том числе связанной с пандемией коронавируса. Укрепление личной ответственности каждого человека за благосостояние своей семьи предполагает создание государством адекватных для этого социально-экономических и институциональных условий.

Библиографический список

1. Баймуратов, У. Б. Социализация в экономике: от индивида до государства: избр. науч. тр.: в 7 т. – Алматы, 2007. – 320 с.
2. Биглова, Г. Ф. Социализация экономики: от проблемы собственности до гуманизации труда // Научно-исследовательский финансовый институт. Финансовый журнал. – 2018. – № 3 (43). – С. 121–132. <https://doi.org/10.31107/2075-1990-2018-3-121-130>
3. Биглова, Г. Ф., Бикметов, Е. Ю., Герасимова, Л. А. [и др.]. Социализация экономики как фактор социального развития региона: монография / под общ. ред. д-ра филос. наук, проф., акад. АН РБ Ф.С. Файзуллина. – Уфа: ИСЭИ УФИЦ РАН, 2019. – 298 с.
4. Бикметов, Е. Ю., Егорышев, С. В., Имаева, Л. М. [и др.]. Приоритетные траектории социального развития региона в условиях социализации экономической системы: монография / под общ. ред. д-ра филос. наук, проф., акад. АН РБ Ф.С. Файзуллина. – Уфа: ИСЭИ УФИЦ РАН, 2020. – 224 с.
5. Быченко, Ю. Г., Логинова, Л. В. Социализация экономики в России: проблемы и перспективы // Вестник Саратовского государственного технического университета. – 2009. – Т. 1, № 1 (37). – С. 262–272.
6. Гаврикова, А. В., Ишмуратова, Д. Ф., Мигунова, Ю. В. [и др.]. Социальная устойчивость региона: диагностика и проблемы развития: монография / под общ. ред. Р.М. Садыкова. – Уфа: ИСЭИ УНЦ РАН, 2017. – 188 с.
7. Егорышев, С. В., Садыков, Р. М., Мигунова, Ю. В. Социальные практики питания детей в малообеспеченных российских семьях // Вестник РУДН. Серия: Социология. – 2019. – Т. 19, № 3. – С. 432–442. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2019-19-3-432-442>
8. Заславская, Т. И., Рывкина, Р. В. Социология экономической жизни: очерки теории. – Новосибирск: Наука, 1991. – 448 с.
9. Зубаревич, Н. В. Социальное развитие регионов России: проблемы и тенденции переходного периода: монография. – М.: Эдиториал УРСС, 2007. – 264 с.
10. Ильин, В. А. Проблемы модернизации российских регионов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2013. – № 4 (28). – С. 9–20.
11. Левашов, В. К. Российское государство и общество в период либеральных реформ: учебное пособие. – М.: ЦСПиМ, 2013. – 316 с.
12. Садыков, Р. М. Потребности как основные мотиваторы трудовой деятельности в условиях социализации экономической системы // Конкурентоспособность в глобальном мире: экономика, наука, технологии. – 2017. – № 9-4. – С. 93–95.
13. Сухих, В. А. Социоэкономика региона: методология исследования, тенденции развития и механизмы регулирования: монография / под ред. Е. Г. Анимичи. – Пермь: Пермск. гос. ун-т., 2008. – 263 с.
14. Татаркин А. И., Дорошенко С. В. Регион как саморазвивающаяся социально-экономическая система // Экономика региона. – 2011. – № 1 (25). – С. 15–23.
15. Тоньшева, Л. Л., Трофимова Ю. В. Социализация экономики региона: оценка уровня развития и инструменты регулирования // Современные проблемы науки и образования. – 2011. – № 6. – С. 195 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=4994> (дата обращения: 15.11.2021).
16. Шабунова, А. А., Гулин, К. А., Ласточкина, М. А., Соловьева, Т. С. Модернизация экономики региона: социокультурные аспекты: монография. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2012. – 158 с.

17. Шутаева, Е. А. Социализация экономики как одна из ключевых составляющих мировой экономической трансформации // Ученые записки Таврического национального университета имени В.И. Вернадского. Серия «Экономика и управление». – 2014. – Т. 27 (66), № 1. – С. 186–194.
18. Этциони, А. Социоэкономика: дальнейшие шаги // Экономическая социология. – 2002. – Т. 3, № 1. – С. 65–71. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1259552085/ecsoc_t12_n3.pdf (дата обращения: 15.11.2021).
19. Drucker, P. F. *Post-capitalist society*. – New York: Harper-Collins Publishers, 1993. – 204 с.

References

1. Baimuratov U. B. *Socialization in the economy: from the individual to the state: selected scientific papers, in 7 vol.*, Almaty, 2007, 320 p. (In Russian).
2. Biglova G. F. Socialization of the economy: from ownership issues to the humanization of labour, *Financial Journal*, 2018, no. 3, pp. 121–132. (In Russian). <https://doi.org/10.31107/2075-1990-2018-3-121-130>
3. Biglova G. F., Bikmetov E. Yu., Gerasimova L. A. [et al]. *Socialization of the economy as a factor in the social development of the region: monograph*, Gen. Ed. Dr. Philos. Sci., Prof., Acad. F.S. Faizullin, Ufa, ISEI UFRS RAS, 2019, 298 p. (In Russian).
4. Bikmetov E. Yu., Egoryshev S. V., Imaeva L. M. et al. *Priority trajectories of social development of the region in the conditions of socialisation of the economic system: monograph*, Gen. Ed. Dr. Philos. Sci., Prof., Acad. F.S. Faizullin, Ufa, ISEI UFRS RAS, 2020, 224 p. (In Russian).
5. Bychenko Yu. G., Loginova L. V. Russia's economy socialization: problems and prospects, *Vestnik Saratov State Technical University*, 2009, vol. 1, no. 1 (37), pp. 262–272. (In Russian).
6. Gavrikova A. V., Ishmuratova D. F., Migunova Yu. V. [et al]. *Social sustainability of the region: diagnostics and development problems: monograph*, Gen. Ed. R.M. Sadykov, Ufa, ISEI UC RAS, 2017, 188 p. (In Russian).
7. Egoryshev, S. V., Sadykov, R. M., Migunova, Yu. V. Social food practices of children in the low-income russian families, *RUDN Journal of Sociology*, 2019, vol. 19, no. 3, pp. 432–442. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2019-19-3-432-442>
8. Zaslavskaya T. I., Ryvkina, R. V. *Sociology of economic life: essays of theory*, Novosibirsk, Nauka, 1991, 448 p. (In Russian).
9. Zubarevich N. V. *Social development of Russian regions: problems and trends in the transition period: monograph*, Moscow, Editorial URSS, 2007, 264 p. (In Russian).
10. Ilyin V. A. Modernisation issues of Russia's regions, *Economical and social changes: facts, trends, forecast*, 2013, no. 4 (28), pp. 9–20. (In Russian).
11. Levashov V. K. *The Russian state and society during the period of liberal reforms: training manual*, Moscow, Center for Social Forecast and Marketing, 2013, 316 p. (In Russian).
12. Sadykov R. M. Needs as the main motivators of labor activity in the conditions of socialization of the economic system, *Konkurentosposobnost' v global'nom mire: ekonomika, nauka, tekhnologii*, 2017, no. 9-4, pp. 93–95. (In Russian).
13. Sukhikh V. A. *Socioeconomics of the region: research methodology, development trends and regulation mechanisms: monograph*, ed. E. G. Animitsa, Perm, State University, 2008, 263 p. (In Russian).
14. Tatarkin A. I., Doroshenko S. V. Region as a self-developing socio-economic system: crossing the crises, *Economy regions*, 2011, no. 1 (25), pp. 15–23. (In Russian).
15. Tonyшева L. L., Trofimova Yu. V. Socialization of regional economy: estimation of the level of development and regulation tools, *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*, 2011, no. 6, pp. 195. Available at: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=4994>. (accessed 10.11.2021).
16. Shabunova A. A., Gulin K. A., Lastochkina M. A., Solovov T. S. *Modernisation of the regional economy: socio-cultural aspects: monograph*, Vologda, ISERT RAN, 2012, 158 p. (In Russian).
17. Shutaeva E. A. Socialization of the Economy as One of the Key Components of the World Economic Transformation, *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. Ekonomika i upravlenie*, 2014, vol. 27 (66), no. 1, pp. 186–194. (In Russian).
18. Etzioni A. Socio-economics: Further steps, *Economic sociology*, 2002, vol. 3, no. 1, pp. 65–71. Available at: https://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1259552085/ecsoc_t12_n3.pdf. (accessed 10.11.2021).
19. Drucker P. F. *Post-capitalist society*, New York: Harper-Collins Publishers, 1993, 204 p.

Титор Светлана Евгеньевна
канд. юр. наук, ФГБОУ ВО
«Государственный университет
управления», г. Москва,
Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-5930-9972
e-mail: setitor@mail.ru

РЕГИОНАЛЬНЫЙ ОПЫТ РЕАЛИЗАЦИИ РИСК-ОРИЕНТИРОВАННОЙ МОДЕЛИ ГОСУДАРСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ В СФЕРЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ: АНАЛИЗ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ОПРОСА

Аннотация. Реформирование контрольно-надзорной функции государства посредством внедрения новой, риск-ориентированной модели, имеет две главные дополняющие друг с друга цели: снижение административной нагрузки на бизнес при одновременном повышении защищенности охраняемых законом ценностей. В сфере образования эта модель внедряется с 2015 года, что делает актуальным исследование опыта ее применения профессиональными образовательными организациями в регионах Российской Федерации под государственным надзором. Цель исследования – изучение готовности контролируемых субъектов к эффективному применению риск-ориентированной модели государственного контроля и сбор данных для выработки новых предложений по совершенствованию законодательной базы и правоприменительной практики контрольно-надзорной деятельности в сфере образования. Исследование базируется на экспертной оценке опыта применения новой модели и анализе мнений контролируемых субъектов о применяемых методиках. В статье впервые проанализировано отношение профессиональных образовательных организаций регионов к указанной проблематике, изучены предложения респондентов по совершенствованию новых процессов. Научная новизна исследования заключается в применении методики социологического опроса для оценки эффективности государственного контроля в сфере образования.

Ключевые слова: государственный контроль, государственный надзор, риск-ориентированная модель, система образования, профессиональные образовательные организации, региональное управление, профилактика нарушений, санкции, поощрительные меры, реформирование надзора, социологический опрос

Для цитирования: Титор С.Е. Региональный опыт реализации риск-ориентированной модели государственного контроля в сфере профессионального образования: анализ социологического опроса // Вестник университета. 2022. № 1. С. 21–28.

REGIONAL EXPERIENCE OF IMPLEMENTING THE STATE CONTROL RISK-BASED MODEL IN VOCATIONAL EDUCATION: SOCIOLOGICAL SURVEY ANALYSIS

Abstract. The control and supervisory state function reform by a new risk-oriented model implementing has two major complementary goals: reducing the administrative burden on business while enhancing the safety of legally protected values. For the education sector, this model has been implementing since 2015, actualising the study of its applying experience by vocational organisations in the Russian regions under state supervision. The purposes of the study are to investigate the readiness of controlled entities to effectively applying of risk-based state control model, and to collect data for the development of new proposals to improve framework and law enforcement practice of control and supervision activities in education. The study is based on expert assessment of a new model application experience and an analysis of controlled entities opinions on used methodologies. For the first time, the relation of professional educational organisations to indicated problems was investigated and the respondents' proposals for improving new processes were analysed in the article. The scientific novelty of the study is the applying of sociological survey methodology to assess the efficiency of state control in education.

Keywords: state control, state supervision, risk-based model, education system, professional educational organisations, regional management, violations prevention, sanctions, incentive measures, supervision reform, sociological survey

For citation: Titor S.E. (2022) Regional experience of implementing the state control risk-based model in vocational education: sociological survey analysis. *Vestnik universiteta*, no. 1, pp. 21–28. DOI: 10.26425/1816-4277-2022-1-21-28

Svetlana E. Titor
Cand. Sci. (Jur.), State University
of Management, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-5930-9972
e-mail: setitor@mail.ru

Введение

Федеральная служба по надзору в сфере образования и науки (далее – Рособрнадзор) в 2016 г. разработала и направила региональным органам государственной власти, которые реализуют полномочия по надзору в сфере образования, рекомендации по внедрению новых подходов в надзоре на региональном уровне. Региональным контрольно-надзорным органам в сфере образования было предложено учитывать при составлении планов проверок мониторинговые показатели образовательных организаций, результаты ранее проведенных проверок и т. д. Таким образом, Рособрнадзор положил начало внедрения в сфере образования риск-ориентированной модели контроля (надзора) [2]. Некоторые регионы внедрили предложенный подход, определив критерии отнесения образовательных организаций к соответствующей категории риска в своих нормативных правовых актах. В 2021 г. было принято Положение о федеральном государственном контроле (надзоре) в сфере образования, в котором риск-ориентированная модель реализации контроля (надзора) в сфере образования получила законодательное закрепление [1].

Многие исследователи надзора в сфере образования указывают на необходимость обратной связи с контролируемыми субъектами для поиска более эффективных методик проверок [3–5]. Риск-ориентированный подход к организации контрольно-надзорной деятельности в сфере образования, прежде всего, направлен на снижение административной нагрузки на образовательные организации: снижению количества и частоты проводимых проверок. Пятилетний опыт реформирования контрольно-надзорной деятельности в сфере образования, новые правовые акты позволяют проанализировать взгляд профессиональных образовательных организаций на новые подходы к проверкам.

Настоящее исследование направлено на изучение мнения контролируемых субъектов по внедрению новой модели надзора с целью совершенствования механизмов и методик контрольно-надзорной деятельности в сфере образования.

Метод исследования

В рамках исследования проведен социологический опрос профессиональных образовательных организаций, участие в котором приняли 54 респондента из Белгородской, Свердловской, Липецкой, Новосибирской, Челябинской, Тульской, Московской, Смоленской, Оренбургской, Курской областей, Приморского края и Удмуртской республики. Опросник был направлен веерным способом в более чем 40 различных регионов Российской Федерации (далее – РФ). В результате на него ответили 54 профессиональные образовательные организации, то есть участники опроса сформировались хаотично.

Анализ результатов

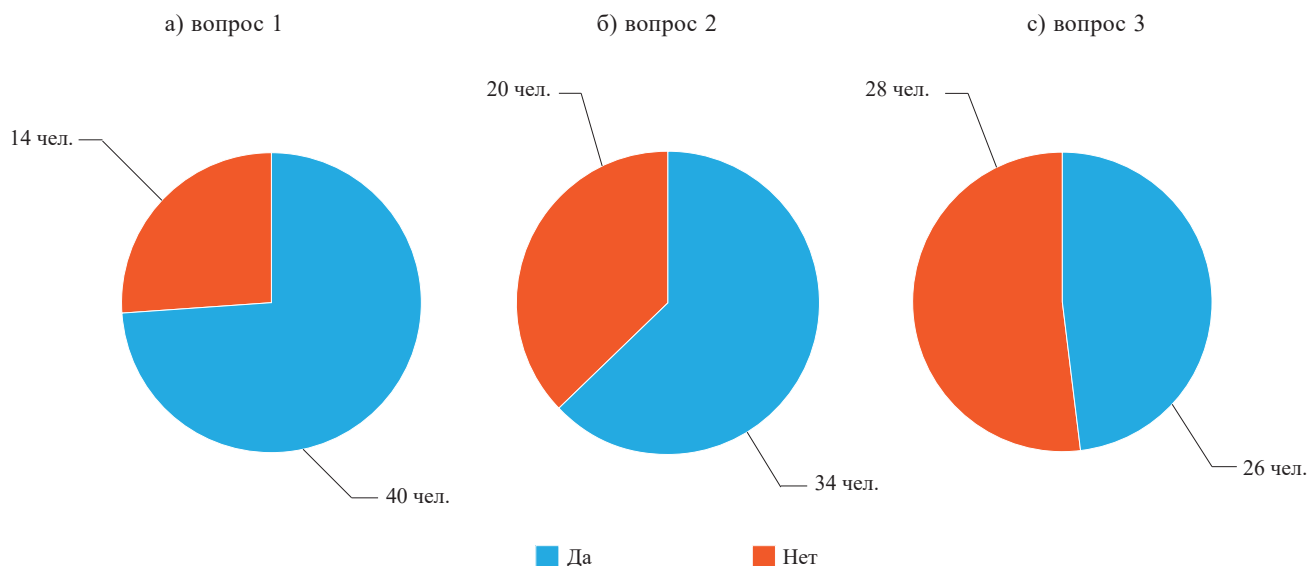
Более половины респондентов (74 %) из профессиональных образовательных организаций на вопрос № 1, известно ли им о применении риск-ориентированного подхода государственного контроля (надзора) в сфере образования, ответили положительно (рис. 1а). На вопрос № 2, применяется ли риск-ориентированная модель контроля (надзора) в сфере образования в их субъекте РФ, 64 % опрошенных ответили положительно (рис. 1б). Пополам разделились голоса респондентов по вопросу № 3: применяется ли новая модель контроля (надзора) в отношении их профессиональной образовательной организации (рис. 1в).

При ответе на вопрос № 4, с какого периода применяется риск-ориентированный подход контрольно-надзорной функции в их организации, были названы совершенно различные даты: с августа 2000 г. по январь 2022 г. Ответы свидетельствуют о том, что профессиональные образовательные организации не в полной мере понимают сущность новых изменений в контроле (надзоре).

Категорию риска, к которой отнесена их образовательная организация, смогли назвать 40 % опрошенных. Более половины респондентов не смогли ответить на вопрос № 5 о том, какие категории риска выделяются для внедрения риск-ориентированного подхода. Остальные респонденты назвали следующие критерии:

- наличие обоснованных обращений (жалоб) обучающихся и/или их родителей;
- уровень образовательных результатов обучающихся (результаты федеральных и региональных оценочных процедур), объективность результатов оценочных процедур;
- результаты ранее проведенных проверок соблюдения законодательства в сфере образования;

- информация об имеющихся нарушениях в средствах массовой информации;
- информация об имеющихся нарушениях с официальных сайтов профессиональных образовательных организаций в Интернете.

Составлено автором по материалам исследования

Рис 1. Графическое представление ответов респондентов на вопросы 1–3 социологического опроса

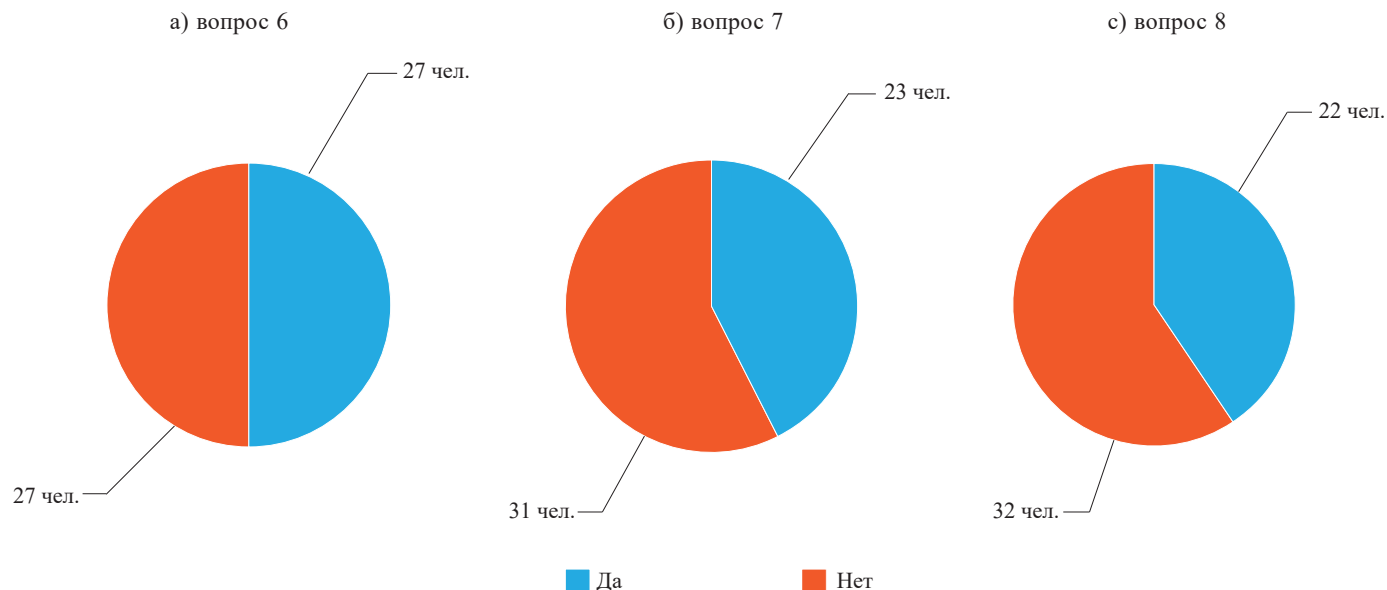
Пололам разделились ответы на вопрос № 6, направлялись ли региональными органами контроля (надзора) в адрес профессиональных образовательных организаций нормативные правовые акты, регулирующие применение риск-ориентированного подхода в государственном контроле (надзоре) в сфере образования (рис. 2а). В числе источников информации профессиональные образовательные организации назвали: 1) официальные сайты контрольно-надзорных структурных подразделений органов государственной власти; 2) рассылки по системе электронного документооборота подведомственным организациям; 3) правовые информационные системы. Почти пополам разделились голоса респондентов на вопрос (№ 7), направлялись ли региональными контрольно-надзорными органами в адрес профессиональных образовательных организаций иные ненормативные документы: методические рекомендации и указания, разъяснения, письма и т. д., определяющие порядок применения риск-ориентированной модели (рис. 2б). Меньше половины респондентов знают о наличии в их субъекте РФ информационного портала (профильная страница на сайте, электронный ресурс и т. д.), посвященного вопросам реализации риск-ориентированного подхода контрольно-надзорной функции в сфере образования (вопрос № 8, рис. 2в).

Полноту и ясность предоставляемой региональными органами власти в сфере образования информации, в том числе посредством информационных порталов, по применению риск-ориентированного подхода контрольно-надзорной деятельности в сфере образования, респонденты оценивали по 10-балльной шкале (вопрос № 9), результаты представлены на рисунке 3. Из этого следует, что большая часть респондентов (54 %) не имеет полной и ясной информации о риск-ориентированном подходе к организации государственного контроля (надзора) в сфере образования.

Две трети опрошенных респондентов отрицательно ответили на вопрос (№ 10), участвует ли их профессиональная образовательная организация в обсуждении вопросов применения риск-ориентированного подхода при организации контроля (надзора) в сфере образования (рис. 4а). Профессиональные образовательные организации отметили стандартные формы участия в обсуждении: 1) участие в вебинарах; 2) семинары; 3) конференции; 4) совещания; 5) курсы и т. д.

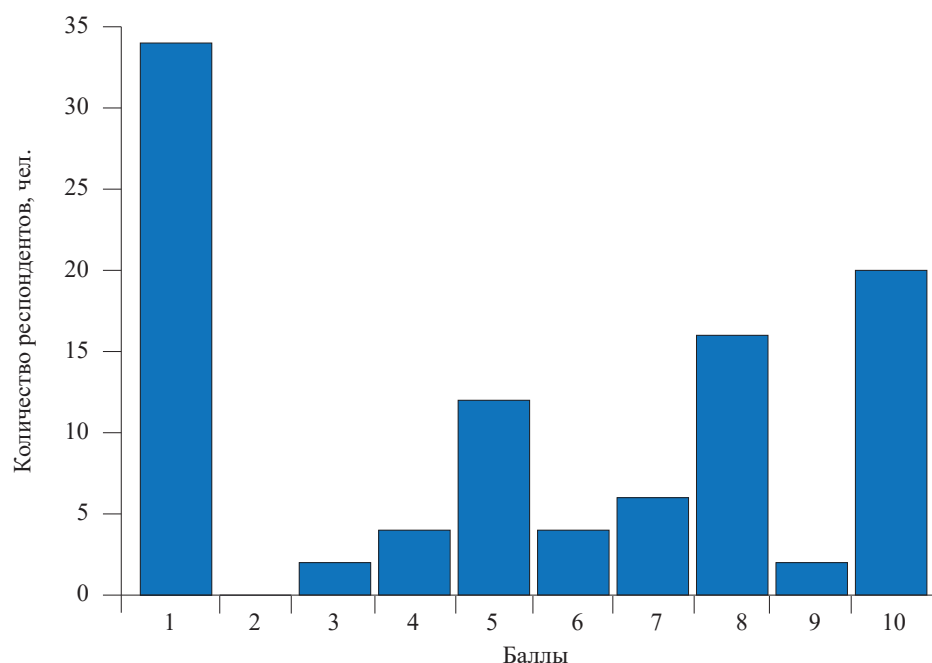
Больше половины опрошенных не ответили на вопрос (№ 11), какие санкции применялись к их профессиональной образовательной организации в период реализации риск-ориентированного подхода к контролю (надзору) в сфере образования. Среди выделяемых респондентами санкций были названы: 1) штрафы; 2) предписания; 3) замечания. Значительная часть профессиональных образовательных организаций

затруднились дать ответ. Большая часть респондентов на вопрос (№ 12), изменились ли в отношении них виды применяемых контрольно-надзорными органами в сфере образования санкции, порядок их применения, тяжесть и другие характеристики, ответили отрицательно (рис. 4б).

Составлено автором по материалам исследования

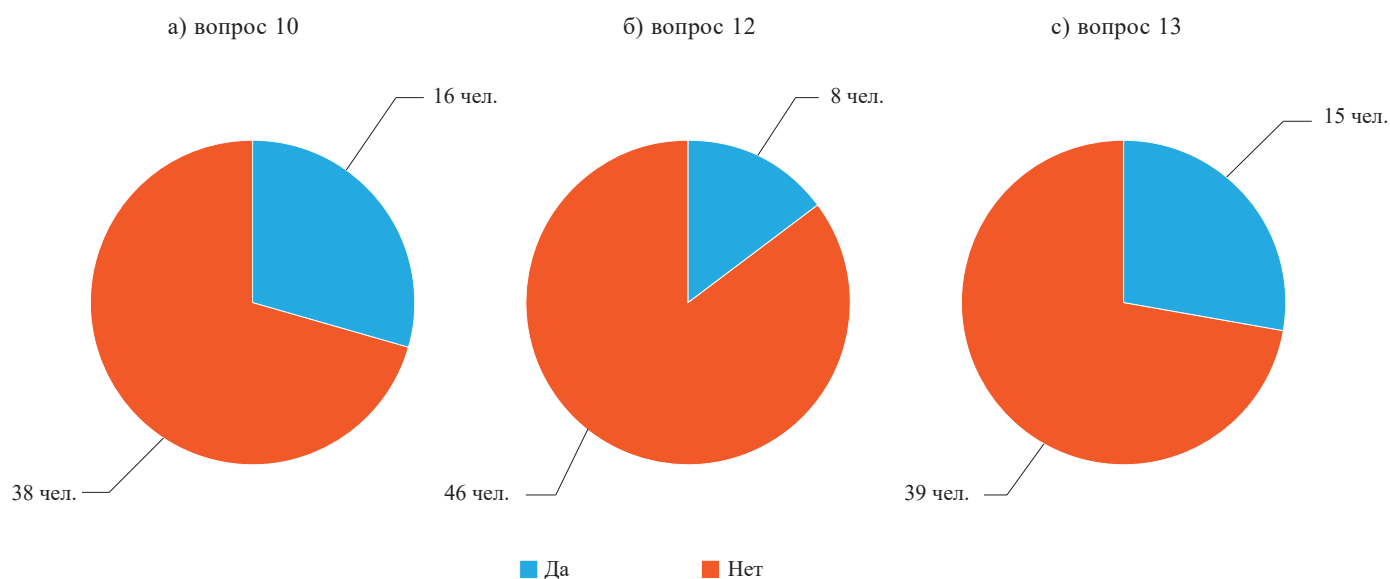
Рис 2. Графическое представление ответов респондентов на вопросы 6–8 социологического опроса

Составлено автором по материалам исследования

Рис. 3. Графический анализ социологического опроса оценки осведомленности образовательных организаций о применении риск-ориентированного подхода государственного контроля (надзора)

Большая часть опрошенных (72 %) не увидели никаких стимулирующих мер со стороны контрольно-надзорных органов в сфере образования в отношении добросовестных субъектов контроля при применении новой модели проверок (вопрос № 13, рис. 4с). В числе поощрительных мер профессиональные образовательные организации выделяют: 1) дополнительные баллы к определению рейтинга образовательной организации; 2) премии; 3) ведомственные награды; 4) снижение частоты проверок.

Составлено автором по материалам исследования

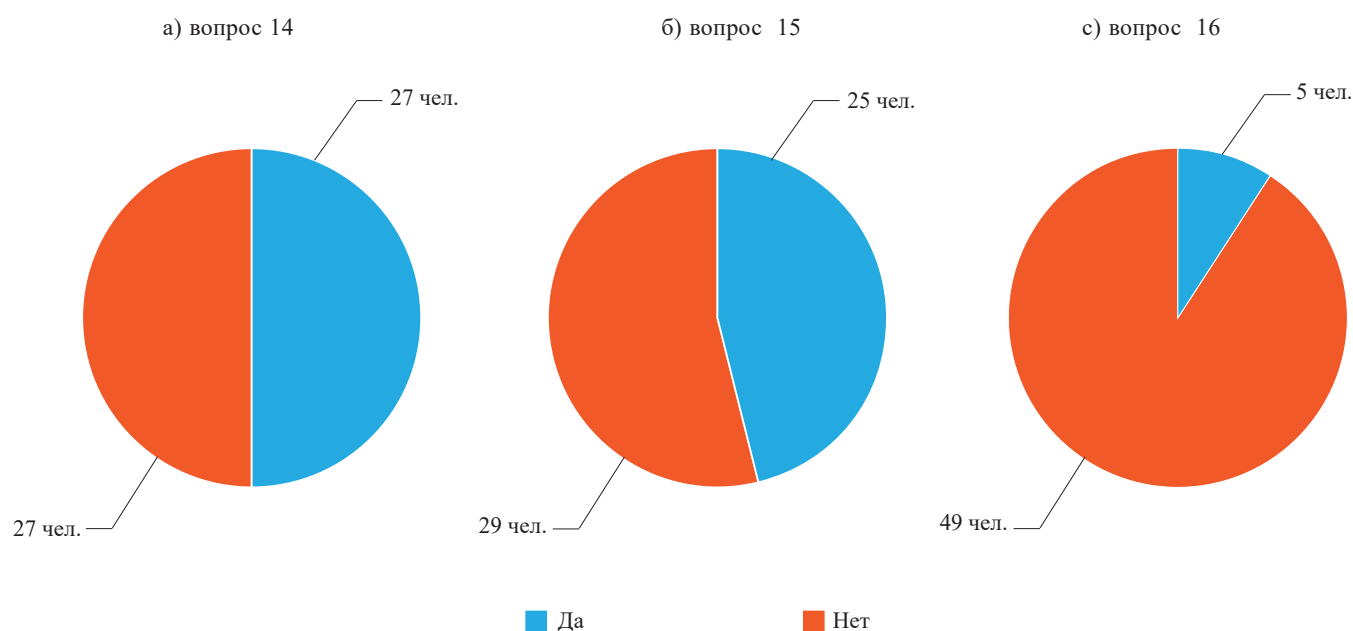
Рис 4. Графическое представление ответов респондентов на вопросы 10, 12, 13 социологического опроса

Пололам разделились голоса респондентов на вопрос (№ 14), проводятся ли региональными органами контроля (надзора) в сфере образования профилактические мероприятия при осуществлении риск-ориентированного подхода в отношении профессиональных образовательных организаций в их субъекте РФ (рис. 5а). В числе профилактических мероприятий: 1) семинары; 2) предоставление времени на исправление ошибок; 3) проведение вебинаров; 4) стратегические сессии; 5) выдача предостережений.

Чуть более половины респондентов увидели преимущества в переходе на новый формат контроля (надзора) в сфере образования (вопрос № 15 рис. 5б). В числе выделяемых преимуществ названы: 1) повышение мотивации к деятельности; 2) снижение частоты проверок; 3) прозрачность. Указывались такие преимущества:

- переориентация контроля (надзора) на объекты повышенного риска;
- отсутствие плановых проверок для объектов низкого риска, законопослушных образовательных организаций;
- сокращение избыточных административных издержек и повышение эффективности использования материальных, временных, человеческих ресурсов при проведении проверок;
- переориентация контроля (надзора) на превентивные меры и общественно полезные результаты проверок;
- повышение эффективности контроля (надзора) за счет реализации процедур прогнозирования и планирования проверочных мероприятий с одновременным мониторингом ситуации, анализом и предупреждением рисков;
- формирование правовой компетенции руководителей организаций, осуществляющих образовательную деятельность, которые заинтересованы в соблюдении законодательства и декларируют свое соответствие установленным требованиям и нормам;
- рациональное расходование бюджетных средств за счет сокращения малоэффективных контрольных мероприятий в отношении объектов, соблюдающих законодательство об образовании и лицензировании;
- возможность пройти аккредитацию в более комфортной форме, с учетом уже проверенных ранее документов;
- стабильное функционирование организации.

Основная масса респондентов не увидела недостатков в переходе на риск-ориентированную модель контрольно-надзорной деятельности в сфере образования (вопрос № 16, рис. 5б).

Составлено автором по материалам исследования

Рис 5. Графическое представление ответов респондентов на вопросы 14–16 социологического опроса

В ходе социологического опроса профессиональные образовательные организации внесли дополнительные предложения по применению риск-ориентированной модели государственного контроля (надзора) в сфере образования. Они указали на необходимость создания системы сбора объективных данных, позволяющих вести учет причинения вреда, определение индикаторов риска и показателей для внедрения риск-ориентированной модели. Следует отметить, что мировая практика контроля (надзора) в сфере образования активно применяет мониторинговые показатели деятельности образовательных организаций [6; 8].

Респондентами отмечена необходимость информирования профессиональных образовательных организаций о существовании данного подхода, его сущности и основных позиций, проведение большего количества мероприятий, связанных с разъяснительной работой. Контроль (надзор) должен способствовать повышению качества образования, совершенствованию образовательной деятельности. Системы повышения качества образовательного процесса должны строиться на принципах обмена опытом, консультаций, информированности об иных практиках и т. д. [7].

Обсуждение результатов

Анализ социологического исследования показал, что профессиональные образовательные организации владеют информацией об особенностях применения риск-ориентированного подхода при организации контрольно-надзорной деятельности в регионе присутствия, наблюдаются отдельные коммуникационные и смысловые разрывы между органами государственной власти и контролируемыми лицами в различных субъектах Российской Федерации.

Профессиональные образовательные организации нуждаются в большей и более активной разъяснительной работе, доступном информировании по порядку, значению, сущности и особенностях риск-ориентированной модели реализации государственного контроля (надзора) в сфере образования, чем проводилось до настоящего времени. Активный диалог с профессиональными образовательными организациями, учет их мнения позволят региональным органам власти, реализующим функции государственного контроля (надзора) в сфере образования, более эффективно внедрить и применять риск-ориентированную модель.

Результаты исследования могут быть использованы контрольно-надзорными органами в сфере образования при реализации своих функций, а также органами субъектов Российской Федерации, осуществляющих полномочия по управлению сферой образования, для совершенствования своей деятельности. В частности, контрольно-надзорным органам в сфере образования следует более активно проводить

разъяснительную работу по внедрению новых методик проверок, совершенствовать саму методику риск-ориентированного подхода с учетом предлагаемых контролирующими субъектами критериев, в большей степени применять стимулирующие меры при проведении контроля (надзора).

Заключение

В целом исследование показало высокую эффективность применения социологических методов в анализе надзорных функций в образовательной деятельности, так как позволило выявить принципы применения риск-ориентированной модели государственного контроля (надзора) в сфере образования, влияние опыта на эффективность ее применения, необходимость разработки мониторинговых показателей для оценки эффектов от ее применения.

Библиографический список

1. Постановление Правительства РФ от 25.06.2021 № 997 «Об утверждении Положения о федеральном государственном контроле (надзоре) в сфере образования» // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_388663/122e6f7f11a586d610d6da0da9a221e79d4f450f/ (дата обращения: 24.11.2021).
2. Письмо Рособрнадзора от 29.08.2016 № 02-343 «О направлении методических рекомендаций по отбору образовательных организаций для включения в ежегодный план проведения плановых проверок» (вместе с «Рекомендациями органам исполнительной власти субъектов Российской Федерации, осуществляющим переданные полномочия Российской Федерации в сфере образования, по отбору образовательных организаций для включения в ежегодный план проведения плановых проверок») // Информационно-правовой портал «Гарант» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71382218/> (дата обращения: 24.11.2021).
3. Feng, Ch. Improvement measures of the internal teaching quality management system in higher vocational college // *Proceeding of the 2nd Asia Pacific Conference on Image Processing, Electronics and Computers (IPEC2021)*, April, 2021, New York, US. – NY: Association for Computing Machinery, 2021. – Pp. 545–548. <https://doi.org/10.1145/3452446.3452579>
4. Kittiviriyakarn, S., Piriyaawong, P. The supervision model of professional experience training by using intelligent portfolio with the service agent // *Proceedings of the 22nd International Conference on Interactive Collaborating Learning (ICL 2019) “The Impact of Industrial Revolution on Engineering Education”*, Advances in Intelligent Systems and Computing (AISC 1), vol. 1135, eds. M. Auer et al. – Springer, 2020. – Pp. 681–691. https://doi.org/10.1007/978-3-030-40271-6_67
5. Önder, M. E., Tezer, M. (2017). A new model in educational supervision; Continuous/non-stop supervisor // *Ponte Academic Journal*. – 2017. – V. 73, No. 10. – Pp. 244–253. <https://doi.org/10.21506/j.ponte.2017.10.19>
6. Siyao, G., Bin, X. An education management assessment model based on information control theory // *Proceeding of the 13th International Conference on Measuring Technology and Mechatronics Automation (ICMTMA)*. – 2021. – Pp. 531–534. <https://doi.org/10.1109/ICMTMA52658.2021.00122>
7. Spedding, T. Stories of supervision // *Education Sciences*. – 2020. – V. 10, No. 4. – Art. 93. <https://doi.org/10.3390/educsci10040093>
8. Zhang, Yu. Research on teaching management of higher vocational colleges based on account of computer application technology // *Journal of Physics: Conference Series* – 2021. – V. 1992, No. 3. – Art. 032033. <https://doi.org/10.1088/1742-6596/1992/3/032033>

References

1. Decree of the Government of the Russian Federation of June 25, 2021, No. 997 “On Approval of the Regulations on Federal State Control (Supervision) in the Field of Education”, *Legal reference system “ConsultantPlus”*. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_388663/122e6f7f11a586d610d6da0da9a221e79d4f450f/ (accessed 24.11.2021).
2. Letter of Rosobrnadzor dated on August 29, 2016, No. 02-343 “On the Direction of Methodological Recommendations on the Selection of Educational Organisations for Inclusion in the Annual Plan of Scheduled Inspections” (together with “Recommendations to the Executive Authorities of the Subjects of the Russian Federation Exercising the Delegated Powers of the Russian Federation in the Field of Education, on the Selection of Educational Organisations for Inclusion in the Annual Plan of Scheduled Inspections”, *Information and legal portal “Garant”*. <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71382218/> (accessed 24.11.2021).
3. Feng Ch. Improvement measures of the internal teaching quality management system in higher vocational college, *Proceedings of the 2nd Asia Pacific Conference on Image Processing, Electronics and Computers (IPEC2021)*, New York, Association for Computing Machinery, 2021, pp. 545–548. <https://doi.org/10.1145/3452446.3452579>

4. Kittiviriyakarn S., Piriyastravong P. The supervision model of professional experience training by using intelligent portfolio with the service agent, *Proceedings of the 22nd International Conference on Interactive Collaborating Learning (ICL 2019) "The Impact of Industrial Revolution on Engineering Education"*, *Advances in Intelligent Systems and Computing (AISC 1)*, vol. 1135, M. Auer et al. (eds), Springer, 2020, pp. 681–691. https://doi.org/10.1007/978-3-030-40271-6_67
5. Önder M. E., Tezer M. A new model of educational supervision; Continuous/continuous supervisor, *Ponte*, vol. 73, no. 10, pp. 244–253. <https://doi.org/10.21506/j.ponte.2017.10.19>
6. Siyao G., Bin X. An educational management assessment model based on information management theory, *13th International Conference on Measuring Technology and Automation of Mechatronics (ICMTMA)*, 2021, pp. 531–534. <https://doi.org/10.1109/ICMTMA52658.2021.00122>
7. Spedding T. Stories about surveillance, *Education Sciences*, vol. 10, no. 4, article 93. <https://doi.org/10.3390/educsci10040093>
8. Zhang, Yu Research on teaching management of higher vocational colleges based on account of computer application technology, *Journal of Physics: Conference Series*, 2021, vol. 1992, no. 3, article 032033. <https://doi.org/10.1088/1742-6596/1992/3/032033>

СТРАТЕГИИ И ИННОВАЦИИ

УКД 004.934 JEL M37

DOI 10.26425/1816-4277-2022-1-29-35

**Ахмаева Людмила
Геннадьевна**

канд. экон. наук, ФГБОУ ВО
«Государственный универси-
тет управления», г. Москва,
Российская Федерация

ORCID: 0000-0002-7867-2590

e-mail: lg_ahmaeva@guu.ru

ИЗМЕНЕНИЕ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО ПОВЕДЕНИЯ ПРИ ВНЕДРЕНИИ ТЕХНОЛОГИИ БИОМЕТРИЧЕСКОЙ ОПЛАТЫ ТОВАРОВ

Аннотация. В последние годы происходит эволюция денег от классической формы оплаты товаров и услуг к биометрической. При внедрении компаниями новых биометрических технологий актуально исследование готовности потребителей к применению новой системы оплаты. Эта тема является новой и пока недостаточно разработанной и раскрытой в научной литературе. Цель статьи выявить существующие сегодня форматы биометрии, достоинства и недостатки покупок этим способом. На основе научных и информационных интернет-источников проведен обзор и анализ деятельности крупных российских и зарубежных компаний, предоставляющих услугу биометрической оплаты с примерами ее внедрения в сфере ритейла и банковской сфере. Выполнен сравнительный анализ покупок на кассах с кассиром, кассах самообслуживания и с помощью биометрии. Отмечены трудности, возникающие у потребителей и ритейлеров при переходе от физических носителей к биометрическому профилю, а также ограничения рассматриваемой технологии. По результатам исследования рекомендовано компаниям, продвигающим биометрический способ оплаты, а также их партнерам и ритейлерам, больше информировать потребителей с целью их мотивации к использованию биометрической оплаты при покупках.

Ключевые слова: оплата, платежи, деньги, биометрия, технология биометрической оплаты, потребительское поведение, ритейл, шопинг

Для цитирования: Ахмаева Л.Г. Изменение потребительского поведения при внедрении технологии биометрической оплаты товаров // Вестник университета. 2022. № 1. С. 29–35.

Liudmila G. Akhmaeva

Cand. Sci. (Econ.), State
University of Management,
Moscow, Russia

ORCID: 0000-0002-7867-2590

e-mail: lg_ahmaeva@guu.ru

CONSUMER BEHAVIOR CHANGE DURING THE BIOMETRIC PAYMENT TECHNOLOGY IMPLEMENTATION

Abstract. A money evolution is going from classical payment form for goods and services to biometric ones last years. When companies introduce new biometric technologies, it is relevant to study a consumer readiness for the new payment system. This subject is new, studied and revealed still insufficiently in the scientific literature. The purpose of the article is to identify the existing biometric formats, the advantages and disadvantages of shopping by this way. Based on a scientific and Internet information sources the review and analysis of the activities of large Russian and foreign companies, providing the biometric payment service, on examples its implementation in retail and banking, are carried out. A comparative analysis of purchases at cash desks with a cashier, self-service cash desks and by biometric, is performed. The difficulties, which appear in switching from physical means to a biometric profile, and the technology limitations, are noted. The study recommends that companies and their partners and retailers, promoting the biometric payment, should inform consumers more to motivate them to use this method when shopping.

Keywords: fee, payments, payments, money, biometrics, biometric payment, consumer behaviour, retail, shopping

For citation: Akhmaeva L.G. (2022) Consumer behavior change during the biometric payment technology implementation. *Vestnik universiteta*, no. 1, pp. 29–35. DOI: 10.26425/1816-4277-2022-1-29-35

© Ахмаева Л.Г., 2022.

Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

© Akhmaeva L.G., 2022.

This is an open access article under the CC BY 4.0 license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

Введение

Одной из основных экономических категорий являются деньги. До появления денег экономические отношения реализовывались на основе бартера, дара и долга [12]. Согласно определению Большой российской энциклопедии, деньги – это всеобщий эквивалент, служащий мерой цен и способный непосредственно легко обмениваться на предлагаемые товары или услуги [6]. К функциям, которые выполняют деньги, можно отнести: меру стоимости или счетную единицу, средство обращения, средство платежей, средство накопления, мировые деньги, средство формирования сокровищ [13]. В процессе эволюции человечества и развития производства и науки деньги тоже эволюционировали от ракушек, камней, меха, соли, меда, скота, металлических монет, бумажных купюр до счета, к которому привязана виртуальная банковская карта.

Процесс оплаты товаров и услуг за последние годы существенно упростился для потребителя. Оплачивать стало возможно бесконтактным способом: пластиковой картой, с помощью встроенного в телефон NFC-модуля и, наконец, так, о чем могли только мечтать писатели-фантасты – при помощи технологии идентификации человека по биометрическим параметрам. Эти тенденции должны быть учтены при взаимодействии с потребителями и формировании для них релевантных персонализированных предложений.

Согласно исследованию компаний по биометрической оплате, в сфере ритейла на сегодня имеются следующие тренды: персонализация программ лояльности; рост объемов оплаты по безналичному расчету; стирание границ между офлайн и онлайн-покупками; появление магазинов с кассами самообслуживания и касс с возможностью оплаты по биометрии; искусственный интеллект и видеоаналитика [4]. В связи с этим актуальным становится изучение влияния новых тенденций в сфере торговли на поведение потребителей.

Метод исследования

Методологической основой статьи являются общенаучные теоретические методы исследования: критический анализ научной литературы, вторичной и первичной эмпирической информации, а также, так как тема является новой и на данном этапе недостаточно разработана и раскрыта в научной литературе – интернет-источники и информация компаний, предоставляющих на рынок такую технологию, как биометрическая оплата товаров и услуг для потребителей.

Ниже представлен применения крупными российскими и зарубежными компаниями услуги биометрической оплаты товаров.

Результаты

1. Сбербанк России.

Первый проект биометрической оплаты в России стартовал в одном из магазинов сети продовольственных супермаркетов «Азбука вкуса» в 2016 г. в Москве. В 2019 г. к системе были подключены уже 20 магазинов, что на тот момент составляло 11 % от всей сети, а также 400 покупателей, 70 из которых регулярно пользовались биометрической оплатой. Технология, определенно, вызвала интерес. Покупатели имели возможность оплатить покупки по отпечатку пальца в любых магазинах сети, где установлены биометрические POS-терминалы. За все время работы не было зарегистрировано ни одной жалобы или случая мошенничества. После перезапуска проекта в 2019 г. предполагалось, что во всех торговых точках сети будут установлены терминалы для оплаты по отпечатку пальца, а также планировалось провести тестирование оплаты по технологии распознавания лиц, но проект не был реализован: неинтересный внешний вид терминалов, необходимость ввода пароля, необходимость физического контакта с терминалом при оплате по отпечатку пальца, низкая скорость прохождения оплаты и долгое время обработки информации отпугивали покупателей. Отсутствовала верификация возраста покупателя, которая необходима при покупке спиртных напитков и сигарет – требовался продавец для подтверждения.

Позже, в марте 2021 г., три компании: ПАО «Сбербанк», X5 Retail Group – ведущая продуктовая розничная компания в России и международная платежная система Visa запустили инновационный сервис оплаты взглядом на кассах самообслуживания. На первом этапе к нему было подключено 150 супермаркетов «Перекресток». В апреле 2021 г. к сервису подключили несколько магазинов «Пятерочка» в Москве. Международная платежная система Visa выступила в роли стратегического партнера проекта. Биометрическая идентификация

на кассе самообслуживания реализована на базе разработок Лаборатории инноваций X5 и технологии VisionLabs. Исследование Сбербанка показало высокий уровень интереса россиян к такого рода сервисам. По данным И. Шехтермана, главного исполнительного директора X5 Retail Group, около 70 % граждан готовы пользоваться биометрической оплатой. В дальнейшем к технологии, возможно, будет подключена вся сеть [9].

2. SWiP и VisionLabs, Россия.

SWiP использует технологию VisionLabs для распознавания лица и проверки liveness, параметра, позволяющего распознать фотографию вместо живого человека. Крупная сеть продуктовых магазинов «Магнит» протестировала технологию оплаты по биометрии лица совместно со SWiP и VisionLabs. Оплата товаров производится при сканировании лица (Selfietopay) или QR-кода. Сейчас к системе подключено несколько магазинов сети «Магнит» в г. Казани и г. Краснодаре, международная сеть пиццерий PAPA JOHN'S, рестораны Новикова #FARШ и некоторые кофейни, а также недавно запущены пилотные проекты в пивных, табачных, цветочных магазинах и на автомойках.

Для оплаты по лицу покупателю необходимо сначала скачать приложение SWiP, привязать свою банковскую карту и сделать селфи с паспортом. После этого в магазине покупателю будет достаточно взглянуть в камеру специального сенсорного терминала, установленного на кассе. Система узнает его в лицо, применит все персональные скидки в момент оплаты и предложит подтвердить списание денег со счета одним нажатием. Система позволяет делать глубинное 3D-сканирование лица для создания гипернадёжного снимка [11].

Ритейлер может таргетировать предложения непосредственно на каждого конкретного клиента, например, в день рождения, поощрять n-ную покупку любимого товара или предоставлять скидку для компенсации негативного опыта в магазине. Бесконтактная оплата с автоматическим учетом баллов, скидок и cashback на карту, скидки и акции у сети партнеров – эти особенности использования приложения делают его безусловно выгодным для пользователей. Кроме того, это удобное приложение, включающее карту с указанием мест, где используется технология оплаты SWiP, что упрощает потребительский опыт. Более того, существует система рейтинга торговых точек, дающая возможность оценить посещение магазина или заведения сразу же на POS-терминале. Вопрос безопасности решен на высоком уровне: все платежные процессы SWiP сертифицированы на соответствие требованиям стандарта безопасности данных индустрии платежных карт (PCI DSS), и у таких операций есть многоуровневая система защиты. Специальная 3D камера, установленная на терминалах для сканирования, используется для защиты от мошенничества в случае использования распечатанных фотографий. Если система расценит транзакцию как потенциально мошенническую или опасную, то попросит дополнительно ввести пароль или совсем отменит операцию. Скоринговая система SWiP распознает и различает близнецов и просто похожих людей. Система распознает движение и предотвращает мошенничество с подменой человека. SWiP является партнером мировых лидеров в области информационных технологий. Ко всем данным без исключения применяются передовые протоколы шифрования и защиты. Секретные данные не хранятся в SWiP. При фотографировании SWiP сохраняет только дескрипторы лица, которые невозможно раскодировать обратно в фотографию. Для осуществления платежей хранятся только токены (компактное устройство, предназначенное для обеспечения информационной безопасности пользователя, помимо этого применяется для идентификации его владельца, безопасного удаленного доступа к информационным ресурсам и т. д.), а не реальные реквизиты банковских карт [7]. Можно привязать любую карту платежных систем Mastercard, Visa и Мир. Все клиентские пароли зашифрованы с помощью технологии публичного ключа и не подлежат дешифровке.

Проект не масштабировался и не стал очень популярным в других городах, возможно, из-за отсутствия высокого спроса у покупателей и необходимости установки дополнительного оборудования для ритейла. Кроме того, отсутствовала верификация возраста покупателя, которая необходима при покупке спиртных напитков и сигарет – требовался продавец для подтверждения.

3. Магазины-лаборатории X5 Retail Group, Россия.

Ведущая продуктовая розничная компания России, X5 Retail Group открыла предназначенные для тестирования и R&D (Research and Development) новых технологий магазины-лаборатории. Компания активно развивает современные IT-технологии и, хотя у нее нет опыта в разработке и применении проектов в сфере биометрической оплаты, стоит отметить и ее. В магазинах-лабораториях «Перекресток» и «Пятерочка» дорабатываются пилотные версии проектов «умный щит», системы видеоаналитики очередей и расположения товаров на полках, электронных ценников нового формата, AR и VR-технологии, программ лояльности,

систем Self Scan и Click&Collect. Технология распознавания лиц, по данным X5 Retail Group, в десятки раз ускорила контроль планogramм, сократила на 10 % количество людей, покидающих магазин без покупок, и сократила на 20 % потери магазинов. Новые технологии положительно повлияли на товарооборот. На этапе тестирования находится проект с терминалами лояльности, в которых покупатель может получить персональное предложение по скидкам. В результате примерно две трети клиентов магазинов, в которых реализуется этот проект, пользуются такими терминалами и их специальными предложениями.

4. Dragonfly от Alipay, Китай.

Сервис Dragonfly – биометрическая система оплаты с помощью распознавания лица. Регистрация в Dragonfly максимально простая: достаточно один раз ввести номер своего телефона, после чего автоматически создается пользовательский аккаунт и становится возможным оплачивать товары через веб-камеру. Все данные пользователей хранятся в базе министерства общественной безопасности КНР. Технология Dragonfly используется в супермаркетах, ресторанах, и вендинговых аппаратах. Помимо обычных магазинов с установленными планшетами для сканирования лица для оплаты, в Китае появилось много магазинов нового формата – без продавцов. Для входа нужно отсканировать свое лицо, либо QR-код в специальном приложении WeChat.

5. Amazon Rekognition, США.

Amazon Rekognition – система распознавания лиц. Применяется в магазинах без касс Amazon Go. Правозащитники выступают против и высказывают недовольство из-за некачественного распознавания лиц, что препятствует быстрому внедрению технологии. Чтобы продемонстрировать ошибки в распознавании лиц, тестировщики провели эксперимент и пропустили портреты конгрессменов через систему, которая 28 человек из них идентифицировала как преступников.

Системы распознавания лиц применяются в Индии, Бразилии, Кении, Великобритании для сбора единой биометрической базы данных, а также для улучшения системы безопасности. Распространение технологии планируется и в других сегментах, помимо ритейла, ресторанов и кафе: транспорт, медицина, банки.

Обсуждение результатов

Рассмотрим практику внедрения биометрической оплаты в разных странах.

Можно с уверенностью сказать, что развитые государства воспринимают биометрическую оплату как возможность сэкономить время и освободиться от множества пластиковых карт. Для наиболее традиционных и консервативных обществ эта технология ценна по другой причине: всеобщая прозрачность перед государством помогает эффективнее обеспечивать безопасность и социальную справедливость. Поэтому при выводе продукта на рынок, создании бренда, планировании и реализации рекламных коммуникаций необходимо в обязательном порядке принимать в расчет эту разницу менталитетов.

К недостаткам оплаты покупок на кассах с кассиром и на кассах самообслуживания отнесем следующие:

- расчет на кассах с кассиром и на кассах самообслуживания сегодня подразумевает долгий и сложный процесс. Для оплаты и учета в программе лояльности покупателю необходимо иметь с собой банковские карты, карты лояльности или телефон, а при отсутствии карты лояльности приходится вводить на терминале или озвучивать кассиру номер телефона, к которому она привязана. Это занимает время, требует много действий, усложняет потребительский путь;
- нет генерации чистых данных. Кассы с кассиром и кассы самообслуживания не узнают клиентов и не обогащают чистыми данными базу клиентов ритейлера. Одной картой могут пользоваться разные люди. Соответственно, сложно сформировать для каждого покупателя релевантное таргетированное предложение;
- недостаточная мотивация клиентов. Клиенты не видят ценности в кассах самообслуживания, не всегда понимают, как они работают, не стремятся оплачивать с их помощью свои покупки. Не происходит поощрения дальнейших покупок [1; 2].

К достоинствам оплаты покупок по биометрии отнесем следующие.

1. Процесс расчета упрощается и ускоряется. По данным компании SWiP, оплата при помощи биометрии быстрее расчета по Apple Pay / Google Pay в 4 раза, а карточных платежей – в 6 раз. Оплата по биометрии лица и с помощью QR-кода доступна для владельцев любых смартфонов. В соответствии с замерами, проведенными компанией SWiP в магазинах, оплата с предъявлением карты лояльности занимает от 11 до 18 сек. Те же самые операции на SWiP терминале занимают 3 сек.

2. Генерация чистых данных по каждой покупке. Каждый клиент точно сопоставляется с конкретной покупкой, даже если семья пользуется одной картой лояльности на всех. Ритейлер получает и накапливает подробную и точную информацию по каждому клиенту, использующему оплату по лицу. Как следствие, улучшается качество таргетированной персонализированной рекламы. Ритейлер точно знает клиента, его потребительские предпочтения, а значит может сделать правильное персональное предложение на следующую покупку. Наблюдается повышение чека и рост выручки, так как клиент, получающий адресные предложения, точно соответствующие его предпочтениям, совершает покупки на более высокие суммы, что напрямую отражается на выручке. По итогам пилотов в сетях CoFix, PAPA JOHN'S, Кофе Хауз и #FARIII рост среднего чека составил от 10 до 76 % в сравнении со средним чеком по сети. Опросы клиентов, проведенные SWiP, продемонстрировали, что 92 % клиентов готовы снова делать покупки с оплатой по лицу, 46 % сделали более 2 покупок за период пилотного проекта, 77 % делали покупки более 2 раз в мес. [10]. Дополнительно оплата по лицу может быть уникальным торговым предложением для ритейлера. Аналогичным образом происходит снижение ряда расходов ритейлера: больше нет необходимости тратить средства на производство карт лояльности и скидочных купонов, логистику, на печать чеков (закупать принтеры и бумагу, держать в штате персонал технического обслуживания).

3. Мотивация на следующую покупку. В процессе оплаты покупки по биометрии лица происходит автоматический учет баллов лояльности. После того, как клиент привязывает карту лояльности ритейлера в приложении, все бонусы, баллы и кэшбеки начисляются автоматически. Списать баллы можно прямо на экране оплаты. Таким же образом можно оплатить покупку в вендинговых аппаратах – по лицу с учетом программы лояльности, что принесет ритейлеру репутационные выгоды, поскольку формат оплаты по лицу в этой нише уникален. Мотивированный клиент возвращается в магазин и делает больше покупок, что выражается в более высоком среднем чеке, снижении оттока и росте выручки. Кроме того, клиент получает персонализированное предложение в момент оплаты на основе его предыдущих покупок плюс возможность выгодно попробовать товар, который он не покупал ранее. Удобство расчета и мотивирующие предложения транслируются в рост лояльности и вовлеченности, происходит отстройка от конкурентов. Клиентам нравится такой опыт расчета на кассах самообслуживания, они чаще возвращаются в магазин. Снижается число отказов от покупки из-за того, что покупатель забыл банковскую карту или карту лояльности.

В ритейле биометрическая оплата применяется в различных форматах:

- установка отдельных касс с возможностью оплаты по лицу или оборудование касс самообслуживания системами сканирования лица;
- продажи через онлайн-магазины и формирование заказа в торговой точке. Покупатель подтверждает свой возраст непосредственно при оформлении заказа или в момент, когда забирает его из пункта выдачи;
- продажа через вендинговые аппараты с применением технологии оплаты по лицу и верификацией возраста покупателя.

В банковской сфере биометрическая оплата применяется при оформлении кредитов и рассрочки с помощью Единой биометрической системы (далее – ЕБС). Можно быстрее оформлять кредит и рассрочки с любым банком, подключенным к ЕБС, без предъявления паспорта и бюрократических проволочек. Для реализации необходимо снабдить кредитный отдел магазинов специальным оборудованием для считывания лица и оформления кредитных договоров или рассрочки [8].

Для компаний снижение случаев мошенничеств – однозначный плюс. Однако переоборудовать POS-терминалы даже для нескольких касс очень ресурсоемко и может не окупить все положительные стороны этой технологии на первом этапе. При этом расплатиться за покупку, всего лишь просканировав лицо – быстро и удобно, но пока ненамного быстрее, чем приложить телефон к терминалу [5].

Существует ряд трудностей, возникающих при применении биометрической оплаты:

- законодательно не урегулированы продажи алкогольной и табачной продукции при помощи биометрии. Биометрическая система не позволяет определить возраст покупателя, так как он на этапе регистрации делает фото с паспортом, но согласно действующему законодательству, дополнительно необходимо подтверждение в виде документа;
- не интегрированы льготы пенсионеров и других категорий граждан, поддерживаемых государством. Необходимо интегрировать через ЕБС программу лояльности и банковские карты с информацией о льготах из государственных баз для учета всех скидок и программ лояльности;

- технологически невозможно применять биометрию для детей до 14 лет – так как лицо постоянно меняется и точно идентифицировать человека младше 14 лет невозможно;
- ритейлеру необходимо затратить много временных и денежных ресурсов для того, чтобы внедрить систему оплаты по лицу и интегрировать систему лояльности торговой сети и ЕБС;
- потребители часто с недоверием относятся к такого рода нововведениям, касающихся денежных средств. Такие дополнительные сложности, как регистрация с селфи, полная прозрачность покупок перед государством, отсутствие возможности использования карты другими членами семьи – можно сделать вывод, что у самих потребителей в своей массе на данный момент нет четкого запроса на оплату покупок по лицу.

Выводы

Несмотря на очевидные достоинства технологии биометрической оплаты (другой человек не сможет использовать чужие карты для оплаты своих покупок; приобрести товар в рассрочку станет гораздо легче; карта лояльности покупателя всегда с ним, стоит только подойти к сканеру; рекламные предложения будут точно таргетироваться и, значит, будут интересны и выгодны покупателю) у потребителей присутствует доля сомнений в целесообразности этого типа оплаты.

Изменения, происходящие в процессе оплаты покупок при оплате при помощи биометрии, должны стать привычными для потребителей. Новые технологии всегда внедряются с трудом и игнорируются на начальном этапе большинством. Можно заключить, что технология биометрической оплаты несколько опередила время.

В такой ситуации компаниям, продвигающим биометрический способ оплаты, а также их партнерам и ритейлерам, необходимо больше информировать потребителей о комфорте и безопасности системы биометрической оплаты, о возможности возврата денежных средств при необходимости и о том, что биометрическая оплата или возврат денежных средств не сложнее, чем оплата банковской картой и возврат денежных средств при совершенной банковской картой или наличными оплате [3].

Заключение

В целом переход от физических носителей – денежных купюр и пластиковых карт – к биометрическому профилю в офлайн и онлайн-каналах повысит безопасность транзакций, а также сделает данные о покупках прозрачными и привязанными к конкретному человеку, что в целом упростит покупательский опыт и сделает его комфортней. В конечном итоге технология оплаты по биометрии комфортна и выгодна как покупателю, так и ритейлеру.

Библиографический список

1. Алексина, С. Б., Иванов, Г. Г., Крышталев, В. К., Панкина, Т. В. Методы стимулирования продаж в торговле: учебное пособие. – М.: ФОРУМ: ИНФРА-М., 2021. – 304 с.
2. Нордфальт, Й. Ритейл-маркетинг: Практики и исследования / пер. с англ. И. Евстигнеева, ред. А. Воронова. – М.: Альпина Паблишер, 2019, 490 с.
3. Эффективные коммуникации / пер. с англ. – М.: Альпина Паблишер, 2020 / Серия «Harvard Business Review: 10 лучших статей». – 200 с.
4. Биозквайринг в ритейле: главное за 5 минут // Opencore [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.opencore.pro/blog/bioacquiring> (дата обращения: 22.11.2021).
5. Биозквайринг в ритейле: главное за 5 минут // VC.Ru [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://vc.ru/marketing/167422-bioekvauring-v-riteyle-glavnoe-za-5-minut> (дата обращения: 22.11.2021).
6. Деньги / Большая российская энциклопедия: [в 35 т.] / гл. ред. Ю.С. Осипов. – М.: Большая российская энциклопедия, 2004–2017.
7. Легезо, Д. Безопасность финансовых услуг онлайн // Intelligent Enterprise. – 17 марта 2009 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.iemag.ru/analytics/detail.php?ID=18650> (дата обращения: 22.11.2021).
8. «Сбер» запустил оплату одним взглядом в «Перекрестках» и «Пятерочках» // Банки.Ру [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bit.ly/3JhBPaP> (дата обращения: 22.11.2021).
9. Сбер, X5 и Visa внедряют технологию оплаты одним взглядом в «Перекрестках» и «Пятерочках» // Сбер Банк [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bit.ly/3rEO6Qc> (дата обращения: 22.11.2021).
10. Система лояльности и QR-оплата от SWiP // Telemetron [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://telemetron.ru/news/swip-qr-payment> (дата обращения: 22.11.2021).

11. SWiP – бесконтактная оплата по лицу или QR-коду // Open Service [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://open-s.info/automation/solutions-guests/swip/> (дата обращения: 22.11.2021).
12. Graeber, D. *Debt. The first 5000 years*. – New York: Melville, 2011. – 544 p.
13. Mankiw, N. G. *Macroeconomics*. – 6th. edition. – New York: Worth Publishers, 2007. – С. 22–32.

References

1. Aleksina S. B., Ivanov G. G., Kryshchalev V. K., Pankina T. V. *Methods of stimulating sales in trade: tutorial*, Moscow, Publ. House “FORUM”, INFRA-M., 2021, 304 p. (In Russian).
2. Nordfält J. *In-store marketing: On sector knowledge and research in retailing*, trans. from Eng. I. Evstigneev, ed. A. Voronova, Moscow, Alpina Publisher, 2019, 490 p. (In Russian).
3. *On Communication*, trans. from Eng., Moscow, Alpina Publisher, 2020, Series “HBR’S 10 Must Reads”, 200 p. (In Russian).
4. Bioequiring in retail: the main thing in 5 minutes, *Opencore*. Available at: <https://www.opencore.pro/blog/bioacquiring> (accessed 22.11.2021).
5. Bioequiring in retail: the main thing in 5 minutes, *VC.Ru*, Available at: <https://vc.ru/marketing/167422-bioekvayring-v-ritey-le-glavnoe-za-5-minut> (accessed 22.11.2021).
6. Money, Big Russian Encyclopedia: [in 35 volumes], Yu.S. Osipov (Ed.-in-Ch.), Moscow, Great Russian Encyclopedia, 2004–2017. (In Russian).
7. Legezo D. Safety of online financial services, *Intelligent Enterprise*, March 17, 2009. Available at: <https://www.icmag.ru/analytics/detail.php?ID=18650> (accessed 22.11.2021).
8. Sberbank launched payment at a glance at Perekrestok and Pyaterochka, *Banki.Ru* <https://bit.ly/3JhBPap> (accessed 22.11.2021).
9. Sberbank, X5 and Visa are introducing the technology of payment at a glance in “Perekrestki” and “Pyaterochki”, *Sber Bank*. Available at: <https://bit.ly/3rEO6Qc> (accessed 22.11.2021).
10. Loyalty system and QR-payment from SWiP, *Telemetron*. Available at: <https://telemetron.ru/news/swip-qr-payment> (accessed 22.11.2021).
11. SWiP – contactless payment by person or QR-code, *Open Service*. Available at: <https://open-s.info/automation/solutions-guests/swip/> (accessed 22.11.2021).
12. Graeber D. *Debt. The first 5000 years*, New York, Melville, 2011, 544 p.
13. Mankiw N. G. *Macroeconomics*, 6th edition, New York, Worth Publishers, 2007, pp. 22–32.

УДК 338.2 JEL O30

Валишвили Мери**Амирановна**канд. экон., наук, ФГБОУ ВО
«Российский экономический
университет им. Г.В. Плехано-
ва», Москва, Российская
Федерация**ORCID:** 0000-0001-6258-4150**e-mail:** Valishvili.MA@rea.ru

DOI 10.26425/1816-4277-2022-1-36-42

**КВАЗИПАРТНЕРСКИЕ ФОРМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
ГОСУДАРСТВА И БИЗНЕСА В ИННОВАЦИОННОМ
РАЗВИТИИ**

Аннотация. Реализация значимых социальных и экономических проектов в России в условиях экономического спада, вызванного последствиями пандемии COVID-19, актуализирует поиск новых взаимовыгодных форм сотрудничества бизнеса и государства. Традиционные формы, такие как концессионные соглашения и соглашения о государственно-частном партнерстве, показали высокую восприимчивость к кризисным явлениям в экономике, когда ряд инновационных проектов был приостановлен из-за существенного сокращения потребительского спроса и удорожания, что создало высокий риск недостижения проектами конечных целей. Целью настоящего исследования является изучение институциональных основ взаимодействия государства и бизнеса при реализации проектов развития экономики, в том числе на основе квазипартнерских форм. Для количественной характеристики развития этого процесса в российской экономике автором использована оценка динамики статистических показателей эффективности особых экономических зон технико-внедренческого типа, являющихся одной из форм квазипартнерства государства и бизнеса. Доказана востребованность и эффективность практики взаимодействия государства и бизнеса в рамках таких зон. Результаты исследования демонстрируют новый потенциал государственно-частного партнерства в сфере инновационных проектов.

Ключевые слова: государственно-частное партнерство, квазипартнерство, инновационное развитие, особые экономические зоны, технико-внедренческие зоны, инвестиции, инновации, инфраструктура

Благодарности. Исследование выполнено в рамках НИР «Новые траектории реализации инновационных инициатив на основе моделей государственно-частного взаимодействия» (2021–2022 гг.).

Для цитирования: Валишвили М.А. Квазипартнерские формы взаимодействия государства и бизнеса в инновационном развитии // Вестник университета. 2022. № 1. С. 36–42.

**QUASI-PARTNERSHIP STATE-BUSINESS INTERACTION
FORMS IN INNOVATIVE DEVELOPMENT**

Abstract. Implementation of the significant social and economic projects in Russia in the context of economic downturn caused by the COVID-19 pandemic rises a search of new mutually beneficial forms of state-business cooperation. Traditional forms of this such as concession agreements and public-private partnerships agreements have shown high sensitivity to the crisis phenomena in the Russian economy, when a number of projects has been suspended due to a significant reduction in consumer demand and rising costs, which has created a high-level risk that projects will not achieve their final goals. The purpose of the research is to study institutional framework of state-business interaction in the implementation of economic development projects, including based on quasi-partnership forms. To quantitatively characterise this process development in the Russian economy, author uses an assessment of the statistical performance indicators dynamics for the technology-innovative type special economic zones, which are a quasi-partnership state-business interaction form. The necessity and efficiency of the quasi-partnership state-business interaction practice in such zones have been proved. The research results demonstrate a new potential of the public-private partnerships in innovation projects.

Keywords: public-private partnership, quasi-partnership, innovation development, special economic zones, technology-innovative zones, investments, innovations, infrastructure

Acknowledgements. The reported study was performed as a part of the research paper “New trajectories of innovation initiatives implementation based on public-private interaction models” (2021–2022).

For citation: Valishvili M.A. (2022) Quasi-partnership forms of state-business interaction in innovative development. *Vestnik universiteta*, no. 1, pp. 36–42. DOI: 10.26425/1816-4277-2022-1-36-42

Meri A. ValishviliCand. Sci. (Econ.), Plekhanov
Russian University of Economics,
Moscow, Russia**ORCID:** 0000-0001-6258-4150**e-mail:** Valishvili.MA@rea.ru

© Валишвили М.А., 2022.

Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

© Valishvili M.A., 2022.

This is an open access article under the CC BY 4.0 license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

Введение

Вектор развития российской экспортно-сырьевой экономики в направлении перехода к инновационной модели роста был обозначен более двух десятилетий назад. В 1998 г. Правительством Российской Федерации (далее – РФ) была разработана и утверждена концепция инновационной политики на ближайшие три года [7]. В дальнейшем документы стратегического характера в области инновационного развития стали разрабатываться регулярно, а «Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года» [8] стала основой для разработки ряда отраслевых документов. Важнейшими задачами на пути реализации инновационных стратегических целей стали: формирование спроса на инновационные разработки; укрепление сектора генерации знаний и повышение результативности исследований; формирование качественной инновационной инфраструктуры.

Наиболее эффективное решение поставленных задач лежит в области применения механизмов привлечения органами государственной власти частного бизнеса для создания и обслуживания объектов инновационной инфраструктуры, софинансирования наиболее значимых научно-исследовательских работ и разработок, а также стимулирования бизнеса в коммерциализации результатов исследования.

В условиях экономического спада, вызванного последствиями распространения новой коронавирусной инфекции COVID-19, реализация инновационных проектов не может быть возложена исключительно на государство, несмотря на приоритетность поставленной цели. Бюджетные возможности федерального и регионального уровней власти существенно сократились, следовательно, необходимо привлекать частных партнеров.

Целью настоящего исследования является изучение институциональных основ взаимодействия государства и бизнеса при реализации инновационных проектов развития экономики, в т.ч. на основе квазипартнерских форм. В качестве количественной характеристики развития данного процесса в российской экономике использована оценка динамики статистических данных по показателям эффективности особых экономических зон технико-внедренческого типа с начала их функционирования. Исследование построено на сочетании общенаучных междисциплинарных и специализированных экономических методов, таких как анализ, синтез, научная аналогия, индуктивный, дедуктивный методы, структурный анализ.

Теоретические подходы к определению форм взаимодействия государства и бизнеса

Единого теоретико-методологического подхода к определению сущности взаимодействия государства и бизнеса не выработано, поскольку многочисленные исследования представляют нам различные варианты форм такого взаимодействия, моделей и механизмов его реализации, а также различные подходы к распределению рисков и финансовых ресурсов при реализации проектов. В целом сотрудничество бизнес-сообщества с органами государственной власти возможно в рамках института государственно-частного партнерства (далее – ГЧП), которое в наиболее широком смысле трактуется как эффективный альянс государства и бизнеса, принимающий любые формы, в том числе корпоративную социальную ответственность и благотворительность [11, с. 11].

Экономическая и социальная комиссия для Азии и Тихого океана ООН (далее – ЭСКАТО) в 2011 г. выпустила руководство по ГЧП в сфере инфраструктуры, в котором определяет ГЧП как «сотрудничество государства с частным сектором для количественного увеличения и качественного улучшения предоставления инфраструктурных услуг» [16]. При этом эксперты ЭСКАТО подчеркивают, что такое сотрудничество может быть осуществлено в разных формах, предусмотренных действующим законодательством, а главным принципом является компетентность каждого из партнеров в своей профессиональной области, что позволяет достигать высоких показателей качества и эффективности при реализации проектов.

В российской практике ГЧП имеет легальное толкование. Федеральный закон № 224-ФЗ от 13 июля 2015 г. дает следующее определение: «государственно-частное партнерство, муниципально-частное партнерство – юридически оформленное на определенный срок и основанное на объединении ресурсов, распределении рисков сотрудничество публичного партнера, с одной стороны, и частного партнера, с другой стороны <...> в целях привлечения в экономику частных инвестиций...» [2].

Кроме легально закреплённого подхода, ряд отечественных ученых, исследующих государственно-частное партнерство с экономической и правовой точек зрения, вкладывают в данное понятие свои особенно-

сти. В рамках настоящего исследования перед нами не стоит задача проведения компаративного анализа существующих тракторов ГЧП, в связи с чем будем использовать определение, данное в Федеральном законе № 224-ФЗ и перейдем к изучению возможных форм взаимодействия государства и бизнеса.

Формы реализации проектов государственно-частного партнерства

Реализация проектов в рамках взаимодействия государства и бизнеса возможна в нескольких формах, которые предусматривают взаимодействие, осуществляемое между государством – публичным партнером, а также частным бизнесом – частным партнером [12]. Укрупненно все действующие формы ГЧП можно сгруппировать на договорные, контрактные и «квази» (рис. 1).

Составлено автором по материалам исследования

Рис. 1. Формы государственно-частного партнерства

Договорные формы ГЧП прямо предусмотрены профильными федеральными законами № 115-ФЗ и № 224-ФЗ, а также законодательством, регулирующим государственные закупки [2–5]. Корпоративные формы ГЧП, реализуемые в создании специальной проектной (управляющей) компании, предусмотрены положением статьи 80 Бюджетного кодекса РФ [1].

Особое место среди всех форм реализации ГЧП занимает квази-ГЧП. Латинская этимология префикса «квази» (quasi) означает «яко бы, как будто». Следовательно, это формы взаимодействия, имеющие некоторые признаки ГЧП, но не являющиеся таковыми в полном смысле этого слова.

По состоянию на сентябрь 2021 г. в РФ всего 3 562 проекта ГЧП, находящихся на различных стадиях реализации, с общим объемом инвестиций 4,7 трлн руб. (в т.ч. 1,3 трлн руб. бюджетных средств и 3,4 трлн руб. частных инвестиций). Важно отметить, что большая часть проектов (около 80 %) реализуется в формах концессионных соглашений и соглашений о ГЧП/МЧП, при том, что проекты, запущенные в 2021 г., структурированы только в форме концессий [14]. Классические (договорные и корпоративные) формы ГЧП эффективно используются при реализации проектов в сфере транспортной, социальной и жилищно-коммунальной инфраструктуры.

Использовать потенциальные возможности взаимодействия государства и бизнеса как инструмента национального инновационного развития, возможно в рамках реализации форм квази-ГЧП, поскольку договорные и контрактные формы в меньшей степени отвечают инновационной направленности реализации проектов. Следует отметить, что и среди квази-ГЧП не все формы подходят под реализацию инновационных проектов. Для достижения целей нашего исследования рассмотрим такую форму как соглашение об осуществлении деятельности на территориях с особым режимом экономической деятельности.

Роль особых экономических зон в реализации инновационных проектов

Особые экономические зоны (далее – ОЭЗ) ведут свою историю с XVII–XVIII вв. Именно в этот период появились торговые зоны в северной Германии [9]. Такие зоны сейчас характеризуют как зоны первого поколения. К особым зонам второго поколения относятся промышленно-производственные зоны, ставшие драйверами развития обрабатывающих производств в странах с развивающейся экономикой рыночного типа. Третий этап эволюции особых экономических зон начался в XX в. и связан с созданием технико-внедренческих зон (далее – ТВЗ). В международной практике такие зоны носят разные названия, например, в США – технопарки, в Японии – технополисы, в Китае – зоны развития новой и высокой технологии.

Международная практика зонирования и выделения специализированных территорий экономического развития приобретает все большие масштабы и распространена более чем в 80 странах [13]. По прогнозу ЮНКТАД, составленному в 2019 г. до пандемии COVID-19, мировое семейство ОЭЗ к 2023 г. должно было приблизиться к 6 000 единиц [10].

Важнейшей отличительной чертой ОЭЗ третьего поколения является высокая степень концентрации научно-производственного потенциала в рамках определенной территории. Техничко-внедренческие зоны объединяют фундаментальную и прикладную науку с производственными компаниями, таким образом созданные инновационные продукты и технологии могут в кратчайшие сроки пройти апробацию, и, в случае успеха, перейти к этапу коммерциализации инноваций.

В рамках научно-технической политики, реализуемой в РФ, ОЭЗ рассматриваются как механизм развития наукоемких и высокотехнологических секторов промышленности, направленный на расширение диверсификации экономики. В целом ОЭЗ должны развиваться параллельно с такими организационными формами, как госкорпорации, венчурные компании и прочие без утраты своей самостоятельности.

Определяя особые экономические зоны как форму квази-ГЧП, следует выделить сходства и отличия ОЭЗ и ГЧП. Если в качестве сравнительного признака принять цель создания ОЭЗ и проекта ГЧП, отметим, что основная цель реализации проектов ГЧП и резидентства на территории ОЭЗ, является достижение взаимовыгодных целей и сочетания интересов государства (в части стимулирование развития реального сектора экономики) и бизнеса (в части максимизации прибыли при умеренных рисках). Следовательно, этот признак позволяет нам объединить ОЭЗ и ГЧП.

Создавая особые экономические зоны, государство развивает институциональную среду и инфраструктуру реализации значимых экономических проектов. При этом в мировой практике сложилось два противоположных подхода к инициативе партнеров в данной области. Первый подход характерен для экономики США и предполагает инициативу и активное участие частного партнера в создании ОЭЗ, в то время как публичный партнер осуществляет функции управления ОЭЗ. Второй подход характерен для стран Азии и предполагает государственную инициативу при создании ОЭЗ, а также дальнейшую всестороннюю поддержку резидентов.

Поскольку ОЭЗ фактически представляют собой обособленную локальную среду с высокой степенью концентрации различных видов ресурсов как публичного, так и частного партнеров, можно утверждать, что это второй признак, определяющий сходство ГЧП и ОЭЗ. Экономическая деятельность субъектов хозяйствования опирается на передовые технологии, привлечение иностранного и отечественного капитала, местные материальные, трудовые и природные ресурсы, деловую активность, предпринимательство, конкуренцию и т. д.

Ключевым отличительным признаком ОЭЗ от ГЧП является наличие множественности резидентов (частных партнеров) на территории ОЭЗ, в то время как классические формы реализации проектов ГЧП предполагают наличие одного частного партнера в рамках проекта. По этой причине ОЭЗ не могут быть отнесены к договорной или корпоративной формам ГЧП и рассматриваются в качестве особой квазипартнерской формы.

Рассматривая вопрос реализации инновационных проектов, следует, в первую очередь, изучить практику действующих технико-внедренческих зон России. В настоящее время, на основании положений Федерального закона № 116-ФЗ [6] функционирует шесть особых экономических зон технико-внедренческого типа в пяти регионах: «Технополис «Москва» (г. Москва); «Дубна» (Московская область); «Исток» (Московская область); «Санкт-Петербург» (г. Санкт-Петербург); «Томск» (г. Томск); «Иннополис» (Р. Татарстан).

Таблица 1

**Основные показатели функционирования ОЭЗ технико-внедренческого типа в России
(нарастающим итогом за период с начала функционирования)**

Показатель	Технополис «Москва»	Дубна	Исток	Санкт- Петербург	Томск	Инно- полис
Количество резидентов, ед.	83,0	168,0	22,0	58,0	39,0	101,0
Количество рабочих мест, ед.	7 393,0	4 802,0	406,0	5 037,0	1 775,0	3 931,0
Объем инвестиций, осуществленных резидентами ОЭЗ на территории ОЭЗ, млн руб.	37 535,6	32 601,7	36 889,8	62 128,0	22 086,5	31 894,8
Объем выручки от продажи товаров (работ, услуг), млн руб.	105 383,74	61 865,7	69 031,7	148 538,0	26 129,1	26 904,8
Объем средств федерального бюджета, направленных на финансирование создания объектов инфраструктуры ОЭЗ, млн руб.	10 122,0	9 236,0	0,0	5 485,4	8 179,7	14 237,9
Объем средств бюджета субъекта РФ и местных бюджетов, направленных на финансирование создания объектов инфраструктуры ОЭЗ, млн руб.	17 724,0	6 104,0	0,0	11 100,0	5 535,8	6 894,8
Объем налогов, уплаченных в бюджеты бюджетной системы РФ, млн руб.	12 698,4	5 662,2	10 687,1	19 333,0	2 447,2	4 103,4

Источник: [15]

Министерство экономического развития Российской Федерации регулярно проводит оценку эффективности функционирования особых экономических зон по расширенному перечню показателей, в том числе по показателям, представленным в таблице выше. Особые экономические зоны технико-внедренческого типа являются эффективными со значением показателя 91 % с начала функционирования. Сводный показатель эффективности ОЭЗ ТВТ составляет: «Иннополис» – 100 %; свыше 95 % – «Дубна» и «Санкт-Петербург»; свыше 90 % – Технополис «Москва» и «Исток», свыше 75 % – «Томск».

По итогам 2020 г. на территориях ОЭЗ ТВТ в общей сложности зарегистрирован 471 резидент, создавшие 23 344 рабочих мест, что превышает плановый показатель на 115 %. Наиболее значимым показателем является объем привлеченных инвестиций, как частных, так и бюджетных. В общей сложности резиденты ОЭЗ ТВТ инвестировали на развитие инфраструктуры соответствующих ОЭЗ более 223 000 млн руб., что составляет 70 % от совокупного объема инвестиций. При этом объем бюджетных инвестиций составляет: за счет средств федерального бюджета – 47 261 млн руб. (15 %), за счет субфедеральных и местных бюджетов – 47 358 млн руб. (15 %).

Таким образом, динамика основных показателей функционирования ОЭЗ ТВО превышает плановые значения, следовательно, практика взаимодействия государства и бизнеса в рамках ОЭЗ является востребованной и эффективной. Кроме того, ОЭЗ ТВТ имеет значительный потенциал для трансферта и коммерциализации инноваций.

Заключение

Глобальные вызовы российской экономике, в том числе обусловленные последствиями пандемии COVID-19, очередной раз доказали, что устойчивое социально-экономическое развитие возможно только при условии взаимовыгодного сотрудничества органов государственной власти и представителей бизнеса. В условиях экономической нестабильности государство не имеет достаточного количества свободных бюджетных ресурсов для финансирования приоритетных проектов, а бизнес нуждается в дополнительной поддержке и некоторых гарантиях.

Существенно сокращение потребительского спроса и удорожание ряда проектов, реализуемых в классических формах государственно-частного партнерства, вновь актуализировали вопрос поиска эффективных форм кооперации различных субъектов экономической системы России.

В качестве одной из перспективных форм квазипартнерства следует рассматривать дальнейшее развитие особых экономических зон технико-внедренческого типа, объединяющие потенциал научных организаций и производственных компаний. Положительным эффектом для государства от развития такого типа кооперации является увеличение рабочих мест и повышение объема собираемых налоговых доходов от резидентов ОЭЗ.

Таким образом, квазипартнерские формы взаимодействия государства и бизнеса являются наиболее результативными при реализации инновационных проектов развития экономики вследствие эффективного использования потенциала частного и публичного партнеров.

Библиографический список

1. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ (ред. от 01.07.2021, с изм. и доп., вступ. в силу с 12.07.2021) // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19702/ (дата обращения: 11.11.2021).
2. Федеральный закон от 13.07.2015 № 224-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182660/ (дата обращения: 10.11.2021).
3. Федеральный закон от 21.07.2005 № 115-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «О концессионных соглашениях» (с изм. и доп., вступ. в силу с 22.08.2021) // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_54572/ (дата обращения: 10.11.2021).
4. Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144624/ (дата обращения: 11.11.2021).
5. Федеральный закон от 18.07.2011 № 223-ФЗ (ред. от 01.07.2021) «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_116964/ (дата обращения: 11.11.2021).
6. Федеральный закон от 22.07.2005 № 116-ФЗ (ред. от 11.06.2021) «Об особых экономических зонах в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_54599/01fbae25b3040955277cbd70aa1b907cceda878e/ (дата обращения: 12.11.2021).
7. Постановление Правительства РФ от 24.07.1998 № 832 «О Концепции инновационной политики Российской Федерации на 1998-2000 годы» // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=258811#8IEa2qS0OLE4OOml> (дата обращения: 05.11.2021).
8. Распоряжение Правительства РФ от 08.12.2011 № 2227-р (ред. от 18.10.2018) «Об утверждении Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года» // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_123444/ (дата обращения: 05.11.2021).
9. Божко, Т. А. Типология особых экономических зон в современных условиях // Социально-экономические явления и процессы. – 2012. – № 1 (35). – С. 23–26.
10. Квашнина, И. А. Особые экономические зоны как инструмент привлечения иностранных инвестиций // Вестник Института экономики Российской академии наук. – 2021. – № 3. – С. 121–132. https://doi.org/10.52180/2073-6487_2021_3_121_132
11. Кочеткова, С. А. Государственно-частное партнерство: учебное пособие. – М.: Изд. дом Российской Академии Естествознания, 2016. – 174 с.
12. Краснов, А. Д. Государственно-частное партнерство в Российской Федерации в условиях пандемии // Креативная экономика. – 2021. – Т. 15, № 9. – С. 3523–3534. <https://doi.org/10.18334/ce.15.9.113239>
13. Чернова С. А. Проблемы развития особых экономических зон Российской Федерации с позиций формирования общего экономического пространства (ОЭП) с участием России // Наука. Инновации. Образование. – 2007. – Т. 2, № 1. – С. 384–396.
14. Инвестиции в инфраструктуру и ГЧП 2021. Аналитический обзор // Национальный Центр Государственно-Частного Партнерства [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pppcenter.ru/upload/iblock/312/312a2ad6182866e21407990ab0bb16a2.pdf> (дата обращения: 15.11.2021).
15. Отчет о результатах функционирования особых экономических зон за 2020 год и за период с начала функционирования особых экономических зон // Министерство экономического развития Российской Федерации [Электронный ресурс]. –

Режим доступа: https://economy.gov.ru/material/dokumenty/otchet_o_rezultatah_funkcionirovaniya_osobyh_ekonomicheskikh_zon_za_2020_god_i_za_period_s_nachala_funkcionirovaniya_oez.html (дата обращения: 20.11.2021).

16. A Guidebook on Public-Private Partnership in Infrastructure // United Nations Economic and Social Commission for Asia and the Pacific [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.unescap.org/sites/default/d8files/knowledge-products/ppp_guidebook.pdf (дата обращения: 10.11.2021).

References

1. Budgetary Code of the Russian Federation dated on July 31, 1998, No. 145-FZ (revised of July 1, 2021, with amend. and add., in force from July 12, 2021), *Legal reference system "ConsultantPlus"*. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19702/ (accessed 11.11.2021).
2. Federal Law dated on July 13, 2015, No. 224-FZ (as amended of July 2, 2021) "On Public-Private Partnership, Municipal-Private Partnership in the Russian Federation and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation", *Legal reference system "ConsultantPlus"*. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182660/ (accessed 10.11.2021).
3. Federal Law dated on July 21, 2005, No. 115-FZ (as amended of July 2, 2021) "On Concession Agreements" (with amend. and add., in force from August 22, 2021), *Legal reference system "ConsultantPlus"*. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_54572/ (accessed 10.11.2021).
4. Federal Law dated on April 5, 2013, No. 44-FZ (as amended of July 2, 2021) "On Contract System in the Sphere of Procurement of Goods, Works and Services for Provision of State and Municipal Needs", *Legal reference system "ConsultantPlus"*. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144624/ (accessed 11.11.2021).
5. Federal Law dated on July 18, 2011, No. 223-FZ (as amended of July 1, 2021) "On the Purchases of the Goods, Works and Services by Separate Kinds of Legal Bodies", *Legal reference system "ConsultantPlus"*. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_116964/ (accessed 11.11.2021).
6. Federal Law dated on July 22, 2005, No. 116-FZ (as amended of June 11, 2021) "On Special Economic Zones in the Russian Federation", *Legal reference system "ConsultantPlus"*. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_54599/01fbae25b3040955277cbd70aa1b907cceda878e/ (accessed 12.11.2021).
7. Resolution of the Government of the Russian Federation dated on July 24, 1998, No. 832 "On the Conception of Innovation Policy of the Russian Federation for 1998-2000", *Legal reference system "ConsultantPlus"*. Available at: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=258811#81Ea2qS0OLE4O0ml> (accessed 05.11.2021).
8. Order of the Government of the Russian Federation dated on December 8, 2011, No. 2227-r (as amended of October 18, 2018) "On Approval of the Strategy for Innovative Development of the Russian Federation for the Period up to 2020", *Legal reference system "ConsultantPlus"*. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_123444/ (accessed 05.11.2021).
9. Bozhko T. A. Typology of special economic zones in modern conditions, *Social-economic phenomena and processes*, 2012, no. 1 (35), pp. 23–26. (In Russian).
10. Kvashnina I. A. Special economic zones as a tool to attract foreign investments, *Vestnik Instituta ekonomiki Rossiiskoi akademii nauk*, 2021, no. 3, pp. 121–132. (In Russian). https://doi.org/10.52180/2073-6487_2021_3_121_132
11. Kochetkova S. A. *Public-private partnership: tutorial*, Moscow, Russian Academy of Natural History Publishing House, 2016, 174 p. (In Russian).
12. Krasnov A. D. Public-private partnership in the Russian Federation amidst a pandemic, *Creative economy*, 2021, vol. 15, no. 9, pp. 3523–3534. (In Russian). <https://doi.org/10.18334/ce.15.9.113239>
13. Chernova S. A. Problems of development of special economic zones of the Russian Federation from the position of common economic space (CES) formation with Russia's participation, *Science. Innovation. Education*, 2007, vol. 2, no. 1, pp. 384–396. (In Russian).
14. Investments in infrastructure and PPP 2021. Analytical review, *National Center for Public Private Partnership*. Available at: <https://pppcenter.ru/upload/iblock/312/312a2ad6182866e21407990ab0bb16a2.pdf> (accessed 15.11.2021).
15. Report on the Results of Special Economic zones for 2020 and for the period since the beginning of functioning of special economic zones, *Ministry of Economic Development of the Russian Federation*. Available at: https://economy.gov.ru/material/dokumenty/otchet_o_rezultatah_funkcionirovaniya_osobyh_ekonomicheskikh_zon_za_2020_god_i_za_period_s_nachala_funkcionirovaniya_oez.html (accessed 20.11.2021).
16. A guidebook on public-private partnership in infrastructure, *United Nations Economic and Social Commission for Asia and the Pacific*. Available at: https://www.unescap.org/sites/default/d8files/knowledge-products/ppp_guidebook.pdf (accessed 10.11.2021).

Козырь Наталья Сергеевна
канд. экон., наук, ФГБОУ ВО
«Кубанский государственный
технологический университет»,
г. Краснодар, Российская
Федерация
ORCID: 0000-0002-8323-0957
e-mail: n_k_@mail.ru

СТРАТЕГИЯ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ: БЕЛЫЕ ПЯТНА В СПЕЦИАЛИЗАЦИЯХ РЕГИОНОВ

Аннотация. Государственная «Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года» вызвала не только интерес в научном сообществе, но и стала объектом критики по вопросам соответствия перспективных экономических специализаций субъектов Российской Федерации целям пространственного развития. С целью выявления лагун в содержании данной стратегии в статье выполнено сопоставление экономических специализаций субъектов Российской Федерации с видами деятельности, описанными в «Общероссийском классификаторе видов экономической деятельности 2021 года». Полученные данные сравнивались со статистикой валовой добавленной стоимости российской отраслевой структуры. Проанализирована представленность высокотехнологических и наукоемких отраслей в составе перспективных экономических специализаций регионов. Результаты исследования расширяют свод критических замечаний со стороны российского научного сообщества в отношении указанного документа. Вместе с тем обзор зарубежных исследований показал, что сложности разработки стратегий присущи и странам с сильными традициями планирования. Однозначным выводом является необходимость создания нового по структуре и содержанию документа с учетом тенденций технологического развития мира и общества.

Ключевые слова: стратегия пространственного развития, перспективные экономические специализации, ОКВЭД-2, экономика региона, региональное развитие, пространственное планирование, цели устойчивого развития, экономическая политика государства

Для цитирования: Козырь Н.С. Стратегия пространственного развития России: белые пятна в специализациях регионов // Вестник университета. 2022. № 1. С. 43–49.

Natalia S. Kozyr
Cand. Sci. (Econ.), Kuban
State Technological University,
Krasnodar, Russia
ORCID: 0000-0002-8323-0957
e-mail: n_k_@mail.ru

RUSSIAN SPATIAL DEVELOPMENT STRATEGY: BLIND SPOTS IN REGIONAL SPECIALISATIONS

Abstract. The state “Russian Spatial Development Strategy for the period up to 2025” has not only aroused interest in the scientific community, but has also been the object of criticism on the issues of consistency of the prospective economic specialisations of the constituent entities of the Russian Federation to spatial development objectives. To identify gaps in the content of this strategy, the article compares the economic specialisations of the constituent entities of the Russian Federation with the types of activities described in the “Russian Classification of Economic Activities (OKVED-2) 2021”. The data obtained were compared with the gross value added statistics of the Russian industry structure. The representation of high-tech and knowledge-intensive industries in promising regional economic specialisations was analysed. The results of the study extend the list of criticisms from the Russian scientific community regarding the indicated document. However, a review of foreign studies has shown that the difficulties of strategy development are also inherent in countries with strong planning traditions. An unambiguous conclusion is the need to create a new structure and content document, taking into account the trends in the world and society technological development.

Keywords: Spatial Development Strategy, prospective economic specialisations, Russian Classification of Economic Activities, regional economics, regional development, spatial planning, sustainable development goals, government economic policy

For citation: Kozyr N.S. (2022) Russian Spatial Development Strategy: blind spots in regional specialisations. *Vestnik universiteta*, no. 1, pp. 43–49. DOI: 10.26425/1816-4277-2022-1-43-49

Введение

Стратегия пространственного развития (далее – Стратегия) [1] вызвала большой резонанс в научном сообществе, но фундаментальные научные изыскания российских ученых не нашли отражения в разработке документа государственного законотворчества. Публикации продолжают появляться, и критика затрагивает все разделы, которые содержатся в Стратегии. При рассмотрении возможности конвергенций регионов получен вывод о несоответствии специализаций целям пространственного развития Российской Федерации [4]. Отмечаются низкий уровень статистики городских агломераций и муниципальной статистики в целом, отсутствие открытости данных по территориальной структуре расходов федерального и региональных бюджетов [7]. В принятой Стратегии отсутствуют черты конкретики и достоверности [5]. Так, например, содержание Стратегии противоречит национальным проектам, таким как «Демография» [9]. Отметим, что сложнее будет найти устойчивые к критике и прочные по своей проработке «оазисы» текста Стратегии, чем «белые пятна». В представленном исследовании выполнен анализ укрупненных видов деятельности, которые не вошли в перечни перспективных специализаций субъектов Российской Федерации (далее – РФ).

Метод исследования

С целью выявления разделов, которые выпали из Стратегии, в работе сравнивались экономические специализации субъектов РФ с кодами ОКВЭД-2. Полученные данные сопоставлены со статистикой валовой добавленной стоимости отраслевой структуры РФ. Заключительным этапом исследования стал анализ представленности высокотехнологических отраслей экономики РФ в составе перспективных экономических специализаций регионов.

В статье использованы следующие источники анализа:

- перспективные экономические специализации в соответствии со Стратегией [1];
- Общероссийский классификатор видов экономической деятельности (далее – ОКВЭД-2) [2];
- данные Федеральной службы государственной статистики по валовому региональному продукту [11];
- документ Министерства экономического развития Российской Федерации (далее – Минэкономразвития РФ) о расчете показателей высокотехнологических и наукоемких отраслей [2].

Основные результаты

В таблице 1 представлен перечень разделов ОКВЭД-2, которые не нашли отражения в экономических специализациях субъектов РФ. Список разделов составлен сплошным методом сопоставления перспективных экономических специализаций с классификатором ОКВЭД. Если наименование раздела или класса упоминается хотя бы в одном из субъектов РФ, то в таблице элемент не перечислен в составе белых пятен региональных специализаций.

Таблица 1

Перечень отсутствующих специализаций в стратегии пространственного развития

Раздел	Укрупненный вид экономической деятельности
D	Обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха
E	Водоснабжение; водоотведение, организация сбора и утилизации отходов, деятельность по ликвидации загрязнений
F	Строительство
G	Торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов
K	Деятельность финансовая и страховая
L	Деятельность по операциям с недвижимым имуществом
O	Государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное обеспечение
P	Образование
R	Деятельность в области культуры, спорта, организации досуга и развлечений

Раздел	Укрупненный вид экономической деятельности
S	Предоставление прочих видов услуг
T	Деятельность домашних хозяйств как работодателей; недифференцированная деятельность частных домашних хозяйств по производству товаров и оказанию услуг для собственного
U	Деятельность экстерриториальных организаций и органов

Источник: [1; 3]

В таблице 2 представлена отраслевая структура валовой добавленной стоимости РФ в 2019 г. по видам деятельности, исключенным из перечня перспективных специализаций. Информация представлена в разрезе федеральных округов без детализации по субъектам или консолидации в макрорегионы. Здесь следует уточнить, что столбец «ПС» (перспективные специализации) содержит суммарные данные по разделам ОКВЭД, которые нашли отражение в содержании в Стратегии. В этой связи будет некорректным тезис о том, что «ПС» – это доля перспективных специализаций федерального округа, так как не все классы внутри раздела ОКВЭД отнесены к перспективной специализации субъектов РФ. Вместе с тем очистить данные от непрофильных специализаций не представляется возможным по причине отсутствия детализации данных в федеральной статистике. Данные федеральной службы статистики аккумулированы укрупнено по разделу, информация по отдельным классам отражает лишь отдельные аспекты экономической деятельности РФ.

Таблица 2

Валовая добавленная стоимость отраслевой структуры Российской Федерации в основных ценах по отдельным видам деятельности за 2019 г. (в текущих ценах), % к итогу

Федеральный округ	Все ОКВЭД	Разделы ОКВЭД, которые отсутствуют в Стратегии											ПС*
		D	E	F	G	K	L	O	P	R	S	T	
Центральный	100	2,8	0,5	4,7	22,0	0,9	12,0	5,8	2,6	1,2	0,6	0,0	46,9
Северо-Западный	100	2,9	0,8	4,7	11,8	0,4	12,8	5,9	3,2	1,2	0,5	0,0	55,8
Южный	100	2,8	0,7	6,2	13,6	0,2	11,9	6,7	3,4	1,3	0,7	0,0	52,5
Северо-Кавказский	100	2,7	0,5	10,7	15,8	0,1	10,0	11,0	6,0	1,1	0,6	0,0	41,5
Приволжский	100	2,9	0,7	5,7	10,9	0,2	9,2	4,7	3,1	0,8	0,5	0,0	61,3
Уральский	100	2,5	0,5	6,0	6,0	0,1	5,3	3,1	2,0	0,5	0,2	0,0	73,8
Сибирский	100	3,5	0,5	4,6	9,3	0,2	8,4	5,6	3,5	0,7	0,5	0,0	63,2
Дальневосточный	100	3,0	0,5	6,8	9,2	0,1	6,3	8,3	3,7	1,0	0,4	0,0	60,7
Российская Федерация из суммы субъектов Российской Федерации	100	2,9	0,6	5,4	14,2	0,5	10,0	5,6	3,0	1,0	0,5	0,0	56,3

* ПС – доля разделов ОКВЭД, которые в стратегии обозначены «перспективными специализациями»

Источник: [11]

Отдельные разделы валовой добавленной стоимости (F, G, L, O) составляют более 10 % в удельном весе отраслевой структуры регионов, на уровне России эти разделы выше 5 %:

- 5,4 % F – «Строительство»;
- 14,2% G – «Торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов»;
- 10 % L – «Деятельность по операциям с недвижимым имуществом»;
- 5,6 % O – «Государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное обеспечение».

Однако проведенного сопоставления недостаточно для формирования вывода о потере экономических видов деятельности в списке перспективных специализаций. Отсутствие целого ряда разделов и классов однозначно свидетельствует о необходимости совершенствования отраслевого учета экономики РФ. Рассмотрим перечень ОКВЭД-2, который применяется для расчета доли продукции высокотехнологичной и наукоемких отраслей в валовом региональном продукте субъектов РФ (табл. 3).

Таблица 3

**Перечень отраслей для расчета высокотехнологических и наукоемких отраслей
в валовом региональном продукте субъектов Российской Федерации**

Раздел	Класс	Наименование ОКВЭД	Число субъектов РФ
1. Высокотехнологичные отрасли			
1.1. Отрасли высокого технологичного уровня			
С	21	Производство лекарственных средств и материалов, применяемых в медицинских целях	41
	26	Производство компьютеров, электронных и оптических изделий	56
	30.3	Производство летательных аппаратов, включая космические, и соответствующего оборудования	45
1.2. Отрасли среднего высокого технологичного уровня			
С	20	Производство химических веществ и химических продуктов	67
	27	Производство электрического оборудования	66
	28	Производство машин и оборудования, не включенных в другие группировки	68
	29	Производство автотранспортных средств, прицепов и полуприцепов	54
	30 без 30.3	Производство прочих транспортных средств и оборудования, исключая 30.3 (производство летательных аппаратов, включая космические, и соответствующего оборудования)	45
	32.5	Производство медицинских инструментов и оборудования	83
	33	Ремонт и монтаж машин и оборудования	2
2. Наукоемкие отрасли			
Н	50	Деятельность водного транспорта	42
	51	Деятельность воздушного и космического транспорта	
J	61	Деятельность в сфере телекоммуникаций	55
	62	Разработка компьютерного программного обеспечения, консультационные услуги в данной области и другие сопутствующие услуги	
	63	Деятельность в области информационных технологий	
М	69	Деятельность в области права и бухгалтерского учета	48
	70	Деятельность головных офисов; консультирование по вопросам управления	
	71	Деятельность в области архитектуры и инженерно-технического проектирования; технических испытаний, исследований и анализа	
	72	Научные исследования и разработки	
	75	Деятельность ветеринарная	
N	78	Деятельность по трудоустройству и подбору персонала	нет
P	85	Образование	нет
Q	86	Деятельность в области здравоохранения	10
	87	Деятельность по уходу с обеспечением проживания	
	88	Предоставление социальных услуг без обеспечения проживания	

Источники: [1; 3; 6]

Следует отметить, что в составе расчета высокотехнологической и наукоемкой продукции в структуре валового регионального продукта отсутствуют классы 64, 65 и 66 (раздел К). В методике это объясняется сложностью вычленения этих классов на уровне субъектов РФ, при этом раздел («деятельность финансовая и страховая») рассчитывается в структуре валового внутреннего продукта высокотехнологичных и наукоемких отраслей. Наличие или отсутствие раздела в методике Минэкономразвития РФ не оказывает влияния на представленное исследование, однако в разрезе субъектов РФ нет упоминания о данном виде экономической деятельности в составе экономических специализаций.

Кроме того, Стратегия ограничивается детализацией по классам, без выделения подклассов ОКВЭД-2. В связи с этим в таблице указано одинаковое число субъектов РФ в строке подкласса «30.3» и «30 без 30.3». Аналогично в подклассе 32.5 представлено число субъектов РФ, которые указали в качестве своей перспективной специализации класс 30. Детализация классов в Стратегии ограничена только разделами А и С, в остальных случаях специализация представлено совокупно в составе раздела. Данные таблицы о числе субъектов, которые специализируются на наукоемких отраслях Н, J, М и Q, составлены на основе наличия названия раздела в составе перспективных видов экономической деятельности регионов. Вместе с этим ни один субъект РФ не указал в качестве своей специализации «Образование» (класс 85) или «деятельность по трудоустройству и отбору персонала» (класс 78), в то время как эти виды экономической деятельности входят в методику подсчета валовых внутренней и региональной продукции высокотехнологичных и наукоемких отраслей РФ.

Учитывая факт разработки методики одним и тем же органом государственной власти, можно сделать вывод о существенных «белых пятнах» в перспективных специализациях регионов РФ. Безусловно, стратегия пространственного развития не функциональна и без возможности улучшения. Государство нуждается в стратегических документах пространственного развития и полную переработку документа следует начинать без ожидания окончания срока действия неудачной Стратегии.

Обсуждение результатов

Вопросы стратегии развития территорий актуальны для всего мирового пространства. Так, в исследованиях ученых из Китая говорится о том, что в пространственном планировании первостепенная роль всегда принадлежит государству, стратегия должна учитывать региональные особенности с учетом государственных целей [14]. Польские ученые обозначили тезис, в котором успех реализации концепции территориального развития зависит от оперативных корректировок с учетом особенностей прикладной реализации на локальном уровне субъектов стратегии [16]. На примере Голландии показано, что принцип гибкости стратегий развития с учетом современных особенностей современной действительности привел к нерешительности стран даже с сильными традициями планирования [12]. Многочисленные «белые пятна» в специализациях регионов описаны в трудах российских ученых [8;10], это касается всех аспектов, в том числе и перспективных экономических специализаций. Безусловно, следует использовать накопленный опыт успешного стратегирования территорий, например, позитивное влияние технологической сложности на экономический рост регионов [15], экспорт с добавленной стоимостью как индикатор развития субъектов государства [13].

Заключение

Однозначным выводом исследования является констатация необходимости создания нового документа по структуре и содержанию с учетом тенденций технологического развития мира и общества.

Библиографический список

1. Распоряжение Правительства РФ от 13.02.2019 № 207-р «Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года» // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/552378463> (дата обращения: 10.11.2021).
2. Приказ Минэкономразвития РФ от 15.12.2017 № 832 «Об утверждении методики расчета показателей «Доля продукции высокотехнологичных и наукоемких отраслей в валовом внутреннем продукте» и «Доля продукции высокотехнологичных и наукоемких отраслей в валовом региональном продукте субъекта РФ» // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/556157980> (дата обращения: 10.11.2021).

3. Общероссийский классификатор видов экономической деятельности (ОКВЭД 2) (утв. Приказом Росстандарта от 31.01.2014 № 14-ст) // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/1200110162> (дата обращения: 10.11.2021).
4. Блануца, В. И. Перспективные экономические специализации для российских регионов в стратегии пространственного развития: клубы конвергенции // Экономика. Информатика. – 2020. – Т. 47, № 2. – С. 233–243. <https://doi.org/10.18413/2687-0932-2020-47-2-233-243>
5. Валентик, О. Н. Стратегия пространственного развития: реализуем ли план реализации? // Экономические науки. – 2020. – № 182. – С. 27–30. <https://doi.org/10.14451/1.182.27>
6. Козырь, Н. С. Стратегия пространственного развития: проблемы идентификации перспективных экономических специализаций субъектов РФ // Экономические стратегии. – 2021. – Т. 23, № 2 (176). – С. 16–21. <https://doi.org/10.33917/es-2.176.2021.16-21>
7. Кузнецова, О. В. Стратегия пространственного развития российской федерации: иллюзия решений и реальность проблем // Пространственная экономика. – 2019. – Т. 15, № 4. – С. 107–125. <https://doi.org/10.14530/se.2019.4.107-125>
8. Минакир, П. А. Российское экономическое пространство: стратегические тупики // Экономика региона. – 2019. – Т. 15, № 4. – С. 967–980. <https://doi.org/10.17059/2019-4-1>
9. Пациорковский, В. В. Население и регионы в стратегии пространственного развития страны // Народонаселение. – 2020. – Т. 23, № 3. – С. 96–108. <https://doi.org/10.19181/population.2020.23.3.9>
10. Трейвиш, А. И. Неравномерность и структурное разнообразие пространственного развития экономики как научная проблема и российская реальность // Пространственная экономика. – 2019. – Т. 15, № 4. – С. 13–35. <https://doi.org/10.14530/se.2019.4.013-035>
11. Валовой региональный продукт // Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/accounts> (дата обращения: 10.11.2021).
12. Dijk, T. Van Strategic spatial planning through pragmatic blueprints: Forms and levels of adaptivity in modernist planning of the Dutch IJsselmeerpolders // Futures. – 2021. – V. 125. – Art. 102665. <https://doi.org/10.1016/j.futures.2020.102665>
13. Koch, Ph., Schwarzbauer, W. Yet another space: why the industry space adds value to the understanding of structural change and economic development // Structural Change and Economic Dynamics. – 2021. – V. 59, No. 6. – Pp. 198–213. <https://doi.org/10.1016/j.strueco.2021.08.019>
14. Liu, Y., Zhou, Y. Territory spatial planning and national governance system in China // Land Use Policy. – 2021. – V. 102. – Art. 105288. <https://doi.org/10.1016/j.landusepol.2021.105288>
15. Mewes, L., Broekel, T. Technological complexity and economic growth of regions // Research Policy. – 2020. – Art. 104156. <https://doi.org/10.1016/j.respol.2020.104156>
16. Rogatka, K., Starczewski, T., Kowalski, M. Urban resilience in spatial planning of polish cities – true or false? Transformational perspective // Land Use Policy. – 2021. – V. 101. – Art. 105172. <https://doi.org/10.1016/j.landusepol.2020.105172>

References

1. Order of the Government of the Russian Federation dated on February 13, 2019, No. 207-r “On Approval of the Spatial Development Strategy of the Russian Federation for the Period up to 2025”, *Electronic Fund of Legal and Regulatory-Technical Documents*. Available at: <https://docs.cntd.ru/document/552378463> (accessed 10.11.2021).
2. Order of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation dated on December 15, 2017, No. 832 “On the Approval of the Methodology for Calculating Indicators “The Share of Products of High-Tech and Knowledge-Intensive Industries in Gross Domestic Product” and “The Share of Products of High-Tech and Knowledge-Intensive Industries in the Gross Regional Product of a Constituent Entity of the Russian Federation”, *Electronic Fund of Legal and Regulatory-Technical Documents*. Available at: <https://docs.cntd.ru/document/499076991> (accessed 10.11.2021).
3. Russian Classification of Economic Activities (approved by the Order of Rosstandart dated on January 31, 2014, No. 14-st), *Electronic Fund of Legal and Regulatory-Technical Documents*. Available at: <https://docs.cntd.ru/document/1200110162> (accessed 10.11.2021).
4. Blanutsa V. I. Perspective economic specializations for the Russian regions in the strategy of spatial development: convergence clubs, *Economics. Information Technologies*, 2020, vol. 47, no. 2, pp. 233–243. (In Russian). <https://doi.org/10.18413/2687-0932-2020-47-2-233-243>
5. Valentik O. N. The strategy of spatial development: Is the implementation plan actually realized? *Economicheskije nauki*, 2020, no. 182, pp. 27–30. (In Russian). <https://doi.org/10.14451/1.182.27>

6. Kozyr N. S. Spatial development strategy: identification problems of the Russian promising economic specializations, *Economicheskie strategii*, 2021, vol. 23, no. 2 (176), pp. 16–21. (In Russian). <https://doi.org/10.33917/es-2.176.2021.16-21>
7. Kuznetsova O. V. Problems of elaboration of spatial development strategy of the Russian Federation, *Spatial economics*, 2019, vol. 15, no. 4, pp. 107–125. (In Russian). <https://doi.org/10.14530/se.2019.4.107-125>
8. Minakir P. A. Russian economic space: strategic impasses, *Economy of the regions*, 2019, vol. 15, no. 4, pp. 967–980. (In Russian). <https://doi.org/10.17059/2019-4-1>
9. Patsiorkovsky V. V. Population and regions in the strategy for the country spatial development, *Population*, 2020, vol. 23, no. 3, pp. 96–108. (In Russian). <https://doi.org/10.19181/population.2020.23.3.9>
10. Treyvish A. I. Uneven and structurally diverse spatial development of economy as a scientific problem and Russian reality, *Spatial economics*, 2019, vol. 15, no. 4, pp. 13–35. (In Russian). <https://doi.org/10.14530/se.2019.4.013-035>
11. Gross Regional Product, *Federal State Statistics Service*. Available at: <https://rosstat.gov.ru/accounts> (accessed 10.11.2021).
12. Dijk T. Van Strategic spatial planning through pragmatic blueprints: Forms and levels of adaptivity in modernist planning of the Dutch IJsselmeerpolders, *Futures*, 2021, vol. 125, article 102665. <https://doi.org/10.1016/j.futures.2020.102.665>
13. Koch Ph., Schwarzbauer W. Yet another space: why the industry space adds value to the understanding of structural change and economic development, *Structural Change and Economic Dynamics*, 2021, vol. 59, no. 6, pp. 198–213. <https://doi.org/10.1016/j.strueco.2021.08.019>
14. Liu Y., Zhou Y. Territory spatial planning and national governance system in China, *Land Use Policy*, 2021, vol. 102, article 105288. <https://doi.org/10.1016/j.landusepol.2021.105288>
15. Mewes L., Broekel T. Technological complexity and economic growth of regions, *Research Policy*, 2020, article 104156. <https://doi.org/10.1016/j.respol.2020.104156>
16. Rogatka K., Starczewski T., Kowalski M. Urban resilience in spatial planning of polish cities – true or false? Transformational perspective, *Land Use Policy*, 2021, vol. 101, article 105172. <https://doi.org/10.1016/j.landusepol.2020.105172>

УДК 330.2 JEL O33

**Рыбина Марина
Николаевна**

канд. экон., наук, ФГБОУ ВО
«Государственный университет
управления», г. Москва, Россий-
ская Федерация

ORCID: 0000-0002-1443-1499

e-mail: solgy@mail.ru

**Быковская Екатерина
Николаевна**

канд. экон., наук, ФГБОУ ВО
«Государственный университет
управления», г. Москва,
Российская Федерация

ORCID: 0000-0001-8441-9455

e-mail: byko33@yandex.ru

Marina N. Rybina

Cand. Sci. (Econ.), State
University of Management,
Moscow, Russia

ORCID: 0000-0002-1443-1499

e-mail: solgy@mail.ru

Ekaterina N. Bykovskaya

Cand. Sci. (Econ.), State
University of Management,
Moscow, Russia

ORCID: 0000-0001-8441-9455

e-mail: byko33@yandex.ru

DOI 10.26425/1816-4277-2022-1-50-56

ПОТЕНЦИАЛЬНЫЕ УГРОЗЫ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ В УСЛОВИЯХ ФОРМИРОВАНИЯ «УМНОГО ГОРОДА»

Аннотация. Исследование функционирования «умного города» позволяет сделать вывод, что четвертая промышленная революция бросает угрожающие вызовы, которые уже сейчас требуют пристального внимания ученых с тем, чтобы устранить экзистенциальные угрозы всему человечеству и превратить функционирование «умного города» в человекоцентричную систему. Актуальным сегодня остается анализ индикаторов и дескрипторов, определяющих содержание феномена «умный город» и сущность этого понятия. Цель статьи – анализ глобальной сети «умных городов», стран, региональных кластеров и масштабирования урбанизации на предмет возникновения возможных потенциальных угроз применения искусственного интеллекта в «умном городе»: социально-экономического, этического, психологического, экологического и политического свойства. С помощью методов форсайтинга, бенчмаркинга и компаративного анализа авторами сформулировано и раскрыто содержание угроз политического и репутационного характера. Эти угрозы связаны с увеличением поляризации в обществе, возникновением «гибридных» войн, потерями персональных данных, проблемами на рынке труда и в сфере занятости населения, увеличением экологической нагрузки на окружающую среду, стиранием грани между машиной и человеком. Результаты работы вносят вклад в знание о потенциале и негативных аспектах применения информационных технологий в условиях городской среды.

Ключевые слова: социально-экономические угрозы, политические угрозы, экзистенциальные угрозы, четвертая промышленная революция, глобальные сети, умный город, искусственный интеллект, 3D технологии, форсайтинг, качество жизни, гибридные войны, экономика совместного потребления

Для цитирования: Рыбина М.Н., Быковская Е.Н. Потенциальные угрозы и социально-экономические противоречия в условиях формирования «умного города» // Вестник университета. 2022. № 1. С. 50–56.

POTENTIAL THREATS AND SOCIO-ECONOMIC CONTRADICTIONS IN THE CONTEXT OF THE SMART CITY FORMATION

Abstract. A study of Smart City functioning leads to the conclusion that Fourth Industrial Revolution poses threatening challenges, which require the close attention of scientists to eliminate existential threats to humanity and turn the Smart City functioning into a human centred system. The analysis of indicators and descriptors that determine the content of the smart city phenomenon and the essence of this concept remains relevant nowadays. The purpose of the article is to analyse the Smart Cities global network, countries, regional clusters and the urbanisation scale for the possible potential threats emergence to the artificial intelligence application in the Smart City: socio-economic, ethical, psychological, environmental and political. Using the methods of foresight, benchmarking and comparative analysis the authors have formulated and revealed the content of the political and reputational nature threats. These threats are linked to increasing polarisation in society, “hybrid” wars emergence, personal data losses, the labour market and employments problems, increasing ecological pressure on the environment and the line blurring between machine and human. The results of the study contribute to knowledge about the potential and negative aspects of the information technologies use in urban environments.

Keywords: socio-economic threats, political threats, existential threats, fourth industrial revolution, global networks, Smart City, artificial intelligence, 3D technologies, foresight, life quality, hybrid wars, sharing economics

For citation: Rybina M.N., Bykovskaya E.N. (2022) Potential threats and socio-economic contradictions in the context of the smart city formation. *Vestnik universiteta*, no. 1, pp. 50–56. DOI: 10.26425/1816-4277-2022-1-50-56

Введение

Усилиями мирового экспертного сообщества создана концепция функционирования и развития «умного» города. «Умный» город – это город наполненный данными, поэтому остается актуальной проблема управления пространством этих данных, регулирования цифрового пространства, а также проблема субъективизма «мозга города» в принятии решений. Угрожающие вызовы требуют пристального внимания к себе с тем, чтобы укротить негативные проявления и воздействия. С тем, чтобы не навредить городской среде, интересные и творческие начинания в области строительства «умного города», конечно, требуют деликатного воплощения и грамотного управления. Поэтому актуальным остается анализ индикаторов и дескрипторов, определяющих сущность понятия «умный город» и содержание феномена, который оно описывает, а также выявление потенциальных угроз, который несет с собой воплощение данной концепции.

Осмысление понятия «умный город» прошло определенный путь. Этот термин имеет синонимы «цифровой город», «город наполненный данными», «интеллектуальное сообщество», «мегаполис, который улучшает среду и качество жизни за счет информационных технологий». Это такое состояние мегаполиса, которое характеризуется применением высоких технологий в жизненном пространстве его функционирования, включая всю инфраструктуру, обеспечивающую высокое качество повседневности городского населения с целью роста экономики, использования новых способов образования, здравоохранения и культуры.

В экспертном сообществе, с подачи Британского института стандартов (British Standard Institution, BSI), сложилось описание «умного города» как эффективной интеграции физических, цифровых и человеческих систем в искусственно созданной среде с целью обеспечения устойчивого, благополучного и всеобщего будущего для граждан. Индикаторами «умного города» становятся: в экономике – количество ученых и исследователей на 10 000 человек, оценка развития города на ее соответствие региональной экономике в целом; в области экологии и окружающей среды – уровни качества воздуха, поверхности вод, исходя из национальных требований, оценка шума в разных функциональных зонах и др.; в области использования и освоения ресурсов – оценка водопотребления на бытовые и технические нужды, оценка выбросов парниковых газов, оценка объектов внутри города, сертифицируемых по «зеленым» стандартам, площадь общедоступных «зеленых» зон, оценка дневного водопотребления и дневного образования отходов, доступность общественных пространств (объекты культуры, спортивная инфраструктура, доступные каждому) в радиусе 500 м пешего расстояния, обустройство безбарьерной среды, уровень охвата города муниципальными сервисами, доля энергии, полученной от возобновляемых источников энергии и др.; в области обустроенности повседневности общества – доля используемого «зеленого» транспорта, доля муниципального жилья, определение баланса рабочих мест относительно проживающих в городе людей, соответствие региональным принципам и политикам, гармония социально-культурной жизни. Считается, что этим показателям отвечают такие города, как Лондон, Нью-Йорк, Малага, Амстердам, Стокгольм, Хельсинки, Бостон, Вена, Барселона, Сингапур, Пекин, Сеул, Рио-де-Жанейро, Сан-Франциско. Процесс достижения вышеперечисленных индикаторов захватил многие мегаполисы мира. В 2017 г. Форум интеллектуального сообщества (ICF) «включил Москву в семерку финалистов конкурса на звание самого умного города планеты. Победителей отобрали по уровню развития информационных технологий и их внедрения в повседневную жизнь горожан. Наряду с Москвой почетный статус получили Эдмонтон и Грей Каунти (Канада), Мельбурн и Инсвич (Австрали), Цзяи и Таоюань (Тайвань)» [5, с. 413].

Однако уже становится очевидным, что наряду с захватывающими возможностями «умного города», существуют негативные стороны использования искусственного интеллекта в мегаполисах. Накопившиеся проблемы и противоречия связаны с такими составляющими жизнедеятельности человека, как этические нормы, политические свободы, ментальные различия. Многие эксперты высказывают опасения по поводу возникновения возможных проблем и противоречий при «вхождении в границы умного города». Обратная сторона функционирования умного города по своим негативным последствиям уже сейчас вызывает серьезную тревогу и требует глубокого осмысления.

Метод

При исследовании поставленной проблемы используются разные методы, однако особое место занимает форсайтинг. Использование метода форсайта (от англ. *foresee* – предвидеть) в настоящем исследовании состоит в том, чтобы определить, с какими потенциальными угрозами в будущем столкнется экосистема «умного города», и понять, исходя из сформулированных проблем, какие ответы необходимо подготовить на эти вызовы. Внутри обозначенного метода используются бенчмаркинг – «эталонный анализ» и компаративный анализ с акцентом на то, что шаблонное копирование накопленного опыта одних стран в иных условиях без учета своеобразия, динамики и исторического контекста могут привести к отрицательным последствиям. В базисе форсайтинга «умного города» во всем мире закладывается стратегия инновационного и технологического развития. Инновации – сердце цифровой экономики.

Планирование и прогнозирование – обязательный элемент воплощения в реальность идеи «умного города». Извечная тяга человека к комфорту воплощается в реальность именно в «умном городе». Однако без последовательного перехода от одного этапа выполнения задач к другому не обойтись. Работа должна вестись перманентно на постоянной основе. Целью плана построения «умного города», бесспорно, является улучшение качества жизни, воплощение в практику повседневности человекоцентричной модели. Исходя из такого понимания и методологического подхода, проводится исследование возможных социально-экономических проблем и угроз функционирования «умного города».

Основные результаты

С продолжающимся ростом урбанизации, а к середине нынешнего века две трети населения – это жители городов, будет увеличиваться число проблем. Сформулируем результаты исследований в области потенциальных противоречий и экономических проблем, которые несет с собой «умный город» для бизнеса, государства и домохозяев.

Возникают угрозы нарушения частной жизни. Контроль и управление населением становится функцией искусственного интеллекта. Китайский опыт введения обязательной системы цифровых баллов для определения рейтинга каждого гражданина приводит к тому, что от него становится зависима вся жизнь в Поднебесной. Угрозы нарушения частной жизни связаны с увеличением персонализации технологий в здравоохранении, например, имплантируемыми гаджетами, которые широко начинают использоваться в медицине [3, с. 35–40]. Причем следует понимать, что на здравоохранение будет приходиться около 20 % валового внутреннего продукта, а участковый врач станет оператором при компьютере со всеми вытекающими последствиями для конфиденциальности пациента.

Снижается уровень безопасности данных, происходит рост краж персональных данных, нарастает увеличение наблюдений за частной жизнью. Особенно тревожная ситуация складывается для новых бизнесов, которые наиболее уязвимы с точки зрения продажи данных. Хакеры способны нанести крупный ущерб компаниям, государственным структурам, а также разрушить жизнь обычных людей. Чем выше подключенность к сети, тем больше уязвимость: хакеры имеют возможность проникнуть в системы искусственного интеллекта городской инфраструктуры, создавать проблемы с трафиком, менять работу светофоров, перехватывать управление самолетами и принести другие неприятности в повседневной жизни граждан, негативным образом влияя на солидаризацию. В то время как нарастает конформизм, «создание социокультурных предпосылок установления солидарности в настоящее время является одной из первоочередных задач» [4, с. 13, 16].

Удобство создания и развития социального движения в онлайн-режиме (территориальные группы в рамках города, политические группы, группы по интересам) в цифровом мире оборачивается такими негативными явлениями, как выработка группового мышления, которое чревато угрозами резкой поляризации мнений, агрессивным поведением, достигающим противостояния уже в реальном мире. Присутствие в цифровом мире позволяет запугивать и манипулировать мнением как отдельных домохозяев, так и бизнесменов и государственных структуры в онлайн-режиме не только в рамках конкретного государства, но и в глобальном масштабе.

Когнитивное превосходство может успешно использоваться и в «гибридных» войнах [1, с. 78]. Наличие смартфонов многократно увеличивает возможности манипуляций. Манипулируют сознанием и выработкой определенной точки зрения эхо-камеры, которые многократно усиливают определенные мнения и убеждения

с помощью навязчивой повторяемости внутри закрытой субкультуры, в то время как другие альтернативные информационные потоки глушатся. Таким образом, становится недоступным дискурс по определенной тематике политического, социально-экономического и культурного свойства. Однако «когда мы отказываемся от критического мышления, мы рискуем отдалиться от того, что делает нас людьми» [2, с. 29–34].

Наличие цифрового мира и присутствие в нем сталкивает «жителей» этого мира с неточной и ложной информацией, в отдельных случаях откровенной ложью, часто порочащих человека через навязывание мнения тех, кто имеет доступ к информационным алгоритмам. «Мы наблюдаем рост недостоверной информации, распространяющейся с огромной скоростью (например, фейковые новости), а также так называемый контекстный подбор информации, когда контент подбирается автоматически в соответствии с предшествующими запросами. Таким образом, наличие формальной власти как критерия политической стратификации становится, возможно, менее значимым, по сравнению с наличием неформальной власти с использованием ресурсов интернет-пространства» [2, с. 29–34]. Все это приводит к разрушению образа отдельных персоналий, имеющих зачастую большой общественный авторитет. Это приводит к необходимости управления своим имиджем, репутацией вплоть до сохранения авторитета формальной власти.

В случае нового интерфейса «умного города», имеющего обширный положительный эффект в социально-экономической сфере, многочисленный объем информации оборачивается таким негативным явлением, как зависимость от нее, что вызывает психологический дискомфорт, в особенности, когда возникает зависимость от целевой рекламы. Персонализация технологий приводит к тому, что становится возможным контроль за детьми, домохозяйствами пенсионного возраста. В то же время именно этим группам населения необходимо живое общение, которое предпочтительнее удаленного общения. Регулярный доступ к сети «Интернет» для «умного города» через беспроводные технологии несет в себе огромный потенциал доступа к взаимодействиям с любым уголком земного шара. Вместе с тем такой доступ приводит, например, к невозможности для пользователей в отдельных регионах планеты получить полный доступ к закрытым платформам, доступным только «избранным». Участие в замкнутой системе только для разрешенных пользователей приводит к нагнетанию поляризации, политической и социальной раздробленности. Привычное человеческое общение, так необходимое для его ментального и физического воспроизводства, исчезает из ландшафта повседневности.

Новые технологии порождают новый спрос на экономическую активность. Изменяется и обостряется ситуация на рынке труда. «Умный город» – привлекательная среда, которая получит дополнительную нагрузку в виде миграции населения и, как следствие, в мегаполисах значительно усилится конкуренция на рынке труда. Очевидной становится потеря рабочих мест для неквалифицированных работников. Для квалифицированной рабочей силы также наступят новые времена. В 2018 г. вышел в свет «Атлас новых профессий», в котором обозначены «топ-50 профессий будущего ... в современной цифровой экономике все профессии делятся на три блока: вымирающие, те, которые можно поменять и профессии будущего» [5, с. 415]. Есть мнение, что появление и применение искусственного интеллекта в совете директоров компаний приведет к сбоям в управленческой иерархии, потери ответственности, что особенно скажется на фидуциарной деятельности, связанной с управлением активами – коммерческой недвижимостью, денежными средствами, ценными бумагами. Так как уже наблюдается рост финансового рынка, и этот процесс будет продолжаться, проблемы управления хозяйствующих субъектов любого уровня будут только усугубляться. «Считается, что найдется место разработчику персональных пенсионных планов, создающему модели персональных инвестиций в пенсионные фонды и прочие финансовые инструменты в зависимости от образа жизни, доходов и профессиональной деятельности» [5, с. 415]. Автоматизация рабочих мест и робототехника несет угрозы для «белых воротничков», специалистов различных профилей, еще и потому, что значительно меняются стандарты повседневной жизни, как рабочего времени, так и проведения досуга.

К сокращению рабочих мест приведет применение аддитивного производства или 3D печати. Угрожающие тенденции на развитие и существования сельского хозяйства заложены в 3D печати продовольствия. 3D печать продовольствия повлечет за собой потерю рабочих мест в этой отрасли экономики. Нагрузка упадет на мегаполисы. Процесс генерирования продукта перемещается в область сферы услуг. Будет иметь место большое искажение стоимостной формы валового внутреннего продукта, которое повлечет за собой и искажение его физической величины.

Профессор социологии LSE Р. Сеннет, говоря о современном «умном городе», подчеркивает меняющуюся суть городов как рычага развития и считает, что необходимо переустройство современного рынка труда. Он призывает менять всю архитектуру рынка труда. Весьма перспективной и плодотворной является его точка зрения на работы, которые производятся, но не оплачиваются. Р. Сеннет подчеркивает, что исторически существует значительный объем работы, которая выполняется, но не оплачивается. Тем не менее, общая тенденция такова, что у нас все меньше и меньше доступной оплачиваемой работы. Два эти фактора – дефицит рабочих мест и большой объем неоплачиваемого труда – взаимосвязаны. Необходимо организовать разделение труда и обеспечить его минимальную оплату. Например, если есть рабочее место и пара человек, которые могут работать всего двадцать часов в неделю, то необходимо сделать так, чтобы они получили возможность трудоустроиться. Люди должны работать – работа дает возможность почувствовать себя полезным. Мы можем начать оплачивать труд, за который прежде не платили. Для этого необходимо кардинально преобразовать рынок труда в городах, и это, конечно, потребует огромных усилий [6].

Появление и применение искусственного интеллекта чревато экзистенциальными угрозами человечеству [1, с. 40–78]. Проблемы мегаполисов развитых стран в основном связаны с загрязнением воздуха, заторами на дорогах, проблемами безопасности и коррупции.

Использование искусственного интеллекта приводит к усилению хакерства и киберпреступлениям. Возникает угроза безопасности разнообразным местным (городским) инфраструктурным объектам, например, связанным со снабжением электроэнергией. Атаки хакеров и террористов на инфраструктуру и ее разрушение может привести к продовольственному коллапсу. Все положительные и очевидные эффекты «умного дома» и «умного города» становятся уязвимыми, так как попадают в зависимость от технико-технологического состояния цифрового пространства. Как результат возникает повышенное чувство тревожности и потеря конфиденциальности. Изменение привычного ритма и характера проживания в таком городе становится большой проблемой для многочисленных его жителей. Могут наблюдаться негативные явления в настроении жителей такого города, что значительно снижает саму цель возведения «умных городов» – комфортное проживание в нем.

В «умном городе» возникает экономика совместного потребления. Это явление связано с новой формой владения собственностью и активами при помощи виртуальных торговых площадок и мобильных приложений и, как следствие, связано с необходимостью большого доверия внутри такого сотрудничества. При этом происходит скачкообразное увеличение продукции. Очевидные положительные эффекты и привязанность к высоким стандартам жизни перекрываются угрозами такого характера, как меньшая устойчивость в случае потери работы, готовностью к выполнению большого объема контрактной работы, которая подменяет привычное стабильное трудоустройство. Необходимость большого доверия в этой системе порождает и больше возможностей для злоупотребления доверием. Меняются по содержанию такие привычные для человека понятия, как сбережения, благосостояние, достаток.

Обязательным компонентом концепции «умного города» по всему миру является экологическая составляющая, которая становится весьма уязвимой в рамках четвертой промышленной революции. Аддитивное производство или 3D печать несет беспрецедентные возможности, однако этот технологический процесс, как уже подчеркивалось, не свободен от отрицательных эффектов для человека. Долгосрочное использование изделия по причинам особенности технологического процесса 3D печати фактически исключено. Количество мусора многократно возрастет.

Аддитивное производство приведет к «пиратству» и снижению значения интеллектуальной собственности и торговой марки, а также к потере качества самого продукта. Особенно тревожным становится состояние здравоохранения, так как возникает неконтролируемое и неуправляемое производство частей тела, их качества и медицинского оборудования. Неминуемо возникнут проблемы этического свойства, касающиеся 3D печати частей тел человека. Непонятно как будет осуществляться контроль. Существует угроза равнодушного отношения к здоровому образу жизни в связи с тем, что органы можно заменить.

3D печать позволит бесконтрольно производить оружие. Произойдет снижение торговых барьеров, а также неминуем значительный подрыв контроля за производством продукции, стандартами, патентами и налогами. Все вместе приведет к негативным последствиям для человека по адаптации к этим кардинальным изменениям в производстве.

Появление и применение 3D печати чревато экзистенциальными угрозами человечеству [1, с. 40–78]. Стирание грани между человеком и машиной на основе появления человека с полностью искусственной имплантируемой памятью в головном мозге приведет, конечно, к расширению когнитивных возможностей человека и новым типам поведения, однако, и к экзистенциальным угрозам человечеству.

Четвертая промышленная революция несет с собой возможность проектирования новых существ. Возникают риски негативного воздействия генномодифицированных продуктов на здоровье человека, а также увеличиваются возможности злоупотребления генетическими данными со стороны различных коммерческих и властных структур. Произойдет усиление неравенства в связи с высокой стоимостью лечения. Нарастает очевидная озабоченность относительно этической составляющей проводимых в этой области исследований и их безопасности.

Реальность формирования «умного города» в рамках разворачивающейся четвертой промышленной революции может привести к дальнейшему расслоению общества на «имеющих» и «неимеющих» и нести проблемы социального характера, которые в условиях стремительного распространения информации становятся не просто проблемой, а угрозой стабильности всего социума.

Актуальная экономическая проблема при построении «умного города» – изыскание источников финансирования. Масштабные проекты, каковым является перевод мегаполисов в режим «умного города» требует не просто бюджета, а грандиозных инвестиций, финансов миллиардного уровня.

По всем изложенным выше проблемам в научных и общественных кругах, в среде специалистов различного направления усиливается дискуссия по поводу потенциальных угроз социально-экономического контекста функционирования «умных городов». Нельзя допустить, чтобы такое перспективное и неизбежное дело, как строительство «умных городов» стало дополнительным и весомым аргументом в руках тех, кто без конструктива, с пессимизмом, а порой и с явным недоброжелательным раздражением смотрит на будущность жизнеустройства человека.

Выводы

Угрозы политического свойства заключаются в том, что когнитивное превосходство противника может привести к победе в «гибридной» войне. Наличие формальной власти как критерия политической стратификации может стать менее значимым, по сравнению с наличием неформальной власти с использованием ресурсов интернет-пространства. Присутствие в цифровом мире позволяет запугивать и манипулировать мнением отдельных домохозяев, бизнесменов и государственными структурами в онлайн-режиме не только в рамках данного государства, но и в глобальном масштабе. Становится невозможен дискурс по определенной тематике политического, социально-экономического и культурного свойства.

Возникает необходимость смены всей архитектуры рынка труда. В экономике изменяется и обостряется ситуация на рынке труда, а поэтому возникает необходимость в выработке новых стандартов определения занятого населения со всеми выходящими из этого проблемами обеспеченности населения доходами. Автоматизация рабочих мест и робототехника несут угрозы не только для неквалифицированной рабочей силы, а и для «белых воротничков», специалистов различных профилей еще и потому, что значительно меняются стандарты повседневной жизни, как рабочего времени, так и проведения досуга. К сокращению рабочих мест приведет применение аддитивного производства или 3D печати.

В социальной сфере угрозой становится потеря идентичности в силу возможностей искусственного интеллекта к навигации человека в необходимом направлении для держателей информационных алгоритмов. Возможны угрозы нарушения частной жизни, связанные с увеличивающейся персонализацией медицинских технологий. Искусственный интеллект предлагает и осуществляет новые и новые шаги контроля и управления населением. Снижается уровень безопасности данных, растет кража персональных данных. Реальность формирования «умного города» в рамках разворачивающейся четвертой революции может приводить к дальнейшему расслоению общества и нести проблемы социального характера, которые в условиях стремительного распространения информации становятся не просто проблемой, а угрозой стабильности всего социума.

Экологические угрозы связаны с неспособностью окружающей среды выдерживать колоссальные нагрузки, которые возникают с применением 3D технологий и предстоящей урбанизацией.

Обратной стороной технологического инновационного прорыва становится стирание грани между человеком и машиной с появлением человека с полностью искусственной имплантируемой памятью в мозг, что, конечно, приводит, к расширению когнитивных возможностей человека и новым типам его поведения.

Потребуется переформатирование юридической практики ведения административных, уголовных и гражданских дел.

Заключение

Существующие и спрогнозированные в исследовании вызовы и угрозы, связанные с реализацией концепции «умного города», требуют пристального внимания, так как обратной стороной формирования «умного города» в условиях четвертой промышленной революции являются экзистенциальные угрозы всему человечеству.

Библиографический список

1. Глазьев, С. Ю. Условия и стратегия экономической мобилизации в системе воспроизводства российской государственности // Менеджмент и Бизнес-Администрирование. – 2018. – № 2. – С. 40–78.
2. Гришаева, С. А., Куликова, О. А. Социально-психологические особенности процесса трансформации социальной структуры общества и процесса коммуникации в цифровом пространстве // Цифровая социология. – 2018. – № 1. – С. 29–34. <https://doi.org/10.26425/2658-347X-2018-1-29-34>
3. Исаенко, В. О., Рыбина, М. Н. Внедрение системы CardioQVARK для персонализации лечения в условиях формирования экосистемы цифрового здравоохранения // Цифровая социология. – 2018. – № 1. – С. 35–40. <https://doi.org/10.26425/2658-347X-2018-1-35-40>
4. Кузьменко, И. С. Ценностный и целевой аспекты солидарности в условиях глобальной трансформации // Общество: философия, история, культура. – 2020. – № 5 (73). – С. 13–16.
5. Рыбина, М. Н., Быковская, Е. Н. Социально-экономическое развитие стран мирового сообщества в начале XXI века. Хрестоматия: учебное пособие. – М.: РУСАЙНС, 2021. – 424 с.
6. Коломбо, Ф. Сделать здравоохранение эффективным // В Контакте [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://vk.com/@mosurbanforum-francheska-kolombo-sdelat-zdravoohranenie-effektivnym> (дата обращения: 15.11.2021).

References

1. Glazyev S. Yu. Economic mobilization conditions and strategy in the Russian statehood reproduction system, *Menedzhment i biznes administrirovanie*, 2018, no. 2, pp. 40–78. (In Russian).
2. Grishaeva S. A., Kulikova O. A. Socio-psychological features of the process of transformation of the social structure of society and the process of communication in the digital space, *Digital sociology*, 2018, no. 1, pp. 29–34. (In Russian). <https://doi.org/10.26425/2658-347X-2018-1-29-34>
3. Isaenko V. O., Rybina M. N. The implementation of a system of CardioQVARK to personalize treatment in terms of the digital ecosystem healthcare formation, *Digital sociology*, 2018, no. 1, pp. 35–40. (In Russian). <https://doi.org/10.26425/2658-347X-2018-1-35-40>
4. Kuzmenko I. S. Valuable and purpose aspects of solidarity in the conditions of global transformation, *Society: philosophy, history, culture*, 2020, no. 5 (73), pp. 13–16. (In Russian).
5. Rybina M. N., Bykovskaya E. N. *Socio-economic development of the countries of the world community at the beginning of the XXI century. Khrestomatiya: training manual*, Moscow, RUSAINS, 2021, 424 p. (In Russian).
6. Kolombo F. Make healthcare effective, *Vkontakte*. Available at: <https://vk.com/@mosurbanforum-francheska-kolombo-sdelat-zdravoohranenie-effektivnym> (accessed 15.11.2021).

РАЗВИТИЕ ОТРАСЛЕВОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

УДК 338

JEL O25

DOI 10.26425/1816-4277-2022-1-57-62

Иванов Игорь Николаевич

д-р экон. наук, ФГБОУ ВО «Государственный университет управления»,
г. Москва, Российская Федерация

ORCID: 0000-0002-7061-4767

e-mail: ivanov-igor-nik@mail.ru

Орлова Любовь Васильевна

канд. экон. наук, ФГБОУ ВО
«Государственный университет
управления», г. Москва,
Российская Федерация

ORCID: 0000-0002-8725-9976

e-mail: lorlo@mail.ru

Сундукова Галина Михайловна

канд. экон. наук, ФГБОУ ВО
«Государственный университет
управления», г. Москва,
Российская Федерация

ORCID: 0000-0001-9621-7308

e-mail: kafedra_tou@mail.ru

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Аннотация. В статье рассмотрены направления промышленной политики в Российской Федерации в контексте цифровой трансформации. Проанализированы проблемы российской промышленности, и причины их возникновения. Подчеркнута предпочтительность так называемой «горизонтальной» модели, базирующейся не на жестких мерах поддержки отраслей и компаний, а на формировании комфортной среды для функционирования всех участников промышленного рынка. Обоснована необходимость формирования в отрасли новой стратегии развития и инновационных бизнес-моделей реализации этой стратегии. Базой этих моделей должна стать технологическая платформа, основывающаяся на непрерывных инновациях, осуществляемых всеми участниками сети. Перспективной формой сотрудничества данных участников является кластеризация отрасли. Представлен положительный опыт формирования инновационных промышленных кластеров, особенно успешный в сочетании с современными информационно-коммуникационными технологиями. Показаны эффективные пути формирования и развития названных кластеров, особенно перспективные с включением в технологические промышленные цепочки субъектов малого и среднего бизнеса.

Ключевые слова: промышленность, промышленная политика, цифровизация, бизнес-модель, инновации, кластеризация, промышленный кластер, малый и средний бизнес

Для цитирования: Иванов И.Н., Орлова Л.В., Сундукова Г.М. Промышленность Российской Федерации в условиях цифровой трансформации // Вестник университета. 2022. № 1. С. 57–62.

RUSSIAN INDUSTRY IN THE CONTEXT OF DIGITAL TRANSFORMATION

Abstract. The directions of industrial policy in the Russian Federation in the context of digital transformation were considered in the article. The problems of Russian industry and the reasons for their occurrence were analysed. The preference for the so-called “horizontal” model based not on tough measures to support industries and companies, but on the creation of a comfortable environment for the functioning of all participants in the industrial market was emphasised. The requirement for the new development strategy formation in the industry and innovative business models implementation of this strategy has been justified. The basis of these models should be a technology platform based on continuous innovations performed by all participants in the network. A promising cooperation form between these participants is industry clustering. The positive experience of the innovative industrial clusters formation has been presented, especially successful in conjunction with modern information and communication technologies. Effective ways of forming and developing these clusters have been shown, especially promising with the small and medium businesses inclusion in technological industrial chains.

Keywords: industry, industrial policy, digitalisation, business model, innovations, clustering, industrial cluster, small and medium businesses

For citation: Ivanov I.N., Orlova L.V., Sundukova G.M. (2022) Russian industry in the context of digital transformation. *Vestnik universiteta*, no. 1, pp. 57–62. DOI: 10.26425/1816-4277-2022-1-57-62

Igor N. Ivanov

Dr. Sci. (Econ.), State University
of Management, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0002-7061-4767

e-mail: ivanov-igor-nik@mail.ru

Lyubov V. Orlova

Cand. Sci. (Econ.), State University
of Management, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0002-8725-9976

e-mail: lorlo@mail.ru

Galina M. Sundukova

Cand. Sci. (Econ.), State University
of Management, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0001-9621-7308

e-mail: kafedra_tou@mail.ru

© Иванов И.Н., Орлова Л.В., Сундукова Г.М., 2022.

Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

© Ivanov I.N., Orlova L.V., Sundukova G.M., 2022.

This is an open access article under the CC BY 4.0 license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

Введение

Промышленная политика сегодня является одним из важнейших национальных приоритетов. По итогам 2020 г. промышленное производство в Российской Федерации (далее – РФ) сократилось на 2,9 %. Снижение объемов выпуска промышленной продукции произошло впервые с 2009 г., когда спад составил 10,7 %. По итогам 2020 г. сокращение производства составило:

- в добыче полезных ископаемых нерудного происхождения – 15,4 %;
- в кожевенной промышленности – 12,4 %;
- изготовление автотранспортных средств – 11,6 %;
- добыча сырой нефти и природного газа – 10,3 %;
- добыча угля – 6,3 %;
- в электроэнергетике – 3,8 %;
- в теплоэнергетике – 2,5 %;
- производство кокса и нефтепродуктов – 3,0 % [8].

Следует ожидать, что промышленное производство, на долю которого приходится около 30 % отечественного валового внутреннего продукта, сохранит на некоторое время отрицательную динамику, принимая во внимание высокую неопределенность с COVID-19 и сокращение внутреннего спроса на промышленную продукцию.

Президент РФ в Указе № 204 от 7 мая 2018 г. «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» установил перед промышленностью высокие ориентиры, предусматривающие формирование в ключевых сферах экономики ориентированного на экспорт высокотехнологичного сектора, прогрессирующего на базе современных технологий и высокого кадрового потенциала [1]. Указанные ориентиры определяют экспорто-технологический вектор развития российской промышленности.

Постановка проблемы

Современная промышленная политика является не только одним из наиболее важных, но одновременно чрезвычайно дискуссионных вопросов отечественной экономической науки [12]. Если рассматривать ее с точки зрения участия государства в экономике страны, то в научной литературе существует два варианта этой политики – «вертикальная» и «горизонтальная». «Вертикальный» вариант предполагает формирование комплекса мер по стимулированию развития наиболее приоритетных для государства сфер народного хозяйства, что указывает на избирательный, точечный характер воздействия на субъекты хозяйственной деятельности. Очевидно, что рассмотренный вариант промышленной политики страдает субъективизмом и может приводить к необоснованной дискриминации отдельных секторов экономики. «Горизонтальный» вариант не предполагает подразделения отдельных секторов экономики на приоритетные и остальные. Упор здесь делается на создание благоприятных условий деятельности для большинства участников промышленного рынка в результате повышения инвестиционной привлекательности, улучшения делового климата, развития конкуренции, стимулирования предпринимательской активности, устранения барьеров для создания и развития бизнеса. Вторая модель не исключает государственной поддержки, однако касаться она должна не организаций конкретных (приоритетных) сфер деятельности, а определенных целевых групп из разных отраслей экономики [6]. Такими группами могут быть, например, наукоемкие или экспортоориентированные производства из разных отраслей экономики.

Что касается России, то при реализации промышленной политики здесь преобладают черты вертикальной модели. Это проявляется, в частности, в опоре на крупные госкорпорации и вертикально-интегрированные образования в ущерб государственно-частному партнерству [5].

Выбирая тот или иной набор средств управления промышленной политикой, следует учитывать конкретные условия, в которых находятся бизнес в целом и его отдельные части. Вместе с тем мировая практика показывает, что в промышленной политике имеет место четкий тренд от жестких мер поддержки отраслей и компаний к формированию благоприятных условий для функционирования широкого круга участников промышленного рынка. Следуя этому тренду в статье представлены наиболее важные, по мнению авторов, направления развития промышленного сектора России.

Основные результаты

Чрезвычайно важной задачей для отечественной экономики и ее промышленного сектора является включение в современные мировые тренды технологического развития, завоевание прочных позиций на глобальных рынках наукоемкой и высокотехнологичной продукции. Для этого необходимо обеспечить инновационное развитие предприятий отечественной промышленности, базирующееся на цифровой трансформации и интеллектуализации производственных процессов, что является сутью известной концепции «Индустрия 4.0» [9]. В реализацию названной концепции мировые производители промышленной продукции вкладывают более 900 млрд долл. США в год [11]. Что касается России, то цифровизация отечественной промышленности сопряжена с существенными трудностями, связанными с относительно невысоким уровнем технологического и информационного развития предприятий отрасли, с одной стороны, и нерациональной структурой данной сферы, с другой, существенную долю в которой занимают низкотехнологичные и экологически неблагоприятные производства.

Осуществление инноваций технологического характера требует от отрасли радикальной трансформации организации производства, системы управления жизненным циклом продукции и инвестиционным процессом. Необходимой становится разработка новой стратегии развития предприятий и, как следствие, инновационных бизнес-моделей реализации этой стратегии [4].

Несмотря на определенное отставание российской промышленности в сфере цифровизации, в отдельных отечественных компаниях с успехом используются отдельные элементы вышеупомянутой концепции «Индустрия 4.0». В их числе «Евразхолдинг» (реализовал 19 проектов), «ОДК-Сатурн» (внедрил компоненты «умной фабрики»), ПАО «Сибур Холдинг» (внедрил системы управления предприятием и бизнес-процессами), компания «Плюс» (объединила в единый контур 210 единиц оборудования). Заметные успехи цифровой трансформации своей производственно-хозяйственной деятельности имеют отдельные предприятия отечественной металлургии. В частности, ПАО «ГМК «Норильский никель» реализует крупную программу цифровизации горнодобывающего и металлургического производства на базе платформы SAP S/4HANA. На указанную платформу переходит и ПАО «Северсталь». Цифровизация коснулась также основных предприятий компании Металлоинвест (Лебединского и Михайловского горно-обогатительных комбинатов). Однако приведенные выше примеры, скорее, исключение, чем правило. Большинство российских промышленных предприятий, как уже отмечалось, в технологическом и финансовом плане пока не готовы к полноценной реализации принципов четвертой промышленной революции.

В эпоху цифровизации основой бизнес-модели промышленной компании должна стать технологическая платформа, базирующаяся на комплексе инноваций перманентного характера всех участников сети. При этом соответствующей технологией является комплекс методов и приемов, направленных на достижение целевого результата в сфере производства, маркетинга, сбыта и т. п. [10].

Назревшей представляется потребность во всеохватной кооперации и координации деятельности участников инновационного процесса. Цифровая экономика способствует появлению новых форм такого сотрудничества. Одной из таких форм являются инновационные кластеры, актуальность которых возрастает с использованием современных технологических платформ, разнообразных информационно-коммуникационных средств.

В развитых странах формирование кластеров в промышленности привело к созданию сетевой организации территорий, что свидетельствует о появлении нового ресурса. В США основой конкурентоспособности ее экономики являются двадцать четыре группы кластеров, которые содержат в себе 318 территориальных кластеров. В Дании это достигается 29 ведущими кластерами, в Италии – 200 промышленными округами [3].

В РФ процессы кластеризации промышленности начали осуществляться позже, чем в развитых странах. Вместе с тем, к настоящему времени в ряде регионов РФ имеется определенный опыт формирования и функционирования промышленных кластеров.

В Самарской области сложились три базовых кластера: автомобилестроительный, нефтегазовый и аэрокосмический. В перспективе первоочередной мерой для всех указанных кластеров станет финансирование научно-исследовательских и опытно-конструкторских разработок (далее – НИОКР), а также софинансирование покупки лицензий на новейшие технологии.

В Республике Татарстан в качестве инструмента комплексного развития региона избрана кластеризация отраслей народного хозяйства с включением предприятий в программы регионального, странового и глобального уровня. К процессам кластеризации подключены профильные министерства республики, центр кластерного развития, управляющие компании кластеров. В рамках соответствующей стратегии в регионе сформированы машиностроительный, строительный и пищевой кластеры, кластеры строительных технологий и материалов, а также производителей медицинского инструмента и медицинской техники. При этом основным условием создания кластера в той или иной производственной сфере являлся высокий уровень кооперационных связей между участниками кластера [7].

В Сибирском федеральном округе успешно функционируют: Барнаульский промышленный химический кластер Алтайского края (с базовыми предприятиями ООО «Нортек», ООО «Барнаул РТИ» и др.); Алтайский кластер аграрного машиностроения; Омский нефтехимический промышленный кластер; Омский биокластер (базовое предприятие ООО «Титан-Агро»). Характерной чертой как действующих, так и вновь создаваемых в округе кластеров является высокая доля в них малых предприятий (от 42 до 100 %).

Кластерный подход требует системной проработки соответствующего инструментария. В первую очередь, это касается вопросов формирования и дальнейшего развития промышленных кластеров. Методически обоснованное создание и последующее развитие промышленного кластера должно, по нашему мнению, опираться на учет следующих двух групп факторов:

- внешние факторы: инфраструктура региона, коммуникации, инвестиционный климат, трудовой менталитет и квалификация населения, историко-культурные традиции, степень концентрации производства, близость учебных заведений, поставщиков и потребителей продукции региона, наличие технологической цепочки, встроенность в международные кооперационные связи, бренд региона в России и за рубежом, уровень дотационности региона, степень готовности местных органов власти к взаимодействию с бизнесом;
- внутренние факторы: технико-технологический уровень участников кластера, наличие и уровень НИ-ИОКР, система подготовки и квалификации персонала, информационное обеспечение, система управления, логистика, маркетинг.

Как уже отмечалось выше, кластер позволяет включать в технологическую цепочку помимо крупного бизнеса также представителей малого и среднего бизнеса (далее – МСБ). Такое включение способствует снижению доставшийся от СССР высокой монополизированности российской экономики, являющейся серьезным тормозом для развития рынка. Участники МСБ способны быстро воспринимать, адаптировать и внедрять прорывные технологии, вести продуктивное сотрудничество с крупным бизнесом, с научными и учебными учреждениями, с внешними партнерами и государственными органами. Они первыми улавливают быстро меняющиеся предпочтения потребителей, подстраиваясь под их вкусы и привычки, способствуют развитию конкуренции.

Россия пока уступает развитым странам в количестве предприятий МСБ в расчете на одного жителя: в три раза от США, в два раза от Европейского союза и в полтора раза от Китайской Народной Республики. Основная проблема МСБ – недостаток финансово-кредитных ресурсов, а также условия налогообложения, не учитывающие особенности данного бизнеса. Высокая налоговая нагрузка препятствует развитию МСБ, подталкивает его к дроблению и уходу в теневой сектор. Развитию МСБ препятствует также наличие разного рода административных препятствий, касающихся вопросов регистрации бизнеса, аренды помещений, получения сертификации, лицензии, тех или иных льгот, условий производства и сбыта произведенной продукции, качества товара и др.

Президент РФ В. В. Путин в Послании Федеральному Собранию 2019 г. сказал о том, что вклад малого и среднего бизнеса в валовой внутренний продукт страны к 2025 г. должен приблизиться к 40 %, в то же время число занятых в данном бизнесе возрастет с 19 (в 2019 г.) до 25 млн человек [2]. В качестве мер по реализации этих установок государство осуществляет формирование специальных налоговых режимов, продлевает надзорные каникулы, предоставляет льготные займы, субсидирует покупку оборудования для расширения производства, обеспечивает бесплатное участие предприятий МСБ в ярмарках и выставках, осуществляет бесплатную консультационную поддержку руководителям этих предприятий, предоставляет льготные условия аренды земли и помещений.

Драйвером развития предприятий МСБ может стать освоение ими современных цифровых технологий: краудсорсинга, краудфандинга и фриума. Названные бизнес-модели делают возможным субъектам МСБ

функционировать, не обладая собственной ИТ-инфраструктурой, программным обеспечением, складским хозяйством и даже не имея материальных активов. Это дает возможность организациям МСБ более активно участвовать в инновационном процессе, внося существенный вклад в развитие отечественной промышленности и экономики в целом.

Заключение

От результатов производственно-хозяйственной деятельности промышленного сектора в решающей степени зависит конкурентоспособность Российской Федерации на мировом рынке. Современное состояние отечественной промышленности характеризуется целым рядом проблем, к числу которых относятся снижение объемов производства, высокая импортозависимость, снижение внутреннего спроса на промышленную продукцию, непоследовательность проводимой в стране промышленной политики. Дальнейшее развитие промышленной сферы России должно идти в направлении создания высокопроизводительного экспортно-ориентированного производства, развивающегося на базе современных информационно-коммуникационных технологий со смещением акцентов с жестких мер поддержки отрасли и отдельных компаний к формированию благоприятных условий для функционирования широкого круга участников промышленного рынка. Необходимой становится разработка новых стратегий развития субъектов названного рынка с созданием инновационных бизнес-моделей реализации этих стратегий. В эпоху цифровизации основой бизнес-моделей промышленной компании должна стать платформа, базирующаяся на комплексе инноваций перманентного характера всех участников сети. Эффективной формой соответствующего сотрудничества являются инновационные кластеры, обеспечивающие регионам доступ к ресурсам и передовым технологиям, формирующие качественно новые отношения бизнеса и государства, а также способствующие включению в технологические цепочки субъектов малого и среднего предпринимательства.

Библиографический список

1. Указ Президента РФ от 07.05.2018 № 204 (ред. от 21.07.2020) «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_297432/ (дата обращения: 01.12.2021).
2. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 20.02.2019 // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_318543/ (дата обращения: 01.12.2021).
3. Воскеричян, Р. О., Соловьева, Ю. В. Промышленные кластеры в России: стратегические и региональные аспекты // Инновационная экономика. – № 1 (10). – С. 3.
4. Зозуля, Д. М. Цифровизация экономики России и индустрия 4.0: вызовы и перспективы // Вопросы инновационной экономики. – 2018. – Т. 8, № 1. – С. 1–14. <https://doi.org/10.18334/vinec.8.1.38856>
5. Литвинюк, Т. А. Современный вектор развития промышленной политики в России // Вестник современных исследований. – 2018. – № 10.6 (25). – С. 179–182.
6. Кузнецов, Д. А. Формирование промышленной политики России на основе инновационных приоритетов // Петербургский экономический журнал. – 2020. – № 1. – С. 6–14. <https://doi.org/10.25631/PEJ.2020.1.6.14>
7. Шарипова, Р. А. Промышленные кластеры Республики Татарстан // Научные труды Центра перспективных экономических исследований. – 2017. – № 12. – С. 66–70.
8. Старостина, Ю. Росстат оценил первый за 11 лет спад российской промышленности // РБК [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/economics/25/01/2021/600ed1789a79471706ae3352> (дата обращения: 01.12.2021).
9. Belov, V. V. New paradigm of industrial development of Germany – strategy “Industry 4.0.” // Contemporary Europe. – 2016. – V. 71, No. 5. – Pp. 41–46. <https://doi.org/10.15211/soveurope520164146>
10. Bukht, R., Heeks, R., Defining, conceptualising and measuring the digital economy // International Organisations Research Journal. – 2018. – V. 13, No. 2. – Pp. 143–172. <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2018-02-07>
11. Ivanov, I., Afanas'ev, V., Chulanova, O. Clustering as an effective tool for increasing the competitiveness of industrial enterprises // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences (EpSBS). – Pp. 274–282. <https://dx.doi.org/10.15405/epsbs.2019.03.28>
12. Warwick, K. Beyond industrial policy: emerging issues and new trends // OECD Science Technology and Industry Policy Papers. – No. 2. – 56 p. <http://doi.org/10.1787/5k4869clw0xp-en>

References

1. Presidential Decree dated on May 7, 2018 No. 204 (Ed. 21.07.2020) “On the national goals and strategic objectives of the development of the Russian Federation for the period up to 2024”, *Legal reference system* “ConsultantPlus”. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_297432/ (accessed 01.12.2021).
2. Message of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly dated on February 20, 2019, *Legal reference system* “ConsultantPlus”. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_318543/ (accessed 01.12.2021).
3. Voskerichyan R. O., Solovieva Yu. V. Industrial clusters in Russia: strategic and regional aspects, *Innovatsionnaya ekonomika*, no. 1 (10), pp. 3. (In Russian).
4. Zozulya D. M. Digitalization of the Russian economy and Industry 4.0: challenges and prospects, *Voprosy innovatsionnoi ekonomiki*, 2018, vol. 8, no. 1, pp. 1–14. (In Russian). <https://doi.org/10.18334/vinc.8.1.38856>
5. Litvinyuk T. A. Modern vector of development of industrial policy in Russia, *Vestnik sovremennykh issledovaniy*, 2018, no. 10.6 (25), pp. 179–182. (In Russian).
6. Kuznetsov D. A. Russian industrial policy formation on the basis of innovative priorities, *Peterburgskii ekonomicheskii zhurnal*, 2020, no. 1, pp. 6–14. (In Russian). <https://doi.org/10.25631/PEJ.2020.1.6.14>
7. Sharipova R. A. Industrial clusters of the Republic of Tatarstan, *Nauchnye Trudy Tsentra perspektivnykh ekonomicheskikh issledovaniy*, 2017, no. 12, pp. 66–70. (In Russian).
8. Starostina Yu. Rosstat estimated the first decline of the Russian industry in 11 years, *RBC*. Available at: <https://www.rbc.ru/economics/25/01/2021/600ed1789a79471706ae3352> (accessed 01.12.2021).
9. Belov V. V. New paradigm of industrial development of Germany – strategy “Industry 4.0.”, *Contemporary Europe*, vol. 71, no. 5, pp. 41–46. <https://doi.org/10.15211/soveurope520164146>
10. Bukht R., Heeks R. Defining, conceptualising and measuring the digital economy, *International Organisations Research Journal*, 2018, vol. 13, no. 2, pp. 143–172. <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2018-02-07>
11. Ivanov I., Afanas’ev V., Chulanova O. Clustering as an effective tool for increasing the competitiveness of industrial enterprises, *European Proceedings of the Social and Behavioral Sciences (EpSBS)*, pp. 274–282. <https://dx.doi.org/10.15405/epsbs.2019.03.28>
12. Warwick K. Beyond industrial policy: emerging issues and new trends, *OECD Science Technology and Industry Policy Papers*, no. 2, 56 p. <http://doi.org/10.1787/5k4869clw0xp-en>

Любимова Наталия Геннадьевнад-р экон. наук, ФГБОУ ВО «Государственный университет управления»,
г. Москва, Российская Федерация**ORCID:** 0000-0003-4021-4487**e-mail:** Sebez221@rambler.ru**ПУТИ ДОСТИЖЕНИЯ «УГЛЕРОДНОЙ НЕЙТРАЛЬНОСТИ» В РОССИЙСКОЙ ЭЛЕКТРОЭНЕРГЕТИКЕ**

Аннотация. Парижское соглашение о климате одобрило стратегический курс на достижение «углеродной нейтральности» к 2050 г. В настоящее время весь объем антропогенного выделения CO_2 в России или, по крайней мере, его большая часть поглощается лесами. Основными источниками выбросов CO_2 являются отрасли топливно-энергетического комплекса, в том числе электроэнергетика и транспорт. Введение «углеродного» налога может принести российским производителям большие убытки. Для снижения углеродоемкости производства электроэнергии и сохранения «углеродной нейтральности» в будущем России необходимо наращивать генерацию на атомных, гидроэлектростанциях и других возобновляемых источниках энергии, проводить мероприятия по повышению эффективности сжигания топлива на угольных электростанциях и внедрять более экономичные установки газотурбинного и парогазового оборудования на газовых электростанциях.

Ключевые слова: топливно-энергетический комплекс, выделение углекислого газа, диоксид углерода, антропогенный фактор, углеродная нейтральность, углеродный налог, лесной фонд, электроэнергия, электростанции, углеродоемкость производства, экология

Для цитирования: Любимова Н.Г. Пути достижения «углеродной нейтральности» в российской электроэнергетике // Вестник университета. 2022. № 1. С. 63–69.

Natalia G. LyubimovaDr. Sci. (Econ.), State University
of Management, Moscow, Russia**ORCID:** 0000-0003-4021-4487**e-mail:** Sebez221@rambler.ru**THE PATHS TO CARBON NEUTRALITY IN THE RUSSIAN ELECTRIC POWER INDUSTRY**

Abstract. The Paris Climate Agreement has endorsed a strategic course towards “carbon neutrality” by 2050. Currently, all or at least most of the anthropogenic CO_2 emission in Russia is absorbed by forests. The main sources of CO_2 emission are fuel and energy sectors, including the electric power industry and transport. The introduction of a “carbon” tax can cause big losses for Russian manufacturers. To reduce the carbon intensity of electricity production and maintain “carbon neutrality” in the future Russia has to increase generation at nuclear, hydroelectric and other renewable energy sources, take measures to improve the fuel combustion efficiency at coal-fired power plants and introduce more economical gas turbine and combined cycle equipment installations at gas power plants.

Keywords: fuel and energy complex, carbon dioxide emission, carbon dioxide, antropogenic factor, carbon neutrality, carbon tax, forest fund, electric power, power plants, carbon intensity of production, ecology

For citation: Lyubimova N.G. (2022) The paths to carbon neutrality in the Russian electric power industry. *Vestnik universiteta*, no. 1, pp. 63–69. DOI: 10.26425/1816-4277-2022-1-63-69

Введение

В Парижском соглашении о климате отмечается, что при нагревании атмосферы Земли более чем на 2 °С, по сравнению с периодом до промышленной революции в XVIII в., населению Земли грозит экологическая катастрофа [1]. Потеплению атмосферы Земли способствует парниковый эффект, который связывают с выбросами в атмосферу углекислого газа (CO_2). Мировая общественность предлагает сократить эти выбросы, что возможно посредством внедрения инновационных технологий и источников энергии.

© Любимова Н.Г., 2022.

Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

© Lyubimova N.G., 2022.

This is an open access article under the CC BY 4.0 license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

Для стимулирования работы промышленности в этом направлении и достижению к 2050 г. «углеродной нейтральности» в Европейском союзе планируют с 2023 г. ввести «углеродный» налог на импортную продукцию [18]. Российские компании при этом могут существенно пострадать. По мнению экспертов, введение подобного налога может привести к потере прибыли промышленных компаний России от 6 до 50 млрд евро в год [12]. В этих условиях встает вопрос о минимизации потерь и поиске путей снижения выбросов в атмосферу углекислого газа, тем более, что Россия по данным BP Statistical Review of World Energy (далее – ВР) в рейтинге по выбросам углекислого газа (1 619 млн т углекислого газа только за 2020 г., что составляет 4,6 % суммарных выбросов во всем мире) находится на 4 месте после Китая, США и Индии [10]. Очевидно, достичь снижения выбросов углекислого газа только одним способом не получится, нужен комплексный подход в отношении каждого источника загрязнений.

Постановка проблемы

Основными источниками антропогенного выделения углекислого газа в России являются отрасли топливно-энергетического комплекса (далее – ТЭК), в том числе электроэнергетика, и транспорт [3]. В России производство 1 кВт·ч электроэнергии сопровождается в среднем выделением 510–520 г углекислого газа, следовательно, на все производство электроэнергии в 2020 г. приходится около 540 млн т углекислого газа, то есть почти треть всех выбросов в России, а к 2035 г. эта величина достигнет 650 млн т, при том что углеродоемкость мировой энергетики к этому периоду предполагает снижение в 3 раза с 490 г. до 140 г. углекислого газа на 1 кВт·ч [9].

Учитывая сложившиеся обстоятельства, перед электроэнергетикой России необходимо поставить задачу существенного снижения углеродоемкости производства посредством более широкого использования атомной генерации и возобновляемых источников энергии (далее – ВИЭ), внедрения «факельных» технологий сжигания угля с супер- и ультрасверхкритическими параметрами пара, а также газотурбинных и парогазовых установок с существенно большим к.п.д., чем основной парк паросилового оборудования. Следует отметить, что источники, количество выбросов углекислого газа и меры по их нейтрализации существенно дифференцированы по регионам страны.

Литературный обзор

Основную роль поглотителей углекислого газа на Земле играют леса. Леса покрывают почти третью часть суши на Земле. Более половины (54 %) лесов приходятся на 5 стран: Россию, Бразилию, Канаду, США и Китай. В России лесами занято 815 млн га [8]. По данным экспертов Рослесинфорга 2,5 га леса России в течение года поглощают 1 т углерода, следовательно, в целом по стране лесами поглощается 326 млн т углерода [8].

Однако при оценке поглощающей способности лесов учитываются не все леса. По данным Национального кадастра парниковых газов, учитываются только леса, подпадающие под определение «управляемых» лесов, т. е. исключая леса, которыми зарастают земли сельскохозяйственного назначения, защитные и резервные леса, перестойные леса (по данным Государственного лесного реестра России прирост древесины в перестойных лесах в год составляет до 80 млн м³), лесные питомники и пр. [12]. В Национальном кадастре учитывается примерно 660 млн га лесов Российской Федерации, которые считаются «управляемыми», следовательно, можно считать, что лесами поглощается только 264 млн т углерода [7]. По мнению многих экспертов, данные Национального кадастра парниковых газов не полностью учитывают поглощение лесами России углерода и завышают его потери [8].

По данным экспертов Рослесинфорга, леса и все лесные культуры России способны поглощать 395 млн т углекислого газа, то есть более 1,5 млрд т CO₂ [21]. Исследования на карбоновых полигонах, которые проводятся с учетом не только лесных земель, но и лугов, болот и прочих видов рельефа, дали еще более оптимистичные данные [5]. Ученые обнаружили поглощение до 7 т углерода одним гектаром поверхности, тогда только за счет площадей, занятых лесом, поглощение углерода составит более 4,5 млрд т. При чем, себестоимость поглощения 1 т углерода составляет 207 руб. [21].

Согласно данным Аналитического центра при правительстве России, за год наша страна выделяет в атмосферу более 1,5 млрд т углекислого газа [21]. Следовательно, при отсутствии единой точки зрения

на способности лесов к поглощению углекислого газа, можно предположить с большой долей вероятности, что леса и вся прочая растительность России способны поглотить, если не весь выделяемый промышленностью и транспортом углекислый газ, то большую его часть при достигнутом уровне развития промышленного производства.

При этом возникает вопрос: если сегодня леса и растительность России обеспечивают «углеродную нейтральность», то смогут ли они обеспечивать ее в будущем, когда произойдет расширение промышленного производства? При ответе на этот вопрос следует иметь в виду, что можно существенно увеличить интенсивность поглощения углекислого газа, замещая взрослые леса молодыми деревьями [6]. Исследования показали, что молодые насаждения лучше улавливают углекислый газ из атмосферы [5]. Кроме того, надо учитывать, что наибольшими поглотителями углерода в России являются: дуб, лиственница, сосна и ель, то есть как раз, те породы деревьев, которые в наибольшей степени распространены по территории России [5; 12]. Однако на Западе не хотят считаться с этими фактами и требуют от России существенного сокращения антропогенного выделения углекислого газа.

Основные результаты

В отношении электроэнергетики, президент России – В.В. Путин не раз подчеркивал, что Россия производит самую «чистую» электроэнергию в мире. На долю «чистой» электроэнергетики России приходится по разным оценкам до 86,5 % всей производимой в России электроэнергии, в том числе атомной энергии – 20,5%, гидроэнергии – 19,8 %, энергии, произведенной на прочих видах ВИЭ, включая ветровой и солнечной – 0,3 %, энергии, вырабатываемой при сжигании газа – 45,8 % [15].

Выбросы загрязняющих веществ при сжигании 1 тонны условного газа существенно меньше, чем при сжигании угля и мазута. Максимальное значение выбросов оксида углерода (СО) при сжигании газообразного топлива не превышает 50 мг/м³, что значительно ниже нормативных значений (300 мг/м³) [17]. Кроме того, более 50 МВт мощности тепловых электростанций (21,1 % от установленной мощности тепловых электростанций Единой энергетической системы России (далее – ЕЭС России)) приходится на газотурбинные и парогазовые установки с к.п.д. от 46–56 % [3]. В перспективе планируется доведение к.п.д. этих установок до 66 %, а также существенное увеличение количества и мощности подобных установок, чему не в малой степени способствует реализация Программы модернизации оборудования теплоэлектростанций, рассчитанной на 10 лет.

Наибольшим источником углекислого газа в электроэнергетике считается уголь. На долю угольной генерации по данным Системного оператора за 2020 г приходилось 13,5 % всей установленной мощности ЕЭС России, в перспективе ее доля будет неуклонно снижаться [3]. К настоящему времени угольное оборудование электростанций России работает на докритических и сверхкритических параметрах пара, с к.п.д. 34–38 % [4]. Хотя известно, что повышение к.п.д. угольных станций на 1 % снижает выбросы загрязняющих веществ в виде SO₂, CO₂ и твердых частиц на 2 % [8; 11]. Таким образом, повышение эффективности энергоустановок приводит к уменьшению удельного расхода топлива и, соответственно, выбросов углекислого газа в атмосферу.

«Энергетической стратегией России до 2030 г.» планируется внедрение новых «факельных» технологий сжигания угля на супер- и ультрасверхкритических параметрах пара, которые существенно повышают к.п.д. угольной генерации с 40 % до 48 %, а далее до 50 % и выше, и снижают выбросы углекислого газа в окружающую среду [2; 4] (табл. 1).

Таблица 1

Ступени «факельных» технологий сжигания угля

Параметр	Давление, МПа	Температура, °С	Тепловой к.п.д.
Докритические	менее 22,4	374	20–38
Сверхкритические	23,5–24,7	540–593	40–41
Суперсверхкритические	28–30	593–620	43–46
Ультрасверхкритические	35	700–720	51–53

Источник: [4]

Существуют и другие технологии приготовления и сжигания угля, например, предварительная газификация угля, в том числе подземная с последующим направлением газификатора в парогазовый цикл производства электроэнергии, или приготовление кавитационного водоугольного топлива (далее – КаВУТ). КаВУТ топливо характеризуется высоким уровнем динамического компрессионного и температурного воздействия на обрабатываемый материал (до 2 000 °С и 25 000 атм) с последующим сжиганием его в кипящем слое. Эти технологии способствуют высокой степени выгорания угля и низкой генерации выбросов [13; 22]. Однако все они, как и некоторые «факельные» технологии, пока в России не освоены в должной степени. В частности, утверждения о достоинствах КаВУТ и двухступенчатой схемы его сжигания, предполагающей сжигание в кипящем слое, основываются на проектных проработках, конструкторских расчетах и опытах по стендовому сжиганию водоугольного топлива [13]. Следовательно, ожидать, что эти технологии будут в ближайшем времени широко представлены в России, не приходится, как не приходится и надеяться на их существенное влияние на снижение углеродоемкости производства электроэнергии.

При этом не следует забывать, что на территории России сосредоточено около 9 % мировых запасов гидроэнергии. По обеспеченности гидроэнергетическими ресурсами Россия занимает второе место в мире, после КНР. При этом степень освоенности гидроэнергетического потенциала нашей страны составляет только около 20 %, что намного меньше показателей развитых стран [2]. Дальнейшее использование гидроэнергетического потенциала предполагает строительство мощных ГЭС в Сибири и на Дальнем Востоке, а также малых ГЭС в Европейской части России, что позволит увеличить выработку возобновляемой электроэнергии, повысить надежность и «чистоту» энергоснабжения, а также обеспечить значительный положительный мультипликативный эффект в смежных отраслях.

Кроме того, в России предполагается бурное развитие и других ВИЭ, особенно ветровых и солнечных электростанций. По мнению, многих экспертов, доля указанных источников энергии в энергобалансе России к 2035 г. должна возрасти до 5–6 %, так как планируется ввести порядка 15–16 ГВт мощностей возобновляемых источников энергии на оптовом рынке электроэнергии и мощности и еще около 2 ГВт на розничном рынке электроэнергии (мощности) и в микрогенерации, а к 2040 г. их доля может достичь 10 % [20]. Тем более, что в последние годы из-за использования новых технологий и материалов, стоимость выработки 1 кВт·ч энергии на таких источниках существенно снизилась. Средними ценами отбора мощности на ВИЭ на 2023–2027 гг., по данным Совета рынка, стали: 2 700 руб. за 1 МВт·ч для ветровых электростанций (минимальная цена была 2 200 руб. за 1 МВт·ч) и 5 200 руб. за 1 МВт·ч для солнечных (минимальная цена 4 500 руб. за 1 МВт·ч). Таким образом, некоторые заявки на ВИЭ оказались даже ниже текущей средней оптовой одноставочной цены электроэнергии в первой ценовой зоне (Центральная Россия и Урал), составляющей порядка 2 600 руб. за 1 МВт·ч [20].

Конечно, осваиваются и другие виды альтернативной энергетики, основанные на энергии Земли, приливов, биомассы, но надо учитывать, что широкое распространение генерации на ВИЭ можно достичь только в совокупности с развитием производства аккумуляторов промышленного значения, иначе непостоянные режимы ее работы будет трудно совместить с режимами работы других источников энергии в рамках ЕЭС России. Работа в этом направлении в отрасли активно ведется.

Дальнейшее развитие ждет и атомную генерацию. Несмотря на значительные риски, связанные с радиацией, большинство стран восстанавливают и развивают атомную энергетику. В рамках одобренной Евро-союзом в 2019 г. стратегии экономического развития, направленной на достижение «углеродной нейтральности» к 2050 г., странам – членам Евросоюза разрешается использование атомной генерации в качестве первичной энергии в приходной части национальных энергобалансов.

В обзоре Аналитического центра при правительстве РФ прямо указано на развитие атомной энергетики, как низкоуглеродной и перспективной, с точки зрения климатической политики, принятой Парижским соглашением. На сегодня атомная энергетика России занимает 4 место в мире по выработке электроэнергии после США, Франции и Китая [21].

В мировом энергобалансе в 2019 г. по данным ВР, доля атомной энергии составила 4,3 %, а в выработке электроэнергии – 10,4 %. При этом уровень выработки электроэнергии 2010 г. был превышен в мире впервые после аварии на АЭС в Японии в 2011 г. только в 2019 г. [16]. В случае реализации сценария «углеродной нейтральности» к 2050 г. в странах Евросоюза и США выработка электроэнергии на АЭС должна существенно вырасти.

По данным Всемирной ядерной ассоциации на сентябрь 2020 г., количество действующих ядерных энергоблоков в мире составило 441 ед., их общая установленная мощность – 391,7 ГВт, и строятся еще 53 реактора суммарной мощностью 59,2 ГВт, из которых 12 реакторов – в Китае, 7 – в Индии, 4 – в России [16].

В целом Международное энергетическое агентство прогнозирует прирост атомной генерации по миру, по сравнению с уровнем 2018 г., на 28–62 % к 2040 г. и на 50–100 % к 2070 г. [16].

Значительный потенциал имеет и водородная энергетика, ожидается что к 2060г. она станет одним из главных элементов системы обеспечения «углеродной нейтральности» в мире, но пока Правительство РФ совместно с ПАО «Газпром» только объединяют усилия по ускорению развития водородных технологий и созданию пилотных проектов [14].

Обсуждение результатов

Россия располагает достаточным количеством мер по существенному снижению углеродоемкости производства электроэнергии и сохранению «углеродной нейтральности» к 2050 г. [19]. Учитывая в целом достижимость Россией «углеродной нейтральности», тем не менее, с учетом расположения источников загрязнения и поглощающей способности лесов специалисты установили 7 критических регионов России, такими регионами являются: Ростовская, Волгоградская, Рязанская и Магаданская области, Ненецкий и Чукотский автономные округа и Республика Тыва [5]. Выделение данных регионов, в первую очередь, обусловлено наличием тундровой и лесостепной зон на отдельных территориях страны.

Развитие электроэнергетики чутко реагирует на сложившуюся экологическую обстановку в регионах. Так, в Волгоградской области строится крупный ветропарк, в Ростовской области расширяется Ростовская АЭС, в Рязанской области угольная электростанция постоянно повышает параметры работы пара, по всей Европейской части России активно вводятся газотурбинные и парогазовые установки, в Сибири и на Дальнем Востоке строятся мощные ГЭС и солнечные электростанции, а угольные электростанции планируют проведение модернизации с переходом на новые «факельные» технологии сжигания угля.

Выводы

1. Россия обладает основной долей лесов на планете, которые сегодня поглощают, по различным оценкам, от существенной доли до всех антропогенных выбросов углекислого газа в России.
2. Развитие гидроэнергетики и других отраслей возобновляемой и атомной энергетики, а также повышение эффективности угольной и газовой энергетики будут способствовать снижению углеродоемкости производства электроэнергии как в целом по стране, так и в отдельных ее регионах.
3. Снижение углеродоемкости производства электроэнергии будет существенно сокращать убытки России от возможного введения Европейским союзом «углеродного» налога на импорт продукции и обеспечит сохранение «углеродной нейтральности» при расширении промышленного производства к 2050 г.

Заключение

Таким образом, Россия обладает необходимыми возможностями для достижения и сохранения «углеродной нейтральности» как сейчас, так и в будущем.

Библиографический список

1. Парижское соглашение / ООН [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://unfccc.int/sites/default/files/russian_paris_agreement.pdf (дата обращения: 18.11.2021).
2. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 13 ноября 2009 года № 1715-р «Об утверждении Энергетической стратегии России на период до 2030 года» // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/902187046> (дата обращения: 18.11.2021).
3. Афанасьев, В. Я., Грабчак, Е. П., Мищеряков, С. В. Современные технологии управления в электроэнергетике: монография. – М.: Де Либри, 2021. – 358 с.
4. Краснянский, Г. Л., Зайденварг, В. Е., Ковальчук, А. Б. [и др.]. Уголь в экономике России: монография / под общ. ред. Г. Л. Краснянского. – М.: Экономика, 2011. – 383 с.

5. Ольчев, А. В., Авилов, В. К., Байбар, А. С. [и др.]. Леса европейской территории России в условиях меняющегося климата: монография / под ред. А.В. Ольчева. – М.: Товарищество научных изданий КМК, 2017. – 267 с.
6. Панкратов, В. К. Необходимость проведения рубок ухода в вязовых насаждениях с целью омоложения. – Леса России и хозяйство в них. – 2021. – № 2 (77). – С. 35–41. <https://doi.org/10.51318/FRET.2021.49.75.004>
7. Суворов, Г. Г. Изменение потоков CO₂, CH₄ и запасов углеродов лесоболотной экосистемы в результате добычи торфа и сельскохозяйственного использования: Дис. ... канд. биол. наук: 03.02.08 – М.: Институт лесоведения РАН РФ, 2018. – 128 с.
8. Филипчук, А. Н., Малышева, Н. В., Моисеев, Б. Н., Страхов, В. В. Аналитический обзор методик учета выбросов и поглощения лесами парниковых газов из атмосферы // Лесохозяйственная информация. – 2016. – № 3. – С. 36–85.
9. Вавина, Е. Углеродный след российской электроэнергетики может в 3,5 раза превысить средний по миру // Ведомости. – 2019. – 5 сентября 2019 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2019/09/04/810498-uglerodnii> (дата обращения: 19.11.2021).
10. Вержанский, А. П. О программе экологизации угольной генерации Российской Федерации. Доклад на круглом столе Комитета по энергетике Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации 06.09.2017 // Горнопромышленники России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://rosgorprom.com/files/New%20informations/09.06.2017_Verzhanskiy.pdf (дата обращения: 11.11.2021).
11. Выбросы CO₂ от сжигания топлива // Мировая энергетическая статистика Enerdata [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://yearbook.enerdata.ru/co2/emissions-co2-data-from-fuel-combustion.html> (дата обращения: 19.11.2021).
12. Дуэль, А. Углеродный след идет лесом. Во сколько обходится поглощение одной тонны CO₂ деревьями // Российская газета. – 2021. – № 93 (8444). – 27 апреля.
13. Карпов, Е. Водугольное топливо – технология будущего // Энергетика и промышленность России. – 2007. – № 5 (81). – май [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.eprussia.ru/epr/81/5751.htm> (дата обращения: 14.11.2021).
14. Кучеренко, Т. Водородная энергетика России: планы по финансированию // Вести. – 2021. – 16 октября 2021 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.vesti.ru/article/2626883/> (дата обращения: 14.11.2021).
15. Отчет о функционировании ЕЭС России за 2020 г. // Системный оператор Единой Энергетической Системы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.so-ups.ru/fileadmin/files/company/reports/disclosure/2021/ups_rep2020.pdf (дата обращения: 19.11.2021).
16. Перспективы развития мировой атомной энергетики связаны с климатическими целями // Газета «Энергетика и промышленность России» от 29.10.2020 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.eprussia.ru/news/base/2020/3962253.htm> (дата обращения: 19.11.2021).
17. Сжигание топлива на крупных установках в целях производства энергии. Федеральное агентство по техническому регулированию и метрологии. Информационно-технический справочник по наилучшим доступным технологиям ИТС 38-2017. – М.: Бюро НДТ, 2017. – 271 с.
18. Тихонов, С. Решетников: Нужна актуализация данных о поглощении CO₂ нашими лесами // Российская газета – 2021. – 26 апреля [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rg.ru/2021/04/26/reshetnikov-nuzhna-aktualizaciia-dannyh-opogloshchenii-co2-nashimi-lesami.html> (дата обращения: 19.11.2021).
19. Филипчук, А. Как Росгидромет «отстоял» леса России в Парижском соглашении по климату // Информационное агентство Regnum. – 2016. – 11 ноября [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://regnum-ru.turbopages.org/regnum.ru/s/news/2203928.html> (дата обращения: 19.11.2021).
20. Цена на аукционе ветровой энергии в России оказалась самой низкой в мире // РБК [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/business/22/09/2021/614b12e89a794762e94db190> (дата обращения: 19.11.2021).
21. Экология и экономика. Тенденции к декарбонизации // Аналитический центр при правительстве РФ. – Бюллетень о текущих тенденциях российской экономики. – 2020. – Вып. 66. – октябрь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ac.gov.ru/uploads/2-Publications/BRE/_%D0%BE%D0%BA%D1%82%D1%8F%D0%B1%D1%80%D1%8C_web.pdf (дата обращения: 19.11.2021).
22. HELE Perspectives for Selected Asian Countries // The Coal Hub [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://thecoalhub.com/wp-content/uploads/2018/09/> (дата обращения: 19.11.2021).

References

1. Paris Agreement, *UN*. Available at: https://unfccc.int/sites/default/files/russian_paris_agreement.pdf (accessed 18.11.2021).
2. Order of the Government of the Russian Federation of November 13, 2009, No. 1715-r "On Approval of the Energy Strategy of Russia for the Period up to 2030", *Electronic Collection of Legal, Regulatory, and Technical Documents*. Available at: <https://docs.cntd.ru/document/902187046> (accessed 18.11.2021).
3. Afanasyev V. Ya., Grabchak E. P., Mishcheryakov S. V. *Modern management technologies in the electric power industry: monograph*, Moscow, De Libri, 2021, 358 p. (In Russian).
4. Krasnyansky G. L., Zaidenvarg V. E., Kovalchuk A. B. [et al]. *Coal in the Russian economy: monograph*, gen. ed. G. L. Krasnyansky, Moscow, Ekonomika, 2011, 383 p. (In Russian).
5. Olchev A. V., Avilov V. K., Baibar A. S. [et al]. *Forests of the European territory of Russia in a changing climate: monograph*, ed. A. V. Olchev, Moscow, Tovarishestvo nauchnykh izdaniy KMK, 2017, 267 p. (In Russian).
6. Pankratov V. K. The need for cutting care in elm stands for the purpose of rejuvenation, *Lesnaya Rossiya i khozyaistvo v nikh*, 2021, no. 2 (77), pp. 35–41. <https://doi.org/10.51318/FRET.2021.49.75.004>
7. Suvorov G. G. *Changes in the fluxes of CO₂, CH₄ and carbon stocks of the forest bog ecosystem as a result of peat extraction and agricultural use*: Dissertation of Candidate of Biological Sciences: 03.02.08, Moscow, Institute of Forest Science of the Russian Academy of Sciences of the Russian Federation, 2018, 128 p. (In Russian).
8. Filipchuk A. N., Malysheva N. V., Moiseev B. N., Strakhov V. V. Analytical overview of methodologies calculating missions and absorption of greenhouse gases by forests from the atmosphere, *Lesokhozyaistvennaya informatsiya*, 2016, no. 3, pp. 36–85. (In Russian).
9. Vavina E. The carbon footprint of the Russian electric power industry could be 3.5 times higher than the world average, *Vedomosti*, 2019, September 5. Available at: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2019/09/04/810498-uglerodnii> (accessed 19.11.2021).
10. Verzhanskiy A. P. On the Program of Greening of Coal Generation of the Russian Federation. Report at the Round Table of the Energy Committee of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation on September 6, 2017, *Miners of Russia*. Available at: http://rosgorprom.com/files/New%20informations/09.06.2017_Verzhanskiy.pdf (accessed 11.11.2021).
11. CO₂ emissions from fuel combustion, *Global Energy Statistics Enerdata*. Available at: <https://yearbook.enerdata.ru/co2/emissions-co2-data-from-fuel-combustion.html> (accessed 19.11.2021).
12. Duel A. The carbon footprint goes with the forest. How much does it cost for trees to absorb one tonne of CO₂, *Rossiiskaya gazeta*, 2021, No. 93 (8444), April 27.
13. Karpov E. Coal-water fuel is the technology of the future, Newspaper "Power and Industry of Russia", 2007, № 5 (81), May. Available at: <https://www.eprussia.ru/epr/81/5751.htm> (accessed 14.11.2021).
14. Kucherenko T. Hydrogen energy in Russia: plans for financing, *Vesti*, 2021, October 16. Available at: <https://www.vesti.ru/article/2626883/> (accessed 14.11.2021).
15. Report on the Functioning of the UES of Russia for 2020, *Russian Power System Operator*. Available at: https://www.so-ups.ru/fileadmin/files/company/reports/disclosure/2021/ups_rep2020.pdf (accessed 19.11.2021).
16. Prospects for the development of the world nuclear energy are related to climatic goals, Newspaper "Power and Industry of Russia", October 29, 2020. Available at: <https://www.eprussia.ru/news/base/2020/3962253.htm> (accessed 19.11.2021).
17. Combustion of fuels in large installations for energy production purposes. Federal Agency on Technical Regulating and Metrology, *Information Technology Guide to the Best Available Technology ITS 38-2017*, Moscow, Bureau of BAT, 2017, 271 p. (In Russian).
18. Tikhonov S. Reshetnikov: We need an update on the CO₂ uptake of our forests, *Rossiiskaya gazeta*, 2021, April 26. Available at: <https://rg.ru/2021/04/26/reshetnikov-nuzhna-aktualizaciia-dannyh-o-pogloshchenii-co2-nashimi-lesami.html> (accessed 19.11.2021).
19. Filipchuk A. How Roshydromet "defended" Russia's forests in the Paris Climate Agreement, *Regnum News Agency*, 2016, November 11, 2016. Available at: <https://regnum.ru/turbopages.org/regnum.ru/s/news/2203928.html> (accessed 19.11.2021).
20. The price at the auction of wind energy in Russia was the lowest in the world, *RBC*. Available at: <https://www.rbc.ru/business/22/09/2021/614b12e89a794762e94db190> (accessed 19.11.2021).
21. Ecology and Economics. Decarbonisation Trends, *Analytical Center for the Government of the Russian Federation*, Bulletin on Current Tendencies in Russian Economy, 2020, Is. 66, October. Available at: https://ac.gov.ru/uploads/2-Publications/BRE/_%D0%BE%D0%BA%D1%82%D1%8F%D0%B1%D1%80%D1%8C_web.pdf (accessed 19.11.2021).
22. HELE Perspectives for Selected Asian Countries, *The Coal Hub*. Available at: <https://thecoalhub.com/wp-content/uploads/2018/09/> (accessed 19.11.2021).

ЭКОНОМИКА: ПРОБЛЕМЫ, РЕШЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ

УДК 657.633.5 JEL M49

DOI 10.26425/1816-4277-2022-1-70-77

Агеева Ольга Андреевна
д-р экон. наук, ФГБОУ ВО «Государственный университет управления», г. Москва, Российская Федерация

ORCID: 0000-8772-1702

SPIN-код: 8093-9771

Scopus Author ID: 471168

Researcher ID: C-7667-2019

e-mail: miroya@mail.ru

Матыцына Юлия

Дмитриевна
аспирант, ФГБОУ ВО «Государственный университет управления», г. Москва, Российская Федерация

ORCID: 0000-0002-5518-0163

SPIN-код: 7123-9745

Scopus Author ID: 1089001

e-mail: julia_19971@mail.ru

Olga A. Ageeva

Dr. Sci. (Econ.), State University of Management, Moscow, Russia

ORCID: 0000-8772-1702

SPIN-код: 8093-9771

Scopus Author ID: 471168

Researcher ID: C-7667-2019

e-mail: miroya@mail.ru

Yulia D. Matytsyna

Postgraduate student, State University of Management, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0002-5518-0163

SPIN-код: 7123-9745

Scopus Author ID: 1089001

e-mail: julia_19971@mail.ru

МОНИТОРИНГ ЭФФЕКТИВНОСТИ СИСТЕМЫ ВНУТРЕННЕГО КОНТРОЛЯ И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ

Аннотация. В статье рассмотрено содержание и экономическая роль мониторинга финансово-хозяйственной деятельности. Цель исследования заключается в определении сущности одного из основных элементов, составляющих систему внутреннего контроля – мониторинга, который обеспечивает экономическую безопасность хозяйствующего субъекта. Предметом выступает индикативная система мониторинга, с помощью которой выявляются риски в определенном сегменте деятельности предприятия, то есть на микроуровне. Методология проведенного исследования состояла в сборе и обобщении информации с целью построения научной гипотезы об исследуемом предмете, а также в разработке рекомендаций по повышению эффективности системы внутреннего контроля в направлении обеспечения экономической безопасности хозяйствующего субъекта. В результате авторами был предложен алгоритм проведения мониторинга, обеспечивающий эффективность системы внутреннего контроля и экономической безопасности.

Ключевые слова: внутренний контроль, система внутреннего контроля, экономическая безопасность, служба внутреннего контроля, мониторинг, индикаторы, хозяйствующий субъект

Для цитирования: Агеева О.А., Матыцына Ю.Д. Мониторинг эффективности системы внутреннего контроля и экономической безопасности организации // Вестник университета. 2022. № 1. С. 70–77.

MONITORING THE EFFICIENCY OF ORGANISATION'S INTERNAL CONTROL AND ECONOMIC SECURITY SYSTEM

Abstract. The article reviews the content and economic role of monitoring financial and economic activities. The aim of the study is to determine the essence of one of the main elements that make up the internal control system, namely: monitoring, which ensures the economic entity economic security. The subject is an indicative monitoring system, with the help of which risks are identified in a certain segment of the enterprise activity, that is, at the micro level. The research methodology consisted in the information collection and generalisation in order to build a scientific hypothesis about the subject under study, as well as in the recommendations development to improve the internal control system efficiency in the direction of ensuring the economic entity economic security. As a result, the authors proposed a monitoring algorithm that ensures the internal control system and economic security effectiveness.

Keywords: internal control, internal control system, economic security, internal control service, monitoring, indicators, business entity

For citation: Ageeva O.A., Matytsyna Yu. D. (2022) Monitoring the efficiency of organisation's internal control and economic security system. *Vestnik universiteta*, no. 1, pp. 70–77. DOI: 10.26425/1816-4277-2022-1-70-77

© Агеева О.А., Матыцына Ю.Д., 2022.

Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

© Ageeva O.A., Matytsyna Yu. D., 2022.

This is an open access article under the CC BY 4.0 license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

Введение

Обеспечение стабильности деятельности предприятия в современных условиях развития экономики может быть достигнуто, прежде всего, благодаря одному из основных элементов системы управления хозяйствующим субъектом – внутреннему контролю, который является действенным средством для проведения регулярной проверки и мониторинга законности фактов хозяйственной деятельности экономического субъекта обеспечить экономическую безопасность хозяйствующего субъекта.

В настоящее время процесс построения системы внутреннего контроля и обеспечения мониторинга ее действенности базируется на нормативных документах, регламентирующих выбор учетных регистров, отвечающих требованиям к качеству информации, содержащейся в бухгалтерском учете и отчетности [1; 2].

Под системой внутреннего контроля (далее – СВК) будем понимать применяемый руководителями предприятия комплекс методик и процедур, организационной структуры управления с целью обеспечения эффективной работы и достижения стратегических и тактических целей.

Согласно модели COSO (Committee of Sponsoring Organizations of the Treadway Commission) и Международному стандарту аудита 315 [3]. Внутренний контроль включает в себя пять взаимосвязанных компонентов: контрольную среду, оценку рисков, процедуры внутреннего контроля, информацию и коммуникацию, мониторинг.

Компонент «контрольная среда» отражает политику управления хозяйствующим субъектом, в которую входят совокупность локальных стандартов и мероприятий со стороны руководства. Организация в процессе своей финансово-хозяйственной деятельности отслеживает и оценивает сопутствующие риски: внешние, например, увеличение налоговой нагрузки или риски, возникающие из-за конкурентов, и внутренние, такие как поломка оборудования, ошибки сотрудников, выбор неэффективной финансовой стратегии. Опираясь на информационные системы экономического субъекта, сотрудники используют актуальные сведения о положении экономического субъекта на рынке, конкурентах и партнерах. Кроме того, информационная система обеспечивает ведение бухгалтерского учета и способствует принятию обоснованных управленческих решений. Мониторинг позволяет оценить систему внутреннего контроля, уровень экономической безопасности, сигнализирует о недостатках в работе организации, его результатом является принятие руководством корректирующих мер.

Таким образом, мониторинг является одним из важнейших элементов СВК, поскольку позволяет обнаруживать все отклонения от нормального функционирования предприятия и фиксировать их финансовые последствия. Приоритет мониторинга по сравнению с другими элементами СВК состоит в том, что мониторинг напрямую взаимодействует с другими элементами СВК, выполняя свою наблюдательную функцию, обеспечивающую контроль за эффективностью и результативностью деятельности хозяйствующего субъекта.

Постановка проблемы

Экономическая сущность мониторинга состоит в систематическом сборе, анализе изменяющейся учетной информации и в проверке ее качества и обоснованности для принятия оперативных управленческих решений. В таблице 1 приведены виды мониторинга в зависимости от его периодичности и функционал ответственных лиц, которые его осуществляют.

Таблица 1

Виды мониторинга

Периодичность	Кто осуществляет	Способы
На постоянной основе	Руководители структурных подразделений	В ходе осуществления ежедневной деятельности по организации и управлению работой структурных подразделений
На основе периодических оценок	Собственники/Инвесторы	В ходе организации деятельности экономического субъекта и рассмотрения отчетов о деятельности предприятия
	Служба внутреннего контроля	В ходе оценки эффективности системы внутреннего контроля и проведения проверок

Составлено авторами по материалам исследования

Мониторинг, осуществляемый на постоянной основе, является наиболее эффективной формой наблюдения за функционированием финансово-хозяйственной деятельности организации. Непрерывные мероприятия по мониторингу часто встроены в обычно повторяющиеся операции организации и включают регулярное выполнение управленческих и надзорных действий [3]. Это позволяет обеспечивать достаточную уверенность руководства экономического субъекта в достижении поставленных целей.

С целью обеспечения гарантий на вложенные средства владельцы и инвесторы требуют не только наличие формализованной системы внутреннего контроля и осуществления мониторинга, но и регулярное подтверждение эффективного ее функционирования, то есть отчета о состоянии бизнес-процессов.

Непосредственным проведением мониторинга за состоянием и уровнем элементов, образующих СВК, занимаются специалисты подразделения, выполняющего функции внутреннего контроля, будь то отдельная служба, в условиях отсутствия отдельной службы – возможно, главный бухгалтер или его заместитель. Специалисты в процессе мониторинга проводят проверки наличия всех первичных документов и правильности регистрации, полученной из них информации, ее анализом, проверкой документального оформления операций и сделок, проверкой первичных учетных документов при принятии к учету, сверкой учетных данных с их первоисточником, ежегодной оценкой системы внутреннего контроля в рамках всей организации. Таким образом, мониторинг осуществляется сотрудниками, которые являются экспертами в своем деле и могут оценить эффективность функционирования внутреннего контроля с учетом специфики операций, а также своевременно устранить выявляемые недостатки.

В части мониторинга за состоянием экономической безопасности проводится регулярный анализ динамики индикаторов, выбранных в качестве показателей, оценивающих состояние и уровень экономической безопасности. В частности, к таким индикаторам могут относиться показатели, определяющие изменения во внутренней и внешней среде, распределение объективной и достоверной информации между структурными единицами, например: темп обновления основных средств; уровень рентабельности производства; коэффициенты ликвидности; фондоотдача; уровень инновационной активности; уровень зарплаты к среднему по отрасли; кадровый потенциал. Отдельно ведется наблюдение за динамикой пороговых значений используемых индикаторов. Пороговые значения устанавливаются Росстатом в соответствии с отраслью и регионом функционирования хозяйствующего субъекта [4; 8].

Основной целью мониторинга является обеспечение органов управления хозяйствующего субъекта достоверной и оперативной информацией, которая необходима для принятия своевременных управленческих решений.

Теория и методы

В экономической литературе существует несколько методов оценки мониторинга (качественный, количественный, смешанный), точки зрения отдельных авторов обобщены в таблице 2.

Таблица 2

Обзор методов оценки мониторинга

Автор	Метод оценки	Характеристика
Аманжолова Б.А.	Количественный	Указанный подход предполагает выявление «узких» мест или «слабых» звеньев в СВК, а также определения учетных участков с повышенным риском. Заключительным шагом в количественном подходе является интегральная оценка СВК. Элементы (объекты) мониторинга тестируются каждый цикл
Сотникова Л.В.	Качественный	В данной методике мониторинг не выделяется как отдельный элемент (функция) и рассматривается в ходе непрерывного контроля над финансово-хозяйственной деятельностью. В ходе метода дается общая оценка контрольной среды организации, а также тестируются процедуры контроля, в результате оценивается надежность СВК в целом

Автор	Метод оценки	Характеристика
Плахотя Т.В.	Качественный	Методика базируется на балльной оценке и опирается на систему COSO, путем выделения среднеарифметического балла по каждому количественному показателю из выделенных элементов СВК для мониторинга. А также рекомендуется стандартизировать качественные показатели
Леонов П.Ю.	Смешанный	Согласно данной методике, предлагается группировать качественные показатели и применять к ним количественный анализ

Источники: [5–7; 9]

Количественная оценка мониторинга СВК и экономической безопасности отражает уровень выполнения функций СВК и выражена в виде конкретных коэффициентов, таких как показатели формирования и динамики прибыли, показатели кадровой составляющей экономической безопасности, показатели деловой активности. Качественная оценка является более сложной составляющей и включает в себя такие параметры, как соответствие СВК нормативному регулированию, отражение позиции хозяйствующего субъекта на рынке, удовлетворенность клиентов и сотрудников, уровень выполнения поручений руководства. Смешанный метод предполагает применение количественного анализа к группам качественных показателей.

Таким образом, приведенный выше анализ методов оценки мониторинга эффективности СВК и экономической безопасности хозяйствующего субъекта, свидетельствует о том, что среди ученых-экономистов единого подхода к указанной оценке не существует. Следует отметить тот факт, что в Информации Министерства финансов Российской Федерации № ПЗ-11/2013 мониторинг не рассматривается как отдельный элемент СВК [2].

Как отмечено выше мониторинг представляет собой, с одной стороны, отдельный специфический элемент СВК, с другой, в отличие от других элементов СВК, воздействие мониторинга на качество учетной информации носит не прямой, а опосредованный характер. Мониторинг выполняет функцию контроля за регулярностью и качеством осуществления иных элементов СВК, например, таких, как оценка рисков или своевременное выполнение процедур контроля.

Согласно проведенному исследованию PwC, в конце 2020 г. были выявлены наиболее часто используемые системы для мониторинга СВК в зависимости от степени ее зрелости, представленные на рисунке 1 [10].

Преимущественно компании не используют технологии мониторинга	Собственные разработки Инструменты обработки данных и анализа процессов Инструменты роботизации бизнес-процессов (RPA)
Начальный и неформальный	Формализованный
Управляемый	Совершенствуемый
Собственные разработки Системы по управлению рисками и соблюдению законодательных требований и стандартов (GRC) Интерфейсы, отражающие ключевые показатели эффективности по процессам в режиме реального времени (Dashboards) Инструменты обработки данных и анализа процессов	Системы по управлению рисками и соблюдению законодательных требований и стандартов (GRC)

Источник: [10]

Рис. 1. Используемые технологии для мониторинга отклонений системы внутреннего контроля в компаниях с различной степенью зрелости СВК

Существует 4 степени зрелости СВК:

- 1) начальный и неформальный, характеризуются отсутствием контрольных процедур и частичной формализацией процессов СВК;
- 2) при формальном уровне зрелости СВК стандартизирована контрольная деятельность;
- 3) управляемый уровень зрелости отличается внедрением автоматизированных контрольных процедур и проведением регулярного мониторинга;
- 4) при совершенствуемой степени зрелости достигается полная автоматизация контрольных процедур и обеспечивается их регулярная оптимизация в соответствии с мировыми стандартами.

Как правило, компаниям, использующим технологии для мониторинга отклонений СВК, удастся добиться более высокого уровня зрелости контрольной среды.

В свою очередь, базовая автоматизация способствует повышению эффективности контрольной среды, а также эффективности СВК в целом. Указанный результат достигается посредством достижения прозрачности работы и возможности проведения мониторинга, позволяющего исключить ошибки, связанные с человеческим фактором. Положительное влияние на эффективность СВК, несомненно, оказывает применение новых технологий, выступающих в качестве основных инструментов СВК.

Предложения и результаты исследования

Проведенный анализ свидетельствует о том, что в настоящее время не существует определенных, общепринятых методик мониторинга эффективности СВК и экономической безопасности. Каждый экономический субъект при решении указанной задачи, как правило, применяет свои внутренние регламенты, соответствующие этапам и технологии выполняемых им работ.

В статье предпринята попытка формализовать этапы и последовательность мероприятий в процессе мониторинга эффективности СВК и экономической безопасности, выявить основные индикаторы, применяемые для их оценки, что позволило предложить обобщенную методику, которая может быть взята за основу при разработке внутренних регламентов описываемого процесса. Ниже приведены выделенные авторами основные этапы мониторинга эффективности СВК и экономической безопасности и расшифровка операций, проводимых на каждом этапе.

1. Инициирование проведения мониторинга:
 - определение целей и подготовка программы проверки;
 - выявление стейкхолдеров;
 - создание группы индикаторов, установление их границ и пороговых значений;
 - назначение ответственных лиц и определения их задач;
 - определение периодичности и сроков проведения мониторинга.
2. Непосредственно проверка и документирование ее результатов:
 - сбор информации;
 - выбор контрольных процедур и определение критериев выборочной проверки.
3. Завершающий этап:
 - по результатам мониторинга подготовка отчета после обсуждения включенных в него вопросов и его последующее утверждение;
 - выбор направлений действий, направленных на устранение выявленных недостатков, а также на совершенствование самой процедуры мониторинга;
 - последующий контроль по совершенствованию мониторинга системы внутреннего контроля и экономической безопасности;

В основу оценки пороговых значений индикаторов положена балльная оценка, которая устанавливается отдельно по каждому индикатору. В таблице 3 приведен пример определения группы индикаторов по направлению «Финансовый анализ».

Приведенная выше методика построения мониторинга в экономических субъектах представляет собой сложный комплексный процесс контроля бизнес-процессов, базирующийся на применении ряда методов, направленных на установление факторов и документального подтверждения конкретных случаев отклонений.

Пример разработки индикативной модели на этапе мониторинга

Направление	Индикаторы			Периодичность оценки	Документы/источники
	наименование	риск	пороговое значение		
Финансовый анализ	Ликвидность	Операционный	Нормативные значения показателей берутся с сайта государственной статистики в соответствии с видом деятельности и регионом + Устанавливается балльная оценка соответствия в рамках конкретной организации	Ежеквартально	Бухгалтерский баланс; отчет о финансовых результатах
	Рентабельность				
	Платежеспособность				
	Оборачиваемость активов				
	Коэффициенты финансовой устойчивости				
Финансовый анализ	Анализ показателей деловой активности	Операционный	Нормативные значения показателей берутся с сайта государственной статистики в соответствии с видом деятельности и регионом + Устанавливается балльная оценка соответствия в рамках конкретной организации	Ежеквартально	Бухгалтерский баланс; отчет о финансовых результатах
	Анализ структуры имущества и источников его формирования				
	Анализ финансовых результатов				

Составлено авторами по материалам исследования

Процесс мониторинга показателей финансово-хозяйственной деятельности направлен на поиск учетных участков, связанных с наибольшим воздействием на них потенциальных рисков, и анализ влияния указанных рисков на уровень экономической безопасности хозяйствующего субъекта.

Как отмечалось выше, потенциальные риски оцениваются на основе расчета и анализа динамики индикаторов, выбранных для оценки СВК и уровня экономической безопасности. После расчета и анализа динамики указанных индикаторов составляется отчет, адресованный совету директоров и руководителям структурных подразделений. В этом отчете в обязательном порядке приводится расчет и анализ отклонений индикаторов от установленных для конкретного вида деятельности экономического субъекта от пороговых значений. Кроме того, в отчете выявляются причины отступлений от пороговых значений применяемых индикаторов и появление связанных с этой тенденцией потенциальных рисков. В отчет включается информация о недостатках процедур контроля и приводятся рекомендуемые мероприятия для совершенствования СВК в целом, включая СВК с целью обеспечения экономической безопасности хозяйствующего субъекта.

В рамках проведенного авторами научного исследования, результаты которого приведены в настоящей статье, сформулированы условия обеспечения эффективности проводимого в рамках СВК мониторинга, направленного на повышение экономической безопасности хозяйствующего субъекта. К указанным условиям относятся следующие:

- мониторинг эффективен в том случае, если он автоматизирован и по возможности встроен в процесс осуществления, прежде всего, банковских операций, а также других сделок;
- результатом мониторинга, проводимого с установленной периодичностью, является возможность получения объективной оценки эффективности СВК и экономической безопасности;
- наблюдение за процессами СВК в рамках мониторинга проводится квалифицированными специалистами, обладающими знаниями об объектах мониторинга;

- своевременное и на регулярной основе представление результатов мониторинга руководству
- экономического субъекта с целью рассмотрения и учета обновленной информации для принятия управленческих решений;
- совершенствование методик, инструментария и технических средств мониторинга на
- регулярной основе.

Как отмечалось выше, наиболее выгодной ситуацией, позволяющей обеспечить надежность функционирования СВК и снизить риски принятия ошибочных решений, является такая организация мониторинга, когда он встроен в инфраструктуру организации и является частью ее сущности.

Заключение

Мониторинг, проводимый с использованием на регулярной основе инновационных методик, инструментария и технических средств и организованный в виде проверки отдельных хозяйственных операций и соответствующей им документации, а также как регулярно проводимый анализ деятельности предприятия, включая анализ динамики пороговых значений применяемых индикаторов и отклонений от них, регулярного представления руководству хозяйствующего субъекта по результатам мониторинга отчета с рекомендациями, позволяющими исключить риски в обеспечении экономической безопасности предприятия, и с раскрытием направлений повышения эффективности деятельности самого предприятия в целом.

Непрерывный контроль играет важную профилактическую роль, поскольку дает возможность оперативно реагировать на нежелательные отклонения от пороговых значений индикативных показателей в ходе деятельности предприятия. Для исследуемого в настоящей статье мониторинга – элемента системы внутреннего контроля характерна, прежде всего, своевременность и трудоемкость выполнения.

Внедрение мониторинга во все процессы деятельности организации способствует обеспечению выполнения планов, соблюдению действующего законодательства при осуществлении финансово-хозяйственной деятельности, снижению рисков принятия ошибочных управленческих решений, осуществлению эффективной и непрерывной работы системы внутреннего контроля.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» // СПС «Консультант-Плюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_17819/ (дата обращения: 03.10.2021).
2. Информация Минфина России № ПЗ-11/2013 «Организация и осуществление экономическим субъектом внутреннего контроля совершаемых фактов хозяйственной жизни, ведения бухгалтерского учета и составления бухгалтерской (финансовой) отчетности» // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156407/ (дата обращения: 03.10.2021).
3. Международный стандарт аудита 315 (пересмотренный) «Выявление и оценка рисков существенного искажения посредством изучения организации и ее окружения» (введен в действие на территории Российской Федерации Приказом Минфина России от 09.01.2019 № 2н) // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_317405/ (дата обращения: 03.10.2021).
4. Беловицкий, К. Б., Николаев, В. Г. Экономическая безопасность: учебное пособие. – М.: Научный консультант, 2017. – 286 с.
5. Зайцева, О. П., Аманжолова, Б. А. Системы внутреннего контроля взаимосвязанных организаций: концепция их формирования и оценки // Сибирская финансовая школа. – 2008. – № 5 (70). – С. 30–36.
6. Леонов, П. Ю. О системе внутреннего нормативного регулирования учета материально-производственных запасов // Аудитор. – 2011. – № 12 (202). – С. 53–63.
7. Плахотя, Т. В. Актуальные вопросы организации эффективной службы внутреннего аудита // Фундаментальные исследования. – 2014. – № 6 (7). – С. 1469–1472.
8. Сенчагов, В. К., Максимов, Ю. М., Митяков, С. Н. и др. Инновационные преобразования как императив устойчивого развития и экономической безопасности России: монография. – М.: Анкил, 2013. – 688 с.
9. Сотникова, Л. В. Методология оценки системы внутреннего контроля в процессе внешнего аудита. – М.: ВЗФЭИ, 2003. – 293 с.
10. Управление функцией внутреннего контроля // Исследование PwC. – 2020 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.pwc.ru/ru/publications/collection/pwc-upravleniye-funktsiey-vnutrennego-kontrolya.pdf> (дата обращения: 12.10.2021).

References

1. Federal Law of February 8, 1998, No. 14-FZ “On Limited Liability Companies”, *Legal reference system “ConsultantPlus”*. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_17819/ (accessed 03.10.2021).
2. Information of the Ministry of Finance of Russia No. PZ-11/2013 “Organisation and implementation by an economic entity of internal control of the committed facts of economic life, accounting and preparation of accounting (financial) statements”, *Legal reference system “ConsultantPlus”*. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156407/ (accessed 03.10.2021).
3. International Auditing Standard 315 (revised) “Identification and assessment of the risks of material misstatement through the study of the organisation and its environment” (entered into force in the Russian Federation by Order of the Ministry of Finance of Russia of January 9, 2019, No. 2n), *Legal reference system “ConsultantPlus”*. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_317405/ (accessed 03.10.2021).
4. Belovitsky K. B., Nikolaev V. G. *Economic security: tutorial*, Moscow, Nauchnyi konsul'tant, 2017, 286 p. (In Russian).
5. Zaytseva O. P., Amanzholova B. A. Systems of internal in associated companies: generating and evaluation concepts, *Sibirskaya finansovaya shkola*, 2008, no. 5 (70), pp. 30–36. (In Russian).
6. Leonov P. Yu. About the system of internal normative regulation of accounting for inventories, *Auditor*, 2011, no. 12 (202), pp. 53–63. (In Russian).
7. Plakhotya TV Pressing questions of the organization of effective service internal audit, *Fundamental research*, 2014, no. 6 (7), pp. 1469–1472. (In Russian).
8. Senchagov V. K., Maksimov Yu. M., Mityakov S. N. et al. *Innovative transformations as an imperative for sustainable development and economic security of Russia: monograph*, Moscow, Ankil, 2013, 688 p. (In Russian).
9. Sotnikova L. V. Methodology for assessing the internal control system in the process of external audit, Moscow, All-Russian Correspondence Institute of Finance and Economics, 2003, 293 p. (In Russian).
10. Management of the Internal Control Function, *PwC*, 2020. Available at: <https://www.pwc.ru/ru/publications/collection/pwc-upravleniye-funktsiye-vnutrennego-kontrolya.pdf> (accessed 12.10.2021).

УДК 338 JEL G34

Астафьева Ольга Евгеньевна
канд. экон. наук, ФГБОУ ВО
«Государственный университет управле-
ния», г. Москва, Российская Федерация
ORCID: 0000-0003-3957-790X
e-mail: oe_astafyeva@guu.ru

Тинякова Виктория Ивановна
доктор.экон.наук, ФГБОУ ВО «Государст-
венный университет управления»,
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: 0000-0001-9768-3458
e-mail: vi_tinyakova@guu.ru

Olga E. Astafyeva
Cand. Sci. (Econ.), State University
of Management, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0003-3957-790X
e-mail: oe_astafyeva@guu.ru

Victoria I. Tinyakova
Dr. Sci. (Econ.), State University
of Management, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0001-9768-3458
e-mail: vi_tinyakova@guu.ru

DOI 10.26425/1816-4277-2022-1-78-81

ОПРЕДЕЛЕНИЕ УСЛОВИЙ РАЗВИТИЯ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ И НОВЫХ ПОДХОДОВ К ИСПОЛЬЗОВАНИЮ РЕСУРСОВ

Аннотация. В статье представлен анализ условий, необходимых для обеспечения устойчи-
вого развития промышленности в условиях цифровых трансформаций. Проведено ис-
следование, определяющее роль комплементарных активов при моделировании процес-
сов управления развитием предприятий, осуществляющих деятельность в контексте
экосистемных взаимодействий с целью определения свойств комплементарных взаимо-
действий, способствующих в дальнейшем формированию ценности в результате управ-
ляемого изменения взаимодействий по видам деятельности или по видам продукции.
Предложено устанавливать взаимодействия по видам экономической деятельности,
представленным в общероссийском классификаторе, что позволит определить пре-
дельно возможную прибыльность как условие комплементарности от основного вида
деятельности и дополнительно входящих видов. Определены признаки комплементар-
ности, позволяющие через комбинацию взаимосвязей материальных и нематериальных
активов субъектов хозяйственной деятельности достичь необходимого уровня разви-
тия и устойчивости в экосистеме.

Ключевые слова: развитие, управление, комплементарные активы, ресурсы, синергия,
производственный процесс, управленческие воздействия, нематериальные активы,
материальные активы

Для цитирования: Астафьева О.Е., Тинякова В.И. Определение условий развития промышленных
предприятий и новых подходов к использованию ресурсов // Вестник университета. 2022. № 1. С. 78–81.

DEFINITION OF INDUSTRIAL ENTERPRISES DEVELOPMENT CONDITIONS AND NEW APPROACHES TO RESOURCES USING

Abstract. The article presents an analysis of the conditions required to provide the industri-
al sustainable development in the digital transformations. A study has been carried out that
determines the complementary assets role in modelling the enterprises development man-
agement processes operating in the context of ecosystem interactions in order to determine
the properties of complementary interactions that contribute to the further value formation
as a result of controlled changes in interactions by activity type or by product type. It is pro-
posed to establish interactions by economic activity types presented in the Russian Classifi-
cation of Economic Activities, which will allow us to determine the maximum possible profit-
ability as a condition of complementarity from the main activity type and additional incoming
types. The complementarity signs, which make it possible to achieve the required develop-
ment and sustainability level in the ecosystem, have been determined.

Keywords: development, management, complementary assets, resources, synergy, production
process, management influences, intangible assets, tangible assets

For citation: Astafyeva O.E., Tinyakova V.I. (2022) Definition of industrial enterprises development
conditions and new approaches to resources using. *Vestnik universiteta*, no. 1, pp. 78–81. DOI:
10.26425/1816-4277-2022-1-78-81

Введение

Определение условий для устойчивого развития промышленных предприятий, взаимодействие меж-
ду которыми проходит в экосистеме необходимо начать с установления составляющих процесса развития.
Управление развитием хозяйствующих субъектов основано на формировании управленческих воздействий,

© Астафьева О.Е., Тинякова В.И., 2022.

Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

© Astafyeva O.E., Tinyakova V.I., 2022.

This is an open access article under the CC BY 4.0 license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

позволяющих получить эффекты от установленных взаимосвязей в экосистеме [2]. Если рассматривать определенный набор инструментов влияния на субъект управления, то можно определить основные методы и способы, оказывающие воздействия на организацию деятельности субъектов хозяйствования и управленческий процесс предприятия, которые ориентированы на адаптацию к воздействию в экосистеме и позволяют создать условия для оптимизации деятельности внутри системы. Обеспечение устойчивости развития достигается за счет достижения установленной производительности и необходимого конечного результата, сопоставимости результатов затратам, наличия потенциала для реализации программ развития.

Выбор оптимальных методов регулирования процессов управления развитием хозяйствующих субъектов определяется как процесс целенаправленного взаимодействия, ориентированный на достижение цели развития, позволяющий устойчиво функционировать и достигать необходимого уровня устойчивости за счет поддержания основных параметров функционирования экосистемы.

Моделирование процессов управления устойчивым развитием предприятий

Моделирование процессов управления устойчивым развитием предприятий осуществляется на основе определения уровня устойчивости для каждого предприятия, входящего в экосистему, что требует разработки социальных, экологических и экономических критериев и показателей. Для определения положения предприятия в экосистеме необходимо производить оценку по показателям, отражающим соответствие их деятельности ключевым показателям в производственной и логистической системах [1] при установлении взаимосвязей и взаимодействий между участниками. При обнаружении отклонений от целевых показателей необходимо применять упреждающие решения и алгоритмизацию процесса управления по отклонениям.

Функционирование хозяйствующего субъекта можно оценить как устойчивое в том случае, если показатели деятельности попадают в область целевых значений по развитию и очевидны выгоды, получаемые в результате установки комплементарной связи между экономическими субъектами, при которой они начинают дополнять друг друга, т.е. когда ценность объединенных активов (ресурсов) используемых совместно выше, чем каждого в отдельности. Таким образом, различные виды деятельности предприятия (с учетом ОКВЭД) будут комплементарными при условии, что при их объединении увеличивается предельная прибыльность основного вида деятельности и всех других видов, объединенных в группу. Следовательно, при изменении бизнес-процессов прибыльность от комплементарных видов деятельности повышается, а издержки, связанные с ними, уменьшаются, что ориентирует предприятия наращивать вид деятельности повышающий прибыльность (1 вид: основной) для увеличения доходности других комплементарных видов (2 вид: объединенные с 1 видом как комплементарные), рост доходности по которым происходит только при росте доходности 1 вида деятельности.

Выделим основные свойства комплементарных взаимодействий:

- комплементарные взаимосвязи между активами различных субъектов хозяйственной деятельности распространяются на все взаимодействия в рамках экосистемы;
- необходимо выделять в бизнес-процессах комплементарные операции, которые будут делать более эффективными другие операции;
- взаимосвязанные виды деятельности усиливают сетевые эффекты в силу изменения комплементарных активов.

Вышеуказанное позволяет говорить о комплементарности как об активе, рациональное использование которого позволяет получать новую доходность (взаимная доходность активов) от деятельности в рамках цифровой экосистемы и при совместном использовании, обеспечивающее развитие благодаря установлению «связей» между отдельными видами экономической деятельности различных хозяйствующих субъектов. Например, активы IT-компании являются комплементарными к активам производственной компании, производственные активы комплементарны с активами логистических компаний и т. д.

Современные подходы к использованию ресурсов при экосистемном взаимодействии

Ресурсная теория и концепция синергии [3; 4] являются основой концепции комплементарных активов, поэтому появляется необходимость формирования новых подходов к использованию ресурсов при установлении комбинаций их использования при экосистемном взаимодействии.

Если рассматривать комплементарность с позиции синергизма, то следует обратить внимание на работы Х. Итами, в которых он впервые ввел понятие синергетических и комплементарных эффектов и предложил при рассмотрении отдельной бизнес-единицы, выделять ее внутренние ресурсы как объект синергизма. При этом, синергетический и комплементарный эффекты Х. Итами разграничивал, определив, что синергетический эффект как результат использования нематериальных активов (компетенции сотрудников, человеческий капитал), а комплементарный как получаемый при использовании материальных активов (например, производственная мощность) и характеризуемый повышением эффективности их работы.

При этом ученый считал, что из-за свойства «уникальности» нематериальных активов именно они образуют долгосрочные конкурентные преимущества и обладают меньшими издержками, поэтому дальнейшее применение данной гипотезы было предложено рассматривать с точки зрения процессов слияний и поглощений, где нематериальные активы способствовали росту эффективности производства, не растрачиваются при использовании и обладают возможностью увеличения своей ценности, что говорит о возникновении синергизма.

В представленном исследовании Х. Итами не рассматривал возможность установления взаимосвязей между нематериальными и материальными активами, поэтому определение таких взаимодействий в рамках экосистемы представляется весьма актуальными для целей развития и устойчивости деятельности. Несмотря на то, что нематериальные активы не несут ценности в производственной системе при изолировании их от материальных активов, все-таки они позволяют увеличить эффективность работы материальных активов.

В своих работах М. Портер, не уделял большого внимания эффектам, получаемым в результате синергизма нематериальных активов и считал, что именно взаимосвязи материальных и нематериальных активов являются более рациональными и эффективными.

В результате развития ресурсной теории и концепции синергетических эффектов, появилась предположение, изложенное Д. Тис о включении комплементарных активов в модель получения прибыли от инноваций, что и стало моментом появления концепции комплементарных активов (1986 г.), где инновация рассматривалась как фактор развития.

В теории комплементарных активов (Милгром П., Робертс Дж.; 1990 г.) заложено предположение, что прибыльность комплементарных видов деятельности повышается в результате какого-либо изменения [5] и комплементарные активы следует рассматривать в контексте создания ценности.

Соответственно, можно сделать вывод, что комплементарные активы имеют различные составляющие в зависимости от подходов, применяемых при их рассмотрении, а именно:

1) в рамках цепочки создания стоимости (активы начального этапа в цепочке, необходимые для производства; включение в состав комплементарных материальных и нематериальных активов).

Недостатки подхода: подход не учитывает отраслевых особенностей, как и возможность формирования комплементарных активов на различных этапах производственного процесса;

2) как уникальные ресурсы (базируется на понятии синергии и заключается в суммарном применении ресурсов, дающим доход выше, чем от самостоятельного использования каждого ресурса).

Недостатки подхода: подход не учитывает влияние комплементарных активов на производственный процесс, а возникновение эффектов от синергии рассматривается только как увеличение общего дохода над доходом каждого процесса в отдельности, отсутствие эффектов или наличие отрицательного эффекта не рассматриваются;

3) разделение активов на основные и комплементарные (основные активы – обеспечивающие основную деятельность предприятия и комплементарные – дополняющие основную деятельность и включаются в производственную и управленческую деятельность как материальные и нематериальные активы).

Недостатки подхода: подход имеет ограничения и учитывает только ситуацию, когда производится один продукт или оказывается одна услуга.

Однако следует отметить тот факт, что комплементарный актив, являющийся основным в производственном процессе при выпуске одного вида продукции или осуществлении одного вида деятельности, может быть комплементарным и для другого вида деятельности (вида продукции).

Обсуждение результатов

Представленное исследование позволяет сделать вывод о необходимости определения признаков комплементарных активов с целью выявления их природы и возможных эффектов от установления взаимодействий в цифровой экосистеме.

К основным признакам можно отнести:

1) сферу применения (производство, менеджмент организации, логистика и пр.);

Взаимосвязанные активы могут быть комплементарными при нескольких видов деятельности или при решении управленческих задач;

2) наличие взаимной зависимости (когда один актив приводит к последовательной схеме «создания» – «внедрения» – «применения» другого актива (группы активов);

3) наличие «эффекта» от активов (комплементарные связи появляются в результате совместного развития комплементарных активов, появление комплементарных «связей» усиливает комплементарный «эффект»);

4) постоянное «развитие» комплементарных активов (изменение в одном активе, приводит к изменению в других активах в силу наличия как двухсторонних связей, так и циклических (усложненных));

5) характеризуются ростом «ценности» с учетом фактора времени (временная ценность комплементарных активов; образуется в результате накопления информации (знаний), позволяющее расширить их применение).

Заключение

В условиях цифровой экономики концепция комплементарности заслуживает особого внимания при определении взаимодействия участников цифровой экосистемы и эффектов от них с целью формирования ценности, образуемой комплементарными активами различных субъектов экономической деятельности. При определении комплементарных ресурсов, необходимо выявление их взаимной дополняемости и согласованности в производственно-логистических процессах цифровой экосистемы. В качестве ориентира при формировании комплементарных связей можно в организационном аспекте рассматривать возможность достижения поставленной цели при комбинации использования нематериальных активов между участниками или уровень устойчивости системы, обеспечиваемый при использовании ресурсов, комплементарность которых приводит к реализации бизнес-процессов и развитию предприятий.

Библиографический список

1. Астафьева, О. Е. Формирование механизма устойчивого развития угольной промышленности // Уголь. – 2021. – № 3. – С. 10–13. <https://doi.org/10.18796/0041-5790-2021-3-10-13>
2. Клейнер, Г. Б. Ресурсная теория системной организации экономики // Российский журнал менеджмента. – 2011. – Т. 9, № 3. – С. 3–28.
3. Ляхов, А. В., Крачулова, М. В. Понятия и виды синергизма // Экономика промышленности. – 2009. – № 4 (47). – С. 25–30.
4. Орехова, С. В. Формирование устойчивых конкурентных преимуществ фирмы в контексте ресурсной концепции // Современная конкуренция. – 2011. – № 4 (28). – С. 97–105.
5. Milgrom, P., Roberts, J. The Economics of modern manufacturing: Technology, strategy, and organization // The American Economic Review. – 1990. – V. 80, No. 3. – Pp. 511–528.

References

1. Astafyeva O. E. Formation of the mechanism of sustainable development of the coal industry, *Ugol*, 2021, no. 3, pp. 10–13. (In Russian). <https://doi.org/10.18796/0041-5790-2021-3-10-13>.
2. Kleiner G. B. The resource-based view and the system organization of economy, *Russian management journal*, 2011, vol. 9, no. 3, pp. 3–28. (In Russian).
3. Lyakhov A. V., Krachulova M. V. Concepts and types of synergism, *Russian journal of industrial economics*, 2009, no. 4 (47), pp. 25–30. (In Russian).
4. Orekhova S. V. Formation of sustainable competitive advantages of firm in context of resource conception, *Modern competition*, 2011, no. 4 (28), pp. 97–105. (In Russian).
5. Milgrom P., Roberts J. The Economics of modern manufacturing: Technology, strategy, and organization, *The American Economic Review*, 1990, vol. 80, no. 3, pp. 511–528.

УДК 338.24 JEL F01

DOI 10.26425/1816-4277-2022-1-82-88

Блинова Ульяна Юрьевна

д-р экон. наук, ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации» (Финуниверситет), г. Москва, Российская Федерация

ORCID: 0000-0001-5557-4763

e-mail: uublinova@gmail.com

Рожкова Надежда Константиновна

д-р экон. наук, ФГБОУ ВО «Государственный университет управления», г. Москва, Российская Федерация

ORCID: 0000-0001-8419-8007

e-mail: nakoro@yandex.ru

Рожкова Дарья Юрьевна

канд. экон. наук, ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации» (Финуниверситет), г. Москва, Российская Федерация

ORCID: 0000-0002-0500-2908

e-mail: rodasha@mail.ru

Uliana Yu. Blinova

Dr. Sci. (Econ.), Financial University, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0001-5557-4763

e-mail: uublinova@gmail.com

Nadezhda K. Rozhkova

Dr. Sci. (Econ.), State University of Management, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0001-8419-8007

e-mail: nakoro@yandex.ru

Darya Yu. Rozhkova

Cand. Sci. (Econ.), Financial University, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0002-0500-2908

e-mail: rodasha@mail.ru

ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА: ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ ДИСКУРС

Аннотация. В связи с частым употреблением терминов «цифровая экономика», «цифровизация», «цифровая трансформация» в нормативно-правовых документах и методических разработках, касающихся развития и внедрения информационных технологий в социум и экономику, актуален анализ сущности и применения этих дефиниций. В статье проведен терминологический анализ указанных понятий и уделено внимание основным практическим аспектам, описывающим данные явления. Отмечено значительное терминологическое разночтение этих понятий в законодательных документах, научных исследованиях и практической деятельности. Это приводит к появлению неверных посылов для методологических и практических выводов как в общемировом масштабе, так и на уровне конкретных субъектов экономики. Выстроена логическая схема взаимодействия и взаимопроникновения процессов, возникающих при создании цифровой экономики, цифровизации и цифровой трансформации, которая позволила сформировать авторское видение сущности дефиниций для их дальнейшего использования в науке и практической деятельности.

Ключевые слова: цифровая экономика, цифровизация, цифровая трансформация, цифровая среда, цифровая технология, общественные отношения, индустрия 5.0, общество 5.0

Для цитирования: Блинова У.Ю., Рожкова Н.К., Рожкова Д.Ю. Цифровая экономика: терминологический дискурс // Вестник университета. 2022. № 1. С. 82–88.

DIGITAL ECONOMY: TERMINOLOGICAL DISCOURSE

Abstract. Due to the frequent use of the terms “digital economy”, “digitalisation” and “digital transformation” in regulation legal documents and methodological developments concerning the information technologies development and implementation in society and the economy, it is relevant to analyse the essence and application of these definitions. A terminological analysis of these concepts was carried out, and attention to main practical aspects describing these phenomena is paid in the article. A significant terminological discrepancy in these concepts in legislative documents, research and practice was noted. This leads to the emergence of incorrect messages for the methodological and practical conclusions both on a global scale and at the specific economic actors level. A logical scheme of interaction and interpenetration of the processes, arising in the digital economy creation, digitalisation and digital transformation, was built, which has allowed to create the authors' vision of the definitions essence for their further use in science and practice.

Keywords: digital economy, digitalisation, digital transformation, digital environment, digital technology, public relations, industry 5.0, society 5.0

For citation: Blinova U.Yu., Rozhkova N.K., Rozhkova D.Yu. (2022) Digital economy: terminological discourse. *Vestnik universiteta*, no. 1, pp. 82–88. DOI: 10.26425/1816-4277-2022-1-82-88

Введение

В настоящее время происходят стремительные изменения в области кибертехнологий. Чтобы достичь высоких показателей экономического развития и регулировать новые общественные отношения, правительства разных стран, в том числе и Российской Федерации (далее – РФ), приняли национальные программы в области развития таких технологий, касающихся разработки конкретных шагов в области внедрения цифровых технологий, например [13]. Созданы дорожные карты достижения поставленных в программах целей, например [11]; проводятся аналитические и научные исследования. Направленность этих проектов свидетельствует об усилении роли цифровой трансформации в цифровой экономике. Сформированы дорожные карты в области создания нейротехнологий и искусственного интеллекта, робототехники и сенсорики, узкополосных беспроводных

© Блинова У.Ю., Рожкова Н.К., Рожкова Д.Ю., 2022.

Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

© Blinova U.Yu., Rozhkova N.K., Rozhkova D.Yu., 2022.

This is an open access article under the CC BY 4.0 license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

сетей связи интернета вещей и беспроводной связи, квантовых технологий, систем распределенного реестра [16]. В общемировом масштабе внедряются концепции «Индустрия 5.0» и «Общество 5.0», «Правительство, как платформа» и др. Этот этап стимулировал многочисленные вариации в применении связанных между собой дефиниций – «цифровая экономика», «цифровизация» и «цифровая трансформация».

Постановка проблемы

Нельзя сказать, что эта терминология и другие подобные дефиниции, в своей основе имеющие словоформу «цифра», появились в научном и практическом обиходе только с появлением соответствующих концептуальных положений и норм. С начала 1960-х гг. происходил бурный процесс автоматизации, а начиная с 1990-х гг. – процесс компьютеризации общества и экономики. Эти процессы во все периоды активно обсуждались, создавались предпосылки для создания научных теорий и концепций. Но именно с появлением законодательских инициатив в начале 2000-х гг. терминология активно вошла в научный и практический лексикон.

Однако, несмотря на многократное использование дефиниций и наличие научных исследований в области цифровой экономики, наблюдается отсутствие согласованного подхода к определению их сущности, подмена понятий, использование терминов в другом контексте, что приводит к парадоксальному расхождению в суждениях, неправильной интерпретации процессов и явлений.

Теория и методы

Исследуем подходы к сущности дефиниций «цифровая экономика», «цифровизация» и «цифровая трансформация». Для этого необходимо проследить эволюцию и существующие определения дефиниций, изучить практические процессы, позволяющие понять внутреннюю сущность явлений и признаки для их дифференциации и выявления областей пересечения, выделить проблемы использования. За основу исследования возьмем научные подходы к определению дефиниций, законодательные инициативы, аналитические обзоры и исследования.

1. Цифровая экономика

В большинстве источников, где употребляется дефиниция «цифровая экономика», основной упор сделан именно на слово «цифровая», что сводит понимание цифровой экономики к некой совокупности информационно-коммуникационных технологий.

Изучение нормативно-правовых актов подтверждает этот тезис. В законодательской практике РФ и других стран в основу определения цифровой экономики заложен ряд технологических моментов: Интернет, мобильные и сенсорные сети; знания и цифровые технологии (Всемирный банк, 2016, British Computer Society, 2013); многослойность структуры с бесконечным и постоянно растущим количеством узлов (European Parliament, 2015), данные в цифровом виде; обработка больших объемов этих данных и использование результатов их анализа (Стратегия развития информационного общества РФ на 2017–2030 гг.).

Ряд определений содержит ссылку на изменение модели хозяйствования, таких как создание новых рынков с помощью электронной коммерции в Интернете (Faууaz, 2018); высококачественной информационно-коммуникационной инфраструктуры на благо потребителей, бизнеса и государства (The Economist, 2014). Подчеркивается, что это новый уклад экономики и новая форма экономической активности, основной источник экономического роста (European Commission, 2018).

В определение дефиниции заложен результат деятельности – благо потребителей, бизнеса и государства (The Economist, 2014), стимулирование конкуренции, инвестиций и инновации (European Commission, 2018), рост производительности труда, конкурентоспособности и снижение издержек производства, снижение бедности и социального неравенства (Всемирный банк, 2016), повышение эффективности производства, обслуживания, хранения, продажи, доставки товаров и услуг (Стратегия развития информационного общества РФ на 2017–2030 гг.), результат трансформационных эффектов новых технологий общего назначения в области информации и коммуникации (OECD, 2015).

Вышеуказанная информация подтверждает вариативность подходов к определению «цифровая экономика». По мнению авторов, рассмотрение дефиниции «цифровая экономика» необходимо осуществлять с точки зрения именно сущности понятия «экономика», которая реализуется посредством определенных механизмов и приемов, на основе типа хозяйствования, сложившегося сегодня в обществе.

Действительно, до использования словоформы «цифровая», мы оперировали словосочетанием «рыночная экономика», еще раньше – экономикой развитого социализма, плановой экономикой и т. д. Под рыночной экономикой, например, понимались отношения, основанные на свободном товарно-денежном обращении, минимальном регулировании спроса и предложения; под плановой – когда спрос и предложение товаров и услуг планируются государством.

В знаменитом труде «Экономика» авторы дают определение экономики как некоего организационного механизма для производства товаров и услуг, удовлетворяющих материальные потребности общества [5]. В ряде словарей экономика представлена совокупностью производственных отношений, зависящих от степени развития производительных сил общества или как преобладающий способ производства; а также рассматривается как система организации финансов и торговли в государстве [12; 15].

В целом упор на производственные отношения является основополагающим для определения экономики во многих научных и учебных изданиях. В итоге возникает понимание, что каждый «новый» вид экономики складывался исходя из создания совокупности общественных отношений в определенный момент времени. При составлении дефиниции можно воспользоваться подходом – не огородить «здание», которое будет построено в будущем, от уже существующих, а огородить нечто уже существующее от ранее созданного, и это можно учесть при формировании авторского подхода к составлению дефиниций.

2. Цифровизация

При рассмотрении процессов, связанных с формированием цифровой экономики, наблюдается и многократное использование в научной и практической деятельности понятий «цифровизация» и «цифровая трансформация». Ряд авторов вообще не делают различий между этими дефинициями, например [6]. При этом понятие цифровизации справедливо связывают с развитием новых информационных технологий и, по смысловому содержанию, цифровизация – это измеряемый показатель.

Например, аналитический центр НАФИ рассчитывает уровень цифровизации в России (шкала от 0 до 100 пунктов). В него включены следующие параметры: уровень внедрения цифровых технологий (электронный документооборот, искусственный интеллект, интернет вещей и т. п.), использование интернет-инструментов взаимодействия; наличие каналов передачи и хранения информации (облачные технологии, системы автоматизации, электронная почта и т. д.); состояние информационной безопасности (антивирусные программы, инструменты защиты информации); цифровая грамотность [14]. В 2020 г. подсчитанный индекс составил 50 %; произошло увеличение на 5 пунктов по сравнению с индексом 2019 г. Растет доля предпринимателей, которые считают, что цифровизация улучшает модели ведения бизнеса [14].

Таким образом, информатизация в условиях создания цифровой экономики показывает уровень развития технологий. Например, уровень внедрения цифровых технологий ознаменовался внедрением цифрового документооборота. Произошло также закрепление правового статуса электронно-цифровой подписи, несмотря на дискуссионный характер ее внедрения. Активно развивается технология блокчейн и искусственного интеллекта для различных целей общества и экономики [1; 17].

3. Цифровая трансформация

Наряду с дефиницией «цифровизация» активно используют и понятие «цифровая трансформация». При анализе их употребления выявлено, что они применяются в разных контекстах, таких как: результат цифровизации, получение эффектов в результате цифровизации (ITU, 2018; European Commission, 2019); проявление изменений, цифровые преобразования, принципиальные изменения структуры экономики, комплексное преобразование бизнеса (World Bank Group, 2018; Методические рекомендации по цифровой трансформации государственных корпораций и компаний с государственным участием, 2019); влияние на традиционные секторы экономики (UNCTAD, 2019); процесс применения инновационных разработок (ITU, 2018); влияние на стратегию организаций [21].

Многие определения являются комплексными, содержат в себе несколько направлений, представленных выше при рассмотрении дефиниции «цифровизация»; включают в себя и элементы цифровизации и цифровой трансформации одновременно.

Например, в методических рекомендациях по цифровой трансформации государственных корпораций определение цифровой трансформации представлено в трех позициях: указание, что трансформация является преобразованием бизнеса; побудительный мотив преобразования (переход к новым бизнес-моделям, каналам

коммуникаций с клиентами и поставщиками, продуктам, бизнес- и производственным процессам, корпоративной культуре); на чем базируется преобразование (принципиально новые подходы к управлению данными с использованием цифровых технологий); цель преобразований (существенное повышение эффективности бизнеса и долгосрочной устойчивости) [11]. Такой подход потенциально должен эффективно объяснить суть процесса, однако этого не происходит; и определение, в результате, несмотря на достаточно подробное описание, не дает сущностной расшифровки дефиниции.

Отдельные авторы даже рассматривают дефиницию «цифровая трансформация» с точки зрения растущих ожиданий субъектов в части радикальных сдвигов и эффектов от внедрения нового поколения цифровых технологий [2, с. 9].

Прикладные исследования цифровой трансформации связаны, например, с изменением бизнес-процессов, систем управления организацией, прогнозов эффектов и долгосрочных последствий [3; 4].

Существуют также инновационные проекты (концепции), которые связывают с цифровой трансформацией, например, «Индустрия 5.0» и «Общество 5.0» [18; 20].

В основе концепции «Индустрия 5.0», наряду с достижением экономических, экологических и социальных целей, ставятся задачи, связанные с технологическим развитием, с внедрением «высоких» технологий: взаимодействия человека и робота; биоинформационных и искусственного интеллекта; передачи, хранения и анализа данных; энергоэффективности для повышения эффективности и конкурентоспособности производства [8].

Концепция «Общества 5.0» была разработана в Японии в 2016 г. как национальная стратегия трансформации для решения проблем развития общества и каждого гражданина – для их удобства и повседневной жизни. Эта концепция основана на взаимосвязи и взаимопроникновении физического и виртуального пространства; использования новых технологий для широкого круга субъектов [9].

Кроме того, популярность приобретает концепция «Правительство, как платформа» (Government as a Platform, GaaP), где цифровизации государственных услуг основана на формировании государством открытой площадки с целью вовлечения различных партнеров в сотрудничество с властями [22].

Вышеуказанные концепции отражают не только потребности общества в цифровых изменениях, но и формулируют пути по достижению таких изменений, что, на наш взгляд, является одним из критериев идентификации цифровой трансформации.

Отметим, что ситуация с цифровой трансформацией в целом усугубляется отсутствием системного подхода к регулированию новых общественных отношений и универсальных правовых инструментов и механизмов в киберпространстве, наличием вопросов применения международного права для экспоненциально растущего числа субъектов и объектов общественных отношений в киберпространстве [7].

Например, по данным сайта Internet World Stats, количество пользователей Интернета на 31 марта 2021 г. составило 67 % от общемировой численности населения (5,2 млрд чел. при общем количестве населения 7,8 млрд чел.). По сведениям The World Bank в РФ в 2020 г. 85 % физических лиц пользуются Интернетом [19]. Такой рост стимулирует создание электронного правительства, новых видов бизнеса и средств коммуникации, усиливает цифровую экономику, но и побуждает решать вышеуказанные проблемы.

Основные результаты

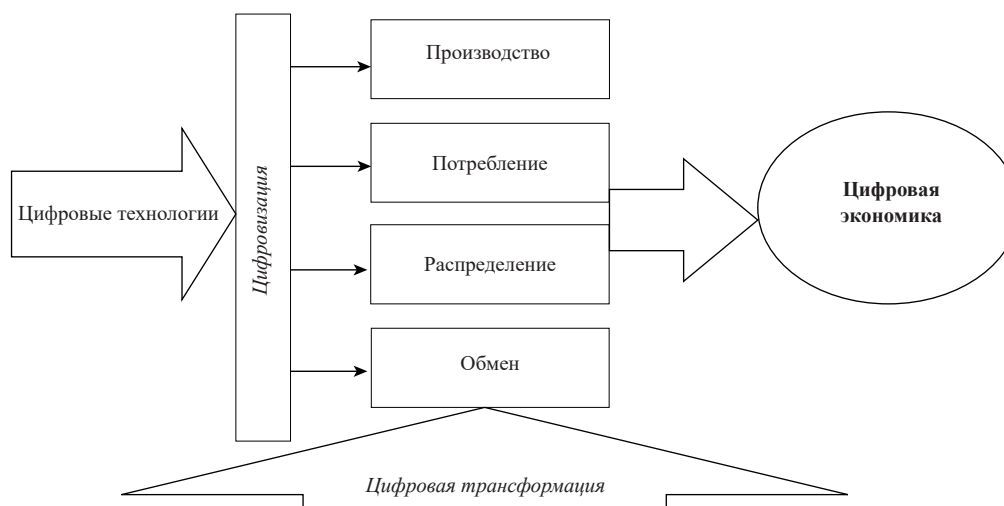
На основе анализа дефиниций «цифровая экономика», «цифровизация» и «цифровая трансформация», их сущностных особенностей, представим авторское видение этих понятий во взаимосвязи (рис. 1).

В основу понятия «цифровая экономика» заложим следующие постулаты: является следующим эволюционным этапом развития экономики; характеризуется новым типом общественных отношений; основана на использовании цифровых технологий и цифровизации общества через цифровую трансформацию. Определение цифровой экономики представим как систему производственных отношений и механизмов, основанную на цифровизации.

Под цифровизацией будем понимать процесс проникновения современных цифровых технологий в различные сферы жизнедеятельности общества, а ее результат рассматривать в узком и широком смысле и по уровням внедрения.

В широком смысле результатом являются наличие коренных изменений моделей экономической деятельности, фундаментальные преобразования во всех сферах социума и экономики; возникновение новых областей деятельности и преобразование существующих, создание цифрового мышления. В узком смысле результат

цифровизации будем связывать с применением различного рода цифровых технологий всеми сторонами экономических отношений. Применяются технологические решения, которых ранее не существовало или ее элементы были не так развиты – искусственный интеллект, квантовые вычисления, распределенные реестры и т. п.

Составлено авторами по материалам исследования

Рис. 1. Корреляция дефиниций «цифровая экономика», «цифровизация» и цифровая трансформация»

Цифровизация может происходить на общемировом уровне, уровне страны и конкретного субъекта. Это предполагает наличие киберпространства с использованием цифровых инструментов; создание электронных инфраструктур и услуг, цифрового правительства и т. д.; новых технологий прогнозирования технологий работы с информацией.

Обсуждение результатов

Существующая взаимосвязь между дефинициями «цифровизация» и «цифровая трансформация» вызывает некорректное их использование в научной и практической деятельности. Чтобы достичь определенного уровня цифровизации необходима цифровая трансформация социальных, политических и экономических процессов в стране и киберпространстве. В понятие «цифровая трансформация» заложена необходимость создания определенного маршрута до заданного состояния. В отличие от цифровизации (констатация наличия), цифровая трансформация – это процесс создания цифровой среды.

Заключение

Проникновение цифровых технологий во все сферы деятельности общества (цифровизация) вызывает неизбежный процесс цифровой трансформации независимо от появления законодательных инициатив, что позволяет сделать этот процесс управляемым и направленным на наиболее значимые области развития цифровой экономики, создать дорожные карты и бизнес-модели. При этом цифровая трансформация предполагает не только достижения некоего уровня технологии, но и формирование цифрового мышления у каждого субъекта экономики, цифровых навыков.

В статье представлено авторское видение содержания дефиниций на основе их взаимосвязи и взаимозависимости и перспектив дальнейшего исследования. Предложенный подход к сущности дефиниций «цифровая экономика», «цифровизация» и «цифровая трансформация» позволяет устранить терминологическое разночтение для их эффективного применения в научной и практической деятельности и законодательстве.

Библиографический список

1. Федеральный закон «Об электронной подписи» от 6 апреля 2011 г. № 63-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_112701/ (дата обращения: 15.10.2021).
2. Абдрахманова, Г. И., Быховский, К. Б., Веселитская, Н. Н., Вишневский, К. О., Гохберг, Л. М. [и др.]. Цифровая трансформация отраслей: стартовые условия и приоритеты // Доклад. к XXII Апрельской международной научной конференции

- по проблемам развития экономики и общества, Москва, 13–30 апр. 2021 г.; рук. авт. кол. П. Б. Рудник; науч. ред. Л. М. Гохберг и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. – 239 с.
3. Аренков, И. А., Смирнов, С. А., Шарафутдинов, Д. Р., Ябурова, Д. В. Трансформация системы управления предприятием при переходе к цифровой экономике // Российское предпринимательство. – 2018. – Т. 19, № 5. – С. 1711–1722. <https://doi.org/10.18334/rp.19.5.39115>
 4. Гарифуллин, Б. М., Зябриков В. В. Цифровая трансформация бизнеса: модели и алгоритмы // Креативная экономика. – 2018. – Т. 12, № 9. – С. 1345–1358. <https://doi.org/10.18334/ce.12.9.39332>
 5. Макконнелл, К. Р., Брю, С. Л. Экономикс: принципы, проблемы и политика / Пер. с англ. Н. Н. Барышникова, Е. В. Вышинская, В. Д. Медвинская, Л. А. Минц. – 14-е изд. – М.: ИНФРА-М, 2003. – 972 с.
 6. Огневцев, С. Б. Цифровизация экономики и экономика цифровизации АПК // Международный сельскохозяйственный журнал. – 2019. – № 2. – С. 77–80. <https://doi.org/10.24411/2587-6740-2019-12034>
 7. Полякова, Т. А., Бойченко, И. С. Развитие применения дистанционных технологий и «Цифровизация» общественных отношений в условиях новых вызовов: теоретические и практические проблемы // Образование и право. – 2020. – № 3. – С. 319–324. <https://doi.org/10.24411/2076-1503-2020-10353>
 8. Черепанов, Н. В. Принципы и подходы применения Индустрии 5.0 на предприятии // Инновации и инвестиции. – 2019. – № 9. – С. 144–147.
 9. Щелкунов, М. Д. Каримов, А. Р. Общество 5.0 в технологическом, социальном и антропологическом измерениях // Вестник экономики, права и социологии. – 2019. – № 3. – С. 158–164.
 10. Методические рекомендации по цифровой трансформации государственных корпораций и компаний с государственным участием. – 2019 // Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://digital.gov.ru/uploaded/files/mr-po-tst-gk.pdf> (дата обращения: 01.10.2021).
 11. Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации – 19 документов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://digital.gov.ru/ru/documents/?directions=858> (дата обращения: 01.10.2021).
 12. Ожегов, С. И., Шведова, Н. Ю. Толковый словарь русского языка. – 4-е изд., доп. – М.: Азбуковник, 2000. – 940 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://endic.ru/ozhegov/JEkonomika-40130.html> (дата обращения: 01.10.2021).
 13. Паспорт национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» (утв. Президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 24 декабря 2018 г. № 16) // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_319432/ (дата обращения: 15.10.2021).
 14. Пандемия и переход компаний на «удаленку». Индекс цифровизации малого и среднего бизнеса // НАФИ Аналитический Центр [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://nafi.ru/analytics/pandemiya-i-perekhod-kompaniy-na-udalenuk-indeks-tsifrovizatsii-malogo-i-srednego-biznesa> (дата обращения: 01.10.2021).
 15. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. В. Дмитриева. – М.: Астрель; АСТ, 2003. – 1582 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://endic.ru/dmytriev/Jekonomika-5366.html> (дата обращения: 01.10.2021).
 16. Федеральный проект «Цифровые технологии» // Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://digital.ac.gov.ru/about/27/#docs> (дата обращения: 01.10.2021).
 17. Antipova, T., Emelyanova, I. Cryptocurrency in digital wallet: pros and cons // Digital Science. – 2019. – Pp. 313–322. Antipova T., Rocha A. (eds) Digital Science. DSIC18 2018. Advances in Intelligent Systems and Computing, vol 850. Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-030-02351-5_36
 18. Fukuda, K. Science, technology and innovation ecosystem transformation toward society 5.0 // International Journal of Production Economics. – 2020. – V. 220, No. 4. – Art. 107460. <https://doi.org/10.1016/j.ijpe.2019.07.033>
 19. Internet World Stats [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.internetworldstats.com/stats.htm> (дата обращения: 01.10.2021).
 20. Matt, C., Hess, T., Benlian, A. Digital transformation strategies // Business & Information Systems Engineering. – 2015. – V. 57, No. 5. – Pp. 339–343. <https://doi.org/10.1007/s12599-015-0401-5>
 21. Mill, J. S. Essays on some unsettled questions of political economy. – Second Edition. – London: Longmans, Green, Reader and Dyer, 1874. – 120 p.
 22. Rozhkova D., Rozhkova N., Blinova U. Development of the e-government in the context of the 2020 pandemics // Advances in Digital Science. ISADS 2021. Advances In Intelligent Systems and Computing / ed. T. Antipova. – 2021. – V. 1352. https://doi.org/10.1007/978-3-030-71782-7_41

References

1. Federal Law “On Electronic Signatures”, dated on April 6, 2011, No. 63-FZ, *Legal reference system “ConsultantPlus”*. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_112701/ (accessed 15.10.2021).
2. Abdrakhmanova G. I., Bykhovsky K. B., Veselitskaya N. N., Vishnevsky K. O., Gokhberg L. M. et al. *Digital transformation of industries: starting conditions and priorities*, Report to the XXII April International Scientific Conference on the Problems of Economic and Social Development, Moscow, April 13–30, 2021, head of the authors team P. B. Rudnik, Sc. ed. L. M. Gokhberg et al, National Research University “Higher School of Economics”, Moscow, HSE Publishing House, 2021, 239 p. (In Russian).
3. Arenkov I. A., Smimov S. A., Sharafutdinov D. R., Yaburova D. V. Transformation of the enterprise management system in the transition to the digital economy, *Rossiiskoe predprinimatel'stvo*, 2018, vol. 19, no. 5, pp. 1711–1725. (In Russian). <https://doi.org/10.18334/rp.19.5.39115>
4. Garifullin B. M., Zyabrikov V. V. Digital transformation of business: models and algorithms, *Creative economy*, 2018, vol. 12, no. 9, pp. 1345–1358. (In Russian). <https://doi.org/10.18334/ce.12.9.39332>
5. McConnell C. R., Bru S. L. *Economics: principles, problems and policies*, transl. from Engl. N. N. Baryshnikova, E. V. Vyshinskaya, V. D. Medvinskaya, L. A. Mints, 14th ed., Moscow, INFRA-M, 2003, 972 p. (In Russian).
6. Ognitvsev S. B. The digitalization of the economy and the economy of digitalization in agriculture, *International agricultural journal*, 2019, no. 2, pp. 77–80. (In Russian). <https://doi.org/10.24411/2587-6740-2019-12034>
7. Polyakova, T.A., Boychenko, I.S. Development of remote technologies application and “Digitalization” of public relations in conditions of new challenges: theoretical and practical problems, *Obrazovanie i pravo*, 2020, no. 3, pp. 319–324. (In Russian). <https://doi.org/10.24411/2076-1503-2020-10353>
8. Cherepanov N. V. Principles and approaches of using Industry 5.0 in the enterprise, *Innovatsii i investitsii*, 2019, no. 9, pp. 144–147. (In Russian).
9. Shchelkunov M. D. Karimov A. R. Society 5.0 in technological, social and anthropological dimensions, *The review of economy, the law and sociology*, 2019, no. 3, pp. 158–164. (In Russian).
10. Methodological recommendations for the digital transformation of state corporations and companies with state participation, 2019, *Ministry of Digital Development, Communications and Mass Media of the Russian Federation*. Available at: <https://digital.gov.ru/uploaded/files/mr-po-tst-gk.pdf> (accessed 01.10.2021).
11. *Ministry of Digital Development, Communications and Mass Media of the Russian Federation – 19 Documents*. Available at: <https://digital.gov.ru/ru/documents/?directions=858> (accessed 01.10.2021).
12. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. *Explanatory dictionary of the Russian language*, 4th ed., suppl., Moscow, Azbukovnik, 2000, 940 p. Available at: <https://endic.ru/ozhegov/JEkonomika-40130.html> (accessed 01.10.2021). (In Russian).
13. National programme passport “Digital Economy of the Russian Federation” (approved by the Presidium of the Council under the President of the Russian Federation for Strategic Development and National Projects, Protocol dated on December 24, 2018, No. 16), *Legal reference system “ConsultantPlus”*. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_328854/ (accessed 15.10.2021).
14. Pandemic and the transition of companies to “remote work”. Small and Medium Business Digitalisation Index, *NAFI Research Centre*. Available at: <https://nafi.ru/analytics/pandemiya-i-perekhod-kompaniy-na-udalennuyu-indeks-tsifrovizatsii-malogo-i-srednego-biznesa> (accessed 01.10.2021).
15. *Explanatory dictionary of the Russian language*, Ed. D. V. Dmitriev, Moscow, Astrel, AST, 2003, 1582 p. Available at: <http://endic.ru/dmytriev/Jekonomika-5366.html> (accessed 01.10.2021). (In Russian).
16. Federal Project “Digital Technologies”, *Ministry of Digital Development, Communications and Mass Media of the Russian Federation*. Available at: <https://digital.ac.gov.ru/about/27/#docs> (accessed 01.10.2021).
17. Antipova T., Emelyanova I. *Cryptocurrency in digital wallet: pros and cons*, *Digital Science*, 2019, pp. 313–322. https://doi.org/10.1007/978-3-030-02351-5_36
18. Fukuda K. Science, technology and innovation ecosystem transformation toward society 5.0, *International Journal of Production Economics*, 2020, vol. 220, no. 4, article 107460. <https://doi.org/10.1016/j.ijpe.2019.07.033>
19. *Internet World Stats*, Available at: <https://www.internetworldstats.com/stats.htm> (accessed 01.10.2021).
20. Matt C., Hess T., Benlian A. Digital transformation strategies, *Business & Information Systems Engineering*, 2015, vol. 57, no. 5, pp. 339–343. <https://doi.org/10.1007/s12599-015-0401-5>
21. Mill J. S. *Essays on some unsettled questions of political economy*, Second Edition, London, Longmans, Green, Reader and Dyer, 1874, 120 p.
22. Rozhkova D., Rozhkova N., Blinova U. Development of the e-government in the context of the 2020 pandemics, *Advances in Digital Science. ISADS 2021. Advances in Intelligent Systems and Computing*, ed. T. Antipova., 2021, vol. 1352. https://doi.org/10.1007/978-3-030-71782-7_41

Зотиков Николай Зотикович
канд. экон. наук, ФГБОУ ВО
«Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»,
г. Чебоксары, Российская Федерация
ORCID: 0000-0001-5631-9123
e-mail: Zotikovcontrol@yandex.ru

НАЛОГОВОЕ СТИМУЛИРОВАНИЕ РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИЙ

Аннотация. Сегодня регионы Российской Федерации развиваются крайне неравномерно. В обеспечении успешного развития территорий особую роль играет налогово-бюджетный механизм и его основная часть – налоговое стимулирование деятельности хозяйствующих субъектов, осуществляющих деятельность в регионах, муниципальных образованиях. Значимость и актуальность налогового стимулирования территорий обусловлена необходимостью решения задач устойчивого развития экономики регионов, выявления и эффективной реализации имеющегося на территориях налогового потенциала и осложняется тем, что, по данным Росстата, ¼ часть населения страны, проживающая в муниципальных образованиях и сельских поселениях, по сложившейся практике, испытывает большие финансовые трудности, чем остальное население. Существующий налогово-бюджетный механизм не создает стимулы для успешного развития регионов, особенно муниципалитетов, что в конечном итоге не обеспечивает успешного развития экономики страны в целом. Изменение ситуации невозможно без создания действенного налогового механизма.

Ключевые слова: налоговые доходы, косвенные налоги, бюджет, консолидированный бюджет регионов, валовой региональный продукт, рейтинг регионов, собственные доходы, безвозмездные поступления, межбюджетные трансферты, дефицит бюджета

Для цитирования: Зотиков Н.З. Налоговое стимулирование развития территорий // Вестник университета. 2022. № 1. С. 89–98.

Nikolay Z. Zotikov
Cand. Sci. (Econ.), Chuvash State
University named after I.N. Ulyanov,
Cheboksary, Russia
ORCID: 0000-0001-5631-9123
e-mail: Zotikovcontrol@yandex.ru

TERRITORIES DEVELOPMENT TAX INCENTIVES

Abstract. Nowadays, the regions of the Russian Federation are developing extremely unevenly. The fiscal mechanism and its major part – the tax incentives for economic entities activities, operating in regions and municipalities, play a special role in the successful territories' development provision. The importance and relevance of the territories tax incentives is due to the necessity to solve the set tasks for the regional economy sustainable development, identify and effectively implement the tax potential in the territories, and it is complicated by the fact that, according to Rosstat, ¼ of the country's population, living in municipalities and rural settlements, according to established practice, experiencing more financial difficulties than the rest of the population. The existing fiscal mechanism does not create incentives for the successful regional development, especially municipalities, which ultimately does not ensure the country's successful economic development as a whole. It is impossible to change the situation without creating an effective taxation mechanism.

Keywords: tax revenues, indirect taxes, budget, consolidated regional budget, gross regional product, regional rating, own revenues, gratuitous receipts, interbudgetary transfers, budget deficit

For citation: Zotikov N.Z. (2022) Territories development tax incentives. *Vestnik universiteta*, no. 1, pp. 89–98. DOI: 10.26425/1816-4277-2022-1-89-98

Введение

Задачи, поставленные в майских указах президента Российской Федерации [1] потребуют существенно-го увеличения расходов консолидированных региональных бюджетов на их социально-экономическое развитие. Одним из приоритетных направлений реализации положений указа должно стать наращивание налоговых доходов регионов.

В сложившихся условиях существенно возрастает необходимость мобилизации налоговых доходов регионов через развитие и освоение их налогового потенциала. В решении этой задачи выделяются 2 аспекта: выявление резерва роста собственных налоговых доходов и стимулы территорий их использовать. «Одним

© Зотиков Н.З., 2022.

Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

© Zotikov N.Z., 2022.

This is an open access article under the CC BY 4.0 license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

из способов участия государства в экономической жизни территории является налоговое регулирование, которое осуществляется посредством перераспределения доходов между всеми участниками налоговых отношений» [11, с. 86]. Цель исследования – изучение действующей системы налогообложения, налоговых отношений, возникающих в процессе реализации налогово-бюджетного механизма на региональном уровне, выявление роли и значения закрепленных за региональными и местными бюджетами налогов в формировании доходной базы их бюджетов.

Материалы и методы

В исследовании использованы математические и статистические методы: анализ и синтез, обобщение, группировка, сравнение, табличный метод. Информационной базой исследования явились законодательные и нормативные акты в сфере налогообложения, официальная налоговая статистика на федеральном и региональном уровнях.

Основное внимание уделено изучению следующих вопросов:

- поступление налоговых доходов, администрируемых Федеральной налоговой службой Российской Федерации (далее – ФНС РФ), в консолидированный бюджет РФ и бюджеты регионов;
- исполнение консолидированных бюджетов субъектов РФ и местных бюджетов;
- исполнение региональных бюджетов субъектов РФ.

Основные результаты

В таблице 1 представлены данные Росстата по налогам.

Таблица 1

Поступления в бюджеты налогов, администрируемых ФНС России, млн руб.

Налоги	Консолидированный бюджет РФ		В том числе					
			Федеральный бюджет		Консолидированный бюджет субъектов РФ		Местные бюджеты	
	2010 г.	2020 г.	2010 г.	2020 г.	2010 г.	2020 г.	2010 г.	2020 г.
<i>Консолидированный бюджет РФ</i>								
Налоговые доходы	7659535	20737773	3172175	10703977	4487360	10033796	781439	1362581
а) федеральные налоги	6852257	18789914	3172175	10703977	3680082	8085937	554491	948939
– налог на прибыль	1774397	4018091	255026	1091379	1519371	2926712	19247	16241
– НДФЛ	1789631	4251920	-	-	1789361	4251920	525192	907284
– косвенные налоги	1825532	6337828	1498066	5539919	327466	797909	184	2938
НДС внутр.	1328749	4268627	1328749	4268627	-	-	-	-
Акцизы внутр.	441364	1833163	113898	1035254	327466	797909	184	2938
– плата за природные ресурсы	1440760	4142012	1408315	4057493	32445	84519	958	2814
б) региональные налоги	497500	1098615	-	-	497500	1098615	28305	20050
в) местные налоги	130930	266500	-	-	130930	266500	115905	214103
г) СНР	178848	582744	-	-	178848	582744	82738	179489
в т.ч. УСН	112889	502140	-	-	112889	502140	18580	104613
<i>Ставропольский край (СКФО)</i>								
Налоговые доходы	51165,7	112030	13674	37172,8	37491,6	74859,2	11420	18463
а) федеральные	42071	91180,9	13674	37172,8	28396,9	54008,2	6623,9	12855
– налог на прибыль	11745,4	19976,6	858	3581	10887,4	16395,6	-	-
– НДФЛ	15839,1	33996,7	-	-	15839,1	33996,7	6486,9	12196
– косвенные налоги	10763	30808	9280,8	27641	1482,2	3166,9	-	-

Продолжение табл. 1

Налоги	Консолидированный бюджет РФ		В том числе					
			Федеральный бюджет		Консолидированный бюджет субъектов РФ		Местные бюджеты	
	2010 г.	2020 г.	2010 г.	2020 г.	2010 г.	2020 г.	2010 г.	2020 г.
– плата за природные ресурсы	3468,7	5880,4	3430,7	5819,9	38,0	60,5	-	-
б) региональные	4834,8	9170,4	-	-	4834,8	9170,4	1124,7	-
в) местные	1870,4	5182,0	-	-	1870,4	5182	1870,4	5182
г) СНР	2389,3	7496,9	-	-	2389,3	7496,9	1801,1	696,5
<i>Свердловская область (УФО)</i>								
налоговые доходы	161179	389960	42434	140866	118745	249094	29714	52191
а) федеральные	135248	341456	42434	140866	92814	200594	21660	38132
– налог на прибыль	40348,8	104444	3576,2	26342,7	36772,6	78101,8	38132	-
– НДС/Л	52934,4	113978	-	-	52934,4	113978	21316	34443
– косвенные налоги	39550,1	118498	37698	112755	1851,9	5743,4	-	2871,3
– плата за природные ресурсы	1596,1	3154,9	717,1	1209,0	879,0	1945,9	-	-
б) региональные	14575,7	23829,7	-	-	14575,7	23829,7	-	-
в) местные	5716,0	7355,6	-	-	5716,0	7355,6	5716,0	7355,6
г) СНР	5639,3	17318,2	-	-	5639,3	17318,2	2337,5	6702,7
<i>Белгородская область (ЦФО)</i>								
Налоговые доходы	49193,6	115706,7	12298	32537,3	36895,4	83170,2	9100,6	18372
а) федеральные	40080,7	95485,4	12298	32537,3	27782,6	62948,1	5787,2	11393
– налог на прибыль	15408,7	31430,1	1592	3905,9	13816,7	27524,2	-	-
– НДС/Л	12969,4	32760,2	-	-	12969,4	32760,2	5709,3	11190
– косвенные налоги	10965,9	29188,2	10395	27950,4	570,4	1237,8	-	-
– плата за природные ресурсы	581,9	1836,2	236,8	613,3	345,1	1222,9	-	-
б) региональные	4909,9	10040,4	-	-	4909,9	10040,4	-	-
в) местные	2549,7	6100,1	-	-	2549,7	6100,1	2549,7	6100,1
г) СНР	1653,4	4080,8	-	-	1653,4	4080,8	762,0	879,2
<i>Приморский край (ДФО)</i>								
Налоговые доходы	54472,3	125441	6473,6	17682,5	47998,7	107758,5	12807,8	24044
а) федеральные	45457,5	99987,3	6473,6	17682,5	38983,9	81304,7	10291	18881
– налог на прибыль	12840,5	26601,7	1341,7	5176,2	11498,8	21425,5	-	-
– НДС/Л	25370,3	55318,6	-	-	25370,3	55318,6	10130	18565
– косвенные налоги	6071,8	15577,1	4751,9	12083,7	1319,9	3493,4	-	-
– плата за природные ресурсы	847,6	1001,1	231,2	251,1	616,4	750,0	-	-
б) региональные	4356,2	14336,6	-	-	4356,2	14336,6	-	-
в) местные	1164,8	3548,1	-	-	1164,8	3548,1	1164,8	3548,1
г) СНР	3493,5	8569,6	-	-	3493,5	8568,8	1351,8	1616,1
<i>Ростовская область (ЮФО)</i>								
Налоговые доходы	97667,1	244566	24356	81037,9	73310,9	163518,2	26515	36506
а) федеральные	78495,4	202078	24356	81037,9	54139,2	121040,1	14103	21770

Налоги	Консолидированный бюджет РФ		В том числе					
			Федеральный бюджет		Консолидированный бюджет субъектов РФ		Местные бюджеты	
	2010 г.	2020 г.	2010 г.	2020 г.	2010 г.	2020 г.	2010 г.	2020 г.
– налог на прибыль	16975,5	49506,6	1204	5127,8	15771,5	44378,8	875,3	-
– НДФЛ	32369,6	70685,6	-	-	32369,6	70685,6	12975	21136
– косвенные налоги	28267,4	80047,3	22719	75125	5548,0	4922,0	-	-
– плата за природные ресурсы	377,4	886,4	184,1	468,3	193,3	418,1	-	-
б) региональные	7663,7	18792,8	-	-	7663,7	18792,8	2523	3924,2
в) местные	6407,8	7912,0	-	-	6407,8	7912,0	6407,8	7912,0
г) СНР	5100,2	15773,0	-	-	5100,2	15773,0	3482,0	2899,4

Источник: [18]

Из данных таблицы 1 следует, что в 2020 г. по сравнению с 2010 г.:

- доля налоговых доходов, зачисляемых в федеральный бюджет, увеличилась с 41,4 % до 51,6 %;
- в консолидированном бюджете РФ доля федеральных налогов увеличилась с 89,5 % до 90,6 % при снижении доли региональных налогов с 6,5 % до 5,3 %, доли местных налогов с 1,7 % до 1,3 %, доля косвенных налогов увеличилась с 23,8 % до 30,6 %, при этом НДС занимает 72,8 % всей суммы косвенных налогов в 2010 г. и 67,3 % в 2020 г.;
- доля налога на прибыль уменьшилась с 23,2 % до 19,4 %; доля платы за природные ресурсы увеличилась с 18,8 % до 20,0 %;
- доля специального налогового режима (СНР) незначительна: 2,3–2,8 %, доля упрощенной системы налогообложения (УСН) в общей сумме СНР составляет 63,1–86,2 %;
- налоговые доходы консолидированного бюджета РФ увеличились в 2,7 раза, в том числе федеральные налоги в 2,7 раза, региональные – в 2,2 раза, местные – в 2 раза, СНР – в 3,2 раза, косвенные налоги – в 3,5 раза, в том числе внутренний НДС – в 3,2 раза.

Федеральный бюджет формируется за счет косвенных налогов (их доля увеличилась с 47,2 % до 51,7 %); платы за природные ресурсы, налога на прибыль организаций.

В налоговых доходах консолидированных бюджетов субъектов РФ доля региональных и местных налогов незначительна (в 2020 г. 10,9 % и 2,6 %), велика доля федеральных налогов (более 80,0 %), в том числе НДФЛ (39,9 % – 42,4 %, налог на прибыль, акцизов. В отличие от России, где ставка подоходного налога едина по всей стране, в США органам власти на местах «разрешено самостоятельно устанавливать и регулировать ставки этого налога, направляемого в соответствующий бюджет. И если на федеральном уровне этот налог имеет прогрессивную шкалу обложения, то на уровне муниципалитетов и отдельных округов шкала подоходного налога нередко может иметь регрессивный или пропорциональный характер» [12, с. 188].

В налоговых доходах местных бюджетов доля местных налогов незначительна (14,8–15,7 %), велика доля федеральных налогов (около 70,0 %), в том числе НДФЛ – более 65,0 %.

Налоговые доходы консолидированного бюджета РФ увеличились в 2,7 раза, в том числе федерального бюджета в 3,4 раза, консолидированных бюджетов субъектов РФ в 2,2 раза, местных бюджетов в 1,7 раза. При этом доля налогов, поступающих в консолидированные бюджеты субъектов РФ, уменьшилась с 58,6 % до 48,4 %, доля налогов, поступающих в местные бюджеты из консолидированных бюджетов субъектов РФ, с 17,4 % до 13,6 %.

Решение проблем налогового регулирования инновационной деятельности позволит расширить налоговую базу региона, увеличить налоговые доходы консолидированных бюджетов субъектов РФ [14].

Далее, рассмотрим бюджеты регионов, входящих в состав разных федеральных округов и занимающих различные позиции в рейтинге СЭП. Из данных таблицы следует, что в общей сумме налоговых доходов консолидированного бюджета РФ:

- доля федеральных налогов составляет более 80 %;
- доля региональных налогов во всех регионах уменьшилась и составила менее 10 %, за исключением Приморского края (увеличение с 8,0 % до 11,4 %);
- доля местных налогов уменьшилась во всех регионах, кроме Приморского края (увеличилась с 2,1 % до 2,8 %) и Ставропольского края (увеличение с 3,6 % до 4,6 %) и составила 1,4 % – 5,3 %;
- доля СНР увеличилась во всех регионах.

Доля налоговых доходов, зачисляемых в федеральный бюджет, увеличилась во всех регионах, причем в размерах, превышающих темп роста налоговых доходов консолидированного бюджета РФ. При этом в 2020 г. в федеральный бюджет зачислено около 1/3 собранных в регионе налогов в Ставропольском крае, менее 15 % в Свердловской, Белгородской и Ростовской областях, в Приморском крае.

Налоговые доходы консолидированного бюджета РФ за указанный период увеличились в регионах более 2-х раз.

В величине налоговых доходах бюджетов, зачисляемых в федеральный бюджет:

- доля косвенных налогов в Ростовской области составляет более 90 %, в Белгородской и Свердловской областях – более 80 %;
- доля налога на прибыль увеличилась в Свердловской области с 8,4 % до 18,7 %, Приморском крае – с 20,7 % до 29,3 %, в Ростовской области с 4,9 % до 6,3 %;
- доля платы за природные ресурсы уменьшилась с 25,1 % до 15,6 %, в других регионах незначительна (не более 2,0 %).

Налоговые доходы консолидированных бюджетов всех регионов увеличились в меньших размерах, чем налоговые доходы, зачисляемые в федеральный бюджет.

В налоговых доходах консолидированных бюджетов регионов:

- доля федеральных налогов составляет 73–80,5 %;
- доля региональных налогов незначительна и составляет от 9 до 13 %;
- доля местных налогов незначительна (2,9–7,3%);
- доля СНР увеличилась во всех регионах.

В налоговых доходах местных бюджетов значительна доля федеральных налогов: около 80,0 %, в том числе НДФЛ – 73 % – 78 %;

- незначительна доля местных налогов: в Свердловской области (14,1 %), Приморском крае (14,7%);
- доля СНР уменьшилась в Белгородской области с 8,4 % до 4,8 %, Ростовской области с 13,1 % до 7,9 %.

Сумма налоговых доходов, выделяемых из консолидированного бюджета регионов местным бюджетам, уменьшилась по всем регионам, в том числе по Ставропольскому краю – с 30,4 % до 24,7 %, Ростовской области – с 36,2 % до 22,3 %.

Проведенным исследованием установлены источники, за счет которых формируются доходы бюджетов различных уровней, в том числе бюджеты рассматриваемых регионов (табл. 2).

Таблица 2

Исполнение консолидированных бюджетов субъектов РФ и местных бюджетов, млрд руб.

Год	Доходы всего	Собственные доходы	Безвозмездные поступления		Расходы	дефицит (-), профицит (+)
			млрд руб.	% к доходам		
Консолидированные бюджеты субъектов РФ						
2010	6 537,3	5 138,5	1 398,9	21,3	6 636,9	–99,6
2020	14 901,2	11 125,2	3 776,0	25,3	15 577,7	–676,6
2020 г. к 2010 г., %	227,9	216,5	269,9	118,8	234,7	6,8 раза
Местные бюджеты РФ						
2015	3 497,1	999,3	980,0	28,0	3 560,3	-63,2
2020	5 049,9	1 404,5	1 754,7	34,7	5 017,1	32,8
2020 г. к 2015 г., %	144,4	140,5	179,0	123,9	140,9	-

Источники: [16; 17; 20]

Как следует из приведенных в таблице 2 данных, в 2020 г. по сравнению с 2010 г.:

- доходы консолидированных бюджетов субъектов РФ увеличились в 2,28 раза, собственные доходы в 2,16 раза при увеличении безвозмездных поступлений в 2,7 раза;
- доля безвозмездных поступлений по отношению к доходам бюджетов увеличилась с 21,3 % до 25,3 % или на 18,8 %;
- расходы консолидированных бюджетов субъектов РФ увеличились в 2,35 раза, то есть темпами, опережающими темп роста доходов (в 2,28 раза);
- величина дефицита в абсолютной сумме увеличилась в 6,8 раза, в процентах к доходам – с 1,5 до 4,5 (или в 3 раза).

Увеличение в 2020 г., по сравнению с 2015 г., доходов местных бюджетов РФ на 44,4 % обеспечено за счет роста налоговых доходов на 40,5 %, межбюджетных трансфертов на 79,0 %. При этом при уменьшении доли налоговых доходов с 28,6 % до 27,8 % доля межбюджетных трансфертов увеличилась с 28,0 % до 34,7 % (по отношению к налоговым доходам увеличилась с 98,1 % до 124,9 % или на 27,3 %, то есть на каждый рубль налоговых доходов в 2020 г. приходится 1 руб. 25 коп. межбюджетных трансфертов).

«Отсутствие налоговой автономии, возросшее количество расходных обязательств при ограниченном перечне доходных источников негативно сказываются на устойчивости местных бюджетов, усиливая их зависимость от межбюджетных трансфертов из бюджетов вышестоящего уровня» [10, с. 19]. Кроме того, местным бюджетам РФ выделялись субвенции.

Налоговые меры поддержки экономически неблагополучных регионов используются во многих странах. «В США такие меры предусмотрены в рамках подпрограммы «Зона возможностей», целью которой является стимулирование инвестиций в малый бизнес, недвижимость, проекты местной инфраструктуры» [13, с. 161].

Далее, рассмотрим состав бюджетов регионов по источникам доходов.

Таблица 3

Исполнение областных (краевых) бюджетов за 2010 и 2020 г., млрд руб.

Показатели	Годы	Регион				
		Ставрополь- ский край	Свердлов- ская область	Белгород- ская область	Приморский край	Ростовская область
Доходы (всего)	2010	58,1	120,7	50,6	78,1	123,2
	2020	139,8	286,4	111,4	144,8	214,0
	%	240,6	237,3	220,2	185,4	173,7
Налоговые и неналоговые доходы	2010	32,7	103,7	31,6	38,1	84,7
	2020	66,5	218,3	76,2	91,0	142,1
	%	203,4	210,5	241,1	238,8	167,8
то же, в %-ах от дохода	2010	56,3	85,9	62,4	48,8	68,7
	2020	47,6	76,2	68,4	62,8	66,4
	%	84,5	88,7	109,6	128,7	96,6
Безвозмездные поступления	2010	25,4	17,0	19,0	40,0	38,5
	2020	73,3	68,1	35,2	53,8	71,9
	%	288,6	400,6	185,3	134,5	186,8
то же, в %-ах от дохода	2010	43,7	14,1	37,5	51,2	31,2
	2020	52,4	23,8	31,6	37,1	33,6
Расходы	2010	56,6	117,4	51,9	89,7	125,4
	2020	140,3	315,7	111,3	160,5	219,7
	%	247,9	268,9	214,5	178,9	175,2
Дефицит (-), профицит (+)	2010	+1,5	+3,3	-1,3	-11,6	-2,2
	2020	-0,5	-29,3	+0,1	-15,7	-5,7

Показатели	Годы	Области, края				
		Ставрополь- ский край	Свердлов- ская область	Белгород- ская область	Приморский край	Ростовская область
то же, в %-ах от дохода	2010	2,6	2,7	2,6	14,8	1,8
	2020	0,9	10,2	0,2	10,8	2,7
Валовой региональный про- дукт (ВРП) на душу насе- ления, т. р.	2010	118,9	243,2	260,0	240,2	154,1
	2019	295,4	586,4	617,4	561,6	389,9
	%	248,4	241,1	237,5	233,8	253,0
Место в рейтинге	2010	32	8	16	36	19
	2020	37	7	15	30	14

Источники: [2–9; 15; 19; 21; 22]

В 2020 г. по сравнению с 2010 г.:

- доходы бюджетов увеличились во всех регионах, в том числе в Приморском крае на 85,4 %, Ростовской области на 73,7 %, в остальных регионах более 2-х раз;
- налоговые и неналоговые доходы увеличились во всех регионах, в том числе в Ростовской области на 67,8 %, в остальных регионах в 2 раза и более;
- доля налоговых и неналоговых доходов увеличилась в Белгородской области (9,6 %), Приморском крае (29,7 %); более чем на 10 % снизилась в Ставропольском крае, Свердловской области;
- величина безвозмездных поступлений увеличилась во всех регионах, в том числе в Свердловской области в 4 раза, в Ставропольском крае в 2,9 раза, в остальных регионах около 2-х раз;
- доля безвозмездных поступлений снизилась в 3-х регионах: в том числе в Приморском крае на 27,5 %, увеличилась в Свердловской области на 68,8 %;
- расходы бюджетов увеличились во всех регионах, в 2-х регионах темпы роста расходов уступают темпам роста доходов: в Белгородской области, Приморском крае;
- количество регионов с дефицитом бюджета увеличилось с 3-х до 4-х регионов, в 2020 г. стал дефицитным бюджет Свердловской области (–29,3 %).

В 2019 г. по сравнению с 2010 г. валовой региональный продукт (ВРП) на душу населения увеличился во всех регионах более 2-х раз; показатель ниже среднероссийского уровня имели в 2010 г. (263,8 тыс. руб.), в 2019 г. (646,1 тыс. руб.) все 5 регионов. Валовой региональный продукт на душу населения в Ростовской области составляет 58,4 % среднероссийского уровня в 2010 г. и 60,3 % в 2019 г.

В 2020 г. по сравнению с 2010 г. позиции в рейтинге социально-экономического положения субъектов РФ, проводимом ежегодно рейтинговым агентством «РИА рейтинг», улучшились в 4 регионах, регионы переместились: Свердловская область – с 8 на 7 место, Белгородская область – с 16 на 15 место, Приморский край – с 36 на 30 место, Ростовская область – с 19 на 14 место, ухудшились позиции Ставропольского края (с 32 на 37 место).

Обсуждение результатов

Из проведенного исследования вытекают следующие выводы:

- в консолидированном бюджете РФ доля федеральных налогов увеличилась до 90 % при незначительности региональных, местных налогов и СНР;
- в налоговых доходах консолидированных бюджетов субъектов РФ незначительна доля региональных налогов (не более 10 %), местных налогов (не более 3 %), доля федеральных налогов составляет более 80 %;
- в налоговых доходах местных бюджетов доля местных налогов незначительна, доля федеральных налогов составляет более 70 %;
- доходы федерального бюджета увеличились темпами, опережающими темп роста региональных и местных налогов;

- доходы консолидированных бюджетов субъектов РФ увеличились в 2,3 раза при увеличении безвозмездных поступлений в 2,7 раза, расходов в 2,35 раза, дефицита в 3 раза;
- в доходах местных бюджетов межбюджетные трансферты увеличились на 79,0 %;
- во всех 5 рассмотренных регионах величина ВРП на душу населения как в 2010 г., так и в 2019 г. ниже среднероссийского уровня.

Сравнение данных таблицы 1, отражающей величину зачисляемых в федеральный бюджет налогов, собираемых в регионе, показывает, что межбюджетные трансферты регионам выделяются крайне неравномерно. Так, по Свердловской области зачислено в федеральный бюджет налогов в сумме 42,4 млрд руб. в 2010 г. и 140,9 млрд руб. в 2020 г., межбюджетные трансферты выделены соответственно 17,0 и 68,1 млрд руб.; по Ставропольскому краю зачислено в федеральный бюджет 13,7 млрд руб. в 2010 г. и 37,2 млрд руб. в 2020 г., межбюджетные трансферты выделены соответственно 25,4 и 73,3 млрд руб. (то есть в суммах, намного превышающих суммы налогов, зачисляемых в федеральный бюджет из данного региона).

Без перераспределения налоговых доходов в пользу региональных и местных бюджетов их финансовая зависимость от федерального центра не уменьшится.

Регионы могут увеличить налоговый потенциал за счет:

- отмены неэффективных льгот;
- легализации «теневого» бизнеса;
- введения расчета налога на имущество организаций исходя из кадастровой стоимости имущества;
- увеличения величины дохода для расчета стоимости патента (с введением возможности с 2021 г. уменьшения стоимости патента на СВ).

Заключение

Многие регионы не приняли закон об инвестиционном налоговом вычете (ст. 286.1 Налогового кодекса), в связи с чем организации могут уменьшить налог на прибыль при приобретении ОС. Однако это уменьшит поступления налога на прибыль в бюджет.

Расчеты показывают, что без перераспределения налоговых доходов финансовые проблемы территорий не решаются. В 2020 г. доходы консолидированного бюджета составили 20 737,8 млрд руб., в том числе федеральный бюджет – 10 704,0 млрд руб. (51,6 %), из которых 3 776,0 млрд руб. выделены регионам в виде межбюджетных поступлений (35,3 %), в том числе местным бюджетам 1 754,7 млрд руб. Речь идет о замене межбюджетных трансфертов перераспределением ставок федеральных налогов в пользу регионального и местных бюджетов, в частности НДС и налога на прибыль, что повысит их заинтересованность в увеличении своего налогового потенциала.

Библиографический список

1. Указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_297432/ (дата обращения: 23.11.2021).
2. Закон Ставропольского края от 07.07.2011 № 55-КЗ «Об исполнении бюджета Ставропольского края за 2010 год» // Информационно-правовой портал «Гарант» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/27124032/> (дата обращения: 25.11.2021).
3. Закон Ставропольского края от 07.06.2021 № 58-КЗ «Об исполнении бюджета Ставропольского края за 2020 год» // Информационно-правовой портал «Гарант» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.garant.ru/hotlaw/stav_real/1469050/ (дата обращения: 25.11.2021).
4. Закон Свердловской области от 24.06.2011 № 58-ОЗ «Об исполнении областного бюджета за 2010 год» // Информационно-правовой портал «Гарант» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/35178346/134df926347d321d8dc82c9551519f33/> (дата обращения: 25.11.2021).
5. Закон Свердловской области от 02.07.2021 № 55-ОЗ «Об исполнении областного бюджета за 2020 год» // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/6600202107090001?index=1&rangeSize=1> (дата обращения: 25.11.2021).
6. Закон Белгородской области от 12.07.2011 № 54 «Об исполнении областного бюджета за 2010 год» // Информационно-правовой портал «Гарант» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/26340028/> (дата обращения: 24.11.2021).

7. Закон Белгородской области от 29.06.2021 № 82 «Об исполнении областного бюджета за 2020 год» // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/3100202107010002> (дата обращения: 24.11.2021).
8. Закон Приморского края от 07.07.2011 № 783-КЗ «Об исполнении краевого бюджета за 2010 год» // Информационно-правовой портал «Гарант» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/30150960/3d3a9e2eb4f30c73ea6671464e2a54b5/> (дата обращения: 24.11.2021).
9. Закон Приморского края от 06.07.2021 № 1085-КЗ «Об исполнении краевого бюджета за 2020 год» // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/2500202107080001> (дата обращения: 24.11.2021).
10. Волохина, В. А., Малышев, В. В. К вопросу регулирования межбюджетных отношений в современных условиях // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2015. – № 8 (183). – С. 15–22.
11. Дедкова, Е. Г., Ковалев, Р. С. Развитие системы налогового стимулирования для повышения инвестиционно-инновационной привлекательности территории // Материалы XVI Международной научно-практической конференции «Управление в условиях экономического кризиса: стратегия противодействия угрозам и перспективы устойчивого развития», Орел, 22–23 октября 2020 г. – Орел: Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева, 2020. – С. 85–90.
12. Корень, А. В., Татуйко, А. В. Зарубежный опыт реализации налоговой политики по стимулированию экономического роста // Азимут научных исследований: экономика и управление. – 2016. – Т. 5, № 4 (17). – С. 187–191.
13. Тищенко, Т. В. Международный опыт налогово-бюджетной поддержки депрессивных территорий // Вестник Института экономики Российской академии наук. – 2020. – № 5. – С. 151–166. <https://doi.org/10.24411/2073-6487-2020-10063>
14. Чужмарова, С. И., Чужмарова, А. А. Налоговое регулирование и инновационное развитие региона // Экономика и управление: теория и практика. – 2018. – Т. 4, № 3. – С. 65–74.
15. Валовой региональный продукт на душу населения по субъектам РФ в 1998–2019 гг. // Электронный фонд правовой и научно-технической информации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1636490954&tld=ru&lang=ru&name=dusha98-19.xlsx&text=%D0%92%D0%A0%D0%9> (дата обращения: 25.11.2021).
16. Данные об исполнении местных бюджетов в РФ на 01.01.2017 // Министерство финансов Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://minfin.gov.ru/common/upload/library/2017/02/main/Dannye_ob_ispolnenii_mestnykh_budzhetrov_RF_-_01.01.2017.pdf (дата обращения 20.11.2021).
17. Данные об исполнении местных бюджетов в РФ на 01.01.2021 // Министерство финансов Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://minfin.gov.ru/ru/document/?id_4=132501-dannye_ob_ispolnenii_mestnykh_byudzhetrov_v_rossiiskoi_federatsii_na_01.01.2021 (дата обращения: 20.11.2021).
18. Данные по формам статистической налоговой отчетности // Федеральная налоговая служба [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.nalog.gov.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/forms/ (дата обращения: 20.11.2021).
19. Информация об исполнении консолидированного бюджета Ростовской области за 2010 год // Официальный портал правительства Ростовской области [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://old.donland.ru/?pageid=96064> (дата обращения: 25.11.2021).
20. Краткая информация об исполнении бюджетов субъектов РФ // Министерство финансов Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://minfin.gov.ru/ru/statistics/subbud/execute/?id_57=90142yezhekvartalnaya_informatsiya_ob_ispolnenii_byudzhetrov (дата обращения: 20.11.2021).
21. Об отчете об исполнении областного бюджета за 2020 год // Официальный портал Правительства Ростовской области [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.donland.ru/bill/172/> (дата обращения: 25.11.2021).
22. Рейтинг социально-экономического положения регионов по итогам 2020 г. // РИА РЕЙТИНГ Россия Сегодня [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://riarating.ru/regions/20210531/630201367.html> (дата обращения: 26.11.2021).

References

1. Decree of the President of the Russian Federation dated on May 7, 2018 No. 204 “On National Goals and Strategic Objectives of the Development of the Russian Federation for the Period up to 2024”, *Legal reference system “ConsultantPlus”*. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_297432/ (accessed 23.11.2021).
2. Law of the Stavropol Territory dated on July 7, 2011 No. 55-KZ “On the Execution of the Budget of the Stavropol Territory for 2010”, *Legal and information portal “Garant”*. Available at: <https://base.garant.ru/27124032/> (accessed 25.11.2021).
3. Law of the Stavropol Territory dated on June 7, 2021 No. 58-KZ “On the Execution of the Budget of the Stavropol Territory for 2020”, *Legal and information portal “Garant”*. Available at: https://www.garant.ru/hotlaw/stav_real/1469050/ (accessed 25.11.2021).

4. Law of the Sverdlovsk region dated on June 24, 2011 No. 58-OZ "On the Execution of the Regional Budget for 2010", *Legal and information portal "Garant"*. Available at: <https://base.garant.ru/35178346/134df926347d321d8dc82c9551519f33/> (accessed 25.11.2021).
5. Law of the Sverdlovsk region dated on July 2, 2021 No. 55-OZ "On the Execution of the Regional Budget for 2020", *Official Internet Portal of Legal Information*. Available at: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/6600202107090001?index=1&rangeSize=1> (accessed 25.11.2021).
6. Law of the Belgorod region dated on July 12, 2011 No. 54 "On the Execution of the Regional Budget for 2010", *Legal and information portal "Garant"*. Available at: <https://base.garant.ru/26340028/> (accessed 24.11.2021).
7. Law of the Belgorod region dated on June 29, 2021 No. 82 "On the Execution of the Regional Budget for 2020", *Official Internet Portal of Legal Information*. Available at: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/3100202107010002> (accessed 24.11.2021).
8. Law of Primorsky Krai dated on July 7, 2011 No. 783-KZ "On the Execution of the Regional Budget for 2010", *Legal and information portal "Garant"*. Available at: <https://base.garant.ru/30150960/3d3a9e2eb4f30c73ea6671464e2a54b5/> (accessed 24.11.2021).
9. Law of Primorsky Krai dated on July 6, 2021 No. 1085-KZ "On the Execution of the Regional Budget for 2020", *Official Internet Portal of Legal Information*. Available at: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/2500202107080001> (accessed 24.11.2021).
10. Volohina V. A., Malyshev V. V. To the question of regulation of interbudgetary relations in modern conditions, *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2015, № 8 (183), pp. 15–22. (In Russian).
11. Dedkova E. G., Kovalev R. S. Development of a tax incentives system to increase the investment and innovative attraction of the territory, *Proceedings of the XVI International Scientific and Practical Conference "Management in conditions of economic crisis: Strategy of countering threats and prospects for sustainable development"*, Orel, October 22–23, 2020, Orel, Orel State University named after I.S. Turgenev, 2020, pp. 85–90. (In Russian).
12. Koren A. V., Tatuyko A. V. Foreign experience implementation of tax policy to stimulate economic growth, *Azimut of scientific researches: economics and administration*, 2016, vol. 5, no. 4 (17), pp. 187–191. (In Russian).
13. Tishchenko T. V. International experience of fiscal support for depressed areas, *Vestnik Instituta ekonomiki Rossiiskoi akademii nauk*, 2020, no. 5, pp. 151–166. (In Russian). <https://doi.org/10.24411/2073-6487-2020-10063>
14. Chuzhmarova S. I., Chuzhmarova A. A. Tax regulation of the region innovation development, *Economy and management: theory and practice*, 2018, vol. 4, no. 3, pp. 65–74. (In Russian).
15. Gross Regional Product per capita by Subjects of the Russian Federation in 1998-2019, *Electronic Fund of Legal and Regulatory-Technical Information*. Available at: <https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1636490954&tld=ru&lang=ru&name=dusha98-19.xlsx&text=%D0%92%D0%A0%D0%9> (accessed 25.11.2021).
16. Data on the Execution of Local Budgets in the Russian Federation as of July 1, 2017, *Ministry of Finance of the Russian Federation*. Available at: https://minfin.gov.ru/common/upload/library/2017/02/main/Dannye_ob_ispolnenii_mestnykh_budzhetrov_RF_-_01.01.2017.pdf (accessed 20.11.2021).
17. Data on the Execution of Local Budgets in the Russian Federation as of January 1, 2021, *Ministry of Finance of the Russian Federation*. Available at: https://minfin.gov.ru/ru/document/?id_4=132501-dannye_ob_ispolnenii_mestnykh_byudzhetrov_v_rossiiskoi_federatsii_na_01.01.2021 (accessed 20.11.2021).
18. Data on Statistical Tax Reporting Forms, *Federal Tax Service of Russia*. Available at: https://www.nalog.gov.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/forms/ (accessed 20.11.2021).
19. Information on the execution of the consolidated budget of the Rostov region for 2010, *Official portal Governments of the Rostov region*. Available at: <http://old.donland.ru/?pageid=96064> (accessed 25.11.2021).
20. Summary of the Execution of Budgets of the Subjects of the Russian Federation, *Ministry of Finance of the Russian Federation*. Available at: https://minfin.gov.ru/ru/statistics/subbud/execute/?id_57=90142yezhekvtalnaya_informatsiya_ob_ispolnenii_byudzhetrov_ (accessed 20.11.2021).
21. On the Report on the Execution of the Regional Budget for 2020, *Official portal Governments of the Rostov region*. Available at: <https://www.donland.ru/bill/172/> (accessed 25.11.2021).
22. Rating of the Socio-Economic Situation of the Regions on the Results of 2020, *RIA RATING Rossiya Segodnya*. Available at: <https://riarating.ru/regions/20210531/630201367.html> (accessed 26.11.2021).

УДК 37.014.542.12, 332.122

JEL I25, I28, R58

DOI 10.26425/1816-4277-2022-1-99-108

**Лебедев Константин
Валерьевич**

канд. экон. наук, ФГАОУ ДПО
«Академия Минпросвещения
России», г. Москва, Российская
Федерация

ORCID: 0000-0002-7778-6780

e-mail: akvl@yandex.ru

**Васильева Людмила
Васильевна**

канд. экон. наук, ФГАОУ ДПО
«Академия Минпросвещения
России», г. Москва, Российская
Федерация

ORCID: 0000-0003-2023-7593

e-mail: vasilieva@yandex.ru

**Суменова Елена
Сергеевна**

канд. экон. наук, ФГАОУ ДПО
«Академия Минпросвещения
России», г. Москва, Российская
Федерация

ORCID: 0000-0003-4747-0985

e-mail: e.sumenova@yandex.ru

Konstantin V. Lebedev
Cand. Sci. (Econ.), Russian
Education Ministry Academy,
Moscow, Russia

ORCID: 0000-0002-7778-6780

e-mail: akvl@yandex.ru

Lyudmila V. Vasilyeva
Cand. Sci. (Econ.), Russian
Education Ministry Academy,
Moscow, Russia

ORCID: 0000-0003-2023-7593

e-mail: vasilieva@yandex.ru

Elena S. Sumenova
Cand. Sci. (Econ.), Russian
Education Ministry Academy,
Moscow, Russia

ORCID: 0000-0003-4747-0985

e-mail: e.sumenova@yandex.ru

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЭКОНОМИКИ И СТРУКТУРА ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ

Аннотация. В последние годы особое внимание уделяется повышению роли регионов в подготовке кадров для экономики и социальной сферы, реализации «Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации», сбалансированному развитию всего пространства России. Цель статьи – изучение региональных особенностей экономики субъектов Российской Федерации во взаимосвязи со структурой подготовки специалистов с высшим образованием. В статье дана оценка отраслевой специализации субъектов Российской Федерации на примере Сибирского федерального округа. Оценка основана на комплексном анализе отраслевых структур субъектов Российской Федерации, локализации видов экономической деятельности, занятости населения. Особый акцент сделан на необходимости учета степени концентрации отраслевых производств, которые характеризуют значимость отраслей в масштабе страны. Это позволит оптимизировать структуру подготовки специалистов с высшим образованием. Сопоставление выпуска специалистов в разрезе укрупненных групп специальностей и направлений со структурой занятости населения показало, что специфика регионов недостаточно учитывается направлениями подготовки в вузах. Результаты исследования могут быть полезны руководящему составу высших учебных заведений российских регионов.

Ключевые слова: управление, субъекты Российской Федерации, отраслевая структура, валовой региональный продукт, специализация, локализация, занятость, подготовка кадров, высшее образование, кадровое замещение

Благодарности. Работа выполнена в рамках государственного задания ФГБОУ ВО «МИРЭА – Российский технологический университет» 075-01014-21-09 на 2021 год и на плановый период 2021 и 2022 гг. «Подготовка аналитических материалов, характеризующих состояние системы высшего образования в разрезе субъектов Российской Федерации» (748715Ф.99.1.ББ97АА00002).

Для цитирования: Лебедев К.В., Васильева Л.В., Суменова Е.С. Региональные особенности экономики и структура подготовки специалистов//Вестник университета. 2022. № 1. С. 99–108.

ECONOMY REGIONAL FEATURES AND SPECIALIST TRAINING STRUCTURE

Abstract. In recent years, special attention is paid to increasing the regional role in training personnel for the economy and social sphere, to implementing the “Strategy for Scientific and Technological Development of the Russian Federation”, and to balanced development of the entire territory of Russia. The purpose of the article is to study the regional economic features of the Russian Federation members in relation with a personnel training structure with higher education. The sectoral specialisation of the Russian Federation members is assessed in the article on the example of the Siberian Federal District. The assessment is based on a comprehensive analysis of the sectoral structures of the Russian Federation members, economic activities localisation, population employment. It is emphasised that a degree of sector production concentration, which characterise the sectors importance in a national scale, must be taken into account. This will make it possible to optimise the personnel training structure with higher education. A comparison of specialists graduation in terms of specialties and areas enlarged groups with the population employment structure has shown that the regions specifics are not sufficiently taken into account by the training areas of higher education institutions. The results of the study can be useful to the top management of higher education institutions in the Russian regions.

Keywords: management, Russian Federation constituent entities, industry structure, gross regional product, specialisation, localisation, employment, personnel training, higher education, personnel replacement

Acknowledgements. The work was carried out under the state assignment 075-01014-21-09 of the MIREA – Russian Technological University for 2021 and plan period 2021 and 2022 years “Preparation of analytical materials, describing the higher education system’s state in terms of the Russian Federation constituent entities” (748715F.99.1.BB97AA00002).

For citation: Lebedev K.V., Vasilyeva L.V., Sumenova E.S. (2022) Economy regional features and specialist training structure. *Vestnik universiteta*, no. 1, pp. 99–108. DOI: 10.26425/1816-4277-2022-1-99-108

Введение

Система высшего образования выполняет важную функцию обеспечения кадровой потребности российской экономики. Государственная политика в сфере современного профессионального образования направлена на повышение его качества и востребованности выпускников. Задачей вузов является подготовка мобильных профессионально компетентных молодых специалистов, успешно ориентирующихся в социально-экономических условиях региона, страны и мира. Этот вектор задается федеральными государственными стандартами высшего образования, предусматривающими замену традиционных образовательных программ на компетентностные и регионализацию образования. В связи с этим актуализируется задача разработки подходов к оценке специфики регионов для оптимизации структуры подготовки специалистов.

Постановка проблемы

Россия является страной с очень неоднородным экономическим пространством. Каждый регион характеризуется уникальной структурой ресурсного потенциала и компетенций, уровнем развития и специализацией экономики, определенной спецификой формирования и эволюции социально-экономических процессов. Все это породило значительную дифференциацию субъектов Российской Федерации (далее – РФ) как по объективным (природные ресурсы, географическое положение), так и субъективным (результаты деятельности человека) причинам [16]. Прогрессивный подход к снижению уровня дифференциации социально-экономического развития регионов состоит в повышении конкурентоспособности их экономики. Этот параметр формируется под влиянием многих факторов, важное место среди которых занимает обеспеченность кадрами, в том числе имеющими высшее образование [5].

На высших учебных заведениях лежит социальная ответственность за развитие регионов, что стимулирует их к активному взаимодействию с органами местной власти, общественными организациями и реальным сектором экономики. В последние годы особое внимание уделяется повышению роли регионов в подготовке кадров для экономики и социальной сферы, реализации Стратегии научно-технологического развития, сбалансированном развитии всего пространства России [15]. Региональным вузам отводится роль одного из ведущих драйверов пространственного развития России, ее социально-экономического прогресса. Новый подход к определению миссии региональных вузов заключается в том, что они должны ясно представлять себе региональные приоритеты, региональные программы развития и активно участвовать в развитии экономики и социальной сферы.

Начиная с 2021 г., увеличивается количество бюджетных мест в вузах регионов для сохранения в них человеческого капитала. Выстраивая региональную образовательную структуру, важно оценивать, какова потребность в молодых перспективных кадровых ресурсах на местах. При этом расширяются права вузов самостоятельно формировать профили обучения, учитывая запросы студентов и реального сектора экономики.

Литературный обзор

Исследования в области обоснования структуры подготовки, контрольных цифр приема, оценки и прогнозирования потребности в кадрах на разных уровнях хозяйственного управления ведутся на протяжении последних десятилетий. Вопросам моделирования потребностей экономики в кадрах с профессиональным образованием посвящены работы [6; 7]. Тема прогнозирования спроса на специалистов в системе высшего профессионального образования региона исследуется в [8]. В работе [3] рассматриваются подходы к проектированию квалификационной структуры трудового потенциала. В статье [10] представлены результаты исследования структуры занятости по видам экономической деятельности в Российской Федерации. Кадровое обеспечение приоритетов развития Арктической зоны России является предметом исследования [11]. Соответствие структуры подготовки кадров с высшим образованием отраслевой структуре экономики России анализируется в работе [4]. Авторы, развивая теорию данной предметной области, предлагают подходы к решению вопросов в аспекте своих научных направлений, включающие в том числе и учет региональных особенностей. По общему мнению, необходимо периодически анализировать положение дел с подготовкой специалистов, актуализировать подходы к обоснованию соответствия структуры подготовки потребностям и приоритетам субъектов, осуществлять настройку механизма формирования контрольных цифр приема.

Происходит совершенствование законодательства в данной сфере. Нормативно-правовыми актами на федеральном уровне предусмотрено, что контрольные цифры приема, устанавливаемые образовательным организациям, должны формироваться с учетом потребности субъектов РФ, отраслей экономики и крупнейших работодателей в профессиональных кадрах на среднесрочную и долгосрочную перспективу [1]. Приказом Министерства труда и социальной защиты РФ утверждена соответствующая методика, содержащая описание общего подхода к обоснованию потребности в профессиональных кадрах [2].

Теория и методы

В качестве теоретической базы исследования выступили научные разработки отечественных авторов, учебные издания, эмпирические исследования. Авторами изучены положения нормативно-законодательных документов в области определения потребности субъектов РФ в профессиональных кадрах. Информационной базой исследования являются данные официальной статистики России. Применялись методы статистического анализа, сравнения, обобщения, интерпретации, графического представления данных. В статье применяются следующие обозначения отраслей, представленные в таблице 1.

Таблица 1

Соответствие обозначений и названий отраслей промышленности

Полное название	Краткое обозначение
Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство	Сельское хозяйство
Добыча полезных ископаемых	Добыча полезных ископаемых
Обрабатывающие производства	Обрабатывающие производства
Обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха	Электроэнергия, газ, пар
Водоснабжение; водоотведение, организация сбора и утилизация отходов, деятельность по ликвидации загрязнений	Водоснабжение
Строительство	Строительство
Торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов	Торговля
Транспортировка и хранение	Транспортировка
Деятельность в области информации и связи	Информация и связь
Деятельность по операциям с недвижимым имуществом	Недвижимость
Деятельность профессиональная, научная и техническая	Наука
Образование	Образование
Прочие виды деятельности	Прочие

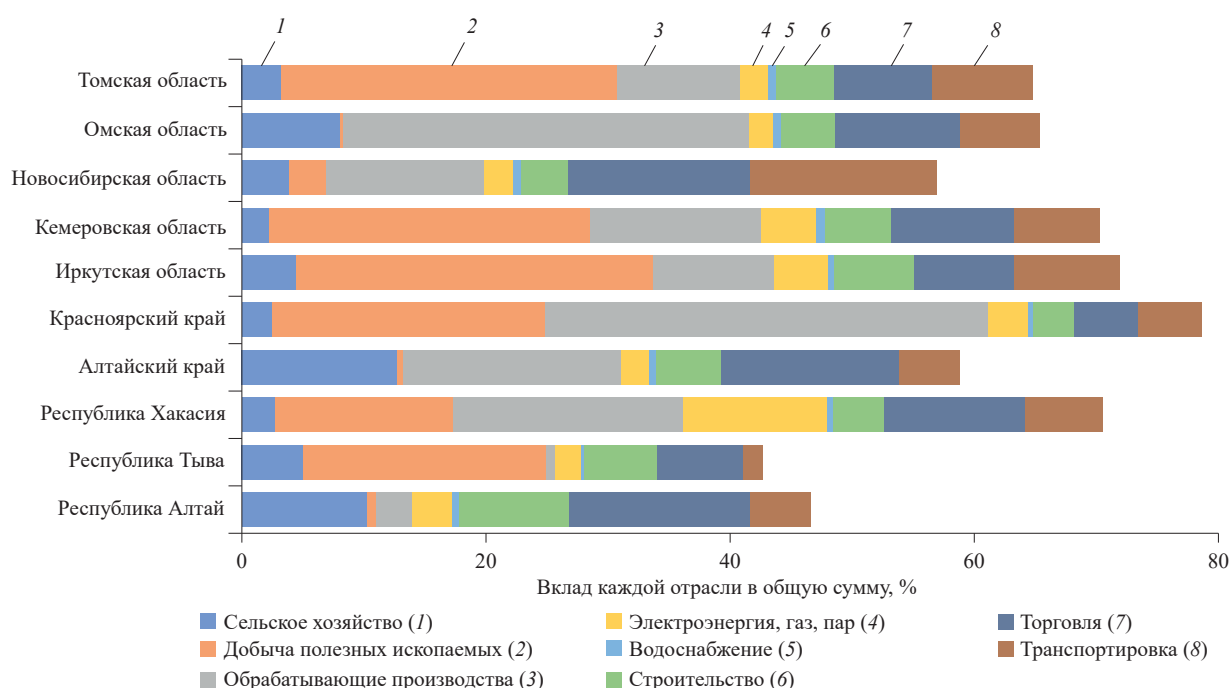
Составлено авторами по материалам исследования

Основные результаты

Специфика регионов с позиции потребности в кадровом обеспечении характеризуется основными экономическими показателями – структурой валового регионального продукта (далее – ВРП), занятостью населения по видам деятельности, потребностью работодателей в кадровом обеспечении. В развитие существующих подходов к анализу региональной специфики мы предлагаем учитывать специализацию отраслей как показатель их значимости в масштабах страны. Это позволит дополнить качественную характеристику субъектов РФ при формировании структуры подготовки специалистов в сфере высшего образования.

В нашей работе на примере Сибирского федерального округа (далее – СФО) исследована взаимосвязь основных параметров социально-экономического развития, влияющих на профиль подготовки специалистов в системе высшего образования. В состав СФО входят 10 субъектов РФ, существенно различающихся по социально-экономическим показателям. Наиболее значимыми видами деятельности в структуре ВРП в целом по СФО являются обрабатывающие производства и добыча полезных ископаемых, суммарная доля которых составляет 38,8 % [14].

Анализ соотношения базовых отраслей в структуре ВРП субъектов СФО наглядно показывает направленность развития экономики (рис. 1).

Источник: [14]

Рис. 1. Пропорции базовых отраслей в структуре ВРП субъектов СФО на 2019 г.

1. Специализация экономики субъектов.

Специализация экономики региона представляет собой концентрацию на его территории конкретных видов производств, продукция которых предназначена не только для внутреннего потребления, но и является объектом межрегионального торгового оборота, а также может экспортироваться в другие страны [9]. Для количественного определения уровня специализации регионов (уникальности его отраслевой структуры) использовался коэффициент локализации (сосредоточения) отрасли на территории региона (Кл), который рассчитывается как отношение удельного веса данной отрасли в структуре производства региона к удельному весу той же отрасли в стране [9; 12].

К отраслям специализации региона относятся виды экономической деятельности, значение коэффициента локализации для которых равно или превышает 1,0. Расчеты соответствующих параметров для отраслей субъектов СФО произведены по объему валовой добавленной стоимости (табл. 2).

Таблица 2

Коэффициенты локализации базовых отраслей субъектов СФО, 2019 г.

Субъект РФ	Сельское хозяйство	Добыча полезных ископаемых	Обрабатывающие производства	Электроэнергия, газ, пар	Водоснабжение	Строительство	Торговля	Транспортировка
Республика Алтай	2,5	0,1	0,2	1,1	1,0	1,7	1,0	0,7
Республика Тыва	1,2	1,5	0,0	0,8	0,3	1,1	0,5	0,2
Республика Хакасия	0,7	1,1	1,1	4,1	0,8	0,8	0,8	0,9

Субъект РФ	Сельское хозяйство	Добыча полезных ископаемых	Обрабатывающие производства	Электроника, газ, пар	Водоснабжение	Строительство	Торговля	Транспортировка
Алтайский край	3,1	0,0	1,1	0,8	1,0	1,0	1,0	0,7
Иркутская область	1,1	2,2	0,6	1,5	0,8	1,2	0,6	1,2
Кемеровская область — Кузбасс	0,5	1,9	0,8	1,6	1,3	1,0	0,7	1,0
Красноярский край	0,6	1,7	2,2	1,1	0,7	0,6	0,4	0,7
Новосибирская область	0,9	0,2	0,8	0,8	1,0	0,7	1,0	2,1
Омская область	2,0	0,0	2,0	0,7	1,0	0,8	0,7	0,9
Томская область	0,8	2,0	0,6	0,8	1,0	0,9	0,6	1,1

Составлено авторами по материалам исследования

Диапазон значений коэффициентов локализации составляет от 1,0 до 4,1 единицы. Внутри данного диапазона можно выделить отрасли с умеренной (значение коэффициента локализации от 1,0 до 1,5) и значительной (значение коэффициента локализации более 1,5) степенью специализации. Часть отраслей, значение коэффициентов локализации которых равны или близки к 1,0 (то есть удельный вес которых в ВРП субъекта РФ близок к аналогичному показателю в целом по России) обеспечивают жизнедеятельность субъектов (водоснабжение, водоотведение: обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование).

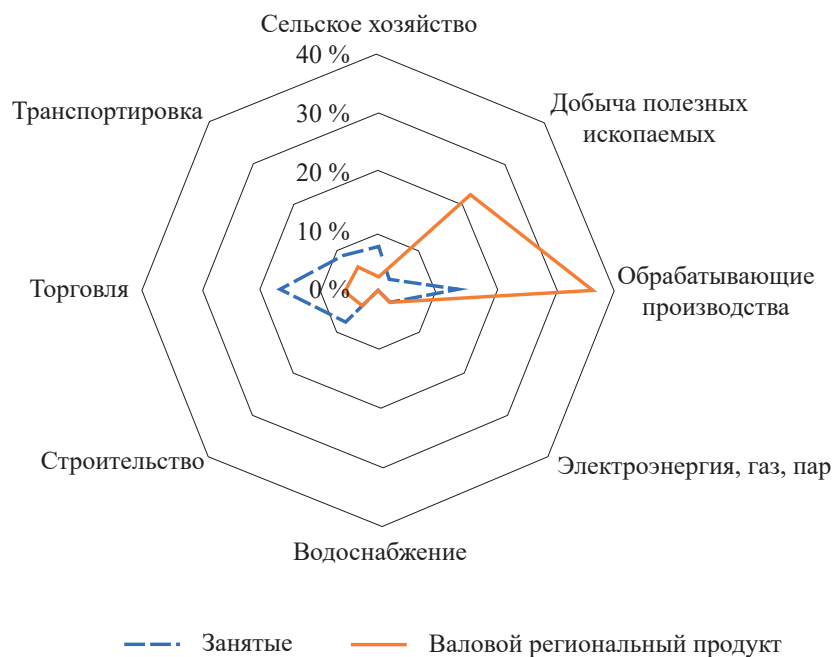
Наложение отраслевой структуры экономики субъектов СФО на матрицу локализации показало, что все доминирующие по удельному весу в ВРП (более 20 %) региона отрасли и большая часть значимых отраслей (доля в ВРП субъекта от 10 % до 20 %) относятся к отраслям специализации. В то же время в отдельных субъектах обрабатывающие производства, относящиеся к категории «значимых отраслей», не вошли в их состав (Кемеровская область – Кузбасс, Новосибирская область, Томская область). Характерно, что отраслями специализации зачастую являются и не ведущие отрасли хозяйства. Отмечаем, что локализация характерна для водоснабжения и водоотведения при незначительном удельном весе этого вида деятельности в структуре ВРП регионов (0,6–0,8 %).

В каждом субъекте СФО выявлен свой уникальный профиль отраслевой структуры с позиций оценки по двум параметрам – удельному весу в структуре ВРП региона и концентрации данного вида деятельности в масштабе страны.

2. Занятость населения по отраслям экономики.

Анализ занятости по отраслям экономики позволит уточнить социальную значимость отраслей специализации. Можно выделить три группы субъектов СФО по направленности отраслевого развития – с преобладанием доли сельского хозяйства, добычи полезных ископаемых, обрабатывающих производств. Сравнение отраслевой структуры (базовых отраслей) экономики на примере Красноярского края СФО и структуры занятости в них населения приведено на рисунке 2.

Как следует из рисунка 2, наиболее трудозатратными видами экономической деятельности являются сельское хозяйство (сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство) и торговля. Для них характерно существенное превышение удельного веса занятых по сравнению с долей отрасли в ВРП региона. По добыче полезных ископаемых и обрабатывающим производствам ситуация иная – вклад этих отраслей в ВРП может десятикратно превышать показатель занятости. По другим видам деятельности значения этих показателей близки.

Составлено авторами по материалам исследований

Рис. 2. Сопоставление отраслевой структуры экономики и структуры занятости Красноярского края на 2019 г.

3. Структура подготовки специалистов с высшим образованием.

Система высшего образования СФО представлена 70 самостоятельными образовательными организациями и 50 филиалами, в которых обучается порядка 12 % студентов страны. Анализ подготовки специалистов с высшим образованием в разрезе укрупненных групп специальностей и направлений (далее – УГСН) по данным о контингенте обучающихся за 2020 г. показал, что в структуре направлений подготовки субъектов СФО преобладают одинаковые позиции (табл. 2).

Таблица 3

Основные направления подготовки специалистов с высшим образованием, удельный вес, %

УГСН	Алтайский край	Иркутская область	Кемеровская область	Красноярский край	Новосибирская область	Омская область	Республика Алтай	Республика Тыва	Республика Хакасия	Томская область
08.00.00 Техника и технологии строительства	3,0	3,4	2,8	2,7	3,9	3,0	-	5,6	7,7	5,6
09.00.00 Информатика и вычислительная техника	4,6	4,2	3,5	6,7	6,7	3,8	3,0	0,7	6,9	7,9
13.00.00 Электро- и теплоэнергетика	2,8	4,5	3,7	1,8	2,2	3,4	-	2,9	8,7	3,8
15.00.00 Машиностроение	1,9	3,0	3,5	5,8	1,0	3,4	-	-	0,9	2,8
21.00.00 Прикладная геология, горное дело, нефтегазовое дело и геодезия	1,1	6,2	10,7	5,1	2,7	3,1	1,0	2,9	-	4,1
23.00.00 Техника и технологии наземного транспорта	2,0	8,4	5,0	5,0	4,4	11,3	-	6,2	2,5	1,6

Окончание табл. 3

УГСН	Алтайский край	Иркутская область	Кемеровская область	Красноярский край	Новосибирская область	Омская область	Республика Алтай	Республика Тыва	Республика Хакасия	Томская область
31.00.00 Клиническая медицина	10,2	4,9	6,5	6,1	5,0	4,8	-	-	5,4	8,1
35.00.00 Сельское, лесное и рыбное хозяйство	4,4	3,5	2,7	7,0	2,6	2,5	9,5	6,5	2,4	1,4
38.00.00 Экономика и управление	13,1	15,0	12,0	14,6	17,8	19,6	4,8	9,6	9,2	10,2
40.00.00 Юриспруденция	9,3	12,9	7,0	5,1	10,3	8,1	6,6	5,3	9,7	7,2
44.00.00 Образование и педагогические науки	18,5	8,5	12,2	10,5	11,0	11,4	44,1	38,1	30,9	10,6
Итого	70,9	74,5	69,6	70,4	67,6	74,4	69,0	77,8	84,3	63,3

Составлено авторами по материалам исследования

Основная часть контингента студентов вузов (порядка 70–85 %) в субъектах СФО проходит обучение на 11 направлениях подготовки. В том числе от 30 % до 55 % студентов обучаются по 3 направлениям (традиционно представленным последние десятилетия в высшем образовании): экономика и управление (от 9,2 % в Республике Хакасия до 19, 6 % в Омской области); юриспруденция (от 5,1 % в Красноярском крае до 12,9 % в Иркутской области); образование и педагогические науки (от 8,5 % в Иркутской области до 44,1 % в Республике Алтай).

При этом, сравнивая структуру фактической занятости по базовым отраслям со структурой подготовки (укрупненно, в разрезе УГСН), можно сделать вывод о неразвитости системы высшего образования, избыточной подготовке специалистов традиционных направлений, что означает несоответствие ее потребностям региона. Это видно по отраслям специализации субъектов СФО, в частности на примере добычи полезных ископаемых (табл. 3). Данная отрасль имеет значительную локализацию в шести субъектах СФО.

Таблица 4

Уровень занятости и подготовки специалистов по ВЭД «Добыча полезных ископаемых»

Показатели	Иркутская область	Кемеровская область	Красноярский край	Республика Тыва	Республика Хакасия	Томская область
Удельный вес в ВРП субъекта, %	29,3	26,3	22,4	19,9	14,6	27,5
Занятость населения, %	3,3	9,8	2,2	3,8	4,0	2,5
Занятость населения, чел.	36 077	114 907	30 383	3 854	8 721	12 415
Численность выпуска, чел.*	514	534	496	23	–	562
Доля в структуре выпуска*, %	4,3	6,1	3,8	2,5	–	5,3
Уровень потенциального кадрового замещения, %	1,4	0,5	1,6	0,6	–	4,5

*Данные за 2020 г.

Составлено авторами по материалам исследования

Сопоставляя данные о численности занятых в настоящее время в добыче полезных ископаемых и численности ежегодно выпускаемых вузами специалистов, прошедших обучение по данному направлению, можно оценить уровень потенциально возможного кадрового замещения (притока специалистов). Под «уровнем потенциального кадрового замещения» понимаем отношение потенциально возможного притока кадров (выпускников вузов) в отрасль к численности занятых в ней, в процентах.

Расчеты показывают разброс значений данного показателя в разрезе субъектов от 0,5 % (Кемеровская область) до 4,5 % (Томская область). В Республике Хакасия нет подготовки специалистов по этому виду деятельности. Учитывая, что в структуре занятых в среднем 5 % составляют категорию «60 лет и старше», очевидно, что сложившаяся структура подготовки специалистов в вузах не обеспечивает потребности регионов в обновлении кадров [13].

Заключение

Выполненная в статье оценка отраслевой специализации субъектов Российской Федерации, входящих в состав Сибирский федеральный округ, позволила выделить наиболее значимые отрасли как с позиций их вклада в валовой региональный продукт субъекта, так и по уровню локализации в масштабах страны. Сопоставление показателей занятости и подготовки специалистов с высшим образованием дает основание полагать, что специфика регионов недостаточно учитывается направлениями подготовки в вузах. В развитие исследования для более полной оценки состояния дел необходимо провести анализ потребности работодателей в специалистах с высшим образованием.

Библиографический список

1. Постановление Правительства Российской Федерации от 13 марта 2019 г. № 26 «Об утверждении правил установления организациям, осуществляющим образовательную деятельность, контрольных цифр приема по профессиям, специальностям и направлениям подготовки и (или) укрупненным группам профессий, специальностей и направлений подготовки для обучения по образовательным программам среднего профессионального и высшего образования за счет бюджетных ассигнований федерального бюджета и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации и их отдельных положений» (в ред. постановлений Правительства Российской Федерации от 15 мая 2019 г. № 601, от 28 января 2020 г. № 56, от 30 апреля 2020 г. № 636) // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_320302/ (дата обращения: 12.11.2021).
2. Приказ Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 31 марта 2021 г. № 191н «Об утверждении методики определения потребности субъектов Российской Федерации, отраслей экономики и крупнейших работодателей в профессиональных кадрах на среднесрочную и долгосрочную перспективу» // Справочно-правовая система КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=394405> (дата обращения: 10.11.2021).
3. Астафьева, Н. Г. Проектирование квалификационной структуры трудового потенциала. Региональные подходы и стратегии / Эффективные методы прогнозирования кадровых потребностей рынка труда для формирования регионального заказа на подготовку кадров: сб. докл. / Предисл. А. Н. Лейбовича. – М.: Федеральный институт развития образования, 2016. – С. 69–76.
4. Блинова, Т. Н., Федотова, А. В., Коваленко, А. А., Полушкина, Е. А. Соответствие структуры подготовки кадров с высшим образованием отраслевой структуре экономики России: монография. – Москва: Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2021. – 360 с.
5. Булочников, П. А., Лавров, В. В. Повышение конкурентоспособности регионов как основа эффективного социально-экономического развития // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – 2019. – № 5–1 (119). – С. 99–105.
6. Васильева, З. А., Филимоненко, И. В. Проблемы моделирования кадровой потребности экономики региона: методологические, методические, информационно-аналитические // Эффективные методы прогнозирования кадровых потребностей рынка труда для формирования регионального заказа на подготовку кадров: сб. докл. / Предисл. А. Н. Лейбовича. – М.: Федеральный институт развития образования, 2016. – С. 30–39.
7. Гуртов, В. А., Питухин, Е. А. Прогнозирование потребностей экономики в квалифицированных кадрах: обзор подходов и практик применения // Университетское управление: практика и анализ. – 2017. – Т. 21, № 4 (110). – С. 130–161.

8. Жаров, В. С., Щеглова, А. Н. Методика прогнозирования спроса на специалистов в системе высшего профессионального образования региона // *Экономический анализ: теория и практика*. – 2014. – № 12 (363). – С. 47–56.
9. Куценко, Е., Ефери́н, Я. «Водовороты» и «тихие гавани» в динамике отраслевой специализации регионов России // *Форсайт*. – 2019. – Т. 13, № 3. – С. 24–40.
10. Мхитарян, В. С., Сарычева, Т. В. Исследование структуры занятости по видам экономической деятельности в Российской Федерации // *Вестник Бурятского государственного университета. Экономика и менеджмент*. – 2019. – № 2. – С. 31–50.
11. Сигова, С. В., Степущ, И. С. Кадровое обеспечение приоритетов развития Арктической зоны России – вклад системы высшего образования // *Университетское управление: практика и анализ*. – 2015. – № 5 (99). – С. 19–29.
12. Угрюмова, А. А., Ерохина, Е. В. Савельева, М. В. Региональная экономика и управление: учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры. – 2-е изд. – М.: Юрайт, 2018. – 477 с.
13. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2020 // Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 20.11.2021).
14. Росстат. Национальные счета. Валовой региональный продукт // Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/accounts> (дата обращения: 20.11.2021).
15. Стенограмма совместного заседания президиума Госсовета и Совета по науке и образованию 6 февраля 2020 года // Президент России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/62744> (дата обращения: 15.11.2021).
16. Krugman, P. *Geography and trade*. – Cambridge, MA: MIT Press, 1991. – 142 p.

References

1. Decree of the Government of the Russian Federation dated on March 13, 2019 No. 26 “On the approval of the rules for establishing for organisations carrying out educational activities, admission quotas for professions, specialties and areas of training and (or) enlarged groups of professions, specialties and areas of training for training in educational programs of secondary vocational and higher education at the expense of budgetary allocations from the federal budget and the recognition as invalid of some acts of the government of the Russian Federation and their individual provisions” (as amended by Decrees of the Government of the Russian Federation dated on May 15, 2019 No. 601, date on January 28, 2020 No. 56, dated on April 30, 2020 No. 636), *Legal reference system “ConsultantPlus”*. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_320302/ (accessed 12.11.2021).
2. Order of the Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation dated on March 31, 2021 No. 191n “On the approval of the methodology for determining the needs of the constituent entities of the Russian Federation, sectors of the economy and the largest employers in professional personnel for the medium and long term”, *Legal reference system KonturNormativ*. Available at: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=394405> (accessed 10.11.2021).
3. Astafyeva N. G. Designing the qualification structure of labor potential. Regional Approaches and strategies, *Effective Methods for Forecasting the Personnel Needs of the Labor Market for the Formation of a Regional Order for Personnel Training: Collection of Reports*, Preface A. N. Leibovich, Moscow, Federal Institute for Education Development, 2016, pp. 69–76. (In Russian).
4. Blinova T. N., Fedotova A. V., Kovalenko A. A., Polushkina E. A. *Correspondence of the structure of personnel training with higher education to the sectoral structure of the Russian economy: monograph*, Moscow, Publ. house “Delo” RANEPa, 2021, 360 p. (In Russian).
5. Bulochnikov P. A., Lavrov V. V. Improving the competitiveness of regions as a basis for effective socio-economic development, *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta*, 2019, no. 5–1 (119), pp. 99–105. (In Russian).
6. Vasilyeva Z. A., Filimonenko I. V. Problems of modeling the personnel needs of the regional economy: methodological, methodological, information and analytical, *Effective Methods of Forecasting the Personnel Needs of the Labor Market for the Formation of a Regional Order for Training: Collection of Reports*, Preface A.N. Leibovich, Moscow, Federal Institute for Education Development, 2016, pp. 30–39. (In Russian).
7. Gurtov V. A., Pitukhin E. A. Prognostication of the demands of economics in qualified personnel: review of approaches and application experience, *University management: practice and analysis*, 2017, vol. 21, no. 4 (110), pp. 130–161. (In Russian).
8. Zharov V. S., Shcheglova A. N. The methods to forecast a demand for specialists in the higher professional education system of a region, *Economic analysis: theory and practice*, 2014, no. 12 (363), pp. 47–56. (In Russian).
9. Kutsenko E., Eferin Ya. “Whirlpools” and “quiet harbors” in the dynamics of industrial specialization in Russian regions, *Fore-sight Russia*, 2019, vol. 13, no. 3, pp. 24–40. (In Russian).
10. Mkhitarян V. S., Sarycheva T. V. A study of the employment composition by types of economic activity in the Russian Federation, *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika i menedzhment*, 2019, no. 2, pp. 31–50. (In Russian).

11. Sigova S. V., Stepus I. S. Staffing for the development priorities of the Arctic zone of Russia - the contribution of the higher education system, *University management: practice and analysis*, 2015, no. 5 (99), pp. 19–29. (In Russian).
12. Ugryumova A. A., Erokhina E. V., Savelyeva M. V. *Regional economics and management: textbook and workshop for undergraduate and graduate programs*, 2nd ed., Moscow, Yurait, 2018, 477 p. (In Russian).
13. Regions of Russia. Socio-Economic Indicators. 2020, *Federal State Statistics Service*. Available at: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (accessed 20.11.2021).
14. Rosstat. National Accounts. Gross Regional Product, *Federal State Statistics Service*. Available at: <https://rosstat.gov.ru/accounts> (accessed 20.11.2021).
15. Transcript of the Joint Meeting of the Presidium of the State Council and the Council for Science and Education on February 6, 2020, *The President of Russia*. Available at: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/62744> (accessed 15.11.2021).
16. Krugman P. *Geography and trade*, Cambridge, MA, MIT Press, 1991, 142 p.

УДК 336.02 JEL H26, H30, O17

DOI 10.26425/1816-4277-2022-1-109-116

Яковлева Августина Сергеевна
ассистент, ФГБОУ ВО «Чувашский
государственный университет
им. И.Н. Ульянова», г. Чебоксары,
Российская Федерация
ORCID: 0000-0003-4879-0091
e-mail: avgserg@yandex.ru

Любовцева Елена Геннадьевна
канд. экон. наук, ФГБОУ ВО
«Чувашский государственный универ-
ситет им. И.Н. Ульянова», г. Чебоксары,
Российская Федерация
ORCID: 0000-0003-2408-1442
e-mail: lyubovceva_elena@mail.ru

Avgustina S. Yakovleva
Assistant, Chuvash State University
named after I.N. Ulyanov,
Cheboksary, Russia
ORCID: 0000-0003-4879-0091
e-mail: avgserg@yandex.ru

Elena G. Lyubovtseva
Cand. Sci. (Econ.), Chuvash State
University named after I.N. Ulyanov,
Cheboksary, Russia
ORCID: 0000-0003-2408-1442
e-mail: lyubovceva_elena@mail.ru

ВЛИЯНИЕ НАЛОГОВОЙ ПОЛИТИКИ НА ТЕНЕВУЮ ЭКОНОМИКУ

Аннотация. В статье изучается связь между налоговой политикой и теневой экономикой. В качестве показателя налоговой политики выбрана налоговая нагрузка, теневая экономика оценивается по методике Росстата. При сопоставлении налоговой нагрузки в целом по стране и объемов теневой экономики отмечено снижение показателей теневой экономики при относительно высокой налоговой нагрузке. При сравнении теневой экономики и налоговой нагрузки по видам экономической деятельности обнаружена незначимая связь между изучаемыми показателями, однако по некоторым отраслям экономики отмечена обратная связь. Введение налога на профессиональный доход привело к увеличению числа самозанятых. Однако доля самозанятых в численности занятых в неформальном секторе по Приволжскому федеральному округу показала высокую неоднородность по регионам. Сделан вывод о влиянии на теневую экономику множества факторов, вследствие чего применение только инструментов фискальной политики для сокращения теневого сектора видится недостаточным.

Ключевые слова: налоговая политика, теневая экономика, теневые операции юридических лиц, неформальный сектор, операции неформального сектора, налоговая нагрузка, самозанятые работники

Для цитирования: Яковлева А.С., Любовцева Е.Г. Влияние налоговой политики на теневую экономику // Вестник университета. 2022. № 1. С. 109–116.

TAX POLICY IMPACT ON SHADOW ECONOMY

Abstract. The article examines the relationship between tax policy and the shadow economy. The tax burden was chosen as a tax policy indicator; the shadow economy is assessed using the Rosstat methodology. When comparing the tax burden in the country as a whole and the shadow economy volumes, a decrease in the shadow economy indicators was noted with a relatively high tax burden. When comparing the shadow economy and the tax burden by economic activity types, an insignificant relationship between the studied indicators was revealed, however, in some sectors of the economy, a feedback was noted. The introduction of a tax on professional income has led to an increase in the number of self-employed. However, the share of the self-employed in the number of those employed in the informal sector in the Volga Federal District showed a high heterogeneity across regions. The conclusion was drawn about the influence of many factors on the shadow economy, as a result of which the use of only fiscal policy instruments to reduce the shadow sector seems insufficient.

Keywords: tax policy, shadow economy, legal entities' shadow transactions, informal sector, informal sector operations, tax burden, self-employed workers

For citation: Yakovleva A.S., Lyubovtseva E.G. (2022) Tax policy impact on shadow economy. *Vestnik universiteta*, no. 1, pp. 109–116. DOI: 10.26425/1816-4277-2022-1-109-116

Введение

Теневая экономика оказывает в большей части негативное влияние на экономическую систему в целом. Скрытая, неформальная и нелегальная экономические деятельности приводят к получению доходов узким кругом лиц без их участия в формировании доходов бюджетов бюджетной системы. Вследствие этого участники теневой деятельности пользуются общественными благами безвозмездно. Нелегальная деятельность нарушает экономическую безопасность страны.

Поэтому для контроля масштабов теневой экономики необходимо выявить факторы, оказывающие влияние на ее объемы. Одним из таких факторов выступает налоговая политика. «Налоговая политика

© Яковлева А.С., Любовцева Е.Г., 2022.

Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

© Yakovleva A.S., Lyubovtseva E.G., 2022.

This is an open access article under the CC BY 4.0 license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

призвана: обеспечивать формирование финансовых ресурсов, необходимых государству для выполнения взятых на себя функций; оказывать регулирующее воздействие на процессы социально-экономического развития страны» [3, с. 29].

Цель статьи – выявление связи между налоговой политикой и теневой экономикой. Для этого проанализировано влияние налоговой нагрузки на теневую экономику России в целом и по отраслям народного хозяйства, рассмотрены результаты внедрения налога на профессиональный доход и его влияние на масштабы теневой экономики.

Литературный обзор

Большинство экономистов считает, что высокая налоговая нагрузка способствует росту теневой экономики [5–7]. Ф. Шнайдер и Д. Энст полагают, что низкие налоговые ставки, меньшее количество нормативных документов, требующих соблюдения, развитые институты способствуют формированию теневой экономики в значительно меньших масштабах [15]. Однако есть и прямо противоположные исследования. Так, Д. Ю. Федотов провел корреляционный анализ между объемами теневой экономики и показателями налоговой системы 120 стран на основе данных Всемирного банка и выявил, что между теневой экономикой и налоговой нагрузкой наблюдается обратная зависимость [8, с. 13]. В. Г. Пансков предполагает, что величина налоговой нагрузки занижается в странах с высоким уровнем теневизации экономики вследствие недоплат налогов от теневого сектора [6, с. 83].

Сторонники снижения налоговой нагрузки в целях уменьшения теневой экономики допускают, что данное мероприятие сподвигнет предпринимателей выйти из теневой экономики, но «вовсе не вынуждает их к этому». С другой стороны, наличие чрезмерной налоговой нагрузки, значительного количества нормативных документов способствует развитию коррупции, нелегальной деятельности чиновников, налоговых и правоохранительных органов, из-за чего все государственные меры по снижению теневого сектора являются бессмысленными [4, с. 36].

В «Основных направлениях бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2022 г. и на плановый период 2023 и 2024 годов» предусмотрены следующие мероприятия по сокращению теневого сектора:

- «развитие национальной системы прослеживаемости товаров, обеспечивающей контроль за оборотом товаров на всех этапах от ввоза до реализации в рознице;
- формирование правовых основ для внедрения таможенного мониторинга;
- запуск нового налогового режима упрощенной система налогообложения (УСН);
- онлайн для микропредприятий с численностью сотрудников до 5 человек;
- введение института «единого налогового платежа»;
- повышение качества администрирования акцизов на табак» [2].

Основные результаты

Проанализируем, существует ли связь между налоговой нагрузкой и теневой экономикой (табл. 1).

Таблица 1

**Динамика налоговой нагрузки и объемов теневой экономики России в 2002–2019 гг.,
% к валовому внутреннему продукту в рыночных ценах**

Год	Теневые операции юридических лиц	Операции неформального сектора экономики и производ- ство домашних хозяйств для собственного конечного использования	Экономические опера- ции, не наблюдаемые прямыми статистиче- скими методами	Налоговая нагрузка
2002	13,0	11,7	24,7	30,0
2003	13,7	9,9	23,7	28,7
2004	7,5	9,7	17,2	29,9
2005	7,5	9,6	17,1	30,0

Год	Теневые операции юридических лиц	Операции неформального сектора экономики и производство домашних хозяйств для собственного конечного использования	Экономические операции, не наблюдаемые прямыми статистическими методами	Налоговая нагрузка
2006	7,4	9,4	16,8	28,9
2007	7,4	8,9	16,4	30,8
2008	6,0	8,0	14,1	28,2
2009	6,6	9,4	16,0	25,5
2010	5,6	5,5	11,1	25,7
2011	6,6	4,7	11,3	27,2
2012	6,1	4,5	10,6	28,0
2013	4,4	9,6	14,0	25,1
2014	4,4	9,2	13,6	25,4
2015	4,2	8,8	13,0	26,7
2016	4,4	8,7	13,1	27,4
2017	4,3	8,3	12,6	29,4
2018	4,0	7,6	11,7	30,9
2019	3,9	7,6	11,6	31,6

Источники: [11; 13]

В качестве измерителя теневой экономики будем использовать экономические операции, не наблюдаемые прямыми статистическими методами, оцениваемые Росстатом в ходе уточнения объемов валового внутреннего продукта (далее – ВВП). Они включают в себя теневые операции юридических лиц и операции неформального сектора экономики и производство домашних хозяйств для собственного конечного использования. К теневым операциям юридических лиц относится осуществление законных видов деятельности, но скрытых «от органов государственной власти в целях уклонения от уплаты налогов или следования законодательным нормам». Производство неформального сектора – это производственная деятельность относительно небольших предприятий сектора домашних хозяйств, которая в силу недостаточного количества занятых официально не зарегистрирована и имеет «какое-либо рыночное производство» [11, с. 89]. Нелегальная экономическая деятельность не оценивается при подсчете валового внутреннего продукта.

Налоговая нагрузка будет определена как процентное отношение налоговых доходов консолидированного бюджета Российской Федерации к валовому внутреннему продукту в рыночных ценах.

Налоговые доходы бюджета имеют прямую линейную связь с ВВП, коэффициент корреляции по данным с 2002 г. по 2019 г. составляет 0,99. Что свидетельствует о росте налоговых поступлений в периоды роста деловой активности и уменьшении при спаде экономики. В целом налоговые поступления меняются более плавно, чем ВВП, что может повлиять на колебания налоговой нагрузки.

В течение изучаемого периода налоговая нагрузка составляет в среднем 28,3 %. В 2002–2008 гг. налоговая нагрузка колебалась от 28,2 до 30,8 %. В 2009–2010 гг. и 2013–2014 гг. наблюдаются наименьшие значения налоговой нагрузки от 25,1 до 25,7 %. С 2015 г. по 2019 г. фиксируется рост налоговой нагрузки.

Объемы теневой экономики, в отличие от налоговой нагрузки, практически с каждым годом снижаются. Причем теневые операции юридических лиц за 2002–2019 гг. сократились на 9,1 п. п., операции неформального сектора экономики и производство домашних хозяйств для собственного конечного использования – на 4,1 п. п., теневая экономика – на 13,1 п. п.

Значительное снижение теневых операций юридических лиц могло быть связано либо с более эффективной работой налоговых и правоохранительных органов, либо усовершенствованием применяемых методик для сокрытия теневой деятельности. При сохранении высокой налоговой нагрузки наблюдается снижение масштабов теневых операций, регистрируемых Росстатом.

**Налоговая нагрузка и объемы теневой экономики по видам
экономической деятельности за 2019 г.**

Вид экономической деятельности	Удельный вес теневых опе- раций юриди- ческих лиц, % к ВДС от- расли	Удельный вес операций неформального сектора экономики и производ- ства домашних хозяйств для собственного конеч- ного использования, % к ВДС отрасли	Удельный вес экономиче- ских операций, не наблюдае- мых прямыми статистически- ми методами, % к ВДС отрасли	Налоговая нагрузка, %
<i>Отрасли с низким уровнем теневой экономики</i>				
Обеспечение электрической энерги- ей, газом и паром; кондиционирова- ние воздуха	0,0	0,0	0,0	7,1
Добыча полезных ископаемых	0,6	0,0	0,6	41,4
Водоснабжение, водоотведение, ор- ганизация сбора и утилизации отхо- дов, деятельность и ликвидация за- грязнений	0,6	0,2	0,8	9,9
Деятельность в области информа- ции и связи	1,7	0,0	1,7	17,2
Транспортировка и хранение	3,0	1,3	4,2	6,4
Обрабатывающие производства	4,5	0,3	4,8	7,6
<i>Отрасли с высоким уровнем теневой экономики</i>				
Торговля оптовая и розничная; ре- монт автотранспортных средств и мо- тоциклов	9,4	0,8	10,2	2,8
Деятельность административная и со- путствующие дополнительные услуги	13,4	0,7	14,1	17,9
Деятельность гостиниц и предприя- тий общественного питания	15,8	0,2	15,9	10,5
Строительство	9,3	7,0	16,4	11,9
Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство, рыбоводство	1,9	31,8	33,7	4,5
Деятельность по операциям с недви- жимым имуществом	8,7	60,1	68,8	25,0

Источник: [1; 11]

Проанализируем изменение налоговой нагрузки и теневой экономики по видам экономической деятельности (табл. 2). К отраслям с низким уровнем теневой экономики отнесем те виды экономической деятельности, уровень теневизации которых не превышает 5 % валовой добавленной стоимости данной отрасли. К отраслям с высоким уровнем теневой экономики включим все остальные виды экономической деятельности. Налоговая нагрузка по видам экономической деятельности определена как результат деления собранных усилиями Федеральной налоговой службы налогов и сборов на оборот организаций.

Налоговая нагрузка по видам экономической деятельности достаточно неоднородна. Сильная дифференциация видов экономической деятельности по налоговой нагрузке увеличивает зависимость бюджета от конкретных отраслей народного хозяйства. Среди отраслей с низким уровнем теневой экономики присутствуют виды деятельности с высокой налоговой нагрузкой, среди отраслей с высоким уровнем теневой экономики

есть отрасли с низкой налоговой нагрузкой, также есть виды деятельности, сочетающие в себе значительный уровень теневой экономики и налоговой нагрузки и наоборот. Коэффициенты корреляции налоговой нагрузки с показателями теневой экономики по видам экономической деятельности имеют следующие значения: с теневыми операциями юридических лиц – $-0,08$; с операциями неформального сектора экономики – $0,17$; с экономическими операциями, не наблюдаемыми прямыми статистическими методами – $0,14$. Однако полученные значения оказались незначимыми по критерию Стьюдента. Это объяснимо тем, что налоговая политика является не единственным фактором, оказывающим влияние на масштабы теневого сектора. Сформировавшиеся политические и экономические институты определяют, какой траекторией будет происходить развитие страны, создают разные стимулы для субъектов экономики. И не всегда курс, выбранный высшими элитами, ведет к процветанию всего общества.

В отраслях с низким уровнем теневой экономики существуют большие барьеры для входа на рынок в виде первоначальных затрат на приобретение факторов производства, вследствие чего здесь имеют место низкие объемы экономических операций, не наблюдаемых прямыми статистическими методами. В добыче полезных ископаемых наблюдается обратная связь между уровнем теневизации и налоговой нагрузкой, максимальная налоговая нагрузка $41,4\%$ сочетается с низким уровнем теневой экономики в размере $0,6\%$. Факт присутствия теневой деятельности в данной отрасли можно объяснить тем, что чрезмерное налоговое давление стимулирует искать пути для оптимизации налоговых платежей. По данным формы 1-НОМ Федеральной налоговой службы России, в структуре уплачиваемых налогов, сборов и страховых взносов по рассматриваемому виду экономической деятельности в 2019 г. преобладают налоги и сборы за пользование природными ресурсами и составляют 77% [12]. В остальных видах деятельности, характеризующихся низким уровнем теневой экономики, доминируют в основном налог на добавленную стоимость, налог на прибыль организаций и страховые взносы. В обрабатывающих производствах, помимо перечисленных налогов, высока роль акцизов. Страховые взносы во всех видах экономической деятельности, за исключением добычи полезных ископаемых, составляют от 19 до 54% фискальных платежей.

В отраслях с высоким уровнем теневой экономики структура уплачиваемых налогов, сборов и страховых взносов имеет отличия. Здесь преобладают НДС, налог на доходы физических лиц, страховые взносы, но есть отрасли, где также высока роль налога на прибыль организаций. К тому же в отраслях с высоким уровнем теневой экономики в 2019 г. было сосредоточено почти 43% занятых. Проблема высоких налогов на труд поднимается и на высших уровнях управления, однако, она до сих пор не нашла разрешения.

Низкая налоговая нагрузка в сельскохозяйственной и торговой отраслях привлекает не только добросовестных экономических субъектов, но и субъектов теневой экономики, которые наблюдая низкие барьеры для входа на рынок, стремятся организовать свою деятельность и заработать прибыль, применяя незаконные способы уклонения от уплаты налогов и экономия на НДС и страховых взносах.

Самый высокий уровень теневой экономики в размере $68,8\%$ зафиксирован в деятельности по операциям с недвижимым имуществом несмотря на то, что по налоговой нагрузке данный вид деятельности занимает второе место после добычи полезных ископаемых. Эта отрасль опровергает предположение о том, что высокая налоговая нагрузка в отрасли сопровождается меньшим объемом теневой экономики.

Разрастание теневой экономики в этой отрасли связано с большими затратами на контроль операций сдачи имущества в аренду со стороны налоговых органов. Хотя в последнее время формирующее гражданское поведение со стороны соседей, управляющих компаний приводит к выявлению случаев сдачи имущества в аренду. Кроме того, создание института самозанятых позволяет арендодателям платить налог с полученного дохода в размере 4% вместо 13% и стимулирует выйти из теневого сектора.

Несмотря на льготную ставку, отсутствие отчетов и деклараций, простую регистрацию и другие упрощения по налогу на профессиональный доход доля самозанятых в численности занятых в неформальном секторе по регионам Приволжского федерального округа достаточно неравномерна (табл. 3). Наиболее выдающиеся результаты достигнуты в Республике Татарстан, где доля самозанятых в численности занятых в неформальном секторе составила $25,7\%$.

**Динамика численности самозанятых и занятых в неформальном секторе
в Приволжском федеральном округе в 2020 г.**

Регионы	Численность самозанятых на 31.12.2020		Численность занятых в неформальном секторе за 2020 г.		Доля самозанятых в численности занятых в неформальном секторе, %
	всего, человек	удельный вес, %	всего, человек	удельный вес, %	
Республика Башкортостан	31 824	11,3	432 001	14,4	7,4
Республика Марий Эл	2 024	0,7	63 255	2,1	3,2
Республика Мордовия	2 413	0,9	70 044	2,3	3,4
Республика Татарстан	102 624	36,5	399 153	13,3	25,7
Удмуртская Республика	8 099	2,9	138 932	4,6	5,8
Чувашская Республика	6 324	2,3	157 749	5,2	4,0
Кировская область	5 175	1,8	152 028	5,1	3,4
Нижегородская область	29 483	10,5	311 115	10,3	9,5
Оренбургская область	8 367	3,0	225 407	7,5	3,7
Пензенская область	4 995	1,8	161 570	5,4	3,1
Пермский край	23 734	8,5	197 211	6,6	12,0
Самарская область	39 998	14,2	279 457	9,3	14,3
Саратовская область	10 078	3,6	325 189	10,8	3,1
Ульяновская область	5 734	2,0	94 528	3,1	6,1
Приволжский федеральный округ	280 872	100,0	3 007 638	100,0	9,3

Источники: [9; 14]

В состав занятых в неформальном секторе включаются «граждане, занимающиеся предпринимательской деятельностью без образования юридического лица или на индивидуальной основе, независимо от того, имеют ли они или не имеют государственную регистрацию в качестве предпринимателя; лица, занятые оказанием платных услуг по дому (горничные, сторожа, водители, гувернантки, няни, домашние повара, домашние секретари и т. п.), независимо от того, рассматриваются ли они как наемные работники или как самостоятельно занятые; лица, работающие по найму у физических лиц, индивидуальных предпринимателей и т. д.» [10]. Хотя Росстат не относит занятых в неформальном секторе к теневой экономике, но в деятельности предприятий неформального сектора может присутствовать и теневая составляющая. Наличие занятых в неформальном секторе свидетельствует о том, что население в силу недостаточности знаний, умений и навыков или отсутствия в достаточном количестве рабочих мест не может реализовать себя в формальном секторе.

Если удельный вес занятых в неформальном секторе по регионам колеблется от 2,1 % до 14,4 %, то удельный вес самозанятых – от 0,7 % до 36,5 %. Это свидетельствует о том, что население в регионах в разной степени готово выйти из теневого сектора.

Заключение

Исходя из проведенного анализа можем констатировать, что для снижения размеров теневой экономики нужно найти оптимальный уровень налоговой нагрузки для каждой отрасли народного хозяйства. Потому что связь между налоговой политикой и теневой экономикой существует, но в силу большего влияния прочих факторов направление влияния может отличаться. Поэтому борьба с теневой экономикой должна быть комплексной, включающей и воспитание более ответственного гражданского поведения, гибкость населения в части использования налогового законодательства, сервисов налогоплательщика, более тщательные проверки со стороны налоговых органов, влекущие значительные санкции для налогоплательщиков

за нарушения налогового законодательства, государственную политику по созданию новых рабочих мест и подготовке кадров согласно спросу на них. Должно быть сформировано коллективное сознание о необходимости уплаты налогов и контроля расходования собранных средств.

Библиографический список

1. Приказ ФНС России от 30.05.2007 № ММ-3-06/333 (ред. от 10.05.2012) «Об утверждении Концепции системы планирования выездных налоговых проверок» // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_55729/ (дата обращения: 03.11.2021).
2. Основные направления бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2022 год и на плановый период 2023 и 2024 годов // Министерство финансов Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://minfin.gov.ru/common/upload/library/2021/09/main/ONBNiTPP_2022-2024.pdf (дата обращения: 03.11.2021).
3. Алиев, Б. Х., Эльдарушева, М. Д. Налоговая политика государства: сущность, механизм реализации и перспективы // Финансы и кредит. – 2014. – № 40 (616). – С. 27–36.
4. Арипов, М. Г. Налоговые механизмы снижения уровня теневой экономики и стимулирования инвестиционной деятельности // Финансы и кредит. – 2012. – № 42 (522). – С. 35–41.
5. Мазур, Л. В., Батяев, А. В. Налоговая нагрузка и теневая экономика // Территория науки. – 2018. – № 5. – С. 98–102.
6. Пансков, В. Г. Теневая экономика и налогообложение // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. – 2017. – № 5. – С. 77–91.
7. Трусова, Н. С. Мировой опыт выявления и противодействия уклонению от уплаты налогов // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. – 2017. – Т. 7, № 4 (25). – С. 194–202.
8. Федотов, Д. Ю. Влияние налоговой системы на теневую экономику // Финансы и кредит. – 2015. – № 41 (665). – С. 10–21.
9. Итоги выборочного обследования рабочей силы // Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13265> (дата обращения: 03.11.2021).
10. Методологические положения по измерению занятости в неформальном секторе экономики // Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.gks.ru/bgd/free/b99_10/isswww.exe/stg/d030/i030150r.htm (дата обращения: 03.11.2021).
11. Национальные счета России в 2013–2020 годах: Стат. сб. – М.: Росстат, 2021. – 429 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Nac-sch_2013-2020.pdf (дата обращения: 03.11.2021).
12. Отчет по форме 1-НОМ по состоянию на 01.01.2020 // Федеральная налоговая служба [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.nalog.gov.ru/rn21/related_activities/statistics_and_analytics/forms/8826515/ (дата обращения: 03.11.2021).
13. Российский статистический ежегодник // Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/12994> (дата обращения: 03.11.2021).
14. Статистика для национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» // Федеральная налоговая служба [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tmssp.nalog.ru/statistics2.html> (дата обращения: 03.11.2021).
15. Шнайдер, Ф., Энст, Д. Скрываясь в тени. Рост подпольной экономики // Международный валютный фонд [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/issues/issues30/rus/issue30r.pdf> (дата обращения: 03.11.2021).

References

1. Order of the Federal Tax Service of Russia dated on May 30, 2007 No. ММ-3-06/333 (as amended of May 10, 2012) “On Approval of the Concept of the Planning System for Field Tax Audits”, *Legal reference system “ConsultantPlus”*. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_55729/ (accessed 03.11.2021).
2. The main directions of budgetary, tax and customs tariff policy for 2022 and for the planning period of 2023 and 2024, *Ministry of Finance of the Russian Federation*. Available at: https://minfin.gov.ru/common/upload/library/2021/09/main/ONBNiTPP_2022-2024.pdf (accessed 03.11.2021).
3. Aliev B. Kh., Eldarusheva M. D. Government tax policy: the essence, implementation mechanism and prospects, *Finance and credit*, 2014, no. 40 (616), pp. 27–36. (In Russian).
4. Aripov M. G. Tax mechanisms of level reduction of shadow economy and stimulation of investment activity, *Finance and credit*, 2012, no. 42 (522), pp. 35–41. (In Russian).
5. Mazur L. V., Batyaev A. V. Tax burden and shadow economy, *Territoriya nauki*, 2018, no. 5, pp. 98–102. (In Russian).

6. Panskov V. G. Shadow economy and taxation, *ETAP: economic theory, analysis, practice*, 2017, no. 5, pp. 77–91. (In Russian).
7. Trusova N. S. World experience of identification and counteraction by the damage from the payment of taxes, *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Ekonomika, sotsiologiya, menedzhment*, 2017, vol. 7, no. 4 (25), pp. 194–202. (In Russian).
8. Fedotov D. Yu. The impact of the tax system on shadow economy, *Finance and credit*, 2015, no. 41 (665), pp. 10–21. (In Russian).
9. The results of a sample survey of the labor force, *Federal State Statistics Service*. Available at: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13265> (accessed 03.11.2021).
10. Methodological provisions for measuring employment in the informal sector of the economy, *Federal State Statistics Service*. Available at: https://www.gks.ru/bgd/free/b99_10/isswww.exe/stg/d030/i030150r.htm (accessed 03.11.2021).
11. *National Accounts of Russia in 2013–2020: Statistical Collection*, Moscow, Rosstat 2021, 429 p. Available at: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Nac-sch_2013-2020.pdf (accessed 03.11.2021).
12. Report in the Form 1-NOM as of January 1, 2020, *Federal Tax Service of Russia*. Available at: https://www.nalog.gov.ru/rn21/related_activities/statistics_and_analytics/forms/8826515/ (accessed 03.11.2021).
13. Russian Statistical Yearbook, *Federal State Statistics Service*. Available at: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/12994> (accessed 03.11.2021).
14. Statistics for the National Project “Small and Medium Business and Support for Individual Entrepreneurial Initiative”, *Federal Tax Service of Russia*. Available at: <https://rmsp.nalog.ru/statistics2.html> (accessed 03.11.2021).
15. Schneider F., Enst D. Hiding in the shadows. The growth of the underground economy, *International Monetary Fund*. Available at: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/issues/issues30/rus/issue30r.pdf> (accessed 03.11.2021).

ОЦЕНКА ИНВЕСТИЦИЙ

УДК 330.322.01 JEL G24, O32

Овчаров Антон Олегович

д-р экон. наук, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского», г. Нижний Новгород, ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия», г. Москва, Российская Федерация

ORCID: 0000-0003-4921-7780

e-mail: anton19742006@yandex.ru

Овчарова Татьяна Николаевна

канд. филос. наук, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского», г. Нижний Новгород, Российская Федерация

ORCID: 0000-0002-7313-3168

e-mail: ovcharovat@yandex.ru

Маренов Никита Олегович

гл. спец., Министерство строительства Нижегородской области, г. Нижний Новгород, Российская Федерация

ORCID: 0000-0002-2808-3763

e-mail: marenov19@mail.ru

Anton O. Ovcharov

Dr. Sci. (Econ.), Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian State University of Justice, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0003-4921-7780

e-mail: anton19742006@yandex.ru

Tatiana N. Ovcharova

Cand. Sci. (Philos.), Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

ORCID: 0000-0002-7313-3168

e-mail: ovcharovat@yandex.ru

Nikita O. Marenov

Chief Specialist, Nizhny Novgorod Region Construction Ministry, Nizhny Novgorod, Russia

ORCID: 0000-0002-2808-3763

e-mail: marenov19@mail.ru

DOI 10.26425/1816-4277-2022-1-117-123

ВЕНЧУРНЫЙ КАПИТАЛ: ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА ИНВЕСТИРОВАНИЯ В РОССИИ

Аннотация. В статье рассмотрен зарубежный опыт венчурного инвестирования в контексте возможностей его использования в России. Показаны отдельные трактовки венчурного капитала, обозначена роль венчурных фондов в инвестировании. Кратко проанализированы основные этапы развития мирового рынка венчурного инвестирования. Выделены две организационные модели осуществления рискованных инвестиций, используемые в мировой практике: ограниченное партнерство и вечно «зеленые» фонды. Дана оценка современному состоянию венчурной индустрии Российской Федерации, выявлены ключевые проблемы. Предложен ряд мер по совершенствованию государственного механизма поддержки венчурного рынка. Особое внимание уделено мерам правового регулирования.

Ключевые слова: венчурный капитал, инновационная деятельность, венчурное инвестирование, венчурный фонд, модель инвестирования, государственное регулирование, договор, законодательство

Для цитирования: Овчаров А.О., Овчарова Т.Н., Маренов Н.О. Венчурный капитал: возможности использования зарубежного опыта инвестирования в России // Вестник университета. 2022. № 1. С. 117–123.

VENTURE CAPITAL: OPPORTUNITIES TO USE FOREIGN INVESTMENT EXPERIENCE IN RUSSIA

Abstract. The foreign experience of venture investment in the context of the possibilities of its use in Russia is considered in the article. Separate interpretations of venture capital are shown; the role of venture capital funds in investment is indicated. The major stages of the global venture capital investment market development are briefly analysed. The major stages of the global venture capital investment market development are briefly analysed. Two organisational models of making risky investments used in world practice are allocated: limited partnership and evergreen funds. An assessment of the current state of the venture capital industry in the Russian Federation is given, key problems are identified. A number of measures to improve the state mechanism for supporting the venture capital market is proposed. Special attention is paid to legal regulation measures.

Keywords: venture capital, innovation activity, venture capital investment, venture fund, investment model, state regulation, contract, legislation

For citation: Ovcharov A.O., Ovcharova T.N., Marenov N.O. (2022) Venture capital: opportunities to use foreign investment experience in Russia. *Vestnik universiteta*, no. 1, pp. 117–123. DOI: 10.26425/1816-4277-2022-1-117-123

© Овчаров А.О., Овчарова Т.Н., Маренов Н.О., 2022.

Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

© Ovcharov A.O., Ovcharova T.N., Marenov N.O., 2022.

This is an open access article under the CC BY 4.0 license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

Введение

Использование венчурного (рискованного) капитала в предпринимательской деятельности является относительно молодым явлением в российской экономике. На текущем этапе система венчурного инвестирования находится в стадии активного развития: государственные меры поддержки венчурного инвестирования обретают системность, в научной среде проводятся дискуссии относительно выбора способов привлечения венчурного капитала и создания «идеальной» организационно-правовой модели для венчурного инвестирования. Однако есть проблемы, которые не позволяют учитывать специфические особенности венчурного инвестирования среди других видов инвестирования, затрудняют проведение эффективной государственной инвестиционной политики, балансирующей между мерами поддержки и мерами контроля.

Как известно, венчурное предпринимательство является своеобразной формой инновационной и инвестиционной деятельности, которая не гарантирует конкретного экономического эффекта и предполагает высокие риски для инвесторов [5]. Причем сегодня такая деятельность не обязательно должна осуществляться только крупными компаниями. В современных условиях инновационная деятельность требует все меньшего объема ресурсов для осуществления разработок новых продуктов на высоком уровне. Поэтому она становится доступной широкому кругу субъектов, в частности, субъектам малого бизнеса, гибкость и динамичность которых позволяет наиболее оперативно внедрять инновации в экономическую сферу [12].

Таким образом, важной задачей является понимание роли венчурного капитала в финансировании инвестиций, раскрытии эффективных форм и моделей венчурного инвестирования в современной экономике. В настоящей статье мы раскрываем теоретические подходы к венчурному капиталу и его характеристикам, показываем зарубежный опыт вложения венчурного капитала и развития форм венчурного инвестирования. Кроме того, мы выявляем ключевые проблемы венчурной индустрии в Российской Федерации (далее – РФ), предложить ряд мер по улучшению ситуации в этой сфере.

Теоретический анализ

В экономической теории присутствует множество подходов к толкованию содержания понятия «капитал». Например, физиократическое направление экономики заложило основы классификации капитала на основной и оборотный, неоклассическая экономическая школа определяла капитал как стоимость ресурсов на конкретный момент времени, а инвестиции – как продолжительную деятельность по увеличению капитала, марксистская теория рассматривала капитал как совокупность общественно-производственных отношений, обеспечивающих самовозрастающую стоимость капитала. В статье М. В. Ахмадовой капитал определяется через призму инвестиций как совокупность собственности инвестора [1], в работе В. Ю. Малышевой капитал трактуется как сумма средств, требуемых для открытия и начала производственной деятельности [9]. С. О. Новосельский и О. А. Шашкова трактуют капитал как совокупность финансовых ресурсов, вкладываемых в производство для получения дохода [10]. В этом контексте венчурный капитал является высокорисковым капиталом, вкладываемым в предпринимательскую деятельность, посвященную инновационным разработкам. Другими словами, венчурный капитал представляет совокупность средств, которыми инвестор финансирует деятельность нового предприятия по созданию и разработке новых продуктов. Критерий «инновационности» деятельности предприятия играет в данном случае ключевую роль. Вложение средств в открытие или развитие предприятия по созданию, изготовлению уже имеющихся продуктов, распространённых и востребованных на рынке, является вложением в стартап, но в данном случае предприятие, а значит и капитал, не являются венчурными.

Термин «венчурный капитал» был введен основателями венчурного инвестирования (А. Рок, Ф. Джонсон, Т. Перкинс), совершавшими первые венчурные сделки в Кремниевой долине. Толкование данного термина различается по содержанию в силу особенностей внутригосударственного развития венчурного инвестирования, формы государства и типа экономической системы. Краткий обзор этих трактовок сделан А. Ш. Касымовым [8]. Например, согласно американскому подходу, венчурный капитал трактуется как капитал, призванный обслуживать инвестиции в организации на ранних стадиях жизненного цикла. Британская ассоциация венчурного капитала отождествляет его с инвестициями в акции компаний, не котирующихся на фондовых биржах, вне зависимости от стадии жизненного цикла [14]. Согласно европейскому подходу, термины «венчурный

капитал» (англ. *venture capital*) и «частный акционерный капитал» (англ. *private equity*) схожи и означают финансирование компании на различных стадиях цикла проекта вплоть до поздних стадий. Японский подход к определению термина «венчурный капитал» определяется историческими и национальными особенностями взаимоотношений государства и частного сектора (в данной трактовке венчурный капитал отождествляется с высокорисковым бизнесом). Следует отметить интеграцию венчурного и человеческого капиталов в венчурном предпринимательстве. Ключевой особенностью венчурного предпринимательства является смещение первостепенности с классического финансового капитала на человеческий, интеллектуальный капитал, без которого венчурное финансирование не обладает смыслом и целью.

Рисковый характер венчурного капитала принимается инвесторами через венчурные фонды, позволяющие распределить инвестиционные риски между партнерами. Венчурный фонд выступает формой аккумуляции и распределения венчурного капитала. При этом венчурные фонды зачастую выполняют организационно-распорядительные, бухгалтерские, юридические функции в инновационном проекте, а также осуществляют контроль над его деятельностью, поскольку заинтересованы в снижении и минимизации инвестиционных рисков. Отметим, что капитал, предназначенный для финансирования инновационных проектов, аккумулированный в венчурном фонде, считается венчурным только на период финансирования деятельности венчурного предприятия. Кроме того, исходя из портфельной теории управления капиталом и согласно золотому правилу финансирования, аккумулированные денежные средства не могут выступать венчурными инвестициями в полном объеме, данную функцию исполняет обособленная небольшая часть портфеля активов.

Таким образом, венчурный капитал представляет собой особый инструмент финансирования инноваций, предполагающий долгосрочные рискованные инвестиции в компании и реализующийся через участие инвесторов (венчурных фондов) в управлении инновационным проектом. Венчурное инвестирование всегда связано с ожиданием высокой доходности от первоначальных вложений, а также с нацеленностью на коммерциализацию результатов инновационной деятельности.

Основные результаты

Наши практические результаты связаны с исследованием зарубежного опыта венчурного инвестирования, анализом возможных организационных моделей вложения венчурного капитала и выработкой направлений российских государственных мер поддержки рискованного финансирования.

Точкой отсчета современных форм венчурного предпринимательства являются 40-60-е гг. XX в., когда сформировался самостоятельный новый вид экономической деятельности (венчурное инвестирование) и соответствующая ему организационная форма – командное товарищество. Преимущество командного товарищества перед закрытыми фондами заключалось в том, что оно предполагало ограниченную ответственность инвесторов и налоговые льготы, а также возможность владения акциями инвестируемой компании.

Первые венчурные фонды, которые преимущественно занимались инвестициями в технологии, возникли в США. В этой стране проводилась активная государственная политика в области поддержки индустрии венчурного предпринимательства. Развитие законодательства позволило закрепить возможность направления средств в специально созданные инвестиционные компании (программа *Small Business Investment Companies*, далее – SBIC), которые занимались привлечением капитала частных инвесторов с использованием средств государства. Первоначальной целью деятельности данных компаний выступало финансирование высокотехнологичных инновационных проектов, однако на практике участие государства послужило основанием для усиления контроля над инвестиционной деятельностью вплоть до выбора объектов инвестирования. При этом государство стимулировало финансирование реального сектора экономики, что негативно сказывалось на поддержке инновационных проектов в других секторах и противоречило изначальной цели создания SBIC.

Дальнейшее развитие венчурного инвестирования в США напрямую связано с развитием информационных технологий. В 1960–1980-х гг. стали возникать крупные институциональные инвестиционные фонды, которые, в отличие от SBIC, привлекающих средства частных инвесторов, были нацелены на привлечение капиталов страховых компаний, банков, крупных некоммерческих фондов и иных экономических институтов. Следующий этап (с 1980-х гг.) – этап запуска программы *Small Business Innovation Research* (SBIR), которая позволяла финансировать высокотехнологичные проекты на более ранних стадиях, чем SBIC, и предполагала более выгодное для предпринимателей распределение дохода от наукоемких продуктов. В результате

к 2000 г. объем венчурных инвестиций в США достиг 300 млрд долл., отмечался стремительный рост количества инвесторов, что привело к возникновению высокой конкуренции [6].

Схожие тенденции наблюдались в секторе венчурного финансирования и в странах Западной Европы. Лидером здесь является Великобритания, в которой доля венчурного капитала составляет 35% всего рынка венчурного капитала Европы [7]. В целом в Европе сложилась венчурная экосистема, которая включает такие элементы как генерация инновационной идеи, мобилизация венчурного капитала для инвестирования, выход готовых проектов из системы и их имплементация в экономику страны [11]. В Европейском союзе функционирует Европейский инвестиционный фонд и его дочерние наднациональные организации, развивающие венчурную индустрию и привлекающие рекордное количество средств. Существенное влияние на венчурный рынок оказывают Европейская ассоциация бизнес-ангелов, выступающая платформой взаимодействия рыночных инвесторов, венчурных фондов на ранних стадиях развития, краудфайдинговых площадок и представителей инновационных проектов.

Таким образом, современная мировая венчурная индустрия характеризуется глобальным характером, нацеленностью на инновационное развитие и формированием благоприятной среды для венчурного предпринимательства, а также системным подходом, объединяющим участие государства и средства частных инвесторов для достижения общих целей. Разумеется, за последние двадцать лет венчурный рынок показывал и отрицательную динамику объема инвестиций и количества сделок, проходил испытание на прочность в периоды кризисов и спадов.

Немаловажным элементом венчурного инвестирования является выбор эффективной организационной модели осуществления инвестиций. Здесь также уместно рассмотреть международный опыт. В мировой практике венчурные фонды принято классифицировать на ограниченное партнерство (англ. limited partnership, далее – LP) и вечно-«зеленые» фирмы/фонды (англ. evergreen, open-ended fund, далее – EF). Преимущество модели LP заключается в том, что руководство фонда вправе принимать операционные решения, распоряжаться привлеченным инвестиционным капиталом по своему усмотрению в интересах инвесторов. Такой вид венчурного фонда предполагает налоговые льготы, в частности, возможно освобождение от налогообложения доходов, а ответственность инвестора ограничена суммой вложенного капитала. К недостаткам данной модели относятся комиссия за управление фондом, а также полная ответственность партнеров за потенциальные судебные тяжбы, банкротство и т. п. Кроме того, может наблюдаться противоречивость инструментов управления. С одной стороны, желание руководства фонда получить доход в виде процентов за управление венчурным капиталом будет стимулировать инвестирование в краткосрочные проекты с относительно низким риском и быстрым возвратом средств. С другой стороны, то же самое побуждение может стимулировать инвестирование более рискованных проектов, которые потенциально способны принести сверхвысокую доходность, но предполагают также и высокие риски для инвесторов.

Особенностью модели EF является то, что инвестиционный портфель содержится в компании и периодически обновляется. По сути, Evergreen-фирмы не являются венчурным фондом в его классическом понимании, однако, имеют ряд преимуществ перед LP-моделью. Во-первых, ранее инвестированные средства возможно инвестировать повторно (LP-модель не предполагает такой возможности). Во-вторых, портфельные инвестиции в компании не предполагают быстрого возврата средств, что обуславливает больший потенциал венчурного капитала. В-третьих, сама концепция evergreen-модели ориентирована на долгосрочную перспективу, поэтому данная модель менее подвержена колебаниям рынка и влиянию экономических кризисов и циклов.

Если рассматривать особенности и проблемы венчурного инвестирования в России, то формирование данного рынка в нашей стране началось в 90-е гг. прошлого века и было напрямую связано с деятельностью Европейского банка реконструкции и развития (ЕБРР). Именно ЕБРР в эти годы основал 11 региональных венчурных фондов с капиталом от 10 до 30 млн долл., которые преимущественно занимались инвестициями в сектор товаров народного потребления. С тех пор было сделано много важных и нужных шагов на пути формирования современной венчурной инфраструктуры. В частности, создана Российская венчурная компания, проводятся венчурные ярмарки и т. д. По данным Счетной палаты к началу 2020 г. в РФ функционировало «178 венчурных фондов, 53 венчурных фонда с государственным участием, 64 фонда прямых инвестиций и 11 фондов прямых инвестиций с государственным участием» [13]. Наблюдается рост этих фондов по сравнению с 2018 г. – в целом для венчурных фондов он составил 2,6 %, для венчурных фондов с государственным участием – 13,8 %.

Вместе с тем сам рынок венчурных инвестиций крайне незначителен. Доля венчурных инвестиций в 2019 г. составляла всего лишь 0,007 % валового внутреннего продукта, что связано с низкой привлекательностью этого рынка из-за его непрозрачности и непредсказуемости, нежелания инвесторов вкладывать средства на ранних стадиях жизненного цикла продукта. На российском рынке практически нет иностранных инвесторов – высокие политические риски и чрезмерная роль государства отпугивает зарубежные компании. Институт государственно-частного партнерства работает с явным перекосом в сторону государства – в период 2000–2018 гг. финансирование технологических инноваций за счет собственных средств компаний сократилось на 20 %, при этом в 4,5 раза увеличилось финансирование за счет средств федерального, региональных или местных бюджетов [4].

Существуют и проблемы правового регулирования сферы венчурного инвестирования. Например, отсутствует отвечающая реальным потребностям и специфике венчурного инвестирования организационно-правовая форма как венчурного фонда, так и иного формата венчурного инвестирования [3]. Нет также единой правовой конструкции договора венчурного инвестирования, понимания его места и роли в венчурных правоотношениях [2].

Направлением решения проблем венчурного инвестирования в РФ должно стать изменение самой конструкции государственной поддержки инвестиций и рискованного финансирования. Новые механизмы должны обеспечить рост конкурентоспособности российской экономики путем активизации механизмов привлечения венчурного капитала. Для этого необходимо стимулировать через налоговые льготы более активное привлечение венчурного капитала в финансировании инновационных проектов, использовать венчурный капитал на более ранних стадиях развития компаний за счет совершенствования инновационной инфраструктуры. Необходимо расширять финансирование научно-исследовательских университетов при условии их участия в разработке инноваций, создавать механизмы страхования венчурного капитала на ранних стадиях развития инновационного проекта. Кроме того, важно развивать механизмы взаимодействия потенциальных венчурных инноваторов с потенциальными венчурными инвесторами, в том числе и в рамках создания цифровых платформ инвестиционного взаимодействия и дистанционного заключения венчурных сделок.

В части развития форм сделок по венчурному инвестированию, на наш взгляд, целесообразно активнее использовать такую модель, как конвертируемый заем. В России этот инструмент пока не получил большого распространения из-за того, что данная процедура четко законодательно не регламентирована (чаще используется модель венчурного инвестирования компании через увеличение ее уставного капитала). Однако, например, в Великобритании данный способ активно используется инвесторами для ускорения процесса капиталовложений и, соответственно, последующего ускорения достижения результатов инновационного проекта и получения прибыли. Конвертируемый заем представляет собой простую и быструю форму венчурного инвестирования без изменения устава и эмиссии ценных бумаг. Главной особенностью конвертируемого займа является временная отсрочка внесения инвестором вклада в компанию-инноватора от соответствующего оформления увеличения ее уставного капитала. При этом у инвестора сохраняется право отказаться приобретать долю компании и не реализовать право конвертации, в связи с чем, инвестор вправе получить возврат средств с процентами за пользование без изменения устава компании.

Наконец, в качестве законодательных мер совершенствования венчурного инвестирования следует признать необходимость принятия специального федерального закона о венчурном инвестировании в РФ. Этот закон помимо формулирования общих принципов и подходов должен ввести в практическую деятельность новые формы или модели венчурного инвестирования. В рамках этих моделей должно быть предусмотрено справедливое распределение рисков между инвесторами, обеспечено удобное взаимодействие венчурного инвестора, посредника-управляющего венчурным капиталом и предпринимателя-представителя инновационного проекта. Кроме того, необходимо создать условия для быстрого и удобного входа и выхода инвестора из компании, для оперативного принятия эффективных решений по венчурным сделкам и т. д. Отметим еще и то обстоятельство, что в данном законе уместна регламентация договорной конструкции венчурного соглашения. Речь идет о том, чтобы наделить договор условиями, отражающими специфику инвестиционных отношений, такими как обязательное указание конкретного инвестируемого инновационного проекта, указание результатов проведенной оценки капитализации проекта, возможной стоимости проекта в перспективе развития, оценки предполагаемой прибыли.

Заключение

Таким образом, установлено, что венчурный капитал есть инструмент финансирования инноваций, который используется специальными фондами для распределения инвестиционных рисков между участниками. Рассмотрение истории развития и текущего опыта ведения венчурного бизнеса позволило нам сделать вывод о его глобальных масштабах и существенном государственном влиянии на этот сектор. Россия находится в русле современных тенденций, однако доля рынка венчурных инвестиций в валовом внутреннем продукте крайне мала. Существуют также проблемы, связанные с неразвитостью форм сделок по венчурному инвестированию и отсутствием специального закона. Его принятие должно способствовать внедрению в практику новых и эффективных инструментов поддержки венчурной индустрии в Российской Федерации.

Библиографический список

1. Ахмадова, М. А. Правовое понятие «инвестиция» сквозь призму понятий «собственность», «интеллектуальная собственность», «капитал» и др. // Пробелы в российском законодательстве. – 2018. – № 4. – С. 154–159.
2. Беликова, К. М. Инвестиционный контракт (договор, соглашение): понятие, правовая природа, образцы реализации (на примере России и Китая) // Право и политика. – 2018. – № 8. – С. 122–139. <https://doi.org/10.7256/2454-0706.2018.8.27185>
3. Веслополова, Д. С. Рынок венчурных инвестиций России: перспективы и проблемы развития // Теория и практика общественного развития. – 2018. – № 1. – С. 10–14. <https://doi.org/10.24158/tipor.2018.1.12>
4. Городникова, Н. В., Гохберг, Л. М., Дитковский, К. А. [и др.]. Индикаторы инновационной деятельности: статистический сборник. – М.: НИУ ВШЭ. – 2018. – 344 с.
5. Денисова, О. Н. Венчурное финансирование инновационного малого бизнеса в России // Инновации и инвестиции. – 2020. – № 6. – С. 3–7.
6. Десятниченко, Д. Ю., Соболева, Д. Ю. О некоторых особенностях венчурного инвестирования в России и за рубежом // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2017. – № 4. – С. 76–80.
7. Захарова, Н. В., Лабудин, А. В. Особенности венчурного инвестирования в Великобритании // Управленческое консультирование. – 2019. – № 12. – С. 59–69. <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2019-12-59-69>
8. Касымов, А. Ш. Методологические подходы к исследованию природы венчурного капитала // Вестник Института экономики РАН. – 2018. – № 2. – С. 159–172.
9. Малышевская, В. Ю. Генезис понятия «капитал предприятия» // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2018. – № 3. – С. 210–212.
10. Новосельский, С. О., Шашкова, О. А. Финансовый анализ оптимизации структуры капитала // Политика, экономика и инновации. – 2017. – № 3 (13). – С. 19.
11. Павлова, Ю. Ю. Венчурная экосистема Европейского союза: современное состояние и основные тенденции развития // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2020. – № 2 (60). – С. 71–78. <https://doi.org/10.24411/2411-0450-2020-10128>
12. Шарохина, С. В. Организационные формы функционирования венчурного капитала // Вестник Евразийской науки. – 2018. – Т. 10, № 3. – С. 48–57.
13. Отчет о результатах экспертно-аналитического мероприятия «Анализ механизмов венчурного и прямого инвестирования, осуществляемого с использованием средств федерального бюджета» // Счетная палата Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ach.gov.ru/upload/iblock/a29/a298f3e07b401a8d60e4e4afdd1671b7.pdf> (дата обращения: 20.11.2021).
14. British private equity & Venture Capital Association [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.bvca.co.uk/> (дата обращения: 20.11.2021).

References

1. Akhmadova M. A. Legal concept of “investment” through the prism of the concepts of “property”, “intellectual property”, “capital” [etc.], *Probely v Rossiiskom zakonodatel'stve*, 2018, no. 4, pp. 154–159. (In Russian).
2. Belikova K. M. Investment contract (agreement): concept, legal nature, examples of execution (based on Russia and China models), *Law and Politics*, 2018, no. 8, pp. 122–139. (In Russian).
3. Veslopolova D. S. Venture investment market in Russia: development prospects and problems, *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, 2018, no. 1, pp. 10–14. (In Russian). <https://doi.org/10.24158/tipor.2018.1.12>

4. Gorodnikova N. V., Gokhberg L. M., Ditkovsky K. A. [et al.]. *Indicators of innovative activity: statistical collection*, Moscow, HSE, 2018, 344 p. (In Russian).
5. Denisova O. N. Venture financing of innovative small businesses in Russia, *Innovatsii i investitsii*, 2020, no. 6, pp. 3–7. (In Russian).
6. Desyatnichenko D. Yu., Soboleva D. Yu. Some features of venture investment in Russia and abroad, *Economy and business: theory and practice*, 2017, no. 4, pp. 76–80. (In Russian).
7. Zakharova N. V., Labudin A. V. The peculiarities of venture investing in Great Britain, *Upravlencheskoe konsultirovanie*, 2019, no. 12, pp. 59–69. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2019-12-59-69>
8. Kasymov A. Sh. Methodological approaches to the study of the nature of venture capital, *Vestnik Instituta ekonomiki RAN*, 2018, no. 2, pp. 159–172. (In Russian).
9. Malyshevskaya V. Yu. Genesis of the concept of capital companies, *International journal of humanities and natural sciences*, 2018, no. 3, pp. 210–212. (In Russian).
10. Novoselskiy S. O., Shashkova O. A. Financial analysis of optimization of structure of the capital, *Politika, ekonomika i innovatsii*, 2017, no. 3 (13), pp. 19. (In Russian).
11. Pavlova Yu. Yu. Venture ecosystem of the European Union: current state and main development trends, *Economy and business: theory and practice*, 2020, no. 2 (60), pp. 71–78. (In Russian). <https://doi.org/10.24411/2411-0450-2020-10128>
12. Sharokhina S. V. The organizational form of functioning of venture capital, *Vestnik Evraziiskoi nauki*, 2018, vol. 10, no. 3, pp. 48–57. (In Russian).
13. Report on the Results of the Expert-Analytical Event “Analysis of the Mechanisms of Venture and Direct Investment, carried out with the Use of Federal Budgetary Funds”, *Accounts Chamber of the Russian Federation*. Available at: <https://ach.gov.ru/upload/iblock/a29/a298f3e07b401a8d60e4efdd1671b7.pdf> (accessed 20.11.2021).
14. *British private equity & Venture Capital Association*. Available at: <https://www.bvca.co.uk/> (accessed 20.11.2021).

УДК 330.322 JEL G19

Шаманина Елизавета Ивановна

канд. экон. наук, ФГБОУ ВО
«Государственный университет управле-
ния», г. Москва, Российская Федерация

ORCID: 0000-0001-5777-5323

e-mail: shamanina_ei@mail.ru

Аршинская Ирина Сергеевна

студент, ФГБОУ ВО «Государственный
университет управления», г. Москва,
Российская Федерация

ORCID: 0000-0003-2579-4102

e-mail: dsharovskiy@yandex.ru

Elizaveta I. Shamanina

Cand. Sci. (Econ.), State University
of Management, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0001-5777-5323

e-mail: shamanina_ei@mail.ru

Irina S. Arshinskaia

Student, State University of Management,
Moscow, Russia

ORCID: 0000-0001-5777-5323

e-mail: dsharovskiy@yandex.ru

DOI 10.26425/1816-4277-2022-1-124-129

ПРОБЛЕМЫ ИНВЕСТИРОВАНИЯ В ПРЕДПРИЯТИЯ ПО ПЕРЕРАБОТКЕ И УТИЛИЗАЦИИ ТВЕРДЫХ КОММУНАЛЬНЫХ ОТХОДОВ

Аннотация. Вопросы инвестирования в предприятия, занимающиеся утилизацией и переработкой твердых коммунальных отходов сегодня являются актуальными в связи с ростом потребления, соответственно, ростом производства и количества отходов, и требуют максимально бережного подхода с точки зрения экологической безопасности. Объектом исследования стали факторы, определяющие потенциальную выгоду инвестирования в предприятия данной отрасли. Методологическую основу исследования составили общенаучные методы познания и вытекающие из него частнонаучные методы: логический, аналитический, метод сравнительного анализа, а также статистические методы обработки информации. Авторами приведены показатели роста дивидендных выплат и цен акций отдельных американских компаний, которые занимаются предоставлением услуг по переработке и утилизации отходов компаний, работающих в сферах жилого сектора, промышленности, а также муниципальных организаций. Отражены негативные факторы, препятствующие инвестированию в указанную отрасль в России. Результаты исследования показывают новый потенциал развития индустрии по переработке и утилизации отходов.

Ключевые слова: инвестирование, твердые коммунальные отходы, финансовые показатели, утилизация, переработка отходов, финансирование, экологические проблемы, предприятие, мониторинг

Для цитирования: Шаманина Е.И., Аршинская И.С. Проблемы инвестирования в предприятия по переработке и утилизации твердых коммунальных отходов//Вестник университета. 2022. № 1. С. 124–129.

PROBLEMS OF INVESTING IN ENTERPRISES FOR PROCESSING AND DISPOSAL OF SOLID MUNICIPAL WASTE

Abstract. The issues of investing in enterprises engaged in the utilisation and processing of municipal solid waste are currently relevant due to increasing consumption, correspondingly increasing production and the amount of waste and require the most careful approach from the point of view of environmental security. The object of the research are the factors that determine the potential benefits of investing in enterprises of this industry. The methodological basis of the study was compiled by general scientific methods of knowledge and the special scientific methods arising from it: logical, analytical, comparative analysis method, and information processing statistical methods. The authors present growth indicators in dividend payments and stock prices of individual American companies that provide services for the processing and waste disposal from those companies that operate in the residential sector, industry, and municipal organisations. The negative factors, hindering investment in this sector in Russia, have been reflected. The research results show the new development potential for the recycling and waste management industry.

Keywords: investment, municipal solid waste, financial indicators, disposal, waste recycling, financing, environmental problems, enterprise, monitoring

For citation: Shamanina E.I., Arshinskaia I.S. (2022) Problems of investing in enterprises for processing and disposal of solid municipal waste. *Vestnik universiteta*, no. 1, pp. 124–129. DOI: 10.26425/1816-4277-2022-1-124-129

Введение

Одной из насущных экологических проблем является переработка твердых коммунальных отходов (далее – ТКО), она становится все более актуальной в связи с ростом потребления и соответственно, производства, что, в свою очередь, приводит к нарастанию объемов отходов, которые необходимо не просто переработать или утилизировать, но и делать это максимально экологично. Ежегодно проводимые экологические мониторинги свидетельствуют о неуклонном повышении повсеместного уровня загрязненности, но особенно это касается урбанизированной местности. Следовательно, в современных реалиях все большую актуальность приобретают вопросы по переработке и утилизации ТКО.

К сожалению, на сегодняшний день на территории Российской Федерации, несмотря на большое количество вновь созданных предприятий по утилизации ТКО, наблюдается значительное количество бытовых отходов. При этом данная отрасль может быть привлекательной для инвестиционных вложений. Изучению актуальных проблем и вопросов в области инвестирования в предприятия по переработке и утилизации ТКО посвящены работы как зарубежных, так и российских авторов, в частности [3–5].

Постановка проблемы

В зарубежных странах наблюдается положительная динамика в привлечении инвестиций в сферу утилизации ТКО. Так, размер мирового рынка средств по управлению отходами в 2021 г. оценивался в 2,08 трлн долл. [6]. Согласно исследованиям Allied Market Research, он вырастет до 2,34 трлн долл. к 2027 г. Среднегодовой темп роста индустрии в период 2020–2027 гг. составит 5,5 % [7]. Рост обусловлен преимущественно принятием активных мер со стороны государства, позволяющих существенно сократить незаконный демпинг. Еще одной причиной выступает растущая численность населения планеты, что также способствует росту объема отходов в мировом масштабе, а не в каждой отдельно взятой стране.

На сегодняшний день появился спрос на выработку решений, которые позволят преобразовывать отходы в энергию. Через это данный сектор обретет новые направления для своего развития, будут возможны новые партнерства между различными крупными производствами. К примеру, в марте 2019 г. французская компания Veolia объявила о партнерстве с Nestle для разработки программ по переработке пластиковых отходов [9].

Следует отметить, что в период пандемии COVID-19 по всему миру в полной мере частично закрывались на карантин офисы, предприятия не работали на полную мощность. В этот период промышленные отходы значительно уменьшились, что вполне объяснимо снижением производства новых товаров, минимальным спросом на перерабатываемые материалы (пластик, резина и др.). В то же время значительно возрос уровень бытовых отходов, особенно в жилых районах городов. Решением ряда проблем, тормозящих развитие данной сферы, могут служить инвестиции.

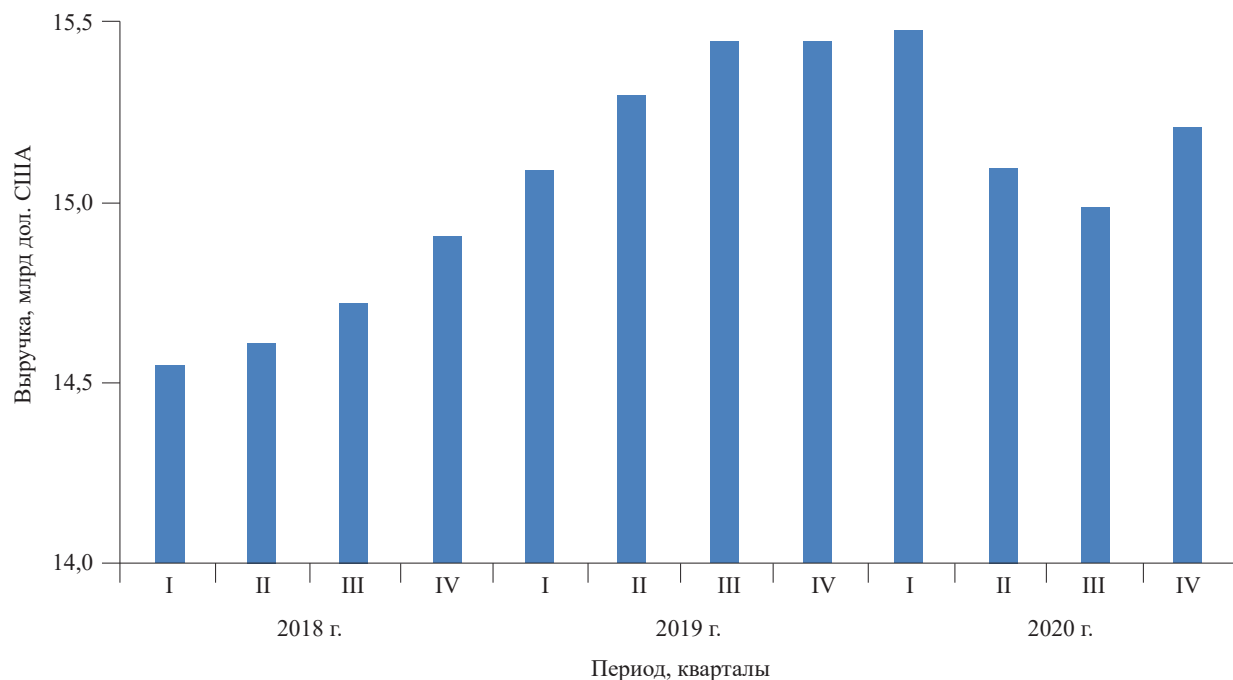
Основные результаты

Проанализируем несколько зарубежных компаний, деятельность которых характеризуется стабильными дивидендными выплатами и ростом цен на акции. Бумаги доступны для покупки на Санкт-Петербургской бирже. Выплаты по дивидендам осуществляются 1 раз в квартал.

Waste Management (WM) предоставляет услуги по утилизации и переработке отходов компаниям жилого сектора, промышленным предприятиям и муниципальным организациям в Северной Америке. По состоянию на конец 2020 г. во владении компании 263 полигона ТКО, 5 полигонов для опасных отходов, 348 перегрузочных станций, 147 центров переработки. Установки CORe перерабатывают промышленные пищевые отходы для выработки экологически чистой энергии. Капитализация компании 46 млрд долл. На рисунке 1 представлена выручка компании за период 2018–2020 гг. [8].

Как следует из рисунка 1, выручка компании за анализируемый период характеризуется положительной динамикой, заметен положительный рост из года в год. Отмеченная во 2–3 кварталах 2020 г. тенденция снижения выручки нивелировалась ее последующим ростом в 4 квартале 2020 г. Большая часть продаж компании (более 75 %) составляют госзаказы, что помогает стабилизировать и удерживать денежные потоки вне экономических колебаний и тенденций в отрасли в целом. Консенсус-прогноз роста выручки к концу 2021 г. – 10,7 %. Рост прибыли на акцию составил 26 %, чистая рентабельность – 9,8 %, операционная

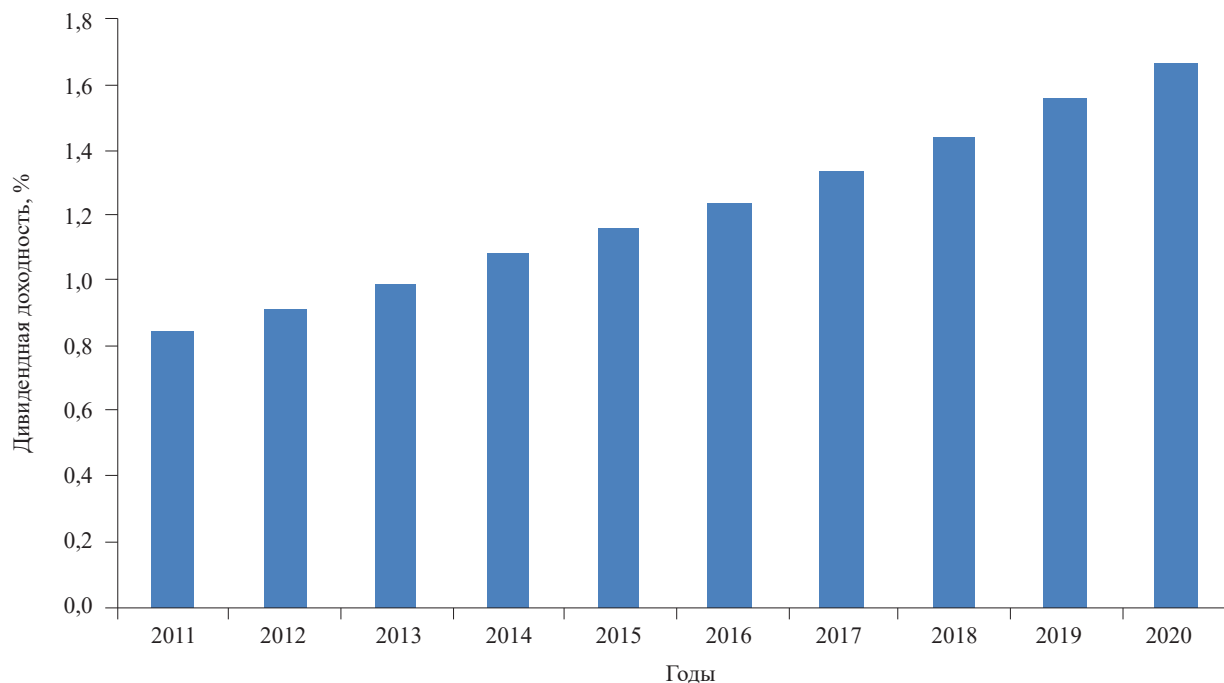
маржа – 16,2 % [8]. Для Waste Management данные показатели являются достаточно высокими, что дает возможность прогнозировать получение стабильной прибыли и соответственно выплат по дивидендам.

Источник: [8]

Рис. 1. Выручка компании Waste Management за 2018–2020 гг., по кварталам

Еще одной успешной компанией по утилизации ТКО, является компания Dividend Per Share (DPS). Данная компания зарекомендовала себя также с положительной стороны, на протяжении 17 лет она показывает стабильный прирост на рынке. На рисунке 2 представлена дивидендная политика компании DPS.

Источник: [7]

Рис. 2. Дивидендная политика компании DPS, в долл. США

DPS активно растет последние 7 лет. В 2020 г. средняя дивидендная доходность – 1,86 % годовых, темп роста дивидендов за последние 5 лет – 2,9 %. В 2020 г. выплаты на 1 акцию составили 2,18 долл. США, дивидендная доходность – 1,9 % годовых, прогноз дивидендной доходности в 2021–2022 гг. – 2–2,1 % годовых [7].

Следует упомянуть и о компании Republic Services (RSG), которая также успешно функционирует в США. Ее основной спектр услуг направлен на сбор, транспортировку, утилизацию, а также переработку различных твердых отходов, не опасных для жизнедеятельности. Этой компании отдают предпочтение в 41 штате США (из 50) и Пуэрто-Рико. Практическая деятельность RSG включает непосредственный сбор мусора по обочинам, транспортировка его и поставка контейнеров для отходов, их захоронение. Кроме того, Republic Services занимаются переработкой и продажей таких материалов, как газетная бумага, гофротара, стекло, алюминий. Эта компания на втором месте в рейтинге в США по величине переработки и утилизации неопасных отходов. В нее инвестируют такие известные по всему миру личности, как Билл Гейтс, а также Cascade (созданная им инвестиционная компания). Капитализация компании 25 млрд долл. США.

Портфель услуг Republic Services обеспечивает стабильную выручку. Консенсус-прогноз роста продаж к концу 2021 г. – 5,6 %, к 2022 г. – 3,9 %. EPS по прогнозам вырастет на 18 % в 2021 г. Выплата дивидендов на акцию RSG стабильно растет последние 17 лет. Так, в 2020 г. выплата на 1 акцию составила 1,66 долл. в год, дивидендная доходность – 1,8 % годовых, темп роста дивидендов за последние 5 лет – 7,3 %, прогноз к декабрю 2022 г. – 2,1 % годовых [7].

Рассмотрим еще одного мирового поставщика услуг по убору мусора – ABM Industries (ABM). В перечень их услуг также входит проектирование помещений, благоустройство территорий, охрана и т. п. для широкого спектра организаций: образовательных и медицинских учреждений, заводов, коммерческих предприятий, аэропортов и т. д. Компания юридически зарегистрирована в Нью-Йорке, осуществляет деятельность с 1909 г., капитализация – 2,9 млрд долл.

Отметим, что 2020 г. сильно ударил по продажам услуг ABM: снижение продаж составило 7,8 %, ввиду того, что практически половину выручки компании составляют доходы от клиентов, тех сфер, что сильно пострадали в результате пандемии (ресторанный бизнес, бизнес-центры, промышленность и т. п.), до сих пор по большей части ведущих свою работу удаленно. Данные обстоятельства оказывают отрицательное влияние на продажу услуг ABM Industries.

Вместе с тем, несмотря на все это, операционная модель компании является устойчивой по сей день, благодаря эффективному управлению затратами. Планы роста прибыли компании в 2021 г. выше уровня 2019 г. В 2022 г. компания планирует показать рост EPS на 6,7 %, а рост выручки на 3,3 % [7]. С учетом ожидания нормализации прибыли и роста в 2021–2022 г. компания выглядит недооцененной. Данные об инвестиционной активности рассмотренных компаний приведены в таблице 1.

Таблица 1

Показатели инвестиционной активности зарубежных компаний в сфере ТКО за 2020 г.

Компании	Капитализация, млрд долл. США	FwD P/E
Waste Management	46	23,4
Dividend Per Share	27	21,3
Republic Services	25	23,9
ABM Industries	2,9	15,9

Источники: [7; 8]

Рассмотренные компании одни из многих, которые показывают успехи в данной отрасли. Наряду с ними есть множество компаний в Европе, которые также озабочены проблемой ТКО и предлагают различные варианты решения этой проблемы. Данная индустрия считается стабильной для ведения бизнеса, хоть и без высоких темпов роста продаж и прибыли, но за счет демографического роста, количество ТКО неуклонно растет, что позволяет рассчитывать на развитие в этом секторе. В Европе эта отрасль уже имеет свои первые успехи, в свою очередь, в нашей стране этот бизнес только начинает набирать обороты.

Практически для всех субъектов РФ одна из основных задач – утилизация и переработка твердых коммунальных отходов, но в то же время из общего числа лишь 5 % отходов идет в реальности на переработку, а 95 % отходов продолжают храниться на свалках или полигонах, а данный способ является заведомо проигрышным во всех планах и нежелательным с точки зрения и экономики, и экологии.

Обсуждение результатов

Основными факторами, препятствующими инвестированию в сферу переработки и утилизации отходов в России, являются несовершенство законодательной базы, высокие налоги, санкции со стороны европейских стран.

Для привлечения частного капитала необходимо создать определенные условия. Необходима система стимулирования инвестиционной деятельности. Стимулирование может быть как прямым, направленным на сферу переработки отходов, так и косвенным, касающимся смежных сфер деятельности, но повышающим привлекательность и улучшающим условия в сфере переработки отходов [1; 2].

С учетом важности этой проблемы РФ подготовлен специальный проект федерального значения «Формирование комплексной системы обращения с твердыми коммунальными отходами». Проектом предусмотрено создание необходимых мощностей, которые позволят в первичной обработке переработать до 36,7 млн тонн ТКО, а во вторичной – утилизировать до 23 млн т отходов в год. В планах предполагается строительство 210 различных объектов, которые будут не только сортировать отходы, но и осуществлять их комплексную переработку, в том числе утилизацию, а также обезвреживание [10].

Финансирование общих затрат на развитие отрасли, занимающейся утилизацией и переработкой ТКО, планируется за счет организации партнерства государственно-частного характера. Реализация модели проекта будет проходить за счет концессий, проектирования объектов и субсидирования затрат на оборудование, взятое в лизинг. Осуществлять кураторство проекта должна будет специальная публичная правовая компания, единый оператор, создание которого еще продолжается.

Именно поэтому необходимо привлечь к участию в важном для нашей страны проекте надежных партнеров, а также компании, которые заинтересованы в муниципально-частном партнерстве, что позволит не только обеспечить им определенный стабильный уровень доходов, но и своевременно финансировать реализацию проекта по плану.

Заключение

Проблемы инвестирования в предприятия по утилизации и переработке отходов сегодня являются высоко актуальными ввиду того, что эта сфера считается одной из глобальных с точки зрения устранения экологических и социальных проблем. Для решения указанных проблем необходимо разрабатывать и внедрять программы государственной и муниципальной поддержки сферы твердых коммунальных отходов, привлекать частных инвесторов и реализовывать проекты государственно-частного партнерства.

Библиографический список

1. Блау, С. Л. Инвестиционный анализ: учебник для бакалавров. – М.: ИТК Дашков и К, 2016. – 256 с.
2. Богатыня, Ю. В., Швандар, В. А. Инвестиционный анализ: учебное пособие. – М: ЮНИТИ-ДАНА, 2017. – 287 с.
3. Смоляк, С. А. Учет специфики инвестиционных проектов при оценке их эффективности // Аудит и финансовый анализ. – 1999. – № 3.
4. Сухарев, О. С. Природа фирмы: к новой институциональной модели (переосмысливая Р. Коуза) // Журнал экономической теории. – 2016. – № 2. – С. 119–133.
5. Хакимова, К. Р. Модель управления инновационно-инвестиционной деятельностью предприятия // Научное обозрение. Экономические науки. – 2016. – № 1. – С. 109–114.
6. Зарубежный опыт утилизации отходов // Омега [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://omega-ekb.com/articles/zarubezhnyj-opyt-utilizacii-otkhodov> (дата обращения: 30.10.2021).
7. Мировой опыт: шесть примеров эффективной работы с отходами // Strelka Mag [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://strelkamag.com/ru/article/mirovoi-opyt-shest-primerov-effektivnoi-raboty-s-otkhodami> (дата обращения: 30.10.2021).
8. «Мусорная реформа» в России: вопросы финансирования // Lexology [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=5f11ba5b-3719-4a11-84b1-146f33cc6a57> (дата обращения: 30.10.2021).

9. Правительство расширит меры поддержки проектов по утилизации мусора // РБК [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/business/25/09/2020/5f6c90ad9a79477833703e9a> (дата обращения: 30.10.2021).
10. Финансовый анализ Waste Management, Inc. Это мусорная компания № 1 в США // Open Broker [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://journal.open-broker.ru/investments/investiruj-kak-bill-gejts-chast-2/> (дата обращения: 30.10.2021).

References

1. Blau S. L. *Investment analysis, textbook for undergraduate studies*, Moscow, ITK Dashkov i K, 2016, 256 p. (In Russian).
2. Bogatynya Yu. V., Shvandar V. A. *Investment analysis: training manual*, Moscow, UNITY-DANA, 2017, 287 p. (In Russian).
3. Smolyak S. A. Accounting for the specifics of investment projects in assessing their effectiveness, *Audit i finansovyi analiz*, 1999, no. 3. (In Russian).
4. Sukharev O. S. Nature of the new institutional model (rethinking Ronald Coase), *Zhurnal ekonomicheskoi teorii*, 2016, no. 2, pp. 119–133. (In Russian).
5. Khakimova K. R. Enterprise's innovation-investment activity management model, *Scientific review. Economic sciences*, 2016, no. 1, pp. 119–133. (In Russian).
6. Foreign experience of waste disposal, *Omega*. Available at: <https://omega-ekb.com/articles/zarubezhnyj-opyt-utilizacii-otkhodov> (accessed 30.10.2021).
7. World experience: six examples of effective work with waste, *Strelka Mag*. Available at: <https://strelkamag.com/ru/article/mirovoi-opyt-shest-primerov-effektivnoi-raboty-s-otkhodami> (accessed 30.10.2021).
8. Garbage reform in Russia: financing issues, *Lexology*. Available at: <https://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=5f11ba5b-3719-4a11-84b1-146f33cc6a57> (accessed 30.10.2021).
9. The government will expand measures to support waste management projects, *RBC*. Available at: <https://www.rbc.ru/business/25/09/2020/5f6c90ad9a79477833703e9a> (accessed 30.10.2021).
10. Financial analysis of Waste Management, Inc. This is the No. 1 waste company in the USA, *Open Broker*. Available at: <https://journal.open-broker.ru/investments/investiruj-kak-bill-gates-chast-2/> (accessed 30.10.2021).

ФИНАНСЫ И БАНКОВСКОЕ ДЕЛО

УДК 657 JEL M41

DOI 10.26425/1816-4277-2022-1-130-137

Котова Ксения Юрьевна
канд. экон. наук, ФГАОУ ВО
«Пермский государственный на-
циональный исследовательский
университет», г. Пермь, Россий-
ская Федерация
ORCID: 0000-0003-0505-7359
e-mail: k.kotova@bk.ru

Шакирова Нелли Наилловна
студент, ФГАОУ ВО «Пермский
государственный национальный
исследовательский университет»,
г. Пермь, Российская Федерация
ORCID: 0000-0001-5560-3675
e-mail: nellyshakirova13@yandex.ru

Xenia Yu. Kotova
Cand. Sci. (Econ.), Perm State
University, Perm, Russia
ORCID: 0000-0003-0505-7359
e-mail: k.kotova@bk.ru

Nelly N. Shakirova
Student, Perm State University,
Perm, Russia
ORCID: 0000-0003-0505-7359
e-mail: nellyshakirova13@yandex.ru

ПРОБЛЕМЫ УЧЕТА КАПИТАЛА И ОБЯЗАТЕЛЬСТВ В УСЛОВИЯХ РЕФОРМИРОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ И ВНЕДРЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ СТАНДАРТОВ ФИНАНСОВОЙ ОТЧЕТНОСТИ

Аннотация. Реформирование бухгалтерского учета в Российской Федерации вызывает ряд проблем, в том числе в регулировании учета капитала и обязательств. Объектом исследования является влияние международных стандартов финансовой отчетности на развитие отечественной системы бухгалтерского учета, отражающее глобализацию и цифровизацию экономических процессов, возникновение новых объектов учета и повышение требований к качеству отчетности. В статье проанализирована сущность вновь возникших категорий учета, выполнено сравнение дефиниций «пассивы» в международных стандартах и отечественной практике. Выявлено, что пробелы в учете капитала и обязательств вызваны отсутствием унифицированного понятийного аппарата, наличием оценочных величин, применением профессионального суждения бухгалтера, влияющего на качество информации в отчетности, отставанием законодательного регулирования в части учета цифровых объектов в качестве уставного капитала. Рассмотрены вопросы учета и отражения в отчетности операций социальной направленности бизнеса. Представлены возможные способы решения проблем бухгалтерского учета пассивов, включая унификацию понятийного аппарата, модернизацию плана счетов, разработку рекомендаций в части применения профессионального суждения бухгалтера, расширение требований к перечню информации о деятельности хозяйствующего субъекта, представляемой в бухгалтерской отчетности, а также применение норм международных стандартов.

Ключевые слова: пассивы, капитал, обязательства, цифровизация, проблемы учета, бухгалтерский учет, реформирование учета, международные стандарты финансовой отчетности

Для цитирования: Котова К.Ю., Шакирова Н.Н. Проблемы учета капитала и обязательств в условиях реформирования экономических процессов и внедрения международных стандартов финансовой отчетности // Вестник университета. 2022. № 1. С. 130–137.

CAPITAL ACCOUNTING AND LIABILITIES PROBLEMS IN THE CONTEXT OF ECONOMIC PROCESSES REFORMING AND INTERNATIONAL FINANCIAL REPORTING STANDARDS INTRODUCING

Abstract. Reform in the Russian Federation raises a number of problems, including the regulation of capital and liabilities accounting. The object of the study is the International Financial Reporting Standards impact on the domestic accounting system development, reflecting the economic processes globalisation and digitalisation, the emergence of new accounting objects and increasing requirements for the reporting quality. The essence of newly emerging accounting categories was analysed in the article, the definitions of “liabilities” in the International Financial Reporting Standards and domestic practice were compared. It was identified, that gaps in the capital and liability accounting caused by the lack of a unified conceptual apparatus, the presence of estimated values, the use of an accountant professional judgment that affects the information quality in reporting, the backlog of legislative regulation in terms of accounting for digital objects as authorized capital. The accounting and reporting issues in the reporting of operations of the business social orientation were considered. Possible ways of solving the liability accounting problems are presented, including the conceptual apparatus unification, the accounts chart modernisation, the development of recommendations regarding the application of the accountant professional judgment, the expansion of requirements for the information list on the economic entity activities presented in the accounting (financial) statements, and the International Financial Reporting Standards application.

Keywords: liabilities, capital, liabilities, digitalisation, accounting problems, accounting, accounting reform, International Financial Reporting Standards

For citation: Kotova X.Yu., Shakirova N.N. (2022) Capital accounting and liabilities problems in the context of economic processes reforming and international financial reporting standards introducing. *Vestnik universiteta*, no. 1, pp. 130–137. DOI: 10.26425/1816-4277-2022-1-130-137

© Котова К.Ю., Шакирова Н.Н., 2022.

Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

© Kotova X.Yu., Shakirova N.N., 2022.

This is an open access article under the CC BY 4.0 license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

Введение

Активное внедрение передовых цифровых технологий в экономические процессы, сопровождающееся реформированием бухгалтерской отчетности, изменяет устоявшуюся практику ведения учета и его нормативно-правовое поле. Новые утвержденные нормы перенимают лучшие международные практики, сближают их с международными стандартами финансовой отчетности (далее – МСФО), которые позволяют отражать актуальные экономические объекты и делать учет более гибким и адаптированным к особенностям деятельности отдельного экономического субъекта. Происходит трансформация бизнеса, которая влияет на внутренние процессы деятельности организации. Ярким примером является внедрение процессов цифровизации и автоматизации, которые влекут за собой возникновение цифровых объектов (блокчейн, токены и др.) [3]. В России до сих пор не представлены нормативно-правовые акты, регламентирующие новые объекты. Примером передового опыта является утвержденный в 2017 г. Президентом Беларуси Декрет № 8 «О развитии цифровой экономики», который охватывает регулирование таких цифровых объектов, как блокчейн-технологии, криптовалюта, токены, смарт-контракты, майнинг, прописывает особенности признания в бухгалтерском учете [12].

Основной целью ведения бухгалтерского учета становится использование стандартов учета таким образом, чтобы учитываемая и формируемая в публикуемой отчетности информация была полезна для инвесторов и кредиторов организации. В постиндустриальном обществе возрастают требования к открытости, полноте и достоверности информации, они определяются как информационными запросами пользователей, так и возможностями самой организации: технической оснащенности, уровня организации бухгалтерского учета и масштабами деятельности.

Все проводимые изменения в бухгалтерском учете на законодательном уровне и уровне стандартов достаточно заметны и все больше приближают национальную систему к нормам международного уровня. Так, например, Федеральные стандарты бухгалтерского учета ФСБУ 6/2020 «Основные средства», ФСБУ 26/2020 «Капитальные вложения» и немного ранее принятые ФСБУ 5/2019 «Запасы» и ФСБУ 25/2018 «Бухгалтерский учет аренды» вводят новые понятия в систему бухгалтерского учета, такие как ликвидационная стоимость актива, переоцененная стоимость, обесценение, инвестиционная недвижимость, объекты учета аренды, право пользования активом. Новые стандарты расширяют критерии признания объектов в качестве основных средств и регламентируют особенности оценки и учета арендованного имущества.

Из-за изменений в порядке учета и отражения объектов, в кругу экономистов возник ряд вопросов и спорных моментов, связанных с новыми ФСБУ, в большей степени связанных с учетом активов. Немного меньше поднимается проблем, связанных с учетом и отражением пассивов организации, а именно с учетом капитала и обязательств. Их стоит рассматривать не обособленно друг от друга, а во взаимосвязи, так как данные объекты являются двумя слагаемыми балансового уравнения:

$$\text{Активы} = \text{Капитал} + \text{Обязательства}.$$

Поскольку в статье речь идет о российской системе учета, то рассматривать будем горизонтальную форму построения баланса, свойственную всем отечественным организациями, ведущим учет согласно требованиям законодательства.

Общие проблемы учета пассивов

Отдельным вопросам учета и отражения обязательств посвящены труды Т. Ю. Дружиловской, Я. В. Соколова, В. Ф. Палия, А. В. Холкина и др. [5–8; 11]. Проблемы учета капитала нашли свое отражение в работах В. Г. Гетьмана, Т. Ю. Дружиловской, А. А. Соколова, И. П. Забродина и др. [4; 6; 9; 10]. Во всех вышеуказанных исследованиях отражены частные проблемы учета капитала и обязательств, однако комплексный подход к определению, систематизации и решению возникших вопросов не предложен.

На основании исследуемой литературы выделим следующие основные проблемы учета обязательств и капитала организации (рис. 1).

Составлено авторами по материалам исследования

Рис. 1. Общие проблемы учета капитала и обязательств в российской системе учета

Т. Ю. Дружиловская провела сравнительный анализ нормативно-правовых актов (далее – НПА), регулирующих особенности учета обязательств и источников финансирования деятельности организации и их отражения в отчетности, в нормах, прописанных в ПБУ (ФСБУ), и нормах, установленных в МСФО [5] (табл. 1).

Таблица 1

Сравнение Российских стандартов бухгалтерского учета и международных стандартов финансовой отчетности в части регулирования учета и отражения капитала и обязательств

Капитал	
<i>Международные стандарты, имеющие аналоги в системе РСБУ</i>	<i>Российский аналог международных бухгалтерских стандартов</i>
-	-
<i>Международные стандарты, для которых отсутствует аналог в системе РСБУ</i>	
МСФО (IFRS) 3 «Объединения бизнесов»	
<i>Международные стандарты, в которых косвенно отражен порядок учета и отражения капитала</i>	
МСФО (IAS) 1 «Представление финансовой отчетности», МСФО (IFRS) 10 «Консолидированная финансовая отчетность», МСФО (IAS) 32 «Финансовые инструменты: представление», МСФО (IAS) 39 «Финансовые инструменты: признание и оценка»	
Обязательства	
<i>Международные стандарты, имеющие аналоги в системе РСБУ</i>	<i>Российский аналог международных бухгалтерских стандартов</i>
МСФО (IAS) 37 «Оценочные обязательства, условные обязательства и условные активы»	ПБУ 8/2010 «Оценочные обязательства, условные обязательства и условные активы»
МСФО (IAS) 12 «Налоги на прибыль»	ПБУ 18/02 «Учет расчетов по налогу на прибыль организаций»
<i>Международные стандарты, для которых отсутствует аналог в системе РСБУ</i>	
МСФО (IAS) 32 «Финансовые инструменты: представление», МСФО (IFRS) 9 «Финансовые инструменты», МСФО (IAS) 39 «Финансовые инструменты: признание и оценка», МСФО (IFRS) 7 «Финансовые инструменты: раскрытие информации», МСФО (IAS) 19 «Вознаграждения работникам», МСФО (IAS) 26 «Учет и отчетность по пенсионным планам»	

Источник: [5]

Таким образом, методики и рекомендации по учету капитала и обязательств на нормативном уровне отсутствуют, их оценка и отражение в учете определяются профессиональным суждением бухгалтера и зависят от степени «экспертности» последнего.

Проблемы учета капитала

Перейдем к рассмотрению проблем учета капитала. Для этого уточним понятийный аппарат. Под капиталом будем понимать разницу между величиной активов и обязательств, представленных в балансе предприятия.

Отсутствие НПА в отношении отдельных объектов учета. Рассмотрим процесс формирования уставного капитала денежными и неденежными средствами. В статье 66.2 Гражданского кодекса РФ [1] и ст. 15 Федерального закона № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» [2] указано, что в качестве вклада в уставный капитал организации могут приниматься объекты, имеющие денежную оценку. Для каждого вида вклада существуют свои особенности, связанные с оценкой вклада. В настоящее время появляются новые категории объектов (например, криптовалюта), и возникает вопрос: как их учитывать при взносе в уставный капитал? Этот вопрос перестал носить гипотетический характер, когда в 2019 г. в уставной капитал российской компании ООО «Артель» был внесен Bitcoin, величина которого в рублевом эквиваленте составила 60 тыс. руб. [14]. Оценка и признание такого актива вызвали множество сложностей ввиду отсутствия соответствующей регламентации учета цифровых активов.

Наличие «пробелов» в нормативном регулировании отдельных объектов учета. Существует еще один вопрос, заслуживающий обсуждения. В большинстве случаев уставный капитал формируют объекты, которые напрямую связаны с уставной деятельностью организации (оборудование, недвижимость, денежные средства и т. д.). Если в качестве вклада будет земля, но она не будет использоваться обществом, то ее отражение в активах будет являться некорректным с экономической обоснованностью и, как следствие, повлияет на снижение объективности информации в отчетности и уровня доверия кредиторов. С другой стороны, законодательных запретов на такие действия у организации нет.

Применение профессионального суждения бухгалтера, влияющее на достоверность формируемой отчетности. Зачастую возникают трудности, связанные с направлениями расходования нераспределенной прибыли в организации, учитываемой на счете 84 «Нераспределенная прибыль». Считаем, что бухгалтеру следует самостоятельно разработать аналитику к этому счету, к примеру, по направлениям использования прибыли, имеющимся в организации. А. А. Соколов и И. П. Забродин предлагает методику с созданием нового счета 85 «Капитализированная прибыль», на котором будет отражаться та часть нераспределенной прибыли, которая пойдет на финансирование инвестиций долгосрочного характера [10], что повысит достоверность информации, отражаемой в финансовой отчетности.

Выбор обоснованного подхода находится в компетенции главного бухгалтера организации. Утвержденная Бухгалтерским методологическим центром Рекомендация Р-96/2018-КпР «Профессиональное суждение» трактует применение профессионального суждения как суждения в области бухгалтерского учета, экономически обоснованного и не противоречащего действующим нормам законодательства с соблюдением профессиональных этических норм [13], которое применяется при учете, оценке и отражении объектов. Поэтому бухгалтеру необходимо соблюдать баланс между законностью применяемых методик и их экономической полезностью.

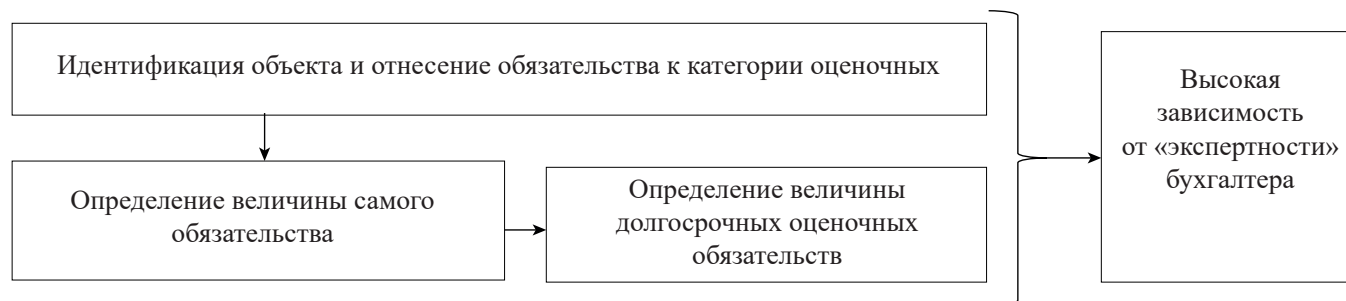
Отсутствие единых требований к степени раскрытия информации о капитале в отчетности. В последнее все чаще поднимаются вопросы, связанные с отражением экологической составляющей капитала. Например, Ю. В. Алтухова и Ж. Ришар рассматривают капитал организации как фактор производства, а также «предмет заботы», разделяя его на финансовый капитал (н., денежные средства), человеческий (трудовые ресурсы) и природный [9].

Проблемы учета обязательств

Под обязательством будем понимать возникшую в связи с определенными фактами хозяйственной деятельности задолженность организации перед другим лицом (физическим или юридическим), которая в будущем приведет к уменьшению (оттоку) экономических ресурсов данной организации.

Отсутствие НПА в отношении отдельных объектов учета. Обратившись к таблице 1, можно увидеть, что существует большое количество МСФО, российских аналогов которых не существует, в особенности,

связанных с учетом финансовых инструментов. Применение профессионального суждения бухгалтера, влияющее на достоверность формируемой отчетности. Рассмотрим проблемы, связанные с применением Положения по бухгалтерскому учету 8/2010 «Оценочные обязательства, условные обязательства и условные активы» (далее – Положение 8/2010). Под оценочным обязательством (далее – ОО) понимается имеющаяся задолженность (обязательство) организации, размер которой и (или) срок исполнения которой не определены [5]. Проблемы учета обязательств такого вида отражены на рисунке 2.

Составлено авторами по материалам исследования

Рис. 2. Проблемы учета оценочных обязательств

Идентификация объекта. К ОО относятся обязательства, наступление которых носят вероятностный характер (более 50 %). Бухгалтер будет обращаться к практике прошлых лет, так как в стандарте приведены только примеры ОО: обязательства по вознаграждениям персонала, резервы на предстоящую оплату отпусков, а также оценочные резервы по судебным разбирательствам.

Величина обязательства. В Положении 8/2010 предлагается два способа определения величины обязательства: средняя арифметическая (при равновеликом наборе значений) и средневзвешенная (при присвоении различных «весов»), однако организация может разрабатывать собственные методики.

Долгосрочные ОО. Согласно Положению 8/2010, величина долгосрочных ОО должна быть дисконтирована. Формула определения коэффициента дисконтирования (КД), представленная в Положении 8/2010, но расчет ставки дисконтирования в Положении не прописан.

Профессиональное суждение бухгалтера. Практика показывает, что применение профессионального суждения бывает достаточно затруднительным в силу недостаточности эмпирических данных, новизной и «нетипичностью» объектов, связанной также с возникновением обязательства у крупных организаций, деятельность которых оказывает наибольшее вредное воздействие на экологию.

Разночтения, связанные с использованием понятийного аппарата в нормативных актах. В действующих нормативных актах, регулирующих учет расчетов с персоналом по оплате труда и возникающих с ними обязательств, используется различная терминология. Так, Т. Ю. Дружиловская отметила, что в нормативных актах используются одновременно термины «трудовые ресурсы» (который не раскрыт в НПА), «задолженность перед персоналом организации», «расходы на оплату труда», «расчеты с персоналом по оплате труда», однако обобщающие понятия «обязательств по оплате труда» в российских нормативных актах в области бухгалтерского учета не представлено [6], соответственно, не рассматриваются вопросы, связанные с определением и оценкой данного вида обязательств и их включения / невключения в расчет калькуляции себестоимости продукции.

Временной лаг, связанный с возникновением новых объектов учета и разработкой НПА для регулирования их учета. МСФО (IAS) 19 «Вознаграждения работникам» и МСФО (IAS) 26 «Учет и отчетность по пенсионным программам», регулируют возникновение и учет вознаграждений сотрудникам, связанных с результатами их деятельности сотрудника [6]. В практике крупнейших российских организаций можно встретить пенсионные вознаграждения (корпоративная пенсия), порядок учет и отражения которых прописаны в локальных нормативных актах (далее – ЛНА). К таким компаниям можно отнести холдинги ОАО «РЖД», Сбер и компании, входящие в группу ПАО «ЛУКОЙЛ». Подобная практика еще несколько лет назад и вовсе отсутствовала в России из-за существования государственной системы пенсионного обеспечения, которая отсутствует в ряде стран, где применяется МСФО 26.

Отсутствие единых требований к степени раскрытия информации об обязательствах в отчетности. Трансформации бизнеса в социально и экологически ориентированный предполагает развитие нового вида учета, активно внедряемого крупнейшими организациями различных отраслей экономики, в особенности с негативным воздействием на окружающую среду. В связи с этим возникают новые виды обязательств, которые, к сожалению, на данном этапе развития учета не всегда находят свое отражение не только в годовых отчетах, но и в финансовой отчетности.

Совершенствование учета и отражения в отчетности капитала и обязательств

Проведенное комплексное исследование, связанное с рассмотрением пробоем учета капитала и обязательств и отражении их в отчетности, позволило разработать направления их устранения (табл. 2.)

Таблица 2

Пути устранения проблем учета капитала и обязательств

Проблема	Пути решения	Комментарий
Разночтения, связанные с использованием понятийного аппарата в нормативных актах	Унификация терминологии в НПА	Унификация понятия «Оценочные обязательства» и его использование как в финансовом учете, так и в учете налоговом; Использование термина «Обязательства по оплате труда» в качестве термина, обобщающего все обязательства, связанные с расчетами по оплате труда и иными начислениями
Временной лаг, связанный с возникновением новых объектов учета и разработкой НПА для регулирования их учета	Внесение изменений в наименования синтетических счетов учета	Замена наименования счета 96 «Резервы предстоящих расходов» на «Оценочные обязательства» и отражение на данном счета только тех обязательств, которые относятся на затраты. В случае, если обязательство будет включаться в стоимость актива (например, ремонт основных средств), то его следует учитывать на обособленном счете; Введение счета 85 «Капитализируемая прибыль» для учета используемой нераспределенной прибыли по направлениям расходования
	Применение лучших практик других организаций	Внедрение передового опыта крупнейших организаций с учетом собственной специфики
Наличие «пробелов» в нормативном регулировании учета отдельных объектов	Разработка собственных методик учета в организации	Применение главного требования к разрабатываемым методикам, отсутствие противоречий с имеющимися нормами учета
Применение профессионального суждения бухгалтера и «субъективизм», влияющие на качество формируемой отчетности	Разработка системы внутреннего контроля (внутреннего аудита)	Внедрение системы внутреннего контроля учета оценочных обязательств для выявления корпоративных рисков, их влияния на степень искажения бухгалтерской финансовой отчетности
	Утверждение рекомендаций и разъяснений касательно отдельных вопросов учета капитала и обязательств	Разработка рекомендаций и методологических положений по разъяснению вопросов в области учета капитала и обязательств. Такие рекомендации должны дополнять имеющиеся нормативные акты; Применение норм МСФО при предварительной проверке отсутствия расхождений с российским законодательством.

Проблема	Пути решения	Комментарий
Отсутствие НПА в отношении отдельных объектов учета	Применение норм МСФО	Применение МСФО в случаях, если новые объекты не имеют правового основания, а также не противоречат нормам действующего законодательства
	Применение аналогии права	Использование аналогии права и учитывать объекты согласно регулируемым объектам со схожими характеристиками
Отсутствие единых требований к степени раскрытия информации о капитале и обязательствах в отчетности	Регламентация требований к перечню раскрываемой информации	Дублирование раскрытия информации об экологических обязательствах как в финансовой, так и в нефинансовой отчетности (раскрытие информации по срокам погашения, направлениям расходов и включением либо в стоимость актива, либо отнесением на затраты)

Составлено авторами по материалам исследования

Предложенные в статье рекомендации охватывают сразу несколько направлений осуществляемых изменений. Для устранения разночтений и противоречий необходимо упорядочить план счетов согласно наименованиям объектов учета, а понятийный аппарат, раскрывающий сущность каждого объекта, необходимо привести к единообразию. Оценочные обязательства не должны параллельно иметь название резервов предстоящих расходов, так как в первом случае речь идет именно об оценке объекта, то есть его вероятностной характеристике, а не фактической, а во втором случае – именно о создании некой «копилки», которая будет израсходована организацией под заранее определенные цели. В качестве решений, связанных с «пробелами» в нормативно-правовом поле целесообразнее всего будет использовать подходы МСФО в неразрывной связи с нормами действующего законодательства для проверки на предмет избегания правовых противоречий. С другой стороны, организации не запрещено применять аналогию права в случае отсутствия правовых регуляторов вновь возникших объектов учета. Для учета цифровых активов активно применяются нормы Гражданского кодекса РФ.

При применении профессионального суждения бухгалтера можно говорить о необходимости разработки конкретных требований к применению суждения, его допустимых границах и контрольных мероприятиях для проверки его решений и их экономической обоснованности. Другими словами, «свобода» бухгалтера при применении профессиональных компетенций все же должна быть ограничена не на уровне Рекомендаций НРБУ БМЦ, а на уровне федеральных стандартов, которые будут применяться всеми коммерческими организациями, действующими на территории РФ. Набирающие популярность экологизация и социальная направленность деятельности организации должны находить отражение как в финансовой, так и в нефинансовой отчетности.

Заключение

Таким образом, для осуществления грамотного, экономически обоснованного учета объектов организации следует применять международные нормы финансовой отчетности, если в российской практике аналогии отсутствуют, либо разрабатывать собственные методики учета и отражения объектов в отчетности. Изменение экономических отношений, возникновение новых имущественных прав и проводимая в настоящее время реформация учета служат отличным толчком к адаптации эффективных методик мирового опыта и их корректировке к отечественной учетной практике.

Библиографический список

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 28.06.2021; ред. от 26.10.2021) // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_17819/7bb667f587280e00a3c9d370582f292bf4eea86a/ (дата обращения: 10.11.2021).

2. Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «Об обществах с ограниченной ответственностью» // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_17819/ (дата обращения: 10.11.2021).
3. Бодяко, А. В., Пономарева, С. В., Рогулenco, Т. М. Идентификация цифровых прав в качестве объекта учета и контроля // Учет. Анализ. Аудит. – 2021. – Т. 8, № 5. – С. 14–27. <https://doi.org/10.26794/2408-9303-2021-8-5-14-27>
4. Гетьман, В. Г. Совершенствование учета уставного капитала // Все для бухгалтера. – 2016. – № 4 (288). – С. 39–43.
5. Дружилoвская, Т. Ю. Современные проблемы учета активов, обязательств и капитала коммерческих и некоммерческих организаций // Бухгалтерский учет в бюджетных и некоммерческих организациях. – 2020. – № 7 (487). – С. 2–8.
6. Дружилoвская, Т. Ю., Игонина, Т. В. Направления сближения бухгалтерского учета обязательств по оплате труда в России с требованиями МСФО // Международный бухгалтерский учет. – 2012. – Т. 15, № 6 (204). – С. 2–11.
7. Котова, К. Ю. Резервы в бухгалтерском и налоговом учете: сущность, виды, методика формирования // Вестник ИПБ (Вестник профессиональных бухгалтеров). – 2020. – № 4. – С. 14–23.
8. Палий, В. Ф. Современный бухгалтерский учет. – М.: Бухгалтерский учет, 2009. – 450 с.
9. Ришар, Ж., Алтухова, Ю. В. Предложения по реформированию фундаментальных основ предприятия, акционерного общества и социального интереса посредством экологического учета (часть 1) // Международный бухгалтерский учет. – 2017. – Т. 20, № 22 (436). – С. 1318–1335. <https://doi.org/10.24891/ia.20.22.1318>
10. Соколов, А. А., Забродин И. П. Обоснование направлений развития учета нераспределенной прибыли (непокрытого убытка) // Международный бухгалтерский учет. – 2015. – № 2 (344). – С. 21–30.
11. Соколов, Я. В., Пятoв М. Л. Бухгалтерская природа обязательств // Бухгалтерский учет. – 2002. – № 9. – С. 63–70.
12. В Беларуси введен уникальный правовой режим для участников криптоэкономики // Deloitte [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/ru/Documents/tax/lt-in-focus/russian/2017/27-12.pdf> (дата обращения: 06.11.2021).
13. Рекомендация Р-96/2018-КпР «Профессиональное суждение» // Бухгалтерский Методологический Центр [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://bmcenter.ru/Files/R-KpR-Profsgudeniye_buhgaltera (дата обращения: 08.11.2021).
14. Bitcoin впервые внесли в уставной капитал российской компании // РБК [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/crypto/news/5ddb3779a7947b7a56880cb> (дата обращения: 01.11.2021).

References

1. Civil Code of the Russian Federation (part one) dated on November 30, 1994, No. 51-FZ (as amended of June 28, 2021, as amended of October 26, 2021), *Legal reference system "ConsultantPlus"*. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_17819/7bb667f587280e00a3c9d370582f292bf4eea86a/ (accessed 10.11.2021).
2. Federal Law dated on February 8, 1998, No. 14-FZ (as amended of July 2, 2021) "On Limited Liability Companies", *Legal reference system "ConsultantPlus"*. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_17819/ (accessed 10.11.2021).
3. Bodyako A. V., Ponomareva S. V., Rogulenco T. M. Digital rights identification as an object of accounting and control, *Accounting. Analysis. Auditing*, 2021, vol. 8, no. 5, pp. 14–27. (In Russian). <https://doi.org/10.26794/2408-9303-2021-8-5-14-27>
4. Getman V. G. Improving the accounting of authorized capital, *Vse dlya bukhgaltera*, 2016, no. 4 (288), pp. 39–43. (In Russian).
5. Druzhilovskaya T. Yu. Modern problems of accounting for assets, liabilities and capital of commercial and non-commercial organisations, *Bukhgalterskii uchet v budzhetnykh i nekommercheskikh organizatsiyakh*, 2020, no. 7 (487), pp. 2–8. (In Russian).
6. Druzhilovskaya T. Yu., Igonina T. V. Directions of rapprochement of accounting of obligations on the payment in Russia with the requirements of the IFRS, *International accounting*, 2012, vol. 15, no. 6 (204), pp. 2–11. (In Russian).
7. Kotova K. Yu. Provisions in financial accounting and tax accounting: nature, types and creation method, *Vestnik professional'nykh bukhgalterov*, 2020, no. 4, pp. 14–23. (In Russian).
8. Paliy V. F. *Modern accounting*, Moscow, Bukhgalterskii uchet, 2009, 450 p. (In Russian).
9. Richard J., Altukhova Yu. V. Proposals on reforming the fundamental principles of the enterprise, joint-stock company and social interest through environmental accounting (part 1), *International accounting*, 2017, vol. 20, no. 22 (436), pp. 1318–1335. (In Russian). <https://doi.org/10.24891/ia.20.22.1318>
10. Sokolov A. A., Zabrodin I. P. Rationale for lines of development of retained earnings accounting (uncovered loss), *International accounting*, 2015, no. 2 (344), pp. 21–30. (In Russian).
11. Sokolov Ya. V., Pyatov M. L. Accounting nature of obligations, *Bukhgalterskii uchet*, 2002, no. 9, pp. 63–70. (In Russian).
12. Belarus has introduced a unique legal regime for participants in cryptoeconomics, *Deloitte*. <https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/ru/Documents/tax/lt-in-focus/russian/2017/27-12.pdf> (accessed 06.11.2021).
13. Recommendation R-96/2018-KpR "Professional judgment", *Accounting Methodological Center*. Available at: http://bmcenter.ru/Files/R-KpR-Profsgudeniye_buhgaltera (accessed 08.11.2021).
14. Bitcoin was first introduced into the authorized capital of a Russian company, *RBC*, <https://www.rbc.ru/crypto/news/5ddb3779a7947b7a56880cb> (accessed 01.11.2021).

Кулигин Василий**Дмитриевич**д-р экон. наук, ФГБОУ ВО
«Государственный университет
управления», г. Москва,
Российская Федерация**ORCID:** 0000-0002-5859-2649**e-mail:** vassily_kuligin@mail.ru**ИНФОРМАЦИОННАЯ ПРИРОДА ДЕНЕГ**

Аннотация. Исследование взаимосвязи информации и денег является одной из наиболее актуальных, широко обсуждаемых и, вместе с тем, сложных для исследования проблем. Вместе с тем многие ее аспекты остаются неясными, требующими более глубокого исследования и осмысления. Объектом настоящего исследования стала природа субъективных оценок, их качественная и количественная характеристики в отношении непосредственного обмена вещами. В статье раскрыто содержание объективной меновой ценности как относительной величины, которая не является измеримой. Она несет в себе информацию о пропорции обмениваемых вещей. Количественное соотношение ценности имеющихся денежных единиц и ценности единиц, вымениваемых на них товаров определяет цену денег. Прослежена связь между товарными и кредитными деньгами. Доказано, что деньги выполняют свою информационную функцию как воображаемые, идеальные деньги. Сделан вывод о спонтанном приспособлении информационной системы конкурентных рынков, денег и цен к условиям падения покупательной способности денег. Результаты исследования расширяют знания об информационной природе денег и намечают перспективы для дальнейших исследований.

Ключевые слова: обмен, ценность, объективная меновая ценность, деньги, товарные деньги, кредитные деньги, идеальные деньги, кредит, долг

Для цитирования: Кулигин В.Д. Информационная природа денег // Вестник университета. 2022. № 1. С. 138–145.

INFORMATIONAL NATURE OF MONEY

Abstract. The study of the relationship between information and money is one of the most relevant, widely discussed and yet difficult issues to explore. However, many aspects remain unclear, requiring deeper research and understanding. The object of this study was the nature of subjective assessments, their qualitative and quantitative characteristics in relation to the direct exchange of things. The content of objective exchange value as a relative value that is not measurable has been revealed in the article. It carries with it information about the proportion of things exchanged. The quantitative ratio of the value of the available monetary units and the units value of goods exchanged for them determines the price of money. The connection between commodity and credit money has been traced. It has been proved that money fulfills its information function as imaginary, ideal money. It has been concluded about the spontaneous adaptation of the competitive markets, money and prices information system to the conditions of falling purchasing power of money. The results of the study extend knowledge about the informational nature of money and outline perspectives for further research.

Keywords: exchange, value, objective exchange value, money, commodity money, credit money, ideal money, credit, debt

For citation: Kuligin V.D. (2022) Informational nature of money. *Vestnik universiteta*, no. 1, pp. 138–145. DOI: 10.26425/1816-4277-2022-1-138-145

Введение

Вся организация рынка так или иначе служит прежде всего потребности в распространении информации, на основании которой должен действовать покупатель. Информация, которую несут в себе цены, является ключевым фактором, определяющим поведение агентов рынка. Цены выражены в деньгах. Исследование взаимосвязи информация и денег является одной из наиболее актуальных, широко обсуждаемых и, вместе с тем, сложных для исследования проблем. Интерес к ней значительно возрос связи с мировым финансовым кризисом и его последствиями. Вместе с тем многие аспекты этой темы остаются неясными, требующими более глубокого исследования и осмысления.

© Кулигин В.Д., 2022.

Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

© Kuligin V.D., 2022.

This is an open access article under the CC BY 4.0 license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

Методология исследования

Субъективная оценка, как известно, определяет ценность вещи. Ценностные суждения условны. Будучи произвольными, они выражают чувства, вкусы или предпочтения индивида. К ним не применима проблема истинности или ложности. Они окончательны и не подлежат никакому доказательству или засвидетельствованию. Ценностные суждения представляют собой мыслительные акты конкретного индивида [8]. Мыслительные акты, а значит и понятие ценности, есть ни что иное как идеальное, существующее в головах индивидов. Сопоставление, соизмерение субъективных оценок является ничем иным, как сопоставлением, соизмерением идеального, присутствующего в головах участников обмена. Это информация о возможных пропорциях обмена вещами. При этом ценность одного товара выражена в единицах другого товара, то есть относительно. Вероятно, ценностное суждение несет в себе информацию, систематизированную в процессе опыта использования вещей. Именно различие этих оценок заключает в себе сведения о возможности заключения сделки.

Постановка проблемы

Перефразируя К. Маркса, субъективные оценки в обмене – это соотносительные, взаимно друг друга обуславливающие, нераздельные моменты, но в то же время друг друга исключаящие или противоположные крайности, то есть полюсы одного и того же выражения ценности [5, с. 58–60]. Ценность одного товара может быть выражена через отношение к другому товару, то есть в сравнении с ним. Каждый из товаров служит образцом, мерилom для определения ценности другого товара. Моментами, крайностями являются субъективные оценки.

Если рассматривать товары как качественно однородные единицы, то не существует никаких препятствий для их обмена. Субъективная оценка вещей (ценность) – это их качественная характеристика. С этой точки зрения все материальные блага являются ценностями. Обмен товарами – это обмен ценностями как одноименными величинами. В то же время здесь присутствует и количественная составляющая оценки обмениваемых благ. Преградой для обмена становятся их количественные величины и определение их соотношений. Сопоставление субъективных оценок двух неодинаковых вещей определяет количественное соотношение, пропорцию их обмена. Их субъективные оценки с точки зрения качества одинаковые и количественно сравнимые. Необходимо, однако, помнить, что обнаруживаемые в обмене различия субъективных оценок вещей как с точки зрения их качества, так и количества, всегда относительны. В этом едином двустороннем процессе стоимость товара получает не зависящее от других факторов выражение. Она становится меновой стоимостью [5].

В трактовке О. Бём-Баверка она представляет собой объективную меновую ценность, которая не поддается измерению. Она отражает «способность благ – в силу положения дел в каждом конкретном случае – соответствовать определенному количеству иных благ в ходе каждого конкретного обмена» [1, с. 209]. Будучи величиной относительной, она представляет собой оценку вещи с точки зрения фиксации ее субъективных отличий от другой вещи, результат сравнения субъективных оценок обмениваемых вещей. Сам факт наличия таких субъективных различий, обнаруживаемых при определении объективной меновой ценности, говорит о ее органической связи с субъективной потребительной ценностью. Оценка обмениваемых вещей, то есть различий, заключенных в них, несет в себе информацию. Последняя определяет относительную ценность вещей и, следовательно, пропорции их обмена. Эти пропорции складываются в процессе многочисленных индивидуальных актов обмена, в ходе которых итоговый результат субъективных оценок всех лиц, предстают перед отдельными индивидами как независимый от них свершившийся факт, воспринимаемый агентами рынка как данность [7].

Сама по себе объективная меновая ценность не несет в себе никаких природных свойств, характеристик или особенностей. Она является продуктом субъективных оценок людьми конкретных благ, с которыми они повседневно имеют дело. Точно так же товар или меновая стоимость являются всего лишь носителями сведений о тех социальных связях, в которых протекает деятельность индивидов. Товарная форма никак не связана со свойствами материального субстрата вещей. Ее содержание составляет та информация, которая заключена в отношении субъекта к обмениваемым вещам. Субстанция последних является всего лишь носителем этой информации. И, прежде всего, это информация о выгоде, получающей каждой из сторон от взаимного обмена.

В этом случае речь идет о продавце и покупателе, которые обменивают имеющиеся в их распоряжении товары на некоторое количество денег. Спрос продавца на деньги является обратной стороной предложения им товаров. В то же время спрос покупателя на товары тождественен предложению им денег. Эта симметрия спроса и предложения определяет пропорцию обмена товаров на деньги и, следовательно, ценность денежной единицы. В этой терминологии уравнение, приводимое К. Марксом: « x товара $A = y$ денежного товара» [5, с. 105], можно интерпретировать следующим образом. У каждого из индивидов имеются свои собственные представления о ценности обмениваемых ими благ. Но, в противоположность К. Марксу, речь при этом не идет об измерении стоимостей товаров, а всего лишь об их ранжировании, то есть выстраивании субъективных оценок в порядке их важности относительно золота. Последнее выполняет функцию шкалы ценностей. Поскольку индивиды по-разному оценивают свои и чужие блага, согласованная ими цена обеспечивает каждому выгоду от обмена. Но это не абсолютная, а относительная величина субъективных оценок, их равенство в отношении.

Основные результаты

Ценность денег может изменяться по причинам, которые не зависят от самих участников обмена. С другой стороны, отношение может эволюционировать под влиянием происходящего на стороне товаров (товарная часть отношения). Как правило это становится возможным под влиянием технологических изменений и связанных с ними возникновением монополистических структур. Количественное соотношение между деньгами и товарами определяется размером предложения товара, которое в то же самое время является обратной стороной величины спроса на деньги. Цена денег – это фактически полученное за них количество благ. Если стоимость товара выражается в золоте, то денежная форма товара становится его ценой.

Ценностные суждения, представляющие собой мыслительные акты участников обмена, о которых говорилось выше, превращаются, таким образом, в товарные цены. Последние существуют в виде вообразимых количеств золота различной величины. Выраженные в качественно однородном материале они становятся одноименными, а значит сравнимыми, величинами. Как таковые, они сопоставляются друг с другом. При этом речь идет именно о мысленно представляемых количествах золота, об идеальной форме, существующей лишь в представлении. Стоимость, говорит К. Маркс, невидимо присутствует в самих обмениваемых вещах. Она обнаруживает себя «в их отношении к золоту, в отношении, которое, так сказать, существует лишь в их голове. Хранителю товаров приходится... навесить на них бумажные ярлыки, чтобы поведать внешнему миру их цены. Так как выражение товарных стоимостей в золоте носит идеальный характер, то для этой операции может быть применимо также лишь мысленно представляемое, или идеальное, золото». Свою функцию уравнивания «стоимостей деньги выполняют лишь как мысленно представляемые, или идеальные деньги» [5, с. 105–106]. Благодаря золоту цены, как мысленно представляемые его количества, получают стандарт для своего сравнения и сопоставления. При этом речь идет именно о мысленно представляемых количествах золота, об идеальной форме, существующей лишь в представлении.

Идеальными деньги стали тогда, когда все субъективные оценки отделились от товаров. Они получили свое материализованное, внешне самостоятельное воплощение в осязаемом материале. Товары начали измерять свои ценности в золоте. Золото противостояло товарам как вообразимый, противоположный образ их субъективных оценок. Оно стало их отображением, воплощением и носителем ценностей товаров. Реальными деньги становятся в процессе превращения бесконечно разнообразных товаров в цены, в мысленно представляемые количества золота. Обмениваясь на него, товары подтверждают реальность отделившихся от них субъективных оценок вещей, их действительного образа ценности. Последний не имеет ничего общего с естественным природным субстратом вещей, их телесной субстанцией.

И в первом, и во втором случае речь идет об образе стоимости, в котором исчезли естественные чувственно осязаемые следы потребительной стоимости. «...Деньги есть образ всех других товаров, отделившийся от них...» [5, с. 120]. Сам по себе образ есть ничто иное, как бестелесная, бесплотная форма, информация. Вместе с тем, следует обратить внимание на то, что данное обстоятельство не изменяет товарной природы денег: ценник сохраняет единство товара как вещи и ее цены. На нем указаны наименование товара и его цена (информация).

Отношение «товар – деньги» представлено, таким образом, в виде реальных и идеальных денег. Идеальные деньги возникают тогда, когда товар превращается в деньги. Напротив, деньги становятся реальным товаром в том случае, когда они превращаются во вполне конкретные потребительные стоимости. Это замкнутая на самое себя информационная система, единица информации в ее абстрактном виде. Она представляет собой информационный процессор гораздо более масштабной картины, дающий представление о возможных вариантах обмена. Последние влияют на решения контрагентов и тем самым управляют их поведением. Выше было показано, что эта система, обеспечивающая эволюцию денег, создавала информацию, ее запись и использование. Она же поддерживает синхронное движение товарного и денежного потоков. Стабильность денег оказывает непосредственное влияние на достоверность и качество информации. Пока эта единица обладает информационным единством, в ее рамках сохраняется взаимопонимание и взаимодействие агентов рынка. Когда она с течением времени постепенно утрачивает свою прочность, происходит потеря генерируемых ею знаний.

Идеальные деньги изменяют пространственно-временные координаты обмена. Продажа и покупка теперь уже непосредственно не связаны между собой, что вносит принципиальные изменения в простую модель обмена продуктами [5]. Это обусловлено тем, что «процесс обращения не заканчивается... после того как потребительные стоимости поменялись местами и владельцами. Деньги не исчезают от того, что они в конце концов выпадают из ряда метаморфозов данного товара» [5, с. 123]. С их появлением функционирование единого целого приобретает особую специфику. «...Деньги, в отличие от обычных товаров, предназначены не для того, чтобы их потреблять, а для того, чтобы передавать их из рук в руки. Вследствие этого изменение денежной массы (или спроса на деньги) не ведет непосредственно к новому равновесию» [13, с. 418].

Поскольку товары вступают в обмен с уже имеющимися у них ценами, эта информация хорошо известна акторам рынка. Но с развитием товарного обращения продавец становится кредитором, а покупатель – должником. Появляется дополнительная информация к уже имеющейся. Она обусловлена отделением во времени отчуждения товара от реализации его цены [5].

Но это обстоятельство никоим образом не влияет на выполнение деньгами функции средства обмена. «Кредитная сделка, – пишет Л. Мизес, – в сущности, есть не что иное, как обмен настоящего блага на благо будущее» [7, с. 28]. Цена устанавливается контрактом, то есть она фиксируется на каком-то определенном отрезке времени. Деньги, таким образом, участвуют в нем при определении цены продаваемого товара. Последняя фиксирует обязательство покупателя уплатить в установленный срок согласованную контрактом денежную сумму. В этой сделке деньги выполняют специфическую функцию идеального покупательского средства. Никакого физического перемещения денег от одного индивида к другому не происходит. Денежное обязательство является всего лишь мыслимым обязательством, то есть информацией определенного содержания. Точно таким же мыслимым остается и выполнение этого обязательства.

Отношения кредиторов и должников неразрывно сплетаются в ряд совершаемых сделок. Движение в обратном направлении следующих друг за другом платежей всего лишь выражает общественную связь, которая уже имела в готовом виде до него [5]. Это означает, что действительные кредитные деньги появляются естественным путем в самом процессе производства. Они образуются тогда, когда финансовые инструменты используются в не прямых обменах. Эти деньги не имеют своей собственной внутренней стоимости, а приобретают ее в процессе обмена. «Кредитные деньги являются исключительно производной разновидностью денег. Они получают свою стоимость (value) от ожидаемого будущего выкупа какого-либо товара. В этом отношении они кардинально отличаются от бумажных денег, которые ценятся сами по себе» [15, с. 28–29].

Эта необходимость выкупа какого-либо товара в будущем должна быть каким-то образом гарантирована. Она может основываться либо на доверии контрагентов друг другу, либо подтверждаться юридическими процедурами. Без этой дополнительной информации кредитные деньги теряют свою ценность. По этой причине они никогда не могут иметь такое обращение, которое соответствует обращению естественно возникших денег. Поэтому широкое распространение кредитных денег стало возможным только после того, когда сам кредит был деноминирован в товарных деньгах. Это сделало репутацию эмитента не подлежащей сомнению [15].

Расширение масштаба производства открыло для предпринимателей новые возможности предоставления кредита. Долговые обязательства за проданные товары, переносящие финансовые требования с одного лица на другое, постепенно вытесняли из обращения наличные деньги. Этот специфический способ движения и возрастания стоимости, как определенный тип социальной связи, дал толчок к концентрации платежей.

Появились особые учреждения, которые специализировались на взаимном погашении требований. Будучи по своей сути счетными, деньги, по всей видимости, естественным образом закладывали основу своеобразной институциональной инфраструктуры, обеспечивающей получение сведений, необходимых для принятия многообразных деловых решений. Это обстоятельство подчеркивает факт их информационной природы.

Тем не менее, возможности складывающейся информационной структуры были ограничены. Как констатирует Г. Г. Матюхин, у такой системы информации отсутствовали ресурсы для получения необходимых сведений в рамках более или менее обширной области. Кроме того, при отсутствии взаимной компенсации платежей разница должна была погашаться наличными деньгами. Банкнота стала средством разрешения возникших противоречий [6].

В форме банкноты кредитные деньги приобретают всеобщую значимость. Постепенно эмиссионно-банкнотные функции переходят к опирающимся на правительственную власть эмиссионным банкам. Учрежденная денежная система предоставляет монопольный статус законного платежного средства привилегированным долговым распискам. Когда они вытесняют с рынка все остальные, правительство приостанавливает выкуп выпущенных им банкнот. Тем самым оно превращает их в бумажные деньги. Такая последовательность событий была характерна всех основных западных стран [15].

Комментируя приравнивание банкноты к государственным бумажным деньгам, Г. Г. Матюхин констатирует, что она по самой своей сути, по-прежнему, остается формой кредитных денег. Банкнота является непосредственным представителем товаров [6]. Информационная ценность банкноты, таким образом, определяется ее непосредственной связью с товарами. Она выпускается под уже совершенные товарные сделки купли-продажи. Этим самым обеспечивается единство движения товарного и денежного потоков. Тем не менее, ситуация радикально изменилась. Хотя бывшие банкноты и бывший банк сохранили все свои внешние характеристики, но их природа стала другой.

Записи теперь уже не являются удостоверениями. Они не дают возможности претендовать на определенное количество драгоценного металла. В то же время центральный банк может напечатать любое количество денег практически при нулевых издержках. Единственным препятствием становится опасность гиперинфляции. Последняя, тем не менее, может колебаться в довольно широких пределах. За последние тридцать лет, пишет Г. Хюлсманн, национальные и международные бумажные деньги были произведены в огромных количествах. Но это не привело к падению ни одной из основных мировых валют [15].

Автор рассматривает опасность гиперинфляции в качестве единственного препятствия для прекращения неограниченного производства бумажных денег. Между тем действительную реакцию частного сектора на столь масштабные изменения покупательной способности денег явно никто не предвидел. Она противоречила интуитивным представлениям о возможности гиперинфляции и стала сюрпризом как для самих агентов рынка, так и для денежных властей.

В начавшемся движении в сторону свободных рынков и либерализации финансового сектора участниками рынка постепенно формировались условия для наиболее оптимального извлечения прибыли. Этому способствовали следующие обстоятельства. Во-первых, деньги по своей природе органически связаны с информацией. Во-вторых, инновации в области цифровых технологий открыли новые возможности для проявления и реализации информационной составляющей денег. И, наконец, экономический рост во многих странах способствовал увеличению сбережений частного сектора и государств, которые нуждались во вложении в сверхнадежные финансовые инструменты [2]. Они искали более высокой доходности, чем у государственных облигаций, в то время как акции утратили свою привлекательность после обвала фондового рынка в 2000 г. [3].

Конкуренция, как известно, побуждает участников рынка постоянно следить за возможностями получения прибыли, находить и открывать ее дополнительные источники. Задача предпринимателя состоит в том, чтобы обнаружить новую, ранее никому не известную информацию и с выгодой воспользоваться ею для получения прибыли [11]. Будучи единой информационной системой рынка, деньги и цены позволяют координировать и интегрировать рассредоточенные и децентрализованные знания. Порожденная предпринимателями система коммуникации по сбору и переработке рассеянной информации упорядочила спонтанно действующие рыночные силы [12]. Выяснилось, что связь между вкладчиками и заемщиками необязательно должна проходить через коммерческий банк. Конкурентный рынок нашел свои способы преодолеть асимметрию знаний кредиторов и должников, предложив им новые финансовые инструменты с повышенной доходностью.

Была создана ранее неизвестная структура по сбору больших сумм денег инвесторов, которые направлялись на выдачу ипотечных кредитов. Сначала хороших, возврат которых был гарантирован. После того как они закончились, ссуды выдавались заемщикам со все более низкими стандартами.

В соответствии с новой моделью инвестиционные банки предоставляли ссуды ипотечным компаниям. Последние передавали деньги субстандартным заемщикам. После того как кредитные соглашения были подписаны, ипотечная компания продавала ссуды какой-либо другой компании для секьюритизации, часто той же самой, которая первоначально предоставила ссуду этой ипотечной фирме. Полученные кредиты дробились, смешивались, группировались и трансформировались в сложносоставные облигации. Эти бумаги, в которых были «запакованы» ипотечные кредиты, затем продавались внешним инвесторам, вместо того чтобы, как раньше, держать выданные суммы на собственном балансе [3]. Банки, таким образом, нашли новый источник рефинансирования своего кредитного портфеля, который не подпадал под существующую систему контроля [4].

Ипотечное кредитование стало бизнесом. Его движущей силой выступали получаемые банками платежи, а прибыль зависела от числа и объема совершаемых сделок. Стало возможным перераспределять деньги в пользу финансового сектора и получать прибыль минуя реальный сектор экономики. Традиционные банки также составляли важную часть создававшихся новых, действующих без регулирования, финансовых рынков. С развитием секьюритизации, информационных технологий торговли и взаиморасчетов, возникли разнообразные активы, которые непосредственно, в качестве обеспечения, превращаются в ликвидность или денежные эквиваленты. Весьма примечательным и принципиально важным моментом этой ситуации стало появление «новой формы кредитных денег» [3, с. 195–196]. Произошедшие изменения радикально преобразили способы работы денежной системы, и она вышла из-под контроля властей.

Большую роль в этом процессе играла дешевизна денег. Увеличение объемов потока капиталов из Китая на рынки Соединенных Штатов повышало спрос на ценные бумаги, номинированные в американских долларах. Цены на них росли, что удерживало на низком уровне долгосрочные процентные ставки в США. В результате ставки по ипотечным кредитам находились под понижающим давлением, поддерживая рост огромных «пузырей» на американских жилищном и кредитном рынках [10]. К тому же с 2001 по 2005 гг. Федеральная резервная система (далее – ФРС) сохраняла процентные ставки на исторически низком уровне. Они были главным фактором бумов на рынке жилья, подпитывая растущий спрос на недвижимость, вследствие чего постоянно повышались цены на жилые дома. Рост цен на активы приводил к увеличению левериджа. Опасность пузырей резко возрастает, особенно когда они подпитываются долгами, как в случае взрывного роста цен на недвижимость [9].

После того как цены на недвижимость начали снижаться, заемщики не могли больше рефинансировать свои ипотечные кредиты. Случаи банкротств участились, что стало причиной полномасштабной финансовой паники. Естественной реакцией перегруженных долгами агентов частного сектора стало сокращение своих расходов. Угроза дефляции становилась вполне реальной. Стремясь не допустить развитие событий по этому сценарию, ФРС привела в действие программы так называемого количественного смягчения. Целью ФРС было повышение инфляции. Их результатом, как было показано выше, стал рост цен на активы, который продолжался более десяти лет. Однако цены на потребительские товары и на товары промышленного назначения оставались относительно стабильными. Этот факт, по-видимому, свидетельствует о мощном дефляционном потенциале, накопленном экономикой. Тем не менее, спустя почти четырнадцать лет после начала кризиса индекс потребительских цен начал расти и по итогам октября 2021 г. оказался на рекордном за последние тридцать лет уровне [14]. Пока неясно, как долго продлится рост цен и насколько он будет устойчивым. Федеральная резервная система настаивает на том, что начавшаяся инфляция носит временный характер. Однако многократно возросшая денежная база в сочетании с постоянно увеличивающимися бюджетными расходами может привести к тому, что инфляция, о которой писал Г. Хюлсманн, станет реальностью.

Заключение

На основе проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

- генерируемая конкурентными рынками информация всегда относительна. Ее качество определяется стабильностью ценности денежной единицы;
- в условиях инфляции активов ограничением для функционирования экономики стало креативное и адекватное использование частным сектором существующей информации для извлечения прибыли.

Подводя итоги, сформулируем следующие дискуссионные вопросы: 1) остается неясным, каким образом может быть остановлено перманентное разрушение ценности денег; 2) повышение качества информации определяется жесткостью нерегулируемой рыночной активности, обеспечивающей адекватность субъективных оценок агентов рынка. Эффективность работы информационной системы экономики, по-видимому, во многом зависит от этого.

Библиографический список

1. Бем-Баверк, О. фон. Капитал и процент; Т. 2: Позитивная теория капитала; Т. 3: Экскурсы / пер. с англ. В. Кошкина; под ред. А. В. Куряева. – Челябинск: Социум, 2010. – 916 с.
2. Вайн, С. Глобальный финансовый кризис: Механизмы развития и стратегия выживания. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2009. – 302 с.
3. Вулф, М. Сдвиги и шоки: чему нас научил и еще должен научить финансовый кризис / пер. с англ. А. Гусева; под науч. ред. Е. Головляницыной. – М.: Изд-во Института экономической политики им. Е. Т. Гайдара, 2016. – 512 с.
4. Джонсон, С., Квак, Д. 13 банков, которые правят миром. В плену Уолл-Стрит и в ожидании следующего финансового краха / пер. с англ. В. Егоров. – М.: Карьера Пресс, 2014. – 384 с.
5. Маркс, К. Капитал. Т.1. Маркс К., Энгельс Ф. – Соч. – 2-изд. – Т. 23. – М.: Гос. Изд. Полит. Литературы. – 907 с.
6. Матюхин, Г. Г. Проблемы кредитных денег при капитализме: Историчность форм денег и их функции. Деньги и кругооборот капитала. Идентичная эволюция мировых и национальных денег. Единство денежных и валютных кризисов, их функциональных и циклический характер. – М.: ЛЕНАНД, 2017. – 224 с.
7. Мизес, Л. фон. Теория денег и кредита / пер. с англ. и нем., под ред. и с комм. Г. Сапова. – Челябинск: Социум, 2012. – 808 с.
8. Мизес, Л. фон. Теория и история: интерпретация социально-экономической эволюции / пер. с англ., под ред. проф. А. Г. Грязновой. – Челябинск: Социум, 2013. – 368с.
9. Рейхарт, К. М., Рогофф, К. С. На этот раз все будет иначе. Восемь столетий финансового безрассудства / пер. с англ. Д. Стороженко, науч. ред. В. Никишкин. – М.: Карьера Пресс, 2011. – 528 с.
10. Роуч, С. Несбалансированные. Созависимость Америки и Китая. – М.: Изд-во Института экономической политики им. Е. Т. Гайдара, 2019. – 520 с.
11. Уэрта де Сото, Х. Австрийская экономическая школа: рынок и предпринимательской творчество / пер. с англ. Б. С. Пинскера, под ред. А. В. Куряева. – Челябинск: Социум, 2011. – 202 с.
12. Хайек, Ф. А. Индивидуализм и экономический порядок / пер. с англ. О. А. Дмитриевой, под ред. Р. И. Капелюшников. – Челябинск: Социум, 2011. – 394 с.
13. Хайек, Ф. А. Конституция свободы / пер. с англ. Б. Пинскер, ред. А. Красникова. – М.: Новое издательство, 2018. – 528 с.
14. Как рекордная инфляция в США повлияет на Россию // Ведомости. – 2021. – 11 ноября [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2021/11/11/895522-rekordnaya-inflyatsiya> (дата обращения: 23.11.2021).
15. Hülsmann, J. G. The ethics of money production / Ludwig von Mises Institute. – Auburn: Alabama, 2008. – 280 p.

References

1. Böhm-Bawerk E. von. *Capital and interest*, vol. II. Positive Theory of Capital, vol. III. Further Essays on Capital and Interest, transl. from Eng. V. Koshkin, ed. A. V. Kuryaev, Chelyabinsk, Dotsium, 2010, 916 p. (In Russian).
2. Vine S. *The global financial crisis: Development mechanisms and survival strategy*, Moscow, 2009, 302 p. (In Russian).
3. Wolf M. *The shifts and the shocks: What we've learned – and still have to learn – from the financial crisis*, trans. from Eng. A. Gusev, Sci. ed. E. Golovlyanitsina, Moscow, Gaidar Institute for Economic Policy Publ. House, 2016, 512 p. (In Russian).
4. Johnson S., Kwak J. *13 Bankers. The Wall Street take over and the next financial meltdown*, trans. from Eng. V. Egorov, Moscow, Kar'era Press, 2014, 384 p. (In Russian).
5. Marx K. *Capital*. V.1, Marx K., Engels F. Compositions, 2nd edition, vol. 23, Moscow, Gos. Izd. Polit. Literatury, 907 p. (In Russian).
6. Matyukhin G.G. *Problems of credit money under capitalism: Historicity of forms of money and their functions. Money and the circulation of capital. Identical evolution of world and national money. The unity of monetary and currency crises, their functional and cyclical nature*, Moscow, LENAND, 2017, 224 p. (In Russian).
7. Mises L. Von *The theory of money and credit [Theorie des Geldes und der Umlaufsmittel]*, trans. from Eng. and Germ., ed. and comm. Gr. Sapov, Chelyabinsk, Sotsium, 2012, 808 p. (In Russian).
8. Mises L. Von. *Theory and history. An interpretation of social and economic evolution*, trans. from Eng., ed. prof. A. G. Gryaznova, Chelyabinsk, Sotsium, 368 p. (In Russian).

9. Reinhart C. M., Rogoff K. S. *This time is different. Eight centuries of financial folly*, trans. from Eng. D. Storozhenko, sci. ed. V. Nikishkin, Moscow, Kar'era Press, 2011, 528 p. (In Russian).
10. Roach S. *Unbalanced. The codependency of America and China*, Moscow, Gaidar Institute for Economic Policy Publ. House, 2019, 520 p. (In Russian).
11. Uerta de Soto J. *Austrian economic school: market and enterprise creativity*, trans. from Eng. B. N. Pinsker, ed. A. V. Kuryaev, Chelyabinsk, Sotsium, 2011, 202 p. (In Russian).
12. Hayek F. A. *Individualism and economic order*, trans. from Eng. O. A. Dmitrieva, ed. A. V. Kapelyushnikov, Chelyabinsk, Sotsium, 2011, 394 p. (In Russian).
13. Hayek F. A. *The Constitution of liberty*, trans. from Eng. B. Pinsker, ed. A. Krasnikova, Moscow, Novoe izdatel'stvo, 2018, 528 p. (In Russian).
14. How record inflation in the US will affect Russia, *Vedomosti*, 2021, November 11. Available at: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2021/11/11/895522-rekordnaya-inflyatsiya> (accessed 23.11.2021).
15. Hülsmann J. G. *The ethics of money production*, Ludwig von Mises Institute, Auburn, Alabama, 2008, 280 p.

СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И ПРОЦЕССЫ

УДК 005.336:791.45-028.27

JEL O14

DOI 10.26425/1816-4277-2022-1-146-156

Акопян Анна Рубеновна

канд. экон. наук, ФГБОУ ВО «Государственный университет управления»,
г. Москва, Российская Федерация

ORCID: 0000-0002-8887-4671

e-mail: akopyan-ar@mail.ru

Аракелян Артур Мовсесович

д-р экон. наук, ФГБОУ ВО «Государственный университет управления», г. Москва,
Российская Федерация

ORCID: 0000-0001-8328-7219

e-mail: artur.arakelyan@mail.ru

Воронцова Юлия Владимировна

канд. экон. наук, ФГБОУ ВО «Государственный университет управления»,
г. Москва, Российская Федерация

ORCID: 0000-0001-7995-6395

e-mail: jvms2008@yandex.ru

Крысов Виктор Владимирович

канд. географ. наук, ФГБОУ ВО «Государственный университет управления»,
г. Москва, Российская Федерация

ORCID: 0000-0003-3794-9271

e-mail: viktor.krysov@gmail.com

Anna R. Akopyan

Cand. Sci. (Econ.), State University
of Management, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0002-8887-4671

e-mail: akopyan-ar@mail.ru

Artur M. Arakelyan

Dr. Sci. (Econ.), State University
of Management, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0001-8328-7219

e-mail: artur.arakelyan@mail.ru

Yulia V. Vorontsova

Cand. Sci. (Econ.) (PhD), State University
of Management, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0001-7995-6395

e-mail: jvms2008@yandex.ru

Viktor V. Krysov

Cand. Sci. (Geogr.), State University
of Management, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0003-3794-9271

e-mail: viktor.krysov@gmail.com

ФОРМИРОВАНИЕ КОНКУРЕНТНЫХ ПРЕИМУЩЕСТВ ОНЛАЙН-КИНОТЕАТРОВ

Аннотация. Развитие Интернета вызвало у потребителей видеоконтента стремление к нетрадиционным способам просмотра, что вскоре привело к развитию сервисов «видео по запросу». Затраты на контент являются стратегическим ресурсом стриминговых сервисов в борьбе за привлечение пользователей, так как с каждым годом конкуренция в сфере стриминговых платформ становится все более острой. В этих условиях формирование оригинального контента позволяет повысить конкурентное преимущество, меняя положение основных игроков на рынке при завоевании и удерживании аудитории. В статье исследованы факторы, формирующие конкурентные преимущества онлайн-кинотеатров. На основе статистических данных проанализирован пользовательский опыт по выделенным факторам, в результате которого выбраны лидеры стримингового сервиса и выявлено активное участие эксклюзивного контента в дифференциации стриминговых сервисов. По результатам исследования по сформированным факторам сделан вывод, что почти все платформы имеют схожие параметры, поэтому выбор платформы будет зависеть от уровня качества собственного контента, что позволит платформе обеспечить себе дополнительное конкурентное преимущество.

Ключевые слова: конкурентные преимущества, контент, мультимедиа, онлайн-кинотеатр, риск, система, стриминговые платформы, факторы

Для цитирования: Акопян А.Р., Аракелян А.М., Воронцова Ю.В., Крысов В.В. Формирование конкурентных преимуществ онлайн-кинотеатров // Вестник университета. 2022. № 1. С. 146–156.

ONLINE CINEMAS COMPETITIVE ADVANTAGES FORMATION

Abstract. With the development of the Internet, consumers began to strive for unconventional ways of viewing content, which soon led to the development of video-on-demand services. Content costs are a strategic streaming services resource in the struggle to attract users, as competition in the field of streaming platforms becomes more and more acute every year. Under these conditions, the formation of original content makes it possible to increase the competitive advantage by changing the position of the main players in the market while winning and retaining the audience. The article investigated the factors that form the competitive advantages of online cinemas. Based on statistical data, the user experience was analysed according to the selected factors, because of which the leaders of the streaming service were selected and the active participation of exclusive content in the streaming services differentiation was revealed. Based on the results of the study on the factors generated, the authors concluded that almost all platforms have similar parameters, so the platform selection will depend on the quality level of its own content, which will allow the platform to provide itself with an additional competitive advantage.

Keywords: competitive advantages, content, multimedia, online cinema, risk, system, streaming platforms, factors

For citation: Akopyan O.V., Arakelyan A.M., Vorontsova Yu.V., Krysov V.V. (2022) Online cinemas competitive advantages formation. *Vestnik universiteta*, no. 1, pp. 146–156. DOI: 10.26425/1816-4277-2022-1-146-156

© Акопян А.Р., Аракелян А.М., Воронцова Ю.В., Крысов В.В., 2022.

Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

© Akopyan O.V., Arakelyan A.M., Vorontsova Yu.V., Krysov V.V., 2022.

This is an open access article under the CC BY 4.0 license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

Введение

С каждым годом конкуренция в сфере стриминговых платформ становится все более острой. В данных условиях формирование оригинального контента позволяет повысить конкурентное преимущество, привлекая к себе новую и удерживая «верную» аудиторию. В связи с увеличением информационного потока появилась необходимость определения влияния собственного контента на повышение вовлеченности пользователей. Для этого необходимо определиться с составом факторов, влияющих на повышение конкурентоспособности стриминговых платформ, а также степенью их влияния на привлекаемую ими аудиторию.

Теория и методы

Согласно Cambridge Dictionary, стриминг (англ. streaming – потоковый) – это сервис, который дает мгновенный доступ к видео, музыке, книгам через интернет без предварительной загрузки контента на устройство [6]. В исследовании авторами понятие стриминговый видеосервис будет трактоваться в значении мультимедиа, как формы коммуникации, объединяющей звук, анимированную компьютерную графику, видеоряд.

С развитием Интернета потребители стали стремиться к нетрадиционным способам просмотра контента, что вскоре привело к развитию сервисов «видео по запросу» [8]. Netflix – первая стриминговая платформа по подписке: “video on demand” сервис или «видео по запросу» была запущена в 2006 г. Принцип работы заключался в том, что сервис предоставляет фильмы и сериалы в режиме онлайн через Интернет [2].

Принцип работы всех платформ «видео по запросу» одинаков. У ресурса должны быть настроены поисковая строка, которая позволяет пользователю найти определенный кинопродукт; библиотека контента – видеотека; медиаплеер, который будет удобно использовать. Для этого каждые разделы должны быть разделены в зависимости от типа медиафайла, жанра, страны производства или по тематическим блокам; меню с тарифными планами подписки; а также виджет, позволяющий оплатить подписку [4]. Помимо этого, на стриминговых платформах на основной странице представлена подборка различных фильмов и сериалов, расположенных в особом порядке. Такой порядок создается благодаря рекомендательной системе сервисов. Смысл рекомендательной системы сервисов заключается в том, чтобы увеличить доход путем определения предпочтений зрителя максимально точно, то есть онлайн-платформы создают личную персонализацию контента для каждого пользователя платформы [3].

В качестве примера авторами рассматривается принцип работы рекомендательной системы на платформе Netflix. Всякий раз, когда пользователь получает доступ к сервису Netflix, система рекомендаций стремится помочь найти шоу или фильм, которым можно насладиться с минимальными усилиями. При этом оценивается вероятность того, что аудитория увидит тот или иной заголовок в каталоге, исходя из ряда факторов, в числе которых [1]:

- взаимодействие с сервисом (например, история просмотров и оценка других заголовков);
- другие участники с аналогичными вкусами и предпочтениями на сервисе;
- информация о кинопродукте (жанр, категории, актеры, год выпуска и т. д.).

В дополнение к информации о том, что пользователь просмотрел контент на Netflix, для совершенствования персонализированных рекомендаций, также анализируются следующие факторы:

- время суток, в которое пользователь просматривает контент;
- устройства, на котором просматривается контент;
- длительность просмотра.

Все эти фрагменты данных используются в качестве входных данных, которые обрабатываются в алгоритмах. При этом система рекомендаций не включает демографическую информацию (например, возраст или пол) в процесс принятия решений.

При создании учетной записи платформа предлагает выбрать несколько кинопродуктов, которые могут заинтересовать пользователя. Система использует их названия, чтобы «запустить» рекомендации. Как только пользователь начинает смотреть контент на сервисе, с точки зрения управления системой рекомендаций о любых предпочтениях информация об этом замещает информацию, которая была предоставлена ранее, и по мере того, как пользователь продолжает просматривать конкретный контент, с течением времени он будет «перевешивать» названия, на которые обращали внимание в прошлом.

Помимо выбора названий для включения в строку на домашней странице Netflix, система также ранжирует в ней каждое название, а затем ранжирует сами строки, используя алгоритмы и сложные системы для обеспечения персонализированного контента. Иными словами, когда пользователь смотрит на свою домашнюю страницу Netflix, система ранжирует названия кинопродуктов таким образом, чтобы представить наилучший возможный порядок названий, которые могут понравиться потребителю.

В каждом ряду есть три уровня персонализации:

- выбор ряда (например, продолжить просмотр, сейчас в тренде, отмеченные наградами комедии и т. д.);
- названия, появляющиеся в строке;
- рейтинг этих названий: настоятельно рекомендуемые ряды идут наверх, а настоятельно рекомендуемые названия начинаются слева от каждой.

Основной целью персонализированного контента является облегчение поиска нового контента для пользователя. Данная система дает понимание платформе, какой именно контент необходимо предоставлять пользователю. Это позволяет видеосервисам производить собственный оригинальный контент, тем самым минимизируя риски, связанные с незаинтересованностью и/или «провалом» производимого кинопродукта.

Таким образом, система персонализации, анализируя предпочтения аудитории, дает возможность создавать собственный эксклюзивный кинопродукт, наиболее точно соответствующий запросам и интересам аудитории. Собственный (оригинальный) контент – контент, который создается стриминговым сервисом.

Со времени появления стриминговых сервисов значительно упростился поиск подходящего контента, а также предоставления доступа к нему без территориальных или временных ограничений. Пандемия повлияла на ускоренное развитие стриминговых сервисов, которые в свою очередь активно продолжают наращивать библиотеку оригинального контента.

Согласно отчету VOD, catalog insights за 2021 г. компания Netflix лидирует количеством производимого контента: на 2021 г. производство собственного контента занимает 39 %, по сравнению с 25 % прошлого года [7].

Инвестируя в закупку и производство собственного контента стриминговые видеосервисы решают различные бизнес-задачи, среди которых:

- привлечение и дифференциация аудитории. Пересечение аудитории характерно для всех онлайн-кинотеатров, как на глобальном, так и на локальном уровнях;
- выход на локальные рынки. Одно из главных направлений развития заключается в производстве контента для локальной аудитории. Это позволяет укрепить собственный бренд видеосервиса;
- использование аналитики.

Даже при условии создания контента высокого качества с участием лучших актеров, остается риск того, что контент будет не востребован аудиторией, либо станет «нишевым». В связи с этим, перед онлайн-кинотеатрами встает задача эффективного продвижения своей продукции, которую они успешно выполняют. Важно выпускать контент в «правильное время». Бренды могут уделять больше внимания срокам и планированию выпусков контента таким образом, чтобы они были привязаны к определенным праздникам или специальным событиям. Важно, чтобы бренды обращали внимание на то, что происходит по всему миру, чтобы была возможность синхронизировать выпуски контента с релевантными текущими событиями. Это помогает повысить актуальность и своевременность контента, чтобы он лучше резонировал с потребителями [10].

Оригинальность контента имеет решающее значение в любой контентной стратегии. Создание качественного оригинального контента может укрепить доверие к онлайн-платформе и повысить ее имидж. Видеосервису помогает выделиться в мировом море контента его уникальность/оригинальность.

Основные результаты

В данном исследовании было выделено 5 факторов, влияющих на привлечение зрителей к использованию стриминговых сервисов.

1. Удобство. Одним из важнейших факторов для пользователей является удобный и понятный интерфейс сервиса. В исследовании фактор удобства анализируется по следующим критериям: возможность загружать контент для просмотра офлайн в любое время, с любого устройства, возможность получения высокого качества звука и видео, наличие рекламы.

2. Полезность. Внедрение искусственного интеллекта в стриминговые сервисы становится повсеместным. Современные поисковые алгоритмы и рекомендательные системы предлагают удобные решения как для бизнеса, так и для конечных потребителей. Компании инвестируют значительные средства в расширение объема библиотеки контента для привлечения потребителей, и благодаря достигнутому прогрессу в сфере поиска, зрителям становится гораздо легче найти в ней то, что им интересно. А в том случае, когда пользователи не знают, что именно хотят посмотреть, современные технологии поиска помогут им с выбором. На сегодняшний день видеосервис Netflix является одним из самых ярких примеров, которые внедряют системы рекомендаций. В данном исследовании фактор полезности анализируется по следующим критериям: приобретение новых знаний, система рекомендаций и подборок, дизайн платформы, наличие субтитров и промокодов. Наличие у сервиса развитой экосистемы с дополнительными возможностями (наличие дополнительных материалов о фильме/сериале, интересных фактов, форумов; возможность чтения книг; подключение ТВ-каналов и т. д.)

3. Цена. Большинство онлайн-платформ предлагают попробовать свой сервис бесплатно в течение определенного времени. Бесплатный период позволяет оказывать непосредственное влияние на поведение потребителей, так как учет личного опыта является одним из этапов для продления подписки. Пробный период дает пользователю возможность протестировать функционал сервиса и оценить преимущества. Безусловно, важным аспектом для пользователя является стоимость подписки, но также важную роль играет ценовая прозрачность. Считается, что чем выше прозрачность цен (чем больше информации потребители имеют о ценах продавца), тем выше будет их восприятие справедливости цен. Справедливость цены, в свою очередь, приводит к более благоприятным оценкам восприятия удовлетворенности и увеличивает поведенческие намерения клиентов оформлять подписку и рекомендовать сервис [5]. Прозрачность цены определяется и отсутствием дополнительных платных функций: при платной подписке на многие онлайн-кинотеатры пользователь вынужден столкнуться с отдельными кинопродуктами, которые не входят в стоимость подписки. Изначально это приносит дополнительную прибыль сервису, однако скрытые покупки в долгосрочной перспективе вызывают отток потребителей, когда они узнают реальную цену [9].

4. Библиотека контента. Контент на стриминговых видеосервисах является одним из ключевых аспектов при выборе онлайн-платформы. Критерии анализа могут выступать: объем доступного контента на сервисе (количество фильмов, сериалов, видео и т. д.), наличие телеканалов, аудиокниг, подкастов и т. д., сотрудничество с известными студиями.

5. Эксклюзивный контент. Стриминговые видеосервисы активно вкладывают средства в производство собственного контента, благодаря чему увеличивается разнообразие контента, создается продукт на основе предпочтений целевой аудитории. Кроме того, есть эксклюзивный контент, который предоставляют студии, и который транслируется исключительно на данной платформе. Этот фактор анализировался через исследование наличия собственного и эксклюзивного контентов у платформы.

В таблице 1 представлен сравнительный анализ зарубежных и мировых видеосервисов, целью которого является выявление общих и отличительных черт российских и мировых стриминговых сервисов. Основываясь на теоретической базе исследования анализ проводился по 5 выявленным факторам.

Фактор цены включают такие аспекты, как наличие и продолжительность бесплатного периода, а также стоимость подписки. В ходе сравнительного анализа оптимальный вариант бесплатного периода из российских видеосервисов предлагает «КиноПоиск» – 30 дней бесплатного пробного периода. У некоторых российских видеосервисов отличается стоимость пробного периода в зависимости от использования сайта или приложения. Okko предлагает бесплатный 14-дневный период стоимостью 1 руб. при оформлении подписки через сайт, через приложение же пробная подписка на такой же срок – бесплатная. Megogo предлагает 7-дневный бесплатный период через приложение и 30-дневный период за 1 руб. через сайт. Сумма в 1 руб. является несущественной, но все равно может не так активно воздействовать на привлечение зрителей. Мировые видеосервисы, в свою очередь, предлагают 30-дневный период, что влияет на превращение посетителей в покупателей. Слишком короткий пробный период может спровоцировать нежелание у зрителя заниматься оформлением подписки ради нескольких дней. Мировые стриминговые сервисы предлагают также максимальный пакет подписки в пробный период, российские же видеосервисы зачастую предлагают стандартный или минимальный пакет.

Таблица 1

Сравнительная характеристика зарубежных и мировых видеосервисов

Факторы	Критерии	VOD-сервисы									
		Ivi	OKKO	START	TNT Premier	КиноПоиск	Megogo	Amediateka	Netflix	Amazon Prime Video	Hulu
Удобство	Возможность загружать контент офлайн	Есть	Есть	Есть	Есть	Есть	Есть	Есть	Есть	Есть	Отсутствует
	Качество звука	Dolby Vision, Dolby Atmos	Dolby Atmos, Dolby Digital Plus	-	-	Звук 5.1, Dolby Digital	Звук 5.1, Dolby Digital	Dolby Atmos	HDR10+ и Dolby Vision, Dolby Atmos	Звук 5.1, Dolby Atmos	Стереозвук
	Качество видео	HD, 4K, HDR, FHD	Full HD 720 и 1080, 3D Ultra HD 4K	Full HD 1080 и Ultra HD 4K	HD	Full HD 1080 и Ultra HD 4K	Full HD 1080 и Ultra HD 4K	HD и Full HD 1080	HD, Full HD 1080 и Ultra HD 4K	HD, Full HD 1080 и Ultra HD 4K	HD, Full HD 1080 и Ultra HD 4K
	Устройства, подходящие для использования	ПК, iOS и Android, Smart TV, Apple TV, PlayStation 4, Xbox One	ПК, iOS и Android, Smart TV, Apple TV, PlayStation 4, Xbox One, Apple TV и NVIDIA Shield	ПК, iOS и Android, Smart TV, kartina.tv	ПК, iOS и Android, Smart TV, Apple TV, Android TV	ПК, iOS и Android, Smart TV, Apple TV, Android TV, с «Яндекс.Станции» и «Яндекс.Модуля»	ПК, iOS и Android, Smart TV, Apple TV, Android TV	ПК, iOS и Android, Smart TV, Apple TV, Android TV	ПК, iOS и Android, Smart TV, на Playstation, Apple TV, Xbox One, Chromecast, Blu-Ray плеерах	ПК, iOS и Android, Smart TV.	ПК, iOS и Android, Apple TV, Xbox One
	Количество устройств	5 устройств	5 устройств	5 устройств	5 устройств	5 устройств	5 устройств	5 устройств	До 4 устройств	До 3 устройств	Неограниченное число устройств

Продолжение табл. 1

Факторы	Критерии	VOD-сервисы									
		Ivi	OKKO	START	TNT Premier	КиноПоиск	Megogo	Amediateka	Netflix	Amazon Prime Video	Hulu
Удобство	Наличие рекламы	При подписке отсутствует	При подписке отсутствует	При подписке отсутствует	При подписке отсутствует	При подписке отсутствует	При подписке отсутствует	При подписке отсутствует	При подписке отсутствует	При подписке отсутствует	Реклама отсутствует во всех тарифах подписки
	Субтитры, оригинальное озвучивание	Есть	Есть	Есть	Нет	Есть	Есть	Есть	Есть	Есть	Есть
Полезность	Промокоды	Есть	Есть	Есть	Есть	Есть	Есть	Нет	Нет	Есть	Есть
	Детский контент	Есть	Есть	Есть	Есть	Есть (отдельный раздел отсутствует)	Есть	Нет	Есть	Есть	Есть
	Современный дизайн платформы	Есть	Есть	Есть	Есть	Есть	Есть	Есть	Есть	Есть	Есть
	Дополнительные возможности	Наличие сертификатов, использование бонусов «Спасибо» при оплате, онлайн-чат на сайте со службой поддержки	Использование бонусов «Спасибо» при оплате, онлайн-чат на платформе со службой поддержки	Календарь премьер	Раздел «до премьеры»	Функция «DeerDrive», кнопки «Пропустить заставку» и «Пропустить титры». Рейтинг КиноПоиска, график премьер и различные новости и статьи о кино	Функция «Родительский контроль», поддержка сурдоперевода, тифлокомментарии. Календарь премьер.	Первые серии большинства сериалов доступны без оформления платной подписки	Функция Netflix Party, система персонализации	Функция «X-Ray»	Быстрые обновления новых эпизодов через день после выхода в эфир

Продолжение табл. 1

Факторы	Критерии	VOD-сервисы									
		Ivi	OKKO	START	TNT Premier	КиноПоиск	Megogo	Amediateka	Neflix	Amazon Prime Video	Hulu
Цена	Стоимость подписки в месяц	399 р.	От 199 р. До 799 р. В зависимости от подписки	299 р.	199 р.	«Кино Поиск HD» - 299 р. «Кино Поиск HD+Amediateka» - 649 р.	От 107 до 749 р. В зависимости от подписки и устройства просмотра	Стоимость подписки – 599 р.	От 7,99 до 15,99 евро в месяц в зависимости от подписки	Стоимость подписки – 5,99 евро	От 5,99 до 64,99 евро в месяц в зависимости от подписки
	Пробный период	14 дней за 1 р. через сайт, через приложение 14 дней - бесплатно	14 дней за 1 р. – подписка «Оп-тиум», 7 дней за 1 р. – «Премиум»	7 дней – бесплатно	3 дня бесплатно через сайт, через приложение пробный период отсутствует	30 дней бесплатно+ подарочный бесплатный период при покупке Яндекс колонки	30 дней за 1 р. через сайт, через приложение 7 дней за 1 р.	7 дней - бесплатно	30 дней - бесплатно	30 дней - бесплатно	От 7 до 30 дней в зависимости от выбранной подписки
	Дополнительный платный контент	есть	есть	отсутствует	есть	есть	есть	есть	есть	отсутствует	отсутствует

Факторы	Критерии	VOD-сервисы									
		Ivi	ОККО	START	TNT Premier	КиноПоиск	Megogo	Amediateka	Netflix	Amazon Prime Video	Hulu
Библиотека контента	Каталог продукции, со-трудничество со знаменитыми студиями	80 000 фильмов и сериа-лов 70+ телеканалов сотрудничество Warner Brothers, Paramount Pictures, 20th Century Fox, Sony Pictures и т. д.	700 000 фильмов и сериа-лов со-трудничество Warner Brothers, Paramount Pictures, 20th Century Fox, Sony Pictures, Universal Studios, Walt Disney Pictures	10 000 фильмов и сериа-лов	Доступ к телепро-дукции TNT, ТВ-3, «Пят-ница!», TNT42x2 и «Супер». Популяр-ные рос-сийские и зарубеж-ные филь-мы.	7000+ фильмов и сериалов. По одному из вариантов подписок есть доступ к ката-логу контента Amediateka	77 000 фильмов и сериа-лов 240+ теле-каналов 9 000+ аудиокниг	4 000+ фильмов и сериа-лов сотрудни-чество HBO, CBS, Starz, ABC, BBC	4 000 филь-мов и сери-алов	2 500 фильмов и сериа-лов	14 000 филь-мов и се-риалов сотrud-ниче-ство Walt Disney Pictures
	Эксклюзивный контент зару-бежных плат-форм	Есть	Есть	Есть	Есть	Есть	Есть	Есть	Есть	Есть	
	Собственный контент	Есть	Есть	Есть	Есть	Есть	Есть	В стадии разработа-ки	Есть	Есть	

Составлено авторами по материалам исследования

Обсуждение результатов

Отличительной особенностью российских и мировых онлайн-платформ стало наличие дополнительного платного контента: на российских видеосервисах некоторые позиции зачастую не включены в стоимость подписки на мировых видеосервисах все входит в подписку. Также на большинстве стриминговых видеосервисов, в особенности на российских, доступна опция аренды видеоконтента.

Фактор удобства является схожим для платформ. Большинство платформ предлагают подключение 5 профилей к одному аккаунту, подписка позволяет смотреть кинопродукцию без рекламы, загрузку видеоконтента на устройство для просмотра офлайн, качество в зависимости от подписки, добавление контента в избранное. Преимуществом является наличие функции «продолжить просмотр», которая позволяет продолжить просмотр контента в случае, если приложение было закрыто.

Фактор полезности тесно связан с фактором удобства, но полезность имеет ключевые отличия при сравнении платформ. Помимо стандартных функций – наличия субтитров, дубляжа, возможности активации промокодов, разделения контента на тематические и жанровые подборки, наличия функций, которые являются преимуществом при выборе платформы, «КиноПоиск» является лидером в факторе полезности, предлагая статьи о кино, а также рецензии на контент. У него есть функция просмотра информации об актерах/актрисах по стоп-кадру. Зарубежная платформа Netflix опережает конкурентов наличием системы персонализации, которая предлагает наиболее подходящий контент пользователю.

Большинство российских платформ предлагают схожий контент, как мировой, так и российский, в зависимости от цены подписки. Выделяются платформы, создающие собственный контент. Start и ТНТ-Premier активно производят оригинальные фильмы и сериалы, которые пользуются популярностью не только в России, но и за рубежом. Платформа Amediateka сотрудничает с видеосервисом HBO и предлагает эксклюзивный контент одновременно с показом в США. Мировые видеосервисы Netflix, Amazon Prime Video, Hulu помимо выкупаемых прав на эксклюзивный контент производят огромное количество собственного контента. Кроме того, на большинстве стриминговых видеосервисов, в особенности на российских, доступна опция аренды видеоконтента.

Исследуемые факторы – удобство, полезность, цена, библиотека контента – схожи у всех рассматриваемых стриминговых сервисов. Для выделения платформы среди конкурентов необходимо предлагать эксклюзивную продукцию, тем самым создавать индивидуальное конкурентное преимущество. Контент – это то, на что в первую очередь обращает внимание пользователь. Дальнейшее внимание пользователь фокусирует на удобстве, цене, полезности. Для успешного развития онлайн-кинотеатра необходимо постоянно усовершенствовать факторы повышения вовлеченности пользователей.

Привлечение и удержание пользователей во многом формируется за счет удобства и полезности сервиса. Эти факторы важнее, чем программы лояльности, сезонные скидки и бесплатный пробный период.

Объем контента, который предлагают платформы, огромный, однако значительную роль играет поиск подходящего контента, который интересен пользователю. Система персонализации помогает наиболее эффективно создавать подборки для пользователей, также необходимо предоставлять удобные инструменты для поиска. Система рекомендаций позволяет платформе выявить предпочтения пользователей, соответственно, создавать контент под запросы своей целевой аудитории. Эксклюзивный контент играет важнейшую роль в дифференциации стриминговых сервисов.

Исходя из результатов исследования можно сделать вывод: оригинальный контент значительно влияет на вовлеченность аудитории. Тенденция увеличения инвестиций в собственный контент с каждым годом только усиливается как у российских, так и у мировых онлайн-платформ. Оригинальный контент влияет на вовлеченность следующим образом.

1. Система персонализации позволяет выявить предпочтения (любимые актеры, жанры, тематика) целевой аудитории и создавать контент согласно ожиданиям зрителя.

2. Номинирование и завоевание различных премий и наград на международных фестивалях позволяет дать платформе огласку, тем самым расширяя географию пользователей, а также позволяя сотрудничать с именитыми режиссерами, давая возможность для увеличения количества пользователей.

3. Увеличение географии пользователей в результате производства контента, ориентированного на определенную страну.

4. Отсутствие строгой цензуры позволяет стриминговым сервисам производить актуальную и смелую кинопродукцию, затрагивающую «запрещенные» темы, тем самым привлекая разную аудиторию. В сериалах и фильмах, помещенных на платформу, режиссеры и сценаристы имеют возможность затронуть самые тревожащие темы современного общества.

5. Дистрибуция собственного контента позволяет получить не только дополнительный доход, но также способствует продвижению бренда в других странах через оригинальный контент.

6. Позитивная оценка пользователей собственного контента приводит к пониманию того, что в него были вложены большие средства, что стимулирует переход на платную подписку сервиса для увеличения в дальнейшем количества оригинального контента, так как оригинальный контент увеличивает аудиторию платформы.

Влияние на рост и удержание пользователей достигается посредством правильно выстроенной системы персонализации, номинирования и завоевании наград на фестивалях международного уровня, расширении географии пользователей с помощью локального контента и дистрибуции. Это, в свою очередь, позволяет стриминговым сервисам выделиться среди конкурентов и увеличить доход.

Заключение

На основе статистических данных проанализирован пользовательский опыт по выделенным факторам, в результате которого выделены лидеры при выборе стримингового сервиса. В результате выявлено активное участие эксклюзивного контента в дифференциации стриминговых сервисов. При исследовании по сформированным факторам сделан вывод о том, что почти все платформы имеют схожие параметры, поэтому выбор платформы будет зависеть от уровня качества собственного контента, что позволит платформе обеспечить себе дополнительное конкурентное преимущество.

Библиографический список

1. Васильева, Е. В., Крысов, В. В. Собственный контент стриминговых платформ как фактор повышения вовлеченности пользователей // Сборник научных трудов по материалам Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Актуальные направления повышения доходности социальных и бизнес-проектов – 2021», Москва, 22 мая, 2021 г. – М.: ГУУ, 2021. – С. 68–71.
2. Старченко, М. Ю. Стриминговые видеосервисы с услугой «видео по запросу» (VOD-платформы) как развивающаяся форма кинопроката // Сборник научных трудов по материалам Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Актуальные направления повышения доходности социальных и бизнес-проектов – 2021», Москва, 22 мая, 2021 г. – М.: ГУУ, 2021. – С. 111–114.
3. МакКорд, П. Сильнейшие. Бизнес по правилам Netflix / пер. с англ. И. В. Савиной. – М.: Эксмо, 2019. – 192 с.
4. Мусиенко, Ю. Как создать свой стриминговый сервис или платформу // Merehead [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://merehead.com/ru/blog/build-a-live-video-streaming-website/> (дата обращения: 10.11.2021).
5. Ayres, I., Nalebuff, B. In praise of honest pricing // MIT Sloan Management Review. – 2003. – V. 45, No. 1. – Pp. 24–28.
6. Cambridge Dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/s> (дата обращения: 07.11.2021).
7. Clark, T. How Netflix, Disney Plus, HBO Max, and more compare in the amount of ‘exclusives’ and ‘originals’ they offer // Insider [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.businessinsider.com/top-streaming-services-for-exclusives-originals-netflix-disney-plus-2021-2/> (дата обращения: 07.11.2021).
8. Jenner, M. Netflix and the re-invention of television. – Cham, Switzerland: Palgrave Macmillan, 2018. – 299 p.
9. Perren, R., Grauerholz, L. Collaborative Consumption // International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences by James Wright (ed.). – 2nd Edition. – Chapter 24. – Pergamon, 2015. – С.19–21. <https://doi.org/10.1016/B978-0-08-097086-8.64143-0>
10. Inside Netflix’s Content Strategy // 8traordinary.com [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://8traordinary.com/inside-netflix-content-strategy/> (дата обращения: 22.11.2021).

References:

1. Vasil'eva E. V., Krysov V. V. Own content of streaming platforms as a factor of increasing user engagement, *Proceeding of the All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation “Current of directions of increasing the profitability of social and business projects – 2021”*, Moscow, May 22, 2021, Moscow, State University of Management, 2021, pp. 68–71. (In Russian).

2. Starchenko M. Yu. Streaming video services with “video on demand” service (VOD platforms) as a developing form of film distribution, *Proceeding of the All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation “Current of directions of increasing the profitability of social and business projects –2021”*, Moscow, May 22, 2021, Moscow, State University of Management, 2021, pp. 111–114. (In Russian).
3. McCord P. *Powerful. Building a culture of freedom and responsibility*, transl. from Eng. I. V. Savina, Moscow, Eksmo, 2019, 192 p. (In Russian).
4. Musienko Yu. How to create your own streaming service or platform, *Merehead*. Available at: <https://merehead.com/ru/blog/build-a-live-video-streaming-website/> (accessed 10.11.2021).
5. Ayres I., Nalebuff B. In praise of honest pricing, *MIT Sloan Management Review*, 2003, vol. 45, no. 1, pp. 24–28.
6. *Cambridge Dictionary*. Available at: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/s> (accessed 07.11.2021).
7. Jenner M. *Netflix and the re-invention of television*, Cham, Switzerland, Palgrave Macmillan, 2018, 299 p.
8. Clark T. How Netflix, Disney Plus, HBO Max, and more compare in the amount of ‘exclusives’ and ‘originals’ they offer, *Insider*. Available at: <https://www.businessinsider.com/top-streaming-services-for-exclusives-originals-netflix-disney-plus-2021-2/> (accessed 07.11.2021).
9. Perren R., Grauerholz L. *Collaborative Consumption*, International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences by James Wright (ed.), 2nd edition, Chapter 24, Pergamon, 2015, pp. 19–21. <https://doi.org/10.1016/B978-0-08-097086-8.64143-0>
10. Inside Netflix’s Content Strategy, *8traordinary.com*. Available at: <https://8traordinary.com/inside-netflix-content-strategy/> (accessed 22.11.2021).

Беляева Дарья Игоревна
студент магистратуры, ФГБОУ ВО
«Российский экономический университет
имени Г.В. Плеханова», г. Москва,
Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-0103-4339
e-mail: beljaevadar@rambler.ru

Давлетшина Лейсан Анваровна
канд. экон. наук, ФГБОУ ВО «Российский
экономический университет имени
Г.В. Плеханова», г. Москва,
Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-1497-1751
e-mail: Davletshina.LA@rea.ru

Daria I. Belyaeva
Graduate student, Plekhanov Russian
University of Economics, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-0103-4339
e-mail: beljaevadar@rambler.ru

Laysan A. Davletshina
Cand. Sci. (Econ.), Plekhanov Russian
University of Economics, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-1497-1751
e-mail: Davletshina.LA@rea.ru

ОЦЕНКА ЧИСЛА ДЕЛ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ В РЕГИОНАХ РОССИИ

Аннотация. Снижение преступности является одной из важных задач в Российской Федерации, поэтому мониторинг динамики правонарушений является сегодня актуальным и представляет интерес для исследования. Целью статьи является анализ числа дел об административных правонарушениях, возбужденных должностными лицами по регионам Российской Федерации, а также произошедших изменений за период 2006–2019 гг. Для получения устойчивой классификации все регионы России были ранжированы по среднему арифметическому числу дел об административных правонарушениях за указанный период. В работе реализован метод кластерного анализа для выявления типичных, схожих регионов в части административных правонарушений. Сформирован состав кластеров и нетипичных регионов по числу таких дел. Выявлена тенденция к снижению темпов роста административных правонарушений и объяснены ее причины. Рассчитаны отклонения значений по кластерам и регионам от среднероссийского уровня в положительную сторону.

Ключевые слова: административные правонарушения, динамика правонарушений, изменения правонарушений, среднеквадратическое отклонение, региональный анализ, ранжирование регионов, кластерный анализ, нетипичные регионы, региональные отклонения

Для цитирования: Беляева Д.И., Давлетшина Л.А. Оценка числа дел об административных правонарушениях в регионах России // Вестник университета. 2022. № 1. С. 157–163.

ADMINISTRATIVE OFFENSES CASES NUMBER ASSESSMENT IN THE RUSSIAN REGIONS

Abstract. Reducing crime is an important objective in the Russian Federation, therefore monitoring the dynamics of offending is relevant and of research interest nowadays. The aim of the article is to analyse the number of administrative offenses cases initiated by officials in the regions of the Russian Federation, as well as the changes that have occurred in the period between 2006 and 2019. In order to obtain a stable classification, all regions of Russia were ranked according to the arithmetic average number of administrative offenses cases for the period indicated. The paper implemented the cluster analysis method to identify typical, similar regions in terms of administrative offenses. The clusters and atypical regions composition according to the number of administrative offenses cases in the Russian Federation for the analysed period was formed. The deviations of the clusters and regions values from the average Russian level were calculated.

Keywords: administrative offenses, offenses dynamics, changes in offenses, standard deviation, regional analysis, regions ranking, cluster analysis, atypical regions, regional deviations

For citation: Belyaeva D.I., Davletshina L.A. (2022) Administrative offenses cases number assessment in the Russian regions. *Vestnik universiteta*, no. 1, pp. 157–163. DOI: 10.26425/1816-4277-2022-1-157-163

Введение

Проблема правонарушений и борьбы с ними составляет одну из главных проблем любого государства за все времена его существования. Жизнь общества всегда регламентирована рядом правовых норм и законов, которые должны обеспечивать нормальное функционирование государства. Одним из видов правонарушений являются административные правонарушения, имеющие обширную классификацию. Среди них: административные правонарушения, посягающие на права граждан, административные правонарушения, посягающие на здоровье, санитарно-эпидемиологическое благополучие населения и общественную нравственность, административные правонарушения в области охраны собственности, административные правонарушения в области

© Беляева Д.И., Давлетшина Л.А., 2022.

Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

© Belyaeva D.I., Davletshina L.A., 2022.

This is an open access article under the CC BY 4.0 license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

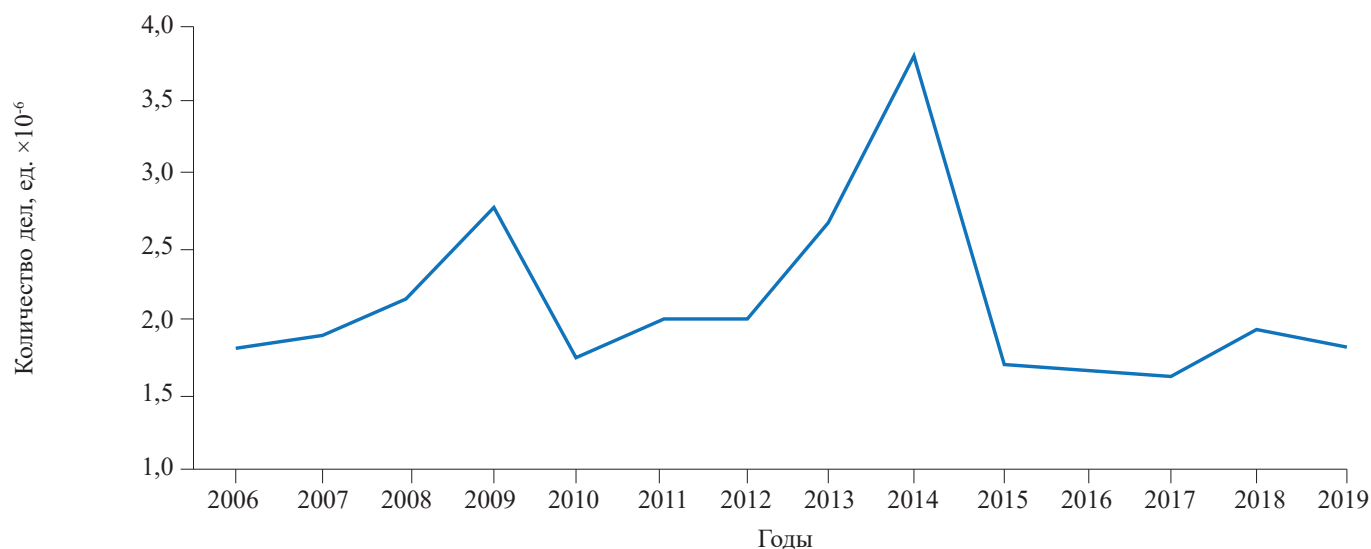
охраны окружающей среды и природопользования и пр. [1]. Проводя оценку качественного состава административных правонарушений в регионах России, стоит так же обратить внимание на сферу нарушения законодательства, посвященного защите конкуренции и противодействию монополизации. Данный вопрос на сегодняшний день является актуальным в рамках реализации государственных программ по поддержке малого и среднего бизнеса в период пандемии, то есть в данной ситуации можно говорить о междисциплинарности вопроса исследования [9].

Изменения числа дел об административных правонарушениях

На сегодняшний день снижение преступности является одной из главных целей в Российской Федерации (далее – РФ). Преступность, охватывает наиболее важные сферы экономической деятельности государства, оказывая отрицательное влияние на ее развитие и на общественную безопасность страны [2]. Поиск наиболее эффективных решений данной проблемы является одним из самых пристальных и активных предметов для обсуждения в обществе. Одной из важнейших экономических причин преступности является несоответствие уровня жизни части населения уровню обеспечения физиологической выживаемости [8].

В качестве первичных данных использовался показатель числа дел об административных правонарушениях. За административное правонарушение принято считать противоправное, виновное действие (бездействие) физического или юридического лица, за которое Кодексом об административном правонарушении или законами субъектов РФ об административных правонарушениях установлена административная ответственность. К числу административных правонарушений относятся: посягательство на имущество, посягательство на права и свободы граждан, посягательство на порядок управления государством, посягательство на общественный порядок, посягательство на окружающую среду, памятники истории и культуры.

Рассмотрим динамику числа дел об административных правонарушениях, возбужденных должностными лицами в России в период с 2006 г. по 2019 г. (рис. 1).

Составлено авторами по материалам исследования

Рис. 1 Динамика числа дел об административных правонарушениях, возбужденных должностными лицами в целом по Российской Федерации за период 2006–2019 гг.

На рисунке 1 видно, что с 2006 г. по 2014 г. наблюдались два пика прироста административных правонарушений в РФ. Первый скачок произошел в период с 2008 г. по 2009 г., на котором средний показатель числа возбужденных административных дел был порядка 3 млн. После незначительного спада, с 2012 г. по 2015 г. произошел второй более крупный скачок роста административных правонарушений. На рост числа дел об административных правонарушениях максимальное влияние оказал экономический кризис, начавшийся в 2008 г. и, последствия которого наибольшим образом отразились в 2014 г.

Главными факторами ухудшения экономического положения в стране стали рост безработицы и падение уровня жизни [10]. В числе прочих факторов – снижение уровня эффективности работы органов внутренних дел, увеличение числа легальных и нелегальных мигрантов и падение моральных и нравственных устоев в обществе [7], а именно, отсутствие возможностей трудоустройства граждан, повышенный интерес населения к алкогольной продукции и наркотическим веществам. Далее можно заметить снижение числа дел об административных правонарушениях с 2015 г. по 2019 г. Это обусловливается рядом причин: усовершенствованием Уголовного и Административного кодексов РФ и повышением их эффективности, постепенным укреплением экономического положения внутри страны, развитием малого бизнеса (как следствие рост числа рабочих мест), повышением уровня доверия граждан к сотрудникам правоохранительных органов.

Для подробного анализа основных статистических характеристик [5] показателя числа дел об административных правонарушениях, возбужденных должностными лицами, необходимо разделить указанный период на два периода. Первый содержит с 2006 г. по 2014 г. затрагивает данные с учетом экономического кризиса в РФ, второй промежуток с 2015 г. по 2019 г. содержит данные после экономического кризиса. Данное разделение поможет наилучшим образом определить влияние экономического кризиса на рост административных правонарушений на территории РФ. На двух промежутках рассчитаны основные показатели по административным делам, такие как: среднее значение, среднеквартальное отклонение, темп роста, вариация и абсолютное приращение (табл. 1).

Таблица 1

**Темп роста и абсолютное приращение относительно второго периода
административных правонарушений от всех факторов**

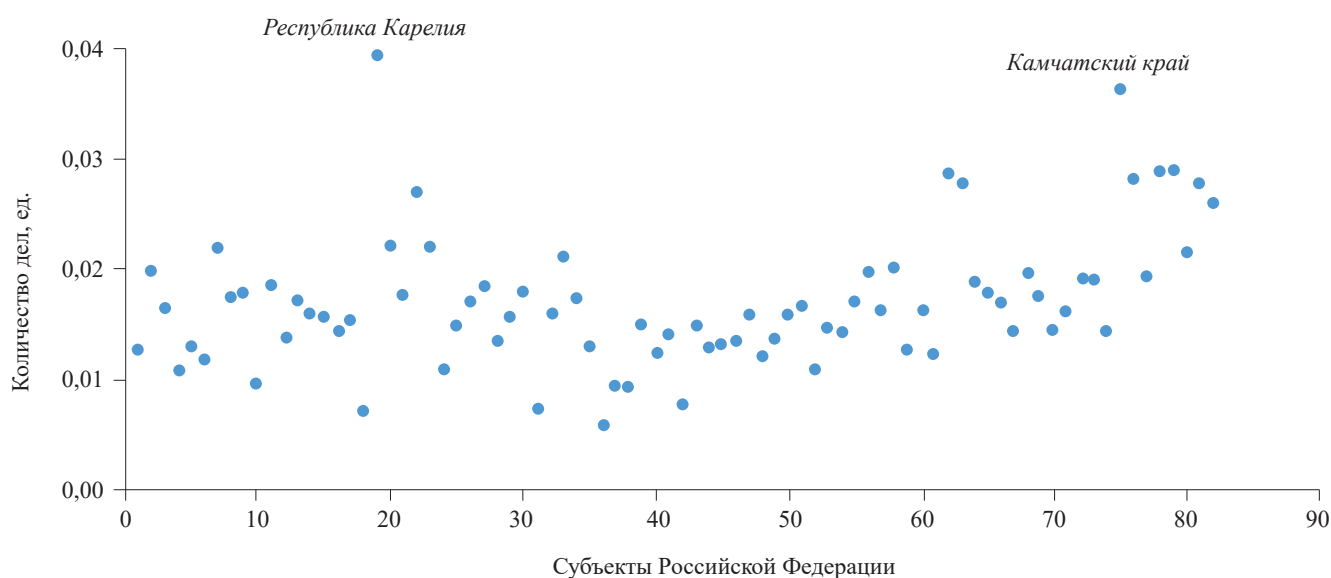
Наименование показателя	Среднее значение, ед.		Коэффициент вариации, %		Изменения в 2015–2019 гг., по сравнению с 2006–2014 гг., %	Абсолютное приращение, ед.
	2006–2014 гг.	2015–2019 гг.	2006–2014 гг.	2015–2019 гг.		
Число дел об административных правонарушениях	29 031,99	21 581,4	74,8	88,4	– 25,66	– 7 540,59

Составлено автором по данным Росстата

Анализ статистических характеристик показателя числа дел об административных правонарушениях за два периода, представленный в таблице 1 показал, что по всей России обстановка улучшилась во втором периоде (2015–2019 гг.). За весь рассматриваемый период наблюдается тенденция уменьшения темпа роста, то есть число дел об административных правонарушениях, возбужденных должностными лицами в РФ относительно второго периода, уменьшились на 25,66 %. Число дел об административных правонарушениях, возбужденных должностными лицами, уменьшились на 7 540 единиц. Это подтверждает, что после экономического кризиса, который произошел в 2014 г., эффективность и усовершенствование Уголовного и Административного кодексов РФ повлияла на преступность [5]. Выборку можно считать неоднородной, так как коэффициенты вариации составляют больше 33 %.

На первом шаге получения устойчивой классификации была проведена ранжировка [10, с. 478] всех регионов России по среднему арифметическому числу дел об административных правонарушениях за период с 2006 по 2019 гг.

На рисунке 2 распределения средних числа дел об административных правонарушениях по регионам на душу населения видно, что максимальное число дел преобладает в Краснодарском крае, городе Москва, Санкт-Петербург и Московской области [6]. А минимальное количество числа дел преобладает в Чукотском автономном округе.

Составлено авторами по материалам исследования

Рис. 2. Распределение средних числа дел об административных правонарушениях на душу населения по регионам России за период с 2006 по 2019 гг.

Распределение регионов России на типологические группы

С целью выделения типологических, схожих по содержанию групп, включающих в свой состав представителей различных субъектов России, в статье реализован метод кластеризации [3]. Использование кластерного анализа в исследованиях развития социально-экономических явлений и процессов, в том числе касающихся правонарушений является достаточно распространенным. Так, например, Д.В. Дианов и А.В. Кузьмичев считают, что изучение статистических особенностей экономической преступности возможно решив следующие задачи: «раскрыть виды статистического анализа экономических данных; построить и проанализировать кластерную группировку регионов РФ; сравнить метод одномерной группировки и кластерного анализа при исследовании выбранных показателей...» [4].

В таблице 2 сформирован состав кластеров и нетипичных регионов по потерям от всех причин в РФ.

Таблица 2

Состав кластеров и нетипичных регионов по числу дел об административных правонарушениях с 2006 по 2019 гг.

Наименование кластера	Субъекты РФ
Кластер 1	г. Москва, г. Санкт-Петербург, г. Севастополь Области: Белгородская, Воронежская, Ивановская, Калужская, Ленинградская, Московская, Нижегородская, Пензенская, Ростовская, Рязанская, Свердловская, Удмуртская, Республики: Карачаево-Черкесская, Башкортостан, Дагестан, Ингушетия, Крым, Марий Эл, Мордовия, Саха (Якутия) Республика Северная Осетия-Алания, Челябинская, Чеченская, Чувашская Республика – Чувашия
Кластер 2	Области: Архангельская, Астраханская, Брянская, Владимирская, Волгоградская, Иркутская, Кемеровская, Кировская, Курганская, Курская, Липецкая, Мурманская, Новгородская, Новосибирская, Омская, Оренбургская, Орловская, Псковская, Самарская, Саратовская, Сахалинская, Смоленская, Тамбовская, Тверская, Томская, Тульская, Тюменская, Ульяновская, Ярославская Республики: Кабардино-Балкарская, Адыгея, Бурятия, Калмыкия, Татарстан, Хакасия Края: Алтайский, Забайкальский, Краснодарский, Красноярский, Пермский, Ставропольский, Хабаровский

Окончание табл. 2

Наименование кластера	Субъекты РФ
Кластер 3	Чукотский автономный округ Области: Амурская, Вологодская, Еврейская автономная, Калининградская, Костромская, Магаданская Республики: Алтай, Коми, Тыва Края: Приморский
Нетипичные регионы	Камчатский край, Республика Карелия

Составлено авторами по материалам исследования

В данных региональных кластерах были проанализированы отклонения значений дел об административных правонарушениях (табл. 3).

Таблица 3

Отклонение значений по кластерам от среднего уровня России

Регионы	Отклонение значений по кластерам от среднего уровня России, %			
	2006 г.	2010 г.	2016 г.	2019 г.
Кластер 1	– 29,9	– 40,5	– 26,1	– 21,5
Кластер 2	2,2	– 3,5	– 2,0	– 0,4
Кластер 3	41,3	68,0	52,9	42,9

Составлено авторами по материалам исследования

Из таблицы 3 следует, что отклонения центроидов кластеров от среднероссийского уровня числа дел об административных правонарушениях преимущественно имеют положительные значения. При этом в 1 кластере и во 2 кластере за 2010 г., 2016 г. и 2019 г. видны значительные отклонения в отрицательную. При этом средний уровень числа заведенных дел по административным правонарушениям уменьшился в первом и втором кластере на 21,5 % и 0,4 % соответственно. В третьем кластере положительной тенденции по уменьшению числа административных дел не было. Число административных правонарушений увеличилось на 42,9 % по сравнению со средним уровнем России.

Отметим ряд нетипичных регионов, которые не вошли ни в один в кластер. Это регионы, показатели которых сильно рознятся со средними показателями по России. В таблице 4 представлены данные по отклонениям от среднероссийского уровня административных правонарушений среди нетипичных регионов.

Таблица 4

Отклонение значений по регионам от среднего уровня России

Регион	Отклонение значений по регионам от среднего уровня России, %			
	2006 г.	2010 г.	2016 г.	2019 г.
Камчатский край	99,7	235,2	101,5	75,1
Республика Карелия	102,9	175,7	105,8	50,2

Составлено авторами по материалам исследования

Из данных таблицы 4 видно, что за весь рассматриваемый период с 2006 г. по 2019 г. в Камчатском крае и республики Карелии наблюдается отклонение значений числа дел об административных правонарушениях от среднего уровня по РФ в положительную сторону. Максимальное положительное отклонение наблюдалось в Камчатском крае в 2010 г. – 235,2 %. Это значит, что число дел об административных

правонарушениях, возбужденных должностными лицами по данным нетипичным регионам, превышает средний уровень России более, чем в 3 раза.

Далее в работе были получены основные статистические характеристики для числа дел об административных правонарушениях в абсолютных значениях для каждого регионального кластера (табл. 5) [9, с. 37].

Таблица 5

Статистические характеристики по региональным кластерам за период с 2006 по 2019 гг.

Регионы	Среднее, на душу населения		Коэффициент вариации, %		Изменения в 2019г. по сравнению с 2006г., %
	2006 г.	2019 г.	2006 г.	2019 г.	
Кластер 1	0,010	0,011	38,40	19,86	10,9
Кластер 2	0,015	0,014	36,3	24,3	-3,4
Кластер 3	0,020	0,020	28,3	24,6	0,2

Составлено авторами по материалам исследования

Из полученных результатов в таблице 5 видно, что обстановка в данных регионах по числу дел об административных правонарушениях улучшилась только во 2 кластере. Темп прироста числа дел об административных правонарушениях в первом кластере составил 10,9 %, во втором кластере –3,4 %, в третьем 0,2 %. Следовательно, число дел об административных правонарушениях за период с 2006 г. по 2019 г. Выборки регионов во втором и третьем кластере обладают средней степенью рассеивания.

Заключение

Число дел об административных правонарушениях, возбужденные должностными лицами по регионам Российской Федерации в период с 2006 г. по 2019 г. уменьшились. На всем рассматриваемом нами промежутке времени наблюдается тенденция уменьшения темпа роста, а именно число дел об административных правонарушениях, возбужденных должностными лицами в Российской Федерации, уменьшились на 25,6 %. После проведения статистического и кластерного анализов был выявлен ряд нетипичных регионов, таких как, Камчатский край и республика Карелия, наблюдается отклонение значений числа дел об административных правонарушениях от среднего уровня по России в положительную сторону.

Библиографический список

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661 (дата обращения 01.11.2021).
2. Антонян, Ю. М., Бражников, Д. А., Гончарова, М. В. [и др.]. Комплексный анализ состояния преступности в Российской Федерации и расчетные варианты ее развития: аналитический обзор: монография. – М.: ФГКУ «ВНИИ МВД России», 2018. – 86 с.
3. Давлетшина, Л. А. Исследование основных параметров социально-демографического развития общества // Вестник университета. – 2017. – № 12. – С. 193–198. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2017-12-193-198>
4. Дианов, Д. В., Кузьмичев, А. В. Статистическая оценка влияния рынков продовольственных, потребительских и промышленных товаров на экономическую преступность // Вестник Московского университета МВД России. – 2021. – № 2. – С. 281–287. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-2-281-287>
5. Елисеева, И. И. Эконометрика: учебник для магистров / под ред. И. И. Елисеевой. – М.: Юрайт, 2014. – 453 с.
6. Ефимова, М. Р., Долгих, Е. А., Першина, Т. А. Разработка методики многомерного статистического анализа цифровой готовности региона // Материалы международной научно-практической конференции «Наука о данных», Санкт-Петербург, 5–7 февраля 2020 г. – СПб: СПбГУ, 2020. – С. 107–108.
7. Ильин, В. П. Причины преступности в Российской Федерации // Молодой ученый. – 2019. – № 45 (283). – С. 100–102.
8. Номоконов, В. А. Причины преступности в современной России: проблема обостряется // Всероссийский криминологический журнал. – 2017. – Т. 11, № 2. – С. 247–257. [https://doi.org/10.17150/2500-4255.2017.11\(2\).247-257](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2017.11(2).247-257)

9. Пулпиано, А., Терехова, В. В. К вопросу о привлечении к ответственности за нарушение антимонопольного законодательства // Сборник статей XX Международной научной конференции «Муромцевские чтения: Междисциплинарность права и законодательства: стратегии современной организации и перспективы развития», Тирасполь, 25 ноября 2020 г. / под ред. Н. И. Архиповой и др. – Тирасполь: Приднестровский государственный университет им. Т. Г. Шевченко, 2020. – С. 208–224.
10. Тихомиров, Н. П., Тихомирова, Т. М., Урмаев, О. С. Методы эконометрики и многомерного статистического анализа: учебник. – М.: Экономика, 2011. – 647 с.

References

1. Code of the Russian Federation on Administrative Offenses, dated on December 30, 2001, No. 195-FZ, *Legal reference system "ConsultantPlus"*. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661 (accessed 01.11.2021).
2. Antonyan Yu. M., Brazhnikov D. A., Goncharova M. V. [et al]. *Complex analysis of the state of crime in the Russian Federation and calculated variants of its development: an analytical review: monograph*, Moscow, Federal State Institution "Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia", 2018, 86 p. (In Russian).
3. Davletshina L. A. Research of key parameters of social and demographic development of society, *Vestnik universiteta*, 2017, no. 12, pp. 193–198. (In Russian). <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2017-12-193-198>
4. Dianov D. V., Kuzmichev A. V. Statistical assessment of the impact of food, consumer and industrial goods markets on economic crime, *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*, 2021, no. 2, pp. 281–287. (In Russian). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-2-281-287>
5. Eliseeva I. I. *Econometrics: textbook for masters*, ed. I. I. Eliseeva, Moscow, Yurait, 2014, 453 p. (In Russian).
6. Efimova M. R., Dolgikh E. A., Pershina T. A. Development of a methodology for multidimensional statistical analysis of the digital readiness of the region, *Proceedings of the International Scientific and Practical Conference "Data Science"*, Saint Petersburg, February 5–7, 2020, St. Petersburg, Saint Petersburg State University of Economics, 2020, pp. 107–108. (In Russian).
7. Ilyin V. P. The causes of crime in the Russian Federation, *Molodoi uchenyi*, 2019, № 45 (283), pp. 100–102. (In Russian).
8. Nomokonov V. A. Causes of crime in contemporary Russia: the problem is getting worse, *Russian journal of criminology*, 2017, vol. 11, no. 2, pp. 247–257. (In Russian). [https://doi.org/10.17150/2500-4255.2017.11\(2\).247-257](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2017.11(2).247-257)
9. Pulpiano A., Terekhova V. V. On the issue of bringing to responsibility for violation of antimonopoly legislation, *Proceedings of the XX International Scientific Conference "Muromtsev Readings: The interdisciplinarity of law and legislation: strategies of a modern organisation and development prospects"*, Tiraspol, November 25, 2020, ed. N. I. Arkhipova et al, Tiraspol, T.G. Shevchenko Pridnestrovian State University, 2020, pp. 208–224. (In Russian).
10. Tikhomirov N. P., Tikhomirova T. M., Ushmaev O. S. *Methods of econometrics and multidimensional statistical analysis: textbook*, Moscow, Ekonomika, 2011, 647 p. (In Russian).

УДК [316.7+130.2]:004

DOI 10.26425/1816-4277-2022-1-164-168

Захаров Михаил Юрьевич
д-р филос. наук, ФГБОУ ВО
«Государственный университет
управления», г. Москва,
Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-8796-6283
e-mail: m.u.zaharov@gmail.com

ОБЩЕСТВЕННЫЙ ИДЕАЛ «ДА ТУН»: СОЦИАЛЬНАЯ УТОПИЯ СТАРОГО КИТАЯ, ИЛИ СОВРЕМЕННЫЙ ФОРСАЙТ-ПРОЕКТ

Аннотация. Предметом исследования являются особенности китайского общественного идеала «Да тун» и национальная специфика его трансформации в современный форсайт-проект. С этой целью в статье рассмотрены всеобщие характеристики идеала, общие основания и различия исторических форм существования «Да тун»: общественный идеал, социальная утопия, научно-фантастический продукт. Особое внимание уделено осмыслению проблемы «Великого единения» как самого существа, обязательного элемента, основы развития идеального китайского общества, обеспечивающего его целостность и требующего для практической реализации ряда фундаментальных шагов на национальном уровне. Для решения современных грандиозных социально-экономических задач Китая потребовался не только человек с более совершенной природой и прочной исторической памятью, но и потенциал общества, в котором будут гармонично объединены все разнородные силы. Результаты исследования расширяют область знания о культуре Китая для российской аудитории.

Ключевые слова: будущее, Великое единение, гармоничное общество, Да тун, идеальное общество, Китай, культура, научно-фантастический продукт, общественный идеал, социальная утопия, форсайт-проект

Для цитирования: Захаров М.Ю. Общественный идеал «Да тун»: социальная утопия старого Китая, или современный форсайт-проект // Вестник университета. 2022. № 1. С. 164–168.

Mikhail Yu. Zakharov
Dr. Sci. (Philos.), State University
of Management, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-8796-6283
e-mail: m.u.zaharov@gmail.com

THE SOCIAL IDEAL OF “DATONG”: ANCIENT CHINA SOCIAL UTOPIA, OR MODERN FORESIGHT PROJECT

Abstract. The subject of the study are features of the Chinese social ideal Datong and national specificity of its transformation into a modern Foresight project. To this end, universal characteristics of the ideal, common ground and differences of Datong existence historical forms – social ideal, social utopia, science fiction product have been considered in the article. Special attention has been paid to the understanding of the “Great Unity” concept as the very essence, indispensable element, basis for the development of the ideal Chinese society, ensuring its integrity and requiring a number of fundamental steps on the national level for its practical implementation. To solve modern grand socio-economic tasks, China needs not only a human being with a more perfect nature and good historical memory, but also the society potential in which all heterogeneous forces will be harmonically united. The results of the study extend the field of knowledge about Chinese culture for Russian audience.

Keywords: future, Great Unity, harmonious society, Datong, ideal society, China, culture, science fiction product, social ideal, social utopia, foresight project

For citation: Zakharov M.Yu. (2022) The social ideal of “Datong”: ancient China social utopia, or modern foresight project. *Vestnik universiteta*, no. 1, pp. 164–168. DOI: 10.26425/1816-4277-2022-1-164-168

Введение

Проблема общественного идеала в социально-гуманитарных науках не является абсолютно новой, на сегодняшний день существует достаточно много отечественных и зарубежных исследований, посвященных данной тематике [1]. Это позволяет выделить ряд всеобщих характеристик общественного идеала.

1. Общественный идеал – это совокупность представлений о возможном идеальном общественном устройстве, в котором: реализованы глубинные национальные особенности, надежды, чаяния и мечты людей; осмыслены ведущие тенденции, движущие силы развития общества; отражена вера в предопределенность общественного

© Захаров М.Ю., 2022.

Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

© Zakharov M.Yu., 2022.

This is an open access article under the CC BY 4.0 license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

развития, в актуальность исторического опыта, что позволяет говорить о прошлом как о настоящем, о потенциальной возможности его пролонгации в будущее (здесь будущее выступает как определенный прообраз прогрессивных прошлых и текущих событий).

2. Общественный идеал в методологическом плане – это целостная персонифицированная абстрактная конструкция, имеющая структуру, со взаимосвязанными базовыми и второстепенными элементами, включая элементы явного (рационального), неявного (иррационального) знаний, и, как следствие этого, осознаваемого и неосознаваемого самими акторами.

3. Общественный идеал – это всегда форма деятельности, направленная на реализацию целей будущего и, прежде всего, итоговой цели развития и модернизации, которая открывает перед любым обществом жизненную перспективу.

Всеобщие характеристики общественного идеала традиционно находят свою конкретизацию в рамках конкретных национальных образований, что предполагает последующий поиск наилучших путей и способов сознательного воздействия на социум, сюда же подключается теоретическая и практическая проработка идеала отдельными институтами и субъектами общества.

Материалы и методология исследования

В истории китайской цивилизации не существовало единого общественного идеала, различные концепции счастливого будущего имели свои особые каналы социальной трансляции, опредмечивания, проникновения в культуру, что оказывало несомненное влияние на формирование ценностной системы социума, способствовало аккумулярованию высших ценностей, традиций, и в целом впитыванию новых, даже самых нестандартных идей, которые могут быть приемлемы для обновления китайского общества. Подобные идеи плодотворно взращиваются самой противоречивой действительностью и быстро набирают критический, преобразующий потенциал, потому что они более понятны для общественного сознания, так как связаны с качественным улучшением жизни. Как справедливо заметил в данной связи американский философ А. Уайтхед, «в идее всегда кроется опасность для существующего порядка. Совокупность ее возможных частных воплощений в различных общественных начинаниях постепенно образует программу реформ. И вот в какой-то момент, тлеющий огонек, зажженный человеческими страданиями, охватывает пламенем эту программу – наступает период быстрых перемен, освещенный пламенем этих идей» [8, с. 404].

Как известно, у любых общественных идеалов, и не только китайских, различная судьба. Поэтому все формы идеалов сегодня делятся на две большие группы: нереализуемые идеалы (фундаментальные проблемы бытия, вопросы, касающиеся высших ценностей социума, смысла человеческого существования, сюда же можно включить фантастические идеалы, которые описывают альтернативные миры, принципиально отличающиеся от существующей реальности); реализуемые идеалы (вопросы дальнейшего развития общества, конкретные пути, направления, средства, методы, ресурсы). Итогом жизненного цикла идеала может стать его уничтожение в результате объективных обстоятельств и приход ему на смену нового идеала, либо переход от идеальной формы в повседневную реальность, что будет свидетельствовать о реализации заложенного в такой идеал потенциала. Здесь происходит конкретизация поставленной цели, овладение ею людьми, что способствует наполнению идеала практическим содержанием, переводом его в плоскость социально-политической деятельности, где он выступает главным мотивом нового обустройства мира, гигантской преобразующей жизнь силой, определяющей генеральный вектор развития общества.

Общественные идеалы в старом Китае формировались в рамках общих представлений о счастливой жизни, как в литературном творчестве («Персиковый источник» [6], «Путешествие на запад» [7], «Цветы в зеркале» [5] и т. д.), так и с применением объяснительного ресурса той или иной общей социально-философской доктрины к пониманию будущего общества. Причем это не простое механическое наложение общих теоретических положений на матрицу будущего, а всегда некий творческий синтез социально-философского и футурологического знания, осуществляемый конкретным мыслителем, его определенное предпочтение.

Самой плодотворной и перспективной для реализации на китайской почве стала конфуцианская концепция общественного идеала «Да тун» (大同), которая в ходе развития получила статус классической идеологии и с успехом использовалась для управления общественным сознанием. Сам термин «Да тун» в отечественной синологии переводится как «Великое единение», в китайских исторических источниках он впервые

появляется в произведении «Ши цзин» («Канон стихов», «Канон поэзии», «Книга песен»), а в конфуцианском трактате «Ли цзи» («Книга ритуалов», «Трактат о правилах поведения») уже описывается это идеальное состояние общества. «Когда шли по великому пути, Поднебесная принадлежала всем, [для управления] избирали мудрых и способных, учили верности, совершенствовались в дружелюбии. Поэтому родными человеку были не только его родственники, а детьми – не только его дети. Старцы имели признание, зрелые люди – применение, юные – воспитание. Все бобыли, вдовы, сироты, одинокие, убогие и больные были присмотрены. Своя доля была у мужчины, свое прибежище – у женщины. Нетерпимым [считалось] тогда оставлять добро на земле, но и не должно было копить его у себя; нестерпимо было не дать силам выхода, но не полагалось [работать] только для себя. По этой причине не возникали [злые] замыслы, не чинились кражи и грабежи, мятежи и смуты, а люди, выходя из дому, не запирали дверей. Это называлось великим единением» [3, с. 100]. Хорошо видно, что «Да тун» – это итоговая заветная стадия развития китайского общества, состояние достатка и процветания, при котором людям возвращается «Великое Дао», и Поднебесная, несмотря на расслоение, неравенство и отсутствие абсолютной свободы, становится полноценной единой семьей.

По мнению конфуцианских мыслителей, единение предстает не столько как свойство, сколько как само существо, обязательный элемент идеального общества «Да тун», выступает как важнейшая составляющая, обеспечивающая его целостность. Видимо здесь речь может идти о базовой внутренней закономерности, некоей основе развития общества, требующей для практической реализации ряда фундаментальных шагов на национальном уровне:

- ментально вернуться в прошлое, погрузиться в то золотое состояние «Да тун», которое уже было в истории развития китайского общества;
- объединить колоссальные интеллектуальные усилия нации для определения эффективных форм переходного периода, требуемых ресурсов общества;
- сформировать на практике единение общественного и индивидуального сознания, что порождает единодушие народа при принятии судьбоносных решений;
- гармонизировать Поднебесную как единый и целостный организм с функционирующей естественной иерархией органов;
- создать практические антикорыстные механизмы реализации идеи единения, определить четкие требования для властной элиты Поднебесной.

Анализ и обсуждение результатов

До сегодняшнего дня в научной литературе продолжают споры о статусе концепции «Да тун»: она общественный идеал, получивший свое последующее развитие в различных формах или это социальная утопия (иногда говорят об идентичности «Да тун» и коммунистической утопии [4]) – произвольное, ненаучное формирование конструкции будущего желаемого общества, которое является более совершенным и снимает, по мнению авторов, все противоречия современного мира. Подтверждением последнего является мнение великого русского философа Н. А. Бердяева, который считал, что человеческой природе вообще свойственен утопизм: «Человек, раненный злом окружающего мира, имеет потребность вообразить, вызвать образ совершенного, гармонического строя общественной жизни» [2, с. 527–528]. Он интересовался механизмом воплощения утопий в жизнь, полагал, что у любой из них, если она социально значима и является движущей силой, большой потенциал для реализации, и в текущее время утопии имеют больше возможностей воплотиться в жизнь, чем ранее. Для подтверждения этого Н. А. Бердяев ссылаясь на современные факты сбывшихся тоталитарных утопий.

Наряду с идеалом и утопией, концепция «Да тун» в истории выступала как некий научно-фантастический продукт, своеобразная синтетическая конструкция, использующая элементы научной методологии и имеющая потенциал влияния на социально-исторический процесс. Здесь следует заметить, что несмотря на наличие в научной фантастике порой очень интересных, перспективных прогностических идей, эффективность подобного продукта, возможность практической реализации весьма низкие.

Общественный идеал, социальная утопия, научно-фантастический продукт как возможные формы представления концепции «Да тун» имеют ряд общих объединяющих оснований:

- стремление приподнять завесу времени и заглянуть в будущее;
- критическое отношение к действительности (нищета, неравенство, несправедливость, бесперспективность и т. д.), вера в возможность ее изменения к лучшему, надежда на будущее;

- необходимость и возможность преодоления настоящего во имя будущего;
- иррациональность, фантазийность, умозрительность;
- принципиальное воздействие на ход исторических событий;
- картина будущего общества всегда связана с серьезными изменениями в направлении либо всеобщего процветания, либо всеобщего угасания, что является важным для предостережения от возможной катастрофы в будущем;
- рождение естественного напряжения между настоящим и будущим;
- нереализуемость на практике многих основополагающих идеальных положений (великое единение и движение по пути Великого Дао, гармоничное социальное согласие и справедливость, общество свободных и равных людей).

Независимо от наличия общих оснований и различий в исторических формах существования «Да тун», есть один базовый стержень с общим корнем «един», который в ходе развития китайской цивилизации всегда подогревал интерес к идеям об идеальном обществе Великого единения. Это объясняется тем обстоятельством, что для решения грандиозных задач был востребован человек с более совершенной природой и хорошей генетической памятью, а также потенциал принципиально нового единого общества, в котором будут гармонично объединены все разнородные силы общества.

Заключение

Идеал общества «Да тун» объективно был востребован на всех переломных этапах развития Китая, его активно изучали, публично обсуждали и использовали в выступлениях руководители революционных движений, а рожденные прогностические идеи становились основой действия революционно настроенных масс. Не ослаб данный интерес и в ходе строительства социалистической рыночной экономики, реализация проекта Великого единения, гармоничного объединения китайской нации стала основой и условием строительства китайского многонационального государства с высокоэффективной экономикой. Налицо классический пример трансформации общественного идеала через стадию социальной утопии в современный высокоэффективный национальный форсайт-проект.

Библиографический список

1. Амелина, Е. М., Антонов, В. Г., Бородич, В. Ф. [и др.]. Идеал управления в традиционной культуре России и Китая: монография / Государственный университет управления; Институт управления персоналом, социальных и бизнес-коммуникаций ГУУ, кафедра философии; под науч. ред. проф. М. Ю. Захарова и доц. Р. В. Ленкова. – М.: Изд. дом ГУУ, 2019. – 354 с.
2. Бердяев, Н. А. Русская идея: Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века. Судьба России. – М.: Изд-во В. Шевчук, 2000. – 540 с.
3. Древнекитайская философия. Собрание текстов в двух томах / под ред. Литвиновой Л. В. – М.: Мысль, 1973. – Т. 2. – 384 с.
4. Китайские социальные утопии: [сб. науч. трудов] / АН СССР, Ин-т востоковедения; отв. ред. Л. П. Делюсин, Л. Н. Борох. – М.: Наука, 1987. – 312 с.
5. Ли, Жу-чжэнь. Цветы в зеркале / Пер. с кит. В. Л. Вельгуса и др.; отв. ред. В. С. Колоколов. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. – 788 с.
6. Тао, Юань-мин. Осенняя хризантема: стихотворения Тао Юань-мина (IV–V вв.) / пер., предисл. и примеч. Л. З. Эйдлина. – СПб: Петербургское востоковедение, 2000. – 224 с.
7. У, Чэн-энь. Путешествие на Запад. В 4-х томах / Пер. с кит., примеч. А. Рогачева; Пер. стихов под ред. А. Адалис, И. Голубева; Предисл. Л. Меньшикова. – Рига: Полярис, 1994. – 2236 с.
8. Уайтхед, А. Н. Избранные работы по философии / Пер. с англ. А. Ф. Грязнов и др.; общ. ред. и вступ. статья М. А. Киселя; сост. И. Т. Касавин. – М.: Прогресс, 1990. – 720 с.

References

1. Amelina E. M., Antonov V. G., Borodich V. F. [et al.]. *The ideal of management in the traditional cultures of Russia and China: monograph*, State University of Management, Institute of HR Management, Social and Business Communications of SUM, Department of Philosophy, Sc. Ed. Prof. M. Yu. Zakharov and Assoc. Prof. R. V. Lenkov, Moscow, GUU Publ. House, 2019, 354 p. (In Russian).

2. Berdyaev N. A. *The Russian Idea: the main problems of Russian thought of the XIX century and the beginning of the XX century. The Fate of Russia*, Moscow, V. Shevchuk Publ. House, 2000, 540 p. (In Russian).
3. *Ancient Chinese Philosophy. Collection of texts in two volumes*, Ed. L. V. Litvinova, Moscow, Mysl', 1973, vol. 2, 384 p. (In Russian).
4. *Chinese social utopias: collection of scientific papers*, The Academy of Sciences of the Soviet Union, the Institute of Oriental Studies, Ex. ed. L. P. Delyusin, L. N. Borokh, Moscow, Nauka, 1987, 312 p. (In Russian).
5. Li Zhu-chzhen' *Flowers in the mirror*, transl. from Chinese V. L. Velgus et al, Ex. ed. V. S. Kolokolov, Moscow, Leningrad, USSR AS Publ. House, 1959, 788 p. (In Russian).
6. Tao Yuan'-min. *Autumn chrysanthemum: poems by Tao Yuenming (IV–V centuries)*, transl. of introd. and notes L. Z. Eidlin, St. Petersburg, Peterburgskoe vostokovedenie, 2000, 223 p. (In Russian).
7. U Chen-en' *Journey to the West. Novel in 4 volumes*, transl. of notes from Chinese A. Rogachev, transl. of verses A. Adalis, I. Golubev, introd. L. Menshikov, Riga, Polyaris, 1994, 2236 p. (In Russian).
8. Whitehead A. N. *Selected Philosophical Papers*, transl. from Engl. A. F. Gryznov, A. N. Krasnikov, A. L. Nikiforov, V. N. Porus, gen. ed. and introd. M. A. Kissel, comp. I. T. Kasavin, Moscow, Progress, 1990, 720 p. (In Russian).

УДК 004.55:316.728

DOI 10.26425/1816-4277-2022-1-169-174

Паудяль Надежда Юрьевна

канд. филос. наук, ФГБОУ ВО «Московский Государственный университет им. М.В. Ломоносова», г. Москва, Российская Федерация

ORCID: 0000-0001-7695-4391**e-mail:** ansyna@yandex.ru**Филиндаш Лариса Васильевна**

канд. филос. наук, ФГБОУ ВО «Государственный университет управления», г. Москва, Российская Федерация

ORCID: 0000-0001-7076-379X**e-mail:** lfilindash@mail.ru

СОЦИАЛЬНАЯ ЗНАЧИМОСТЬ ГИПЕРТЕКСТА ДЛЯ МЕНТАЛЬНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ ЧЕЛОВЕКА ЦИФРОВОЙ ЭПОХИ

Аннотация. Объектом исследования является текст как сложно структурированная информация, которая выражается в вербальном и невербальном языках. В широком смысле авторы рассматривают событие реальной действительности в качестве гипертекста, социальная значимость которого увеличивается в цифровом обществе. В статье предложена лексема *homo modern* – человека современной цифровой эпохи, представителя XXI века, и даны его характеристики. Гипертекст культурного содержания рассматривается на примерах одного из объектов современной архитектуры и выставочной экспозиции. Умение понимать многоаспектность текстов трактуется в статье как одна из черт русской ментальности, что восходит к традиции аналогического восприятия иконы и христианской литературы. Выставка в Государственном музее изобразительных искусств им. А. С. Пушкина «Бывают странные сближенья...», понимаемая нами как гипертекст, оценена с точки зрения структурированности, содержательности, оправданности используемых технологий. Авторы считают, что экспозиционный материал не в полной мере обладает символическими аллюзиями, характерными для русской ментальности. В заключении утверждается, что в современных условиях развития информационных технологий значение гипертекста как культурного феномена, способного инициировать сохранение национальных ментальных черт, существенно возрастает.

Ключевые слова: аналогическое прочтение, ассоциации, высококонтекстная культура, гипертекст, дигитализация, дихотомия, изоморфизм, ментальная идентификация, подтекст, символика, универсалии, экстраполяция, языковые коды, *homo modern*

Для цитирования: Паудяль Н.Ю., Филиндаш Л.В. Социальная значимость гипертекста для ментальной идентификации человека цифровой эпохи // Вестник университета. 2022. № 1. С. 169–174.

HYPERTEXT'S SOCIAL SIGNIFICANCE FOR A DIGITAL AGE PERSON'S MENTAL IDENTIFICATION

Abstract. The object of the study is the text as a complex structured information, which is expressed in verbal and non-verbal languages. In a broad sense, the authors consider a real reality event as a hypertext, the social significance of which is increasing in the digital society. The lexeme “*homo modern*” – a person of the modern digital era, a representative of the XXI century has been proposed in the article and its characteristics are given. The hypertext of cultural content is considered on the examples of an architectural object and an exhibition exposition. The ability to understand the multidimensional nature of texts is interpreted in the article as one of Russian mentality features, which goes back to the tradition of analogic perception of icons and Christian literature. The exhibition at the Pushkin State Museum of Fine Arts “There are strange approaches...”, understood by us as hypertext, is evaluated from the point of view of structuring, content, justification of the technologies used. The authors consider that the exposition material does not fully possess symbolic allusions characteristic of the Russian mentality. In conclusion, it is argued, that in modern conditions of information technology development, the importance of hypertext as a cultural phenomenon capable of initiating the preservation of national mental traits increases significantly.

Keywords: analogic reading, associations, high-context culture, hypertext, digitalisation, dichotomy, isomorphism, mental identification, subtext, symbolism, universals, extrapolation, language codes, *homo modern*

For citation: Paudial N.Yu., Filindash L.V. (2022) Hypertext's social significance for a digital age person's mental identification. *Vestnik universiteta*, no. 1, pp. 169–174. DOI: 10.26425/1816-4277-2022-1-169-174

Nadezhda Y. Paudial
Cand. Sci. (Philos.), Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia**ORCID:** 0000-0001-7076-379X**e-mail:** lfilindash@mail.ru**Lareesa V. Filindash**

Cand. Sci. (Philos.), State University of Management, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0001-7076-379X**e-mail:** lfilindash@mail.ru

Введение

Проблема социальной значимости гипертекста как гаранта сохранения и воспроизведения национальных ментальных черт у генерации XXI в. представляет несомненную важность, поскольку обеспечивает преемственность ценностей сменяющихся поколений, выражается в национальной идентичности, что обеспечивает социальную стабильность общества и цивилизационное развитие.

Важность сохранения классических ментальных ценностей в современном мире подтверждается подготовкой президентского указа об основах политики по укреплению российских духовно-нравственных ценностей. Целью статьи является рассмотрение гипертекста как социокультурной универсалии, на основе которой формируется корпус аксиологических идеалов общества. Среди задач можно назвать определение параметров понятия «гипертекст», классификация черт явлений культуры, позволяющих рассматривать их в качестве гипертекста. Новизна исследования заключается в выявлении истоков, способствующих углубленному пониманию россиянином гипертекста, в символической многозначности отечественной культуры.

Литературный обзор

Филологи изучают гипертексты с точки зрения своеобразного типа организации литературного пространства [1], сравнения традиционных категорий текста и параметров гипертекста [7], концентрируя внимание на изменении содержания, языка и формы произведения в целом. Философская трактовка, одним из авторов которой является Деррида [6], обращается к позиции бинарности и возможности создать новую концепцию на основе преобразования структуры и раскрытия противоречивости, исходя из оригинального текста.

Национальная ментальность рассматривается в контексте языковой картины мира. Исследователи отмечают, что «национальный язык... отражает свойственный этносу способ восприятия и концептуализации мира, что складывается в систему взглядов, определяющих национальный менталитет. Именно национальный менталитет становится ядром культуры, которая реализуется в национально-этнических формах и, прежде всего, в языковой картине мира» [2, с. 114].

Выявление характерных особенностей современного культурного человека дается в историческом ракурсе [3, с. 240]. Культурологи видят одно из условий успешной работы музея в рамках новой концепции понимания экспозиции как гипертекста, поскольку «экспонаты образуют своеобразный «текст», который нужно не только «прочитывать», но и осмысливать» [4, с. 81].

Теория и методы

Аналитико-описательный метод используется для характеристики разных объектов исследования, в том числе гипертекста и современного человека (*homo modern*). Введение в научный оборот лексемы *Homo Modern* с учетом личностных признаков представителей нового поколения основано на типологическом и системном методах. Компаративный метод применяется для сравнения понимания цветовой и предметной символики национальными культурами Востока и Запада. Феномен ментальности рассматривается на широком фоне культурных явлений с применением методов экстраполирования и ретроспекции. Структурный метод позволяет оценить соответствие заявленных номинаций содержательной составляющей конкретной экспозиции. Выводы делаются с установкой на индуктивный метод. Выставка в Государственном музее изобразительных искусств им. А. С. Пушкина «Бывают странные сближенья...», поданная ее организаторами как «Новаторская художественная прогулка» и игра, и понимаемая нами как гипертекст, оценена с точки зрения структурированности, содержательности, оправданности используемых технологий и использования аналитического, типологического, системного методов.

Новизна исследования заключается в классификации категорий гипертекста как универсального феномена и представлении его в качестве социокультурного явления.

Актуальным направлением исследования является проблема сохранения ментальной идентичности в условиях дигитализации и виртуализации современного цивилизационного этапа.

Основные результаты

Новейшая парадигма хранения и передачи информации, основанная на развитии высоких технологий, и реформируемая каждое десятилетие система беспроводной связи создают поле гипертекстов как условие жизнедеятельности человека на цифровом этапе современной цивилизации.

Автором понятия «гипертекст» (от англ. hypertext) является американский социолог и философ Т. Нельсон, использовавший его в 1965 г. «для обозначения совокупности письменного или изобразительного материала, взаимосвязанного таким сложным образом, что его невозможно было бы удобно представить или отобразить на бумаге. Он может содержать резюме или карты его содержания и их взаимосвязей; он может содержать аннотации, дополнения и сноски от учёных, которые его изучили» [8]. С расширением области применения компьютерных технологий гипертексты усложняются по структуре, давая пользователю возможность переходить по ссылкам из одного текста в другой, искать информацию по ключевым словам, комбинировать текстовой и изобразительный материал. Применительно к литературному произведению данное определение означает построение текста не в линейной последовательности, а в режиме сопоставления персонажей, сюжетных линий, событий, сопряженных по времени и месту действия. Читателю предоставляется возможность самому осмысливать целевое и событийное единство произведения, а также композиционно-содержательную целостность.

Постепенно понятие стало использоваться как универсалия социокультурного дискурса цифрового этапа современной цивилизации, что поставило перед Homo Modern ранее неизвестные задачи и стимулировало развитие его своеобразных особенностей. Коммуникативные, психологические, эмоциональные, физиологические характеристики Homo Modern отмечаются современными исследователями.

Многообразие стратификационных детерминант и присущая эпохе претензия на экстравагантность усложняют социокультурное ориентирование человека, что проявляется, в частности, в нарушении норм – коммуникационных, речевых, поведенческих. Понимание современной реальности как совокупности текстов, рассматриваемых в широком смысле, создает у поколения «Зет» (люди, родившиеся в 1996-2010-х гг.) и «Альфа» (рожденные после 2010–2011-х гг.) иллюзию свободы экзистенциального выбора.

Современная цифровая действительность создает «угрозу для человека, который погружается в информационный поток и утрачивает способность к познанию и пониманию. В условиях интернет-коммуникаций нарастает изолированность, оторванность человека от реального социума» [5, с. 357]. Введенная нами лексема Homo Modern отражает обобщенное понятие для характеристики многообразия социальных типов человека современного общества: от Homo Sociologicus (с лат. человек социологический), Homo Politicus (с лат. человек политический), Homo Religiosus до Homo Eventus (с лат. человек событийный). Чертами Homo Modern являются желание самоутверждения, стремление к психологическому комфорту, внимание к физическому здоровью и материальному благополучию, нежелание развивать когнитивные способности, такие как память, логическое мышление, умение анализировать данные, что связано с неограниченным доступом к постоянно обновляемым технологиям и источникам информации,

Признанный философ эпохи Ж. Деррида предложил оригинальный метод осмысления текстов, который называется деконструкцией. Он основан на аналогиях прошлого и настоящего, возможности произвольного сочетания событий, что означает представление о мире как о непрерывном броуновском движении, подразумевает спонтанность самопроизвольных событий и ведет к множественности прочтений социокультурных текстов. «Будущее можно предчувствовать лишь как некую абсолютную опасность. Ведь оно полностью разрывает со сложившимися нормами, и потому оно может явить себя, показать себя лишь в чудовищном облике. Этот наступающий мир, который поколеблет значимость знака, речи и письма, этот мир, к которому уже сейчас тяготеет наше предбудущее (futur antérieur), еще не создал себе экзергов», – пишет Деррида [6, с. 105].

Многообразие текстов постоянно усложняющегося мира коррелируется с необходимостью понимания современным человеком различных языковых систем, кодирующих информацию. Комплекс ключей к кодам представлен в виде вербальных и невербальных средств, цветовой и предметной символики, звукового и изобразительного рядов.

Так, даже структура современной архитектуры раскрывает содержание значимых подтекстов, заключенных в символическом языке. Ярким подтверждением использования выразительных средств зодчества является здание штаб-квартиры «Русской медной компании» в Екатеринбурге (2015–2020), возведенной

по проекту бюро Н. Фостера. Фасад из модулей с рисунком кристаллической решетки золотисто-розового металла и подсветка от розовато-красноватых оттенков до светло-коричневатых оттенков напоминает медь, как бы отсылая зрителя к продукции промышленной деятельности компании. Все зоны интерьера объединяются лестницей, имеющей форму игрека и напоминающей логотип компании. Так, семиотика конструктивных и образных кодов подтверждает наличие множественности интерпретаций, для чего необходимо понимать невербальную символику.

Многомерное пространство современности характеризуется интеграционными процессами, которые проявляются, в частности, в заимствовании Востоком и Западом составных элементов ценностных структур социальной, политической, культурной, экономической систем.

Бренды, рекламу, стрит-арт также можно считать гипертекстами со свойственными им специфическими языками. Например, присущие Востоку символичность и неоднозначность трактовок очевидны при прочтении логотипа Huawei – одной из наиболее известных в мире телекоммуникационных китайских компаний. Восемь частей знака можно интерпретировать как лепестки цветка хризантемы или лотоса, дольки мандарина, части света, провода сетевого кабеля и число основателей фирмы. Трактовка знаменитого в настоящее время бренда менялась со временем и отражает, в конечном счете, ориентацию на создание эффективного и конкурентоспособного производства в области высоких технологий. Условное изображение цветов лотоса означает совершенство, красоту, что ассоциируется с пожеланием счастья. Хризантема как источник энергии и солнца имеет значение богатства, процветания и власти. Помимо этого, сходство частей бренда с дольками мандарина отсылает к трактовке этого фрукта в традиции Китая с успехом, а слово «мандарин» в прошлом означало на Востоке титул правителя. Актуальна «техническая» трактовка логотипа, которая напоминает кабель с проводами разного цвета, необходимый для подключения их в нужном порядке в коннекторе. Расходящиеся в разные стороны лепестки актуализируют развитие компании в разных направлениях. Понимание визуального текста, закодированного в логотипе, связано в Китае с изобразительными принципами письменности, то есть иероглификой.

В русской ментальности понимание глубокого закодированного смысла объясняется живописными и литературными корнями отечественной культуры. Изобразительный язык иконы формировал когнитивные умения, выраженные в понимании символики цвета, композиции, образа, жеста, фигуры, предмета. Эта практика прочтения невербального материала, господствовавшая многие века, закрепилась в такой ментальной черте, как готовность воспринимать скрытую информацию. Оригинальная отечественная литература выросла из христианской, имеющей многоуровневый характер прочтения от буквального до анагогического (от греч. ἀναγωγή – возведение), то есть духовного толкования, по мысли блаженного Августина. Глубокое, психологическое содержание, свойственное не только религиозной, но и светской беллетристике, делает художественную русскую классику и уникальной, и общечеловеческой, поднимающей универсальные проблемы. Умение понимать многоаспектность текстов позволяет отнести отечественную культуру к высоко контекстным культурам.

В условиях глобализации и интеграционных процессов возрастает значимость сохранения многообразия мира – культурного, национального, этнического, языкового. При отсутствии господствующей идеологии, когда предлагаются разные объединяющие проекты, такие как «Бессмертный полк», «Активный гражданин» и «Архнадзор» в Москве, волонтерские программы, именно ментальность является ядром, позволяющим сохранить национальную идентичность. Уникальность русской ментальности основана на образном мышлении, многомерности восприятия мира, семантическом богатстве языка, что воплощается в творческой энергии, изобретательности, созидательной активности. Эти и другие позиции могут иметь как положительные, так и отрицательные проявления, то есть носят дихотомический, двойственный характер.

Многозначность ментального оценивания всего происходящего как мегатекста реальной действительности проявляется в стремлении адекватно выяснить истинную мотивацию участников событий, установить причинно-следственные связи, оценить возможные последствия. Проблема ментальной идентификации актуализируется в условиях стремительного развития коммуникационных технологий и приобщения к разным ценностным структурам, что требует интенсификации целенаправленных усилий образовательно-просветительской системы, частью которой являются, в том числе и музеи.

Так, выставка в Государственном музее изобразительных искусств им. А. С. Пушкина «Бывают странные сближенья...» (ноябрь 2021 г. – февраль 2022 г.), отдавая дань моде, демонстрирует декларируемый философами-постструктуралистами подход к комплексному мегатексту.

Собрание живописных, скульптурных работ, инсталляций, аудио и видеоматериалов, графики и рекламных щитов нарушает целостность музейного пространства, вклиниваясь в залы постоянной экспозиции. Музей всегда придерживался практики организации выставок в отдельных зонах Белого зала и боковых галерей розовой главной лестницы. Это демонстрировало уважительное отношение к основной экспозиции и главному назначению музея – учебно-просветительскому.

«Новаторская художественная прогулка», по определению координаторов выставки, группирует материал по следующим разделам: «От потаенного образа к двойному», «От возлюбленной к колдунье», «От яблока к земному шару», «От складки к геометрии» и др. Понятийные универсалии, которые стали осью выставки, на самом деле таковыми не являются, они очень произвольны и субъективны, например, складка, яблоко, горизонт и т. д. Содержание интригующе названных разделов не оправдывает ожиданий, так как заявленные темы не раскрываются в представленных произведениях. Например, в кластере «Пять чувств» представлены артефакты, буквально указывающие на органы восприятия: глазные протезы – на зрение, кадило – на обоняние. Экспонаты не требуют от зрителя метафорического мышления, глубокого проникновения в подтекст произведения и понимания контекста. Выставка не всегда апеллирует к интеллекту зрителя, оставляет знания истории, литературы, мифологии невостребованными. Заявленные номинации не раскрывают предполагаемой динамики, а сравниваемые в названиях объекты подаются буквально, не вызывают ассоциаций. Отсутствие привычного этикетажа может объясняться предоставлением зрителю возможности быть соавтором и интерпретатором целостной концепции. Таким образом, стремление следовать моде, «тренду» включить музей в современное культурное пространство при формировании выставки выразилось в недостаточном соответствии характера музейного гипертекста традиционной ментальности, которую необходимо инициировать в условиях новой социальной реальности.

Несомненным достоинством проекта и его оправданием в некоторой мере может служить показ редко выставляемых работ из запасников музея, а также произведений художников прошлого и современности из более чем пятидесяти зарубежных и отечественных музейных и частных коллекций. С точки зрения характера новейших культурных явлений выставка укладывается в рамки современной тенденции представлять любой, особенно визуализированный, материал как гипертекст.

Обсуждение результатов

Многие явления современной культуры характеризуются чертами, которые используются при описании классического понимания художественного гипертекста:

- дискретность сюжетно-тематического потока;
- фрагментарность, понимаемая как членение или сочетание броских сегментов;
- децентрализация и незавершенность/открытость;
- ассоциативность и символичность образов;
- изоморфизм как обратимая множественность;
- экстраполяция как перенос культурных новаций из одной локации в другую.

Таким образом, о современной культуре по содержанию, принципам и формам трансляции можно говорить как о совокупности гипертекстов.

Однако гипертексты, создаваемые в условиях массового авторства, не всегда имеют глубокую смысловую насыщенность и выразительную форму. Это особенно ярко проявляется в блогерстве, выставках, кинематографических, драматических и музыкальных версиях.

Заключение

Рассмотрев проблему современного способа передачи сложно структурированной информации в системе беспроводной связи, авторы пришли к заключению, что в условиях цифровизации и виртуализации можно говорить о гипертексте не только как о литературном феномене, но и как о культурном. В этом смысле гипертекст становится практическим выражением социального взаимодействия.

Важность гипертекста как культурного феномена, отвечающего ценностным параметрам, способного сохранять национальную специфику мышления и образного понимания мира, возрастает в цифровую эпоху с характерной для нее унификацией личности. В этом случае гипертекст выступает гарантом воспроизведения ментальной идентичности нового поколения нации в цивилизационном развитии.

Библиографический список

1. Волынкина, С. В., Новожилова, Н. В., Соломенников, В. А. Гипертекст – новая языковая реальность // Филологический аспект. – 2019. – № 11 (55). – С.141–155.
2. Деррида, Ж. О грамматологии / Пер. с франц., вступ. ст. и комм. Н. С. Автономовой. – М.: Изд-во “Ad Marginem”, 2000. – 475 с.
3. Диденко, В. Д., Нур-Ахмет, Досмухамед, Паудяль, Н. Ю., Филиндаш, Л. В. Проявление ментальных особенностей Китая в межкультурной коммуникации // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. – 2020. – Т. 9, № 3. – С. 23–28. <https://doi.org/10.12737/2587-9103-2020-23-28>
4. Паудяль, Н. Ю. Диссипативность коммуникации в системе массовой культуры // Вестник университета. – 2016. – № 5. – С. 240–246.
5. Паудяль, Н. Ю., Филиндаш, Л. В. Актуальные условия успешного сервиса в музее. – Сервис Plus. – 2013. – № 3. – С. 78–86.
6. Рязанцева, Т. И. О категориях гипертекста // Медиалингвистика. – 2019 – Т.6, № 3. – С. 327–340. <https://doi.org/10.21638/spbu22.2019.304>
7. Филиндаш, Е. В. Социально значимые векторы феномена одиночества // Вестник университета. – 2015. – № 11. – С. 357–363.
8. Nelson, Th. H. Complex information processing: a file structure for the complex, the changing and the indeterminate // Association for Computing Machinery’65: Proceedings of the 20th National Conference / Ed. Lewis Winner: Cleveland. Canada. – 1965. – Pp. 84–100. <https://doi.org/10.1145/800197.806036>

References

1. Volynkina S. V., Novozhilova N. V., Solomennikov V. A. Hypertext – new language reality, *Filologicheskii aspekt*, 2019, no. 11 (55), pp. 141–155. (In Russian).
2. Derrida J. *On grammatology* [*De la grammatologie*], transl. from French, introd., abstr. and comments N. S. Avtonomova, Moscow, “Ad Marginem”, 2000, 475 p. (In Russian).
3. Didenko V. D., Nur-Akhmet Dosmukhamed, Paudyal N. Yu., Filindash L. V. Manifestation of mental features of China in intercultural communication, *Scientific research and development. Modern communication studies*, 2020, vol. 9, no. 3, pp. 23–28. (In Russian). <https://doi.org/10.12737/2587-9103-2020-23-28>
4. Paudyal N. Yu. Dissipativity of communication in mass culture, *Vestnik universiteta*, 2016, no. 5, pp. 240–246. (In Russian).
5. Paudyal N. Yu., Filindash L. V. Actual conditions of successful service in the museum, *Service plus*, 2013, no. 3, pp. 78–86. (In Russian).
6. Ryazantseva T. I. On categories of hypertext, *Medialingvistika*, 2019, vol. 6, no. 3, pp. 327–340. (In Russian). <https://doi.org/10.21638/spbu22.2019.304>
7. Filindash E. V. Socially important vectors of the phenomenon of loneliness, *Vestnik universiteta*, 2015, no. 11, pp. 357–363. (In Russian).
8. Nelson Th. H. Complex information processing: a file structure for the complex, the changing and the indeterminate, *Association for Computing Machinery’65: Proceedings of the 20th National Conference*, Ed. Lewis Winner, Cleveland, Canada, 1965, pp. 84–100. <https://doi.org/10.1145/800197.806036>

Потравная Евгения Владимировна

канд. социол. наук, ФГБОУ ВО «Череповецкий государственный университет», г. Череповец, Российская Федерация

ORCID: 0000-0003-3343-0253

e-mail: potr195@gmail.com

Кривошапкина Ольга Алексеевна

соискатель-исследователь, ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова», г. Москва, Российская Федерация

ORCID: 0000-0002-8984-1193

e-mail: eod_olga@mail.ru

ОЦЕНКА ПРИОРИТЕТНОСТИ КОМПЕНСАЦИОННЫХ ПРОЕКТОВ РАЗЛИЧНЫМИ ГРУППАМИ НАСЕЛЕНИЯ ПРИ ПРОМЫШЛЕННОМ ОСВОЕНИИ АРКТИКИ

Аннотация. Статья посвящена учету мнения населения при реализации проектов промышленного освоения Арктики. Предложены методы оценки и процедуры отбора компенсационных проектов, а также выполнено их ранжирование. На примере проекта по добыче россыпных алмазов месторождения в долине реки Молодо в Булунском районе Республики Саха (Якутия) и на основе социологических опросов населения предложены проекты, направленные на сохранение исконной среды обитания коренных малочисленных народов Севера, поддержку традиционных промыслов, строительство объектов инфраструктуры с учетом мнения отдельных групп населения. В основу статьи положены материалы этнологической экспертизы указанного проекта и результаты авторского социологического исследования. Изложены предложения по выбору компенсационных проектов для местного населения в условиях множественности оценочных критериев.

Ключевые слова: промышленное освоение Арктики, компенсационные проекты, коренные малочисленные народы Севера, социологические исследования, критерии отбора, оценка предпочтительности проектов, мнение населения, Республика Саха (Якутия)

Благодарности. Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 20-010-00252 «Экономико-правовые механизмы регулирования и развития территорий традиционного природопользования в контексте промышленного освоения Арктики».

Для цитирования: Потравная Е.В., Кривошапкина О.А. Оценка приоритетности компенсационных проектов различными группами населения при промышленном освоении Арктики // Вестник университета. 2022. № 1. С. 175–187.

COMPENSATION PROJECTS PRIORITY ASSESSMENT BY VARIOUS POPULATION GROUPS IN THE ARCTIC INDUSTRIAL DEVELOPMENT

Abstract. The article is devoted to the issues of taking into account of the population's opinion in the implementation of the Arctic industrial development projects. Evaluation methods and selection procedures for compensation projects have been proposed, as well as their ranking is made. On the example of a project for the placer diamonds extraction at the Molodo River deposit in the Bulunsky district of the Sakha Republic (Yakutia), and based sociological surveys of the population, projects aimed at preserving the ancestral habitat of indigenous small-numbered peoples of the North, supporting traditional crafts, building infrastructure facilities taking into account the individual groups opinions of the population, are proposed. The article is based on the materials of the ethnological expertise of this project and the results of the authors' sociological research. The proposals for the selection of compensation projects for the local population in the conditions of evaluation criteria plurality are formulated.

Keywords: industrial development of the Arctic, compensation projects, indigenous peoples of the North, sociological research, selection criteria, project preference evaluation, population's opinion, Republic of Sakha (Yakutia)

Acknowledgements. The article was prepared with the financial support of a grant from the Russian Foundation for Basic Research, project No. 20-010-00252 "Economic and legal mechanisms for regulating and developing territories of traditional nature use in the context of industrial development of the Arctic".

For citation: Potravnaya E.V., Krivoschapkina O.A. (2022) Compensation projects priority assessment by various population groups in the Arctic industrial development. *Vestnik universiteta*, no. 1, pp. 175–187. DOI: 10.26425/1816-4277-2022-1-175-187

Evgenia V. Potravnaya

Cand. Sci. (Sociol.), Cherepovets State University, Cherepovets, Russia

ORCID: 0000-0003-3343-0253

e-mail: potr195@gmail.com

Olga A. Krivoschapkina

Applicant-Researcher, Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0002-8984-1193

e-mail: eod_olga@mail.ru

Введение

Реализация проектов промышленного освоения Арктики, в том числе «Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года», затрагивает территории традиционного природопользования [1; 2]. Это может привести к различного рода убыткам, упущенной выгоде для местного населения в связи с временным изъятием земель [3; 11]. Для снижения негативных последствий намечаемой деятельности добывающими компаниями разрабатываются меры, направленные на компенсацию убытков местному населению, поддержке традиционных промыслов, развитию инфраструктуры [13]. В этой ситуации требуется разработка механизма, который бы учитывал интересы местного населения [5; 9; 14].

Существующие сегодня критерии оценки компенсационных проектов при освоении арктических территорий ориентированы на количественные показатели (получение дохода местным населением, создание новых рабочих мест, уменьшение экологического ущерба). В то же время отсутствуют подходы, которые бы устанавливали критерии отбора проектов, связанных с качественным изменением условий жизнедеятельности коренных народов.

В статье предлагается использовать методы социологических исследований для выявления приоритетных направлений развития территории.

Методы исследования

Исследование базируется на концепции распределения совместных выгод при промышленном освоении территории [12], методах этнологической экспертизы проектов [15]. Для оценки уровня предпочтительности компенсационных проектов предлагается использование экспертно-моделирующих процедур.

Выявление интересов местного населения осуществлялось с использованием социологических методов исследования. В рамках проведения этнологической экспертизы проекта по добыче россыпных алмазов на р. Молодо в 2016 г. было опрошено 198 человек. Всего в зоне реализации проекта проживает 1 168 человек в возрасте старше 18 лет.

Ввиду специфичности жизни и рода занятий значительная часть населения находится на оленьих пастбищах, охоте и рыбалке. В связи с этим проводилось выборочное статистическое наблюдение. В качестве способа формирования выборочной совокупности использован типический, в котором производилось деление по возрастному цензу жителей района. Выборочной совокупностью являлась совокупность объектов (жителей) объема n , отобранных из интересующей нас генеральной совокупности N , в качестве которой исследуются жители района старше 18 лет (табл. 1)

Таблица 1

Числовые характеристики генеральной совокупности (жители Булунского улуса Якутии)

Населенный пункт	Общая численность населения, чел.	Численность населения до 18 лет		Численность потенциальных респондентов, чел.
		%	чел.	
с. Сиктях	287	28,9	83	204
с. Кюсюр	1 345	29,2	393	952
с. Чекуровка	20	40	8	12
Итого по генеральной совокупности				1 168

Составлено авторами по результатам исследования

В исследовании использовались экономико-математические и статистические методы для выбора компенсационных проектов по множеству оценочных критериев. Для обоснования оптимального варианта распределения компенсационного фонда и альтернативных источников финансирования проектов предлагается использование количественных методов многокритериальной оценки [7].

Основные результаты

На основе опросов населения было сформировано исходное множество компенсационных проектов (табл. 2, 3). Эти проекты наряду с решением социальных и экологических задач могут включать вопросы развитие возобновляемых источников энергии и др. [4; 10]. В качестве критериев эффективности проектов рассмотрены: создание новых рабочих мест, минимизация экологического ущерба, максимизация объема продукции традиционных промыслов, улучшение условий жизни населения, сохранение этноса и др., а также капитальные вложения. Проекты могут финансироваться из различных источников, включая средства компенсационных фондов, долевого участия и др. [8].

Таблица 2

Оценка эффектов (годовых) от реализации компенсационных проектов по множеству оценочных критериев F_1, F_2, F_3

Компенсационный проект	Критерии оценки		
	Создание новых рабочих мест, единицы F_1	Снижение экологического ущерба F_2 , тыс. руб.	Объем продукции традиционных промыслов и туризма F_3 , тыс. руб.
Строительство жилья	+ 10	-	+500 (изготовление сувениров, пошив одежды)
Строительство дороги	+ 200	-	-
Сохранение культурного и исторического наследия	+ 5	-	-
Переработка продукции традиционных промыслов	+ 20	-	+ 10 000
Строительство системы водообеспечения населения и очистных сооружений	+ 15	+20 000	-
Строительство полигона по утилизации коммунальных отходов	+ 5	+10 000	-
Строительство бизнес-центра	+ 12		+ 1 000
Развитие возобновляемых источников энергии	+8	+5 000	-
Строительство туристической базы	+9	-	+8 000
Обустройство пристани на р. Лена	+5	-	+1 000 000
Строительство многофункционального комплекса	+5	-	-
Обустройство вертолетных площадок	+3	-	+ 2 000 000

Составлено авторами по результатам исследования

Так, к примеру, проекты 1, 3, 4, 8 и 9 финансируются только из средств компенсационного фонда, объем финансирования составит 72,5 млн руб. или 12,2 % общей потребности в финансирование. В то же время проекты 2, 5, 6, 7, 11 и 12 финансируются из компенсационного фонда и альтернативных источников в размере 519,0 млн руб. или 97,8 % об общего финансирования, при общей потребности в капитальных вложениях в размере 591,5 млн руб.

Для оценки значимости проектов по множеству оценочных критериев $\{F_1, F_2, \dots, F_7\}$ при добыче россыпных алмазов была определена w – доля единиц (возраст опрошенных респондентов), обладающих признаком m (количество респондентов определенного возрастного интервала) в выборочной совокупности, сформированной данным способом отбора находилась по формуле $w = m / n$. При этом выборка формировалась в условиях бесповторного статистического наблюдения, когда встречи с местным населением в виде заседаний,

совещаний и интервью для результатов исследования проводились однократно. Средняя ошибка выборки при бесповторном отборе равна

$$\mu = \sqrt{\frac{\sigma^2}{n} \left(1 - \frac{n}{N}\right)} = \sqrt{\frac{w(1-w)}{n} \left(1 - \frac{n}{N}\right)}, \quad (1)$$

а предельная ошибка выборки, где t – коэффициент доверия, который определяется по вероятности соответствия выборочной совокупности генеральной ($t = 1$ при $P = 0,683$; $t = 1,5$ при $P = 0,866$; $t = 2$ при $P = 0,954$; $t = 2,5$ при $P = 0,988$; $t = 3$ при $P = 0,997$).

Следовательно, объем необходимой численности выборки жителей улуса для проведения опроса составит

$$n = \frac{t^2 \sigma^2 N}{\Delta^2 \sigma^2 + \Delta^2 N}, \quad (2)$$

где $n = 198$ человек (при $t = 2$, $P = 0,954$, $N = 1\,168$).

Таблица 3

Оценка эффектов от реализации проектов по множеству оценочных критериев F_4 , F_5 , F_6 , F_7 и F_8

Компенсационный проект	Показатели				
	Улучшение условий жизни населения F_4 (по результатам экспертных оценок)	Сохранение этноса F_5 (по результатам экспертных оценок)	Улучшение транспортного обслуживания населения F_6 , доходы от роста грузопотока, тыс. руб.	Развитие туризма F_7 , количество принимаемых туристов, чел./доход от туризма, тыс. руб. в год	Капитальные вложения (затраты) F_8 , млн руб. в год
Строительство жилья	+	+		+ 120 чел. / 500 тыс. руб.	35,0
Строительство дороги	+		+20 000	+15 000 чел./2 000 тыс. руб.	250,0
Сохранение культурного и исторического наследия	-	+	1 000	+500 чел./100 тыс. руб.	5,5
Переработка продукции традиционных промыслов	-	-	-	-	6,0
Строительство системы водоснабжения населения и очистных сооружений	+	-	-	+ 120 чел./500 тыс. руб.	29,0
Строительство полигона по утилизации коммунальных отходов	+	-	-	-	21,0
Строительство бизнес-центра	+	+	-	+300 чел./200 тыс. руб.	87,0
Развитие возобновляемых источников энергии	+	-	-	+ 50 чел. / 200 тыс. руб.	14,0
Строительство туристической базы	+	+	2 000	+1 000 чел./2 000 тыс. руб.	12,0
Обустройство пристани на р. Лена	+	-	+ 1 000	+ 500 чел./1 000 тыс. руб.	16,0

Компенсационный проект	Показатели				
	Улучшение условий жизни населения F_4 (по результатам экспертных оценок)	Сохранение этноса F_5 (по результатам экспертных оценок)	Улучшение транспортного обслуживания населения F_6 , доходы от роста грузопотока, тыс. руб.	Развитие туризма, количество принимаемых туристов F_7 , чел./доход от туризма, тыс. руб. в год	Капитальные вложения (затраты) F_8 , млн руб. в год
Строительство многофункционального комплекса	+	-	-	+200 чел./100 тыс. руб.	91,0
Обустройство вертолетных площадок	+	-	+1 000	+200 чел./100 тыс. руб.	25,0

Составлено авторами по результатам исследования

Для преобразования данных статистической выборки в интервальный вариационный ряд вычислим значения шага возрастного интервала по традиционно используемой формуле:

$$h = \frac{x_{\max} - x_{\min}}{1 + 3,2 \cdot \lg n}, \quad (3)$$

где $x_{\max}$ и $x_{\min}$ – максимальный и минимальный возраста опрошенных респондентов соответственно.

Сформируем исходную статистическую таблицу возрастной структуры респондентов района (табл. 4).

Таблица 4

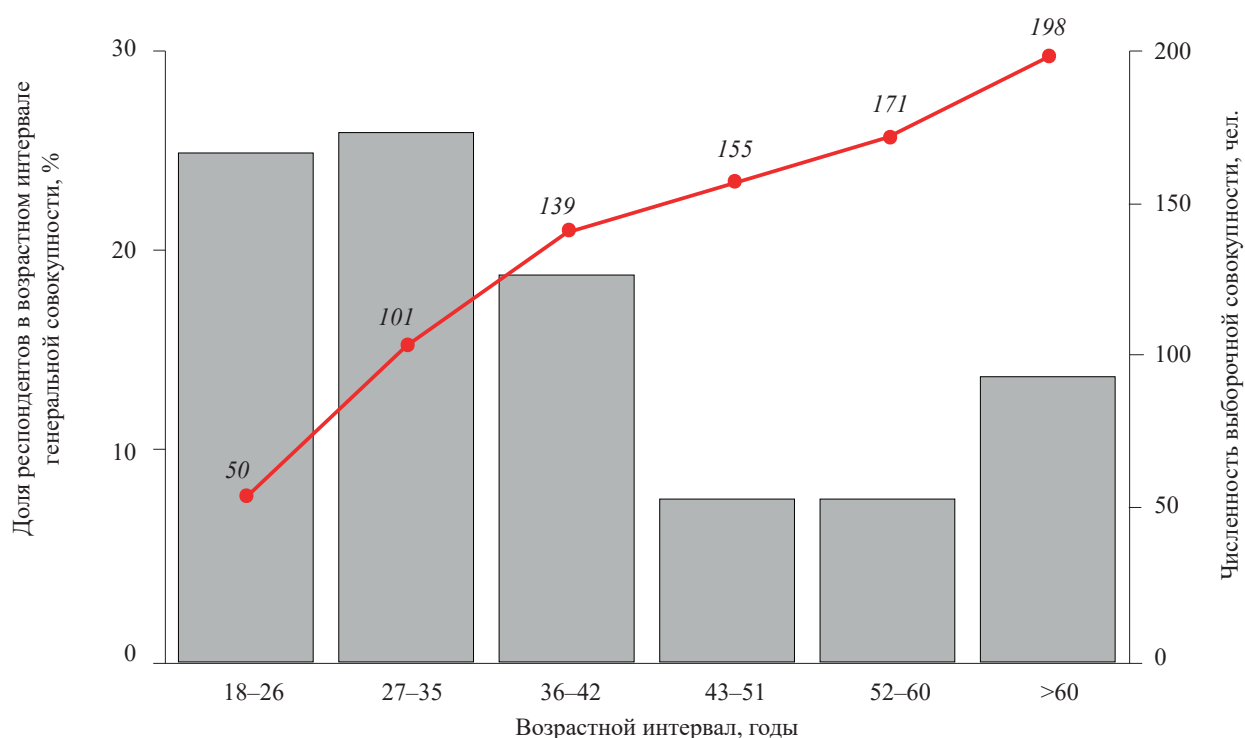
**Возрастная структура респондентов, опрошенных на территории
Булунского улуса (района) Якутии**

Возрастной интервал	Количество жителей района в возрастном интервале, чел.	Доля респондентов в возрастном интервале генеральной совокупности w, %	Количество респондентов, чел.
18–30 лет	295	25	50
31–40 лет	301	26	51
41–50 лет	224	19	38
51–55 лет	94	8	16
56–60 лет	89	8	16
Свыше 60 лет	165	14	27
Всего	1 168	100	198

Составлено авторами по результатам исследования

В анкетировании приняло участие 16,95 % из всех жителей: оленеводы, охотники, рыболовы, главы родовых общин [16], (рис. 1).

Оценка искомой совокупности компенсационных проектов по критериям F_4 и F_5 была выполнена экспертами в бинарном формате (да/нет) или (+/–). В связи с этим для комплексного обоснования приоритетности реализации проектов с учетом их важности были рассчитаны весовые коэффициенты значимости, учитывающие предпочтение респондентов с учетом их возрастной принадлежности (табл. 5, рис. 1).

Составлено авторами по результатам исследования

Рис. 1. Формирование выборочной совокупности жителей района в зоне реализации проекта

Для оценки и определения очередности финансирования компенсационных проектов необходимо определить уровень капитальных затрат на их реализацию. Некоторые проекты являются весьма затратными. В связи с этим необходимо расширение источников финансирования этих проектов посредством альтернативного долевого участия, например, с привлечением средств администрации улуса, федеральных средств.

Если же финансирование данных проектов будет запланировано из компенсационного фонда, то для оценки и выбора для этих проектов может быть использован поправочный коэффициент, который будет показывать доленое участие в финансировании таких проектов ($K_{\text{фин}} = 0,3$), определенный экспертным путем. Это обеспечит использование денежных средств коренным народам в порядке компенсации за убытки, а затем будут рассматриваться альтернативные варианты использования фонда.

Таблица 5

**Экспертные оценки приоритетности проектов по критерию F_4
«Улучшение условий жизни населения»**

Проект	Возраст опрошенных	Оценка важности проектов, % от общего числа респондентов	Весовой коэффициент значимости, учитывающий предпочтение опрошенных с учетом их возраста, %
Строительство жилья П1(F_4)	18–26 лет	20	19,9
	27–35 лет	30	
	36–42 лет	25	
	43–51 лет	14	
	52–60 лет	5	
	Свыше 60 лет	6	

Продолжение табл. 5

Проект	Возраст опрошенных	Оценка важности проектов, % от общего числа респондентов	Весовой коэффициент значимости, учитывающий предпочтение опрошенных с учетом их возраста, %
Строительство дороги П2(F_4)	18–26 лет 27–35 лет 36–42 лет 43–51 лет 52–60 лет Свыше 60 лет	18 20 25 25 12 10	18,8
Строительство системы водообеспечения и очистных сооружений П3(F_4)	18–26 лет 27–35 лет 36–42 лет 43–51 лет 52–60 лет Свыше 60 лет	20 30 30 10 5 5	20,4
Строительства полигона по утилизации коммунальных отходов П4(F_4)	18–26 лет 27–35 лет 36–42 лет 43–51 лет 52–60 лет Свыше 60 лет	36 20 20 14 5 5	20,3
Строительство бизнес-центра П5(F_4)	18–26 лет 27–35 лет 36–42 лет 43–51 лет 52–60 лет Свыше 60 лет	30 35 15 15 4 1	21,1
Развитие возобновляемых источников энергии П6(F_4)	18–26 лет 27–35 лет 36–42 лет 43–51 лет 52–60 лет Свыше 60 лет	25 30 35 10 0 0	21,6
Строительство туристической базы П7(F_4)	18–26 лет 27–35 лет 36–42 лет 43–51 лет 52–60 лет Свыше 60 лет	30 35 15 10 7 3	21,3
Обустройство пристани П8(F_4)	18–26 лет 27–35 лет 36–42 лет 43–51 лет 52–60 лет Свыше 60 лет	15 20 20 20 15 10	16,9

Окончание табл. 5

Проект	Возраст опрошенных	Оценка важности проектов, % от общего числа респондентов	Весовой коэффициент значимости, учитывающий предпочтение опрошенных с учетом их возраста, %
Строительство многофункционального комплекса П9(F_4)	18–26 лет	35	21,0
	27–35 лет	25	
	36–42 лет	20	
	43–51 лет	10	
	52–60 лет	5	
	Свыше 60 лет	5	
Обустройство вертолетных площадок П10(F_4)	18–26 лет	20	18,2
	27–35 лет	25	
	36–42 лет	15	
	43–51 лет	15	
	52–60 лет	15	
	Свыше 60 лет	10	

Составлено авторами по результатам исследования

В таблице 6 показаны экспертные оценки проектов по критерию «Сохранение этноса».

Таблица 6

Экспертные оценки приоритетности проектов по критерию F_5 «Сохранение этноса»

Проект	Возраст опрошенных	Оценка важности проектов, % от общего числа респондентов	Весовой коэффициент значимости, учитывающий предпочтение опрошенных с учетом их возраста, %
Строительство жилья для местного населения П1(F_5)	18–26 лет	5	18,7
	27–35 лет	35	
	36–42 лет	30	
	43–51 лет	10	
	52–60 лет	15	
	Свыше 60 лет	5	
Сохранение культурного и исторического наследия П2(F_5)	18–26 лет	5	13,6
	27–35 лет	12	
	36–42 лет	18	
	43–51 лет	25	
	52–60 лет	30	
	Свыше 60 лет	10	
Строительство бизнес-центра П3(F_5)	18–26 лет	10	16,6
	27–35 лет	15	
	36–42 лет	35	
	43–51 лет	25	
	52–60 лет	10	
	Свыше 60 лет	5	

Окончание табл. 6

Проект	Возраст опрошенных	Оценка важности проектов, % от общего числа респондентов	Весовой коэффициент значимости, учитывающий предпочтение опрошенных с учетом их возраста, %
Строительство туристической базы П4(F_5)	18–26 лет	5	13,7
	27–35 лет	5	
	36–42 лет	15	
	43–51 лет	15	
	52–60 лет	20	
	Свыше 60 лет	40	

Составлено авторами по результатам исследования

Следующим этапом решения поставленной задачи является обоснование оптимального использования компенсационного фонда. Применение методов многокритериальной оценки предопределяет необходимость предварительного статистического анализ исходной совокупности компенсационных проектов (Π_i), $\forall i = \overline{1,12}$, по сформированному множеству оценочных критериев $F_j(F_j)$, $\forall j = \overline{1,8}$.

В качестве исследуемых статистических параметров были рассчитаны средние значения, размахи вариаций, стандартные отклонения и коэффициенты вариации, используемые в процедурах и алгоритмах многокритериальной оптимизации (табл. 7).

Таблица 7

Статистические характеристики оценочных критериев проектов развития территории

Номер проекта	Сформированное множество оценочных критериев					
	F_1	F_2	F_3	F_6	F_7	F_8
1	10	0	500	0	60 000	35,0
2	200	0	0	20 000	3 000 000	250,0
3	5	0	0	1 000	50 000	5,5
4	20	0	10 000	0	0	6,0
5	15	20 000	0	0	60 000	29,0
6	5	10 000	0	0	0	21,0
7	12	0	1 000	0	60 000	87,0
8	8	5 000	0	0	10 000	14,0
9	9	0	8 000	2000	2 000 000	12,0
10	5	0	1 000 000	1000	500 000	16,0
11	5	0	0	0	20 000	91,0
12	3	0	2 000 000	1 000	20 000	25,0
Среднее значение критерия	24,8	11 666,7	503 250,0	5 000,0	578 000,0	49,3
Максимальное значение $x_{\max}$	200	20 000	2 000 000	20 000	3 000 000	250
Минимальное значение $x_{\min}$	3	5 000	500	1 000	10 000	5,5
Размах вариации $x_{\max} - x_{\min}$	197	15 000	1 999 500	19 000	2 990 000	244,5

Номер проекта	Сформированное множество оценочных критериев					
	F_1	F_2	F_3	F_6	F_7	F_8
Стандартное отклонение σ	55,4	7 637,6	834 338,3	7 782,5	1 050 045,5	69,4
Коэффициент вариации $K_v = \sigma/\bar{x}$	2,2	0,7	1,7	1,6	1,8	1,4

Составлено авторами по результатам исследования

Для определения приоритетности реализации компенсационных проектов были рассчитаны два суперкритерия – метрики идеальной точки $d(\Pi_i)$ и индексы несогласия $I_n(\Pi_i)$ (табл. 8) с дальнейшей ранжировкой, исходя из следующих предпосылок $\Pi_{opt} = \arg \max$

$$\left(I_n(\Pi_j) \right) \forall i = \overline{1,12} \cup \Pi_{opt} = \arg \min \left(d(\Pi_i) \right) \forall i = \overline{1,12}. \quad (4)$$

При этом рассчитанные суперкритерии имеют высокую парную корреляцию (оценивают ранг проекта с коэффициентом парной корреляции $R^2 = 0,92$) для ранжированной совокупности проектов.

Таблица 8

Ранжированный ряд компенсационных проектов по индексу несогласия и метрике идеальной точки

Приоритетность реализации проектов (метод главных компонент)	Ранг проекта $\Pi_i, \forall i = \overline{1,12}$	Индекс несогласия $I_n(\Pi_i)$	Метрика идеальной точки $d(\Pi_i)$
1-й этап (приоритетные проекты)	1	$I_n(\Pi1) = 3,27$	$d(\Pi2)^* = 4,13$
	2	$I_n(\Pi7)^* = 3,13$	$d(\Pi9) = 4,63$
	3	$I_n(\Pi9) = 2,04$	$d(\Pi5)^* = 5,08$
	4	$I_n(\Pi5)^* = 1,07$	$d(\Pi12)^* = 5,19$
	5	$I_n(\Pi2)^* = 0,40$	$d(\Pi7)^* = 5,40$
	6	$I_n(\Pi12)^* = 0,35$	$d(\Pi1) = 5,48$
2-й этап	7	$I_n(\Pi8) = 0,31$	$d(\Pi10)^* = 5,54$
	8	$I_n(\Pi6)^* = 0,27$	$d(\Pi6)^* = 5,62$
	9	$I_n(\Pi11)^* = -0,17$	$d(\Pi8) = 5,89$
	10	$I_n(\Pi10)^* = -0,65$	$d(\Pi11)^* = 6,25$
3-й этап	11	$I_n(\Pi4) = -1,93$	$d(\Pi3) = 6,36$
	12	$I_n(\Pi31) = -4,55$	$d(\Pi4) = 6,98$

* – проекты, финансируемые из компенсационного фонда и/или альтернативных источников

Составлено авторами по результатам исследования

Для решения задачи группировки и классификации приоритетности реализации проектов в работе предлагается использование статистического факторного анализа (метод главных компонент), который позволяет сгруппировать проекты со сходными сочетаниями оценочных критериев (табл. 8 (ст. 1), табл. 9) по величине факторной нагрузки α .

Выделенные факторные группы можно интерпретировать как специфические базовые внутренние характеристики проектов, позволяющих определить очередность их реализации с позиции показателей эффективности. Приоритетными для реализации и финансирования являются проекты 1-й факторной группы, затем 2-й и 3-й.

Таблица 9

Факторный анализ показателей эффективности реализации проектов

Номера проектов	Факторные нагрузки		
	факторная группа $F_{гр1}$	факторная группа $F_{гр2}$	факторная группа $F_{гр3}$
1	– 2,28170*	– 0,309591	– 0,302592
2	– 1,77924*	0,096120	0,086120
3	– 0,00821	0,150820	0,760830*
4	– 0,38550	– 0,071956	0,741952*
5	– 1,26628*	– 0,093458	– 0,043452
6	– 0,08254	– 0,945041*	– 0,009591
7	– 1,30835*	– 0,000565	0,046122
8	0,07501	0,961208*	0,050820
9	0,97405*	0,164154	– 0,109391
10	0,36364	0,935697*	0,093122
11	0,48395	0,908959*	0,120821
12	2,91517*	– 0,296346	– 0,071956

*проекты, имеющие значение факторной нагрузки $\alpha > 0,7$

Составлено авторами по результатам исследования

Обоснование использования компенсационного фонда можно осуществить с учетом объемов финансирования таких проектов по этапам приоритетности их реализации (табл. 10). Ряд проектов предлагается финансировать за счет средств компенсационного фонда, а другие – за счет альтернативных источников. В такой постановке решение многокритериальной задачи позволяет определить рекомендуемые размеры компенсационного фонда и объемы привлекаемых средств.

Таблица 10

Обоснование необходимых объемов финансирования проектов по их приоритетности

Этапы реализации проектов	Размер компенсационного фонда, млн руб. / год	Объемы альтернативных источников финансирования, млн руб. / год
1-й этап (приоритетные проекты)	47,0	391,0
Номера проектов по этапу 1	(1+9)	(2+5+7+12)
2-й этап	14,0	128,0
Номера проектов по этапу 2	(8)	(6+10+11)
3-й этап	11,5	-
Номера проектов по этапу 3	(3+4)	-
Итого:	72,5	519

Составлено авторами по результатам исследования

Выводы

В результате разработки предложенного методического инструментария выявлена приоритетность компенсационных проектов при разработке месторождения по добыче россыпных алмазов с мнения различных групп населения. Обоснованы этапы реализации таких проектов, объемы и источник их финансирования с учетом приоритетности. Так, к первой группе приоритетности относятся проекты по строительству жилья для местного населения, строительство туристической базы за счет средств компенсационного фонда.

На этом этапе следует также реализовать такие проекты, как строительство дороги, системы водообеспечения населения и очистки сточных вод, бизнес-центра, обустройство вертолетной площадки. Данные проекты могут быть реализованы с привлечением альтернативных источников финансирования.

На втором этапе реализации компенсационных мероприятий по степени их значимости предлагается проект развития возобновляемых источников энергии за счет средств компенсационного фонда. Целесообразно привлечь альтернативные источники финансирования для реализации проектов по строительству полигона по утилизации отходов, обустройству пристани, строительству многофункционального комплекса. На третьем этапе предлагается реализовать проекты за счет средств компенсационного фонда.

Заключение

Результаты исследования могут быть использованы при реализации «Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года», для обеспечения устойчивого пространственного развития арктических территорий, построения модели взаимодействия между добывающей компанией, органами власти и коренными малочисленными народами Севера.

Библиографический список

1. Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года. Утв. Указом Президента РФ от 26 октября 2020 г. № 645 // Президент России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/news/64274> (дата обращения: 11.11.2021).
2. Бурцева, Е. И., Потравный, И. М., Гассий, В. В. [и др.]. Экономика традиционного природопользования: взаимодействие коренных народов Севера и бизнеса в российской Арктике: монография; под общ. ред. Е. И. Бурцевой, И. М. Потравного. – М. Экономика, 2019. – 318 с.
3. Бурцева, Е. И., Потравный, И. М., Гассий, В. В., Слепцов, А. Н., Величенко, В. В. Вопросы оценки и компенсации убытков коренным малочисленным народам в условиях промышленного освоения Арктики // Арктика: экология и экономика. – 2019. – № 1 (33). – С. 34–49. <https://doi.org/10.25283/2223-4594-2019-1-34-49>
4. Васильцов, В. С., Яшалова, Н. Н., Новиков, А. В. Климатические и экологические риски развития прибрежных арктических территорий // Арктика: экология и экономика. – 2021. – Т. 11, № 3. – С. 341–352. <https://doi.org/10.25283/2223-4594-2021-3-341-352>
5. Денисов, В. И., Черноградский, В. Н., Потравный, И. М., Иванова, П. Ю. Направления сбалансированного социально-экономического развития Арктической зоны России (на примере Якутии) // Проблемы прогнозирования. – 2020. – № 4 (181). – С. 66–73.
6. Комов, Н. В., Шарипов, С. А., Носов, С. И. и др. Устойчивое пространственное развитие. Проектирование и управление: монография. – М.: Губарев Е. В., 2021. – 752 с.
7. Кривошапкина, О. А. Механизм формирования и использования компенсационного фонда при промышленном освоении Арктики // Горизонты экономики. – 2021. – № 4 (63). – С. 68–76.
8. Новоселов, А. Л., Потравный, И. М., Новоселова, И. Ю., Чавез Феррейра, К. Й. Механизм реализации инвестиционных проектов экологической направленности на основе долевого финансирования // Экономика региона. – 2018. – Т. 14, № 4. – С. 1488–1497. <https://doi.org/10.17059/2018-4-33>
9. Новоселова, И. Ю., Новоселов, А. Л., Потравный, И. М., Авраменко, А. А. Управление конфликтами в сфере природопользования: анализ и поиск компромиссов: монография. – М.: «Кнорус», 2020. – 104 с.
10. Потравный, И. М., Яшалова, Н. Н., Бороухин, Д. С., Толстоухова, М. П. Использование возобновляемых источников энергии в Арктике: роль государственно-частного партнерства // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2020. – Т. 13, № 1. – С. 144–159. <https://doi.org/10.15838/esc.2020.1.67.8>
11. Gassiy, V., Potravny, I. The assessment of the socio-economic damage of the indigenous peoples due to industrial development of Russian Arctic // Czech Polar Reports. – 2017. – V. 7, No. 2. – Pp. 257–270. <https://doi.org/10.5817/CPR2017-2-25>
12. Gassiy, V., Potravny, I. The compensation for losses to indigenous peoples due to the Arctic industrial development in benefit sharing paradigm // Resources. – 2019. – V. 8, No. 2. – Art. 71. <https://doi.org/10.3390/resources8020071>
13. Novoselov, A., Potravny, I., Novoselova, I., Gassiy, V. Sustainable development of the Arctic indigenous communities: The approach to projects optimization of mining company // Sustainability. – 2020. – V. 12, No. 19. – Art. 7963. <https://doi.org/10.3390/su12197963>

14. Potravnaya, E. V. Social problems of industrial development of the Arctic territories // *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. – 2021. – V. 14, No. 7. – Pp. 1008–1017. <https://doi.org/10.17516/1997-1370-0780>
15. Sleptsov, A., Petrova, A. Ethnological expertise in Yakutia: The local experience of assessing the impact of industrial activities on the Northern indigenous peoples // *Resources*. – 2019. – V. 8, No. 3. – Pp. 123. <https://doi.org/10.3390/resources8030123>

References

1. Strategy for the Development of the Arctic Zone of the Russian Federation and Ensuring National Security for the Period up to 2035. Approved by Decree of the President of the Russian Federation, dated on October 26, 2020, No. 645, *The President of Russia*. Available at: <http://www.kremlin.ru/acts/news/64274> (accessed 11.11.2021).
2. Burtseva E. I., Potravny I. M., Gassiy V. V. et al. *Economics of traditional nature management: interaction of indigenous peoples of the North and business in the Russian Arctic: monograph*, ed. E. I. Burtseva, I. M. Potravny, Moscow, Ekonomika, 2019, 318 p. (In Russian).
3. Burtseva E. I., Potravny I. M., Gassiy V. V., Sleptsov A. N., Velichenko V. V. Issues of estimating and compensating for losses to indigenous peoples in the conditions of industrial development of the Arctic, *Arktika. Ekologiya i ekonomika*, 2019, no. 1 (33), pp. 34–49. (In Russian). <https://doi.org/10.25283/2223-4594-2019-1-34-49>
4. Vasil'tsov V. S., Yashalova N. N., Novikov A. V. Climate and environmental risks in the development of Arctic coastal territories, *Arktika. Ekologiya i ekonomika*, 2021, vol. 11, no. 3, pp. 341–352. (In Russian). <https://doi.org/10.25283/2223-4594-2021-3-341-352>
5. Denisov V. I., Chernogradskii V. N., Potravny I. M., Ivanova P. Yu. Directions of the balanced socioeconomic development of the Arctic zone of Russia (with the example of Yakutia), *Problemy prognozirovaniya*, 2020, no. 4 (181), pp. 66–73. (In Russian).
6. Komov N. V., Sharipov S. A., Nosov S. I. et al. *Sustainable spatial development. Design and management: monograph*, Moscow, Gubarev E. V., 2021, 752 p. (In Russian).
7. Krivoshapkina O. A. The mechanism of formation and use of the compensation fund in the industrial development of the Arctic, *Gorizonty ekonomiki*, 2021, no. 4 (63), pp. 68–76. (In Russian).
8. Novoselov A. L., Potravny I. M., Novoselova I. Yu., Chávez Ferreyra K. Y. The mechanism to implement environmental investment projects on the basis of equity financing, *Economy of regions*, 2018, vol. 14, no. 4, pp. 1488–1497. (In Russian). <https://doi.org/10.17059/2018-4-33>
9. Novoselova I. Yu., Novoselov A. L., Potravny I. M., Avramenko A. A. *Conflict management in the field of environmental management: analysis and search for compromises: monograph*, Moscow, “Knorus”, 2020, 104 p. (In Russian).
10. Potravny I. M., Yashalova N. N., Boroukhin D. S., Tolstoukhova M. P. The usage of renewable energy sources in the Arctic: the role of public-private partnership, *Economical and social changes: facts, trends, forecast*, 2020, vol. 13, no. 1, pp. 144–159. (In Russian). <https://doi.org/10.15838/esc.2020.1.67.8>
11. Gassiy V., Potravny I. The assessment of the socio-economic damage of the indigenous peoples due to industrial development of Russian Arctic, *Czech Polar Reports*, 2017, vol. 7, no. 2, pp. 257–270. <https://doi.org/10.5817/CPR2017-2-25>
12. Gassiy V., Potravny I. The compensation for losses to indigenous peoples due to the Arctic industrial development in benefit sharing paradigm, *Resources*, 2019, vol. 8, no. 2, article 71. <https://doi.org/10.3390/resources8020071>
13. Novoselov A., Potravny I., Novoselova I., Gassiy V. Sustainable development of the Arctic indigenous communities: The approach to projects optimization of mining company, *Sustainability*, 2020, vol. 12, no. 19, article 7963. <https://doi.org/10.3390/su12197963>
14. Potravnaya E. V. Social problems of industrial development of the Arctic territories, *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 2021, vol. 14, no. 7, pp. 1008–1017. <https://doi.org/10.17516/1997-1370-0780>
15. Sleptsov A., Petrova A. Ethnological expertise in Yakutia: The local experience of assessing the impact of industrial activities on the Northern indigenous peoples, *Resources*, 2019, vol. 8, no. 3, pp. 123. <https://doi.org/10.3390/resources8030123>

УДК 316.776.32

DOI 10.26425/1816-4277-2022-1-188-196

**Юшкина Надежда
Александровна**

зам. директора Центра изучения
российской элиты, ст. преподава-
тель, ФГБОУ ВО «Государственный
университет управления», г. Москва,
Российская Федерация

ORCID: 0000-0002-4157-1921

e-mail: 4454508@gmail.com

ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ПУБЛИЧНЫХ ПОЛИТИКОВ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ

Аннотация. Объектом исследования являются представители российской политической элиты и их электорат в социальных сетях. Цель исследования – оценка влияния на электоральный потенциал политиков их интернет-коммуникаций со своей аудиторией. Анализировались основные количественные показатели присутствия и активности российских публичных политиков в Facebook, Instagram и Youtube, успешные формы взаимодействия между представителями власти и обществом, индексы популярности, активности, лояльности аудитории, а также визуальные особенности контента аккаунтов. Оценивалась обратная связь в аккаунтах действующих политиков, в том числе содержащая критический дискурс. По итогам исследования сделаны выводы, что создание полноценного канала обратной связи с потенциальным электоратом положительно влияет на образ публичного политика, позволяет уменьшать количество обратной связи с негативными комментариями, является успешной формой взаимодействия политика с электоратом и повышает его электоральный потенциал. Вместе с тем российские политики недостаточно готовы к налаживанию коммуникации с потенциальным электоратом через социальные сети.

Ключевые слова: публичный политик, органы власти, элиты, социальные сети, цифровая сфера, электоральный потенциал, Интернет, государство, власть, политическая коммуникация

Для цитирования: Юшкина Н.А. Электоральный потенциал публичных политиков в социальных сетях // Вестник университета. 2022. № 1. С. 188–196.

Nadezhda A. Yushkina

Deputy Director of the Russian Elite
Research Centre, Senior Lecturer,
State University of Management,
Moscow, Russia

ORCID: 0000-0002-4157-1921

e-mail: 4454508@gmail.com

PUBLIC POLITICIANS ELECTORAL POTENTIAL IN SOCIAL MEDIA

Abstract. The object of the study are representatives of Russian political elite and their electorate in social networks. The aim of the study is to assess the impact on the electoral potential of politicians of their online communications with their audiences. The main quantitative indicators of the presence and activity of the Russian public politicians on Facebook, Instagram and Youtube, successful interaction forms between government representatives and the society, indexes of popularity, activity, audience loyalty, as well as visual features of the accounts' content were analysed. Feedback in the accounts of current politicians was assessed, including containing critical discourse. According to the results of the study, the author concluded that the creation of a full-fledged feedback channel with a potential electorate positively affects the image of a public politician, allows reducing the feedback amount with negative comments, is a successful interaction form between a politician and the electorate and increases his electoral potential. However, the Russian politicians are not sufficiently prepared to establish communication with the potential electorate via social media.

Keywords: public politician, authorities, elites, social networks, digital sphere, electoral potential, Internet, state, government, political communications

For citation: Yushkina N.A. (2022) Public politicians electoral potential in social media. *Vestnik universiteta*, no. 1, pp. 188–196. DOI: 10.26425/1816-4277-2022-1-188-196

Введение

С ростом цифровизации общества способы и модели политической коммуникации трансформируются существенным образом, что оказывает непосредственное влияние на всю систему государственного управления и способствует выходу публичной политики за пределы традиционного политического пространства. Интернет и социальные сети становятся универсальным способом структурирования современного социального пространства, а «виртуальная активность трансформируется в реальный политический дискурс,

© Юшкина Н.А., 2022.

Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

© Yushkina N.A., 2022.

This is an open access article under the CC BY 4.0 license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

становясь полноправным элементом политико-коммуникационной среды» [2, с. 177–178] Виртуальное социальное пространство сегодня рассматривается не просто как коммуникативная среда, но и как пространство реализации публичной политики. Возникают и получают развитие новые, онлайн-формы политического дискурса и механизмы взаимосвязи власти и общества [5].

Подобные механизмы коммуникации и взаимодействия позволяют общественности найти собственные варианты политического представительства, которые совпадали бы с их нынешними интересами, но сегодня еще не являются частью уже устоявшейся системы. Социальные сети являются прекрасной платформой для создания полноценного канала обратной связи между властью и обществом. Люди голосуют в сети лайками и репостами [6, с. 28]. Выстраивание диалога политика с подписчиками как потенциальными избирателями в дальнейшем влияет на их электоральное поведение и помогает политикам наращивать свой электоральный потенциал. Исследования показали, что участие самого кандидата в дискуссиях в социальных сетях ведет к увеличению количества возможных методов взаимодействия между общественностью и предвыборной кампанией [8].

Коммуникации в социальных сетях в еще большей степени актуальны для молодежной части аудитории, которая погружена в социальные сети с детства, предпочитает все больше получать из них информацию, касающуюся большинства интересующих ее сфер, общественно-политическая не является исключением. Более того, наше исследование показало, что интерес к этой сфере у молодежи присутствует, но информацию о ней молодые люди в большей степени получают от блогеров, чем от действующих политиков. Это обусловлено несколькими факторами, отметим в этой статье лишь основной, с которого надо начинать. Если политик не присутствует в социальных сетях, не открыт для такого типа общения, которое адекватно воспринимается молодежью, то он существует как бы параллельно с молодежной аудиторией, никак не влияя на ее политическое сознание. Для этой потенциальной части электората он как бы не существует. Чтобы получить поддержку в молодежной среде и быть одобряемым, иметь возможность переизбрания, избежать активных протестных настроений, лидер должен уметь говорить с молодежной аудиторией на одном языке, соответствовать образу эффективного политика, существующему в сознании молодежи [3].

Несмотря на обилие книг и статей, посвященных взаимодействию власти и общества в виртуальном пространстве, повсеместному процессу цифровизации, мы видим несовершенство используемых технологий и теорий, недостаточность раскрытия социально-политических тем российскими публичными политиками, отсутствие проработанных механизмов в публичном политическом пространстве.

Для того, чтобы ответить на вопросы, почему лишь некоторым политикам удастся успешно донести до людей смысл происходящих процессов, свою позицию, вовлечь миллионы в политические процессы и многократно наращивать свой электоральный потенциал, а остальные делают попытки, которые не приводят их к росту аудитории и расширению влияния, мы провели социологическое исследование, которое начали с анализа присутствия российских публичных политиков в социальных медиа и измерения их активности, а также особенностей налаживания обратной связи с потенциальным электоратом.

Мы изучили и подвергли анализу социальные площадки действующих на момент сбора данных публичных политиков, для которых имеет ключевое значение умение налаживать контакт с потенциальным электоратом для того, чтобы разъяснять государственную политику и значение проводимых реформ и законопроектов, показывать, как государство заботится об интересах своих граждан и как следствие, наращивать свой электоральный потенциал. Поэтому в нашем исследовании были проанализированы сетевые коммуникации депутатов и сенаторов Федерального Собрания Российской Федерации (далее – ФС РФ), а также глав регионов, которые имеют аккаунты хотя бы в одной из исследуемых нами популярных социальных сетей, для того, чтобы выявить среди них тех, кто успешно нарастил электорат и реализовал свой коммуникативный потенциал в сетях, а также тех, кому не удастся достичь значимых результатов вовлечь и нарастить аудиторию. Сбор данных происходил в сентябре 2021 г. накануне и в процессе выборов в Государственную Думу Российской Федерации (далее – ГД РФ).

Методы и материалы

Задача исследования заключалась в том, чтобы выявить основные показатели присутствия и активности публичных политиков в социальных сетях и их влияние на электоральный потенциал политиков, определить наиболее успешные формы взаимодействия между политиками и обществом посредством социальных

сетей, ответить на вопросы, используют ли российские публичные политики социальные сети как инструмент для наращивания электорального потенциала и готовы ли они к коммуникациям с потенциальными избирателями в социальных сетях.

Объектом данного исследования стали представители политической элиты: депутаты Государственной Думы VII созыва, члены Совета Федерации ФС РФ, а также главы российских регионов. Предметом исследования были аккаунты и сетевая активность в популярных социальных сетях действующих публичных политиков.

Проведен количественный и сравнительный анализ статистики аккаунтов и коммуникативных процессов в трех популярных социальных сетях – Facebook, Instagram и Youtube. В выборку вошли все представленные в исследуемых социальных сетях аккаунты публичных политиков, действующие на момент сбора данных (сентябрь 2021 г.) – представителей ФС РФ и глав регионов Российской Федерации. Общая численность генеральной совокупности составила 694 человека. Проведен анализ фактического присутствия публичных политиков в исследуемых социальных сетях. Составлена база данных аккаунтов и база данных количественных показателей статистики аккаунтов публичных политиков по трем социальным сетям, в которую вошли 650 аккаунтов.

Далее, анализ выполнялся с помощью мониторинга аккаунтов публичных политиков в социальных сетях и фиксирования основных индикаторов. Анализировались количественные показатели, были составлены специально разработанные для целей проекта индексы популярности, активности, присутствия в социальных сетях, лояльности аудитории, фиксировались особенности обратной связи с аудиторией, а также визуальные особенности контента аккаунтов.

Основные результаты

Присутствие политиков в исследуемых социальных сетях оказалось неравномерным. Во все трех категориях политиков присутствуют те, кто вообще не зарегистрирован ни в одной из трех исследуемых социальных сетях. По этому показателю лидируют представители Совета Федерации РФ 47,3% не имеют аккаунтов ни в Instagram, ни на Facebook, ни в Youtube. Почти половина сенаторов не готовы налаживать общение с потенциальным электоратом через популярные социальные сети. Индекс присутствия в социальных сетях, который рассчитывался, как отношение всех аккаунтов группы к численности группы, у глав регионов самый высокий (1,74), у депутатов ГД РФ чуть ниже (1,64), у сенаторов он оказался значительно ниже (0,82). Самыми открытыми социальным сетям оказались главы российских регионов, лишь 4,7 % из них не имеют аккаунтов в исследуемых нами социальных сетях. Наибольшее количество публичных политиков имеют аккаунты в социальной сети Instagram. В этой сети также сосредоточены аккаунты с наибольшим количеством подписчиков и высоким электоральным потенциалом. По совокупному количеству подписчиков в исследуемых социальных сетях перешли планку в миллион подписчиков лишь два политика: мэр Москвы С. С. Собянин (1 047 869 чел.) и депутат ГД РФ А.С. Делимханов (1 700 971 чел.), оба получили основной электоральный потенциал в Instagram. Хуже всего публичные политики оказались представлены на платформе Youtube: лишь 18,7 % имеют там аккаунты, 39 % из которых оказались «заброшенными» на момент сбора данных, то есть активность в них была остановлена как минимум за три месяца до начала сбора данных.

Однако одно лишь присутствие в социальных сетях еще не говорит о готовности работать и налаживать в них коммуникации. Группа может иметь аккаунты, но лишь формально и не использовать их, либо использовать в личных целях. При расчете количественных показателей были выявлены «заброшенные» аккаунты. Таковыми мы считали аккаунты, публикации в которых не велись более, чем два месяца, предшествующих расчетному периоду. Работа в социальных сетях подразумевает некую регулярность и не может вестись эффективно от случая к случаю. Больше всего «заброшенных» аккаунтов оказалось у депутатов ГД РФ (18,4 %), но это может быть связано с тем, что сбор данных проходил накануне выборов в ГД РФ и часть депутатов, которая не планировала баллотироваться на новый срок, прекратила и свою деятельность по наращиванию электорального потенциала в социальных сетях. Однако такое решение нельзя назвать эффективным, к примеру, с точки зрения политических партий, которым важно наращивать общий электоральный потенциал, особенно накануне важного политического события. Члены Совета Федерации ФС РФ имеют 8,9 % неактивных аккаунтов, руководители регионов лишь 1%. Закрытых от пользователей, не состоящих в друзьях у автора аккаунта, оказались 1,1% аккаунтов депутатов ГД РФ и 2,3 % аккаунтов

сенаторов. Такие аккаунты могут использоваться лишь в личных целях, для коммуникации со знакомыми людьми и не могут выполнять функции по наращиванию электорального потенциала. Ни одного закрытого аккаунта нет у глав российских регионов, что еще раз подтверждает самую высокую степень открытости этой группы публичных политиков.

Следующим важным показателем, демонстрирующим степень готовности вести регулярную работу в социальных сетях является индекс активности. Сразу отметим, что он фиксирует лишь частоту публикаций и определяется для каждой группы как отношение количества публикаций всех аккаунтов группы за изучаемый период к количеству аккаунтов в группе. Групповой индекс активности руководителей российских регионов оказался самым высоким (1,146) и превысил групповой индекс активности сенаторов (0,517) более, чем вдвое. Индекс активности депутатов ГД РФ составил 0,625. Результаты показателя групповой активности подтверждает и десятка политиков – лидеров по индивидуальной активности в социальных сетях. Так, в нее вошли пять руководителей регионов, четыре депутата ГД РФ и лишь один член верхней палаты парламента. Таким образом, можно подвести первый итог – наиболее открытой и активной в социальных сетях группой являются руководители российских регионов, значительно обходя представителей российского Парламента, особенно его верхней палаты. Этот вывод совпадает с выводами исследования 2019 г. [4]. Причем за прошедший период самая открытая группа, судя по всему, значительно улучшила свои показатели в социальных сетях.

Поскольку социальные медиа становятся значимой площадкой для взаимодействия с электоратом, а электоральный потенциал предполагает выявление вероятности того, что при проведении выборов данный политик получит голоса потенциальных избирателей, особо важными становятся количественные показатели, связанные с совокупным числом подписчиков и степенью их вовлеченности в коммуникативный процесс, оценкой объема и тональности обратной связи, а также анализ публикуемого политиками контента [1, с. 47–55].

Для того, чтобы оценить электоральный потенциал каждой группы, мы рассчитали групповой индекс популярности, который показал, каким объемом потенциальных избирателей обладает каждая группа. Данный показатель привязан к количеству подписчиков, отдавших свое предпочтение аккаунтам определенной группы политиков и определяется как отношение общего числа подписчиков группы к количеству аккаунтов этой группы политиков. Индекс популярности глав российских регионов (103 220,2) оказался почти в 7 раз выше индекса популярности депутатов ГД РФ и более чем в 15 раз превысил индекс популярности членов СФ РФ.

В отечественной социологии активно изучается тема использования властью социальных сетей, как новых форм общения с обществом. В основном, исследователи делают выводы о необходимости выстраивания диалога, налаживания обратной связи между правящими слоями и населением.

Чтобы оценить вовлеченность в коммуникативный процесс политиков и их потенциальных избирателей в социальных сетях, были рассчитаны два показателя: индекс лояльности и индекс вовлеченности. Как уже было сказано выше, аудитория социальных сетей голосует лайками. Данный вид реакции показывает одобрение подписчиками опубликованного контента, но не отражает, по каким критериям был оценен данный контент. По этому показателю можно судить о степени активности подписчиков группы. Групповой индекс лояльности определялся как отношение суммы среднего количества «лайков» в день, полученных всеми аккаунтами группы к общему числу подписчиков группы. Низкое значение этого показателя может быть связано как с низкой лояльностью подписчиков к публикуемому группой контенту, так и с большим процентом неактивных подписчиков, которые образуются в случае применения принудительных и некачественных методов привлечения подписчиков в аккаунт.

Самый низкий индекс лояльности аудитории оказался у депутатов ГД РФ (0,0107), а самый высокий у глав регионов России (0,0193). Это единственный количественный показатель, по которому члены Верхней палаты Парламента оказались не на последнем месте (0,0128). При каких обстоятельствах могла сложиться ситуация, при которой группа, отстающая по всем предыдущим показателям, вышла на второе место по количеству одобряющих кликов аудитории. Наша гипотеза заключалась в том, что основу небольшой, но лояльной аудитории сенаторов составили друзья, знакомые и сослуживцы членов СФ РФ, которые активно проявляют себя либо из вежливости, либо из солидарности. Депутаты ГД РФ, напротив, либо публикуют некачественный и не привлекающий аудиторию контент, либо имеют в подписчиках большой процент аккаунтов, за которыми не стоят живые люди, способные производить действия в сети. Частично подтвердить или опровергнуть предположения поможет второй индекс, построенный на основе такой реакции аудитории, как комментарии.

Следует отметить, что получить этот вид реакции от аудитории гораздо сложнее, чем предыдущий, публикация должна вызвать у них интерес и желание вступить в дискуссию. Для анализа он представляет гораздо большую ценность. Индекс заинтересованности рассчитывался, как отношение среднего числа комментариев в день в аккаунтах группы к общему числу подписчиков группы. Наибольшее значение индекса оказалось у глав российских регионов (0,001307). Подписчики в аккаунтах депутатов ГД РФ комментируют их публикации значительно реже, индекс заинтересованности этой группы политиков составил 0,000728. Коммуникация ГД ФС РФ в социальных сетях иницируется с целью информирования пользователей о принятии законопроекта, но не его обсуждения. Подтверждаются выводы предыдущих исследований о том, что социальные медиа используются, главным образом, для информирования, но не задействуются их возможности для двухсторонней коммуникации с гражданами [7].

Еще ниже показатель индекса у членов СФ РФ (0,000519). Лояльная им аудитория не вступает в дискуссию и не проявляет интереса к публикациям этой группы политиков, что подтверждает гипотезу о «вынужденной» лояльности.

При подсчете индекса заинтересованности были исключены аккаунты политиков, которые принудительно закрыли функцию комментирования, лишив свою аудиторию возможности оставлять комментарии под публикациями и закрыв таким образом важный канал коммуникации с потенциальными избирателями. Как правило, к таким мерам политики прибегают в том случае, если комментарии содержат большое количество критики, которая зачастую может содержать крайне негативные высказывания и ненормативную лексику. Для оценки тональности обратной связи мы проанализировали, как часто публичные политики сталкиваются с критикой и на что направлен критический дискурс в аккаунтах политиков. При этом необходимо пояснить, что под критическими комментариями мы понимали высказывания с негативной оценкой, недовольством какой-либо деятельностью, выраженной в яркой и категоричной форме. Мы не относили к критическим комментариям обращения с целью получения помощи или сообщения о ситуациях, требующих вмешательства органов власти.

Сталкиваются с критикой под своими публикациями 82,2 % глав российских регионов. Лишь 12,4 % руководителей регионов удается вести свои аккаунты так, чтобы обходиться без критических комментариев в них. Отключили функцию обратной связи с подписчиками на момент сбора данных 5,2 % политиков. Намного лучше обстоят дела у представителей российского Парламента: с критическими комментариями сталкивается почти в половину меньше, чем главы регионов (37,4 %) депутатов Нижней палаты и лишь 27,5 % членов Верхней палаты (за период сбора данных). При этом закрывали возможность оставлять комментарии в своих аккаунтах 2,5 % депутатов и 3,9 % сенаторов. Мы видим, что чем более открытой в социальных сетях является группа политиков, тем больше ей приходится сталкиваться с критикой со стороны потенциальных избирателей (табл. 1).

Таблица 1

Наличие критической обратной связи в аккаунтах публичных политиков

Категории политиков	Обратная связь критического содержания в аккаунтах (на период сбора данных)		Закрытые и заброшенные аккаунты	Нет комментариев	Закрыта функция комментирования в аккаунте
	присутствует	отсутствует			
Главы регионов (N=97), %	70,0	12,0	8,0	2,0	5,0
	72,2	12,4	8,2	2,1	5,2
Депутаты ГД (N=441), %	165,0	154	85,0	26,0	11,0
	37,4	34,9	19,3	5,9	2,5
Члены СФ (N=102), %	28,0	44,0	17,0	9,0	4,0
	27,5	43,1	16,7	8,8	3,9

Составлено автором по материалам исследования

Рассмотрим основную направленность критического дискурса в аккаунтах публичных политиков. При анализе критических высказываний мы условно выделили четыре основные группы направленности критики: непосредственно на автора аккаунта, на проблему, которую он поднял в публикации, на действия властей в целом и на оппонентов, которые имеют отличную от комментатора позицию по теме публикации (табл. 2). При этом в одной публикации могло содержаться одновременно несколько комментариев с разными видами негативных высказываний, все они учитывались при определении направленности дискуссии и отражались в подсчетах.

Таблица 2

Направленность критического дискурса в аккаунтах публичных политиков

Категории политиков	Направленность критических комментариев в аккаунтах политиков*				Отсутствуют критические комментарии
	на автора	на проблему	на власть	на подписчиков	
Главы регионов (N=82), %	31,0	72,0	33,0	2,0	12,0
	36,6	87,8	41,4	2,4	12,4
Депутаты ГД (N=345), %	62,0	106,0	76,0	3,0	154,0
	17,8	30,7	22,0	0,9	34,9
Члены СФ (N=81), %	11,0	18,0	11,0	0,0	44,0
	13,6	22,2	13,6	0,0	43,1

*Примечание: в одной публикации может присутствовать несколько видов критических комментариев. В подсчетах учитывались только активные аккаунты с открытой функцией обратной связи.

Составлено автором по материалам исследования

Наибольшее количество негативных высказываний в аккаунтах публичных политиков направлены на проблемы, которые затрагиваются авторами аккаунтов в публикациях либо с которыми потенциальные избиратели сталкиваются в процессе жизнедеятельности. Этот показатель может отображать не только наличие самой проблемы, но и ее значимость, релевантность для подписчиков аккаунта, а также готовность автора аккаунта освещать актуальные для потенциального электората вопросы. Данный показатель в аккаунтах глав регионов оказался почти в 3 раза выше, чем в аккаунтах российских парламентариев. На наш взгляд, это связано с тем, что большинство глав регионов в своих аккаунтах поднимают актуальные для региона вопросы и темы, что вызывает реакцию аудитории и желание дать обратную связь по предложенной теме. Такой вид критического дискурса превалирует в аккаунтах всех публичных политиков, потенциальных избирателей более всего волнуют не персоналии, а конкретные проблемы, возникающие на момент публикации у жителей определенного региона или в целом в нашей стране. Более низкий процент присутствия данного вида обратной связи в аккаунтах парламентариев может быть связан не только с отсутствием актуальной повестки в аккаунтах, но и с другой отмеченной нами тенденцией: несмотря на то, что каждый парламентарий делегируется в парламент страны от определенного региона и призван представлять, в первую очередь, свой регион, довольно большое количество депутатов и сенаторов пишут в своих аккаунтах больше о проблемах более глобальных, касающихся страны в целом либо внешнеполитической деятельности. В свою очередь, для потенциальных избирателей проблемы, которые им ближе, могут быть понятнее и актуальнее. Они в меньшей мере освещаются на федеральных телеканалах, но касаются наиболее узких слоев населения, сосредоточенных в одном регионе. Этот фактор может указывать и на актуальность и остроту для подписчиков национальной и межнациональной повестки.

Около трети комментариев, содержащих критические высказывания, были направлены на руководителей глав регионов, как авторов публикаций в своих аккаунтах. Этот показатель также оказался выше у этой категории политиков по сравнению с членами верхней и нижней палаты российского парламента. Люди больше склонны связывать наличие определенных проблем с непосредственными руководителями своих регионов, чем с людьми, которых регион и сами избиратели делегировали в парламент для представления их интересов на федеральном уровне. Это возможно из-за низкой узнаваемости парламентариев в регионах

и недостаточным пониманием электоратом принципов работы политической вертикали. Однако, при этом в аккаунтах у 12,4 % глав регионов за время сбора информации не было выявлено высказываний с явной негативной оценкой, или недовольством (табл. 3).

Для более полного понимания коммуникативных процессов, происходящих в аккаунтах публичных политиков, рассмотрим подробнее аккаунты политиков, которым удается практически избежать обратной связи с негативной составляющей на примере наиболее открытой группы публичных политиков – глав российских регионов. Постараемся подвергнуть анализу и определить те составляющие и особенности контента, которые могут позволять их авторам сохранять положительный либо нейтральный характер дискуссии в своих аккаунтах (см. табл. 3).

Таблица 3

Главы российских регионов, не имеющие критической обратной связи в аккаунтах

ФИО	Социальная сеть	Количество подписчиков аккаунта
Азаров Дмитрий Игоревич	Instagram	278 000
Артамонов Игорь Георгиевич	Instagram	134 000
Бездудный Юрий Васильевич	Instagram	2 830
Кадыров Рамзан Ахматович	Youtube	69 700
Клычков Андрей Евгеньевич	Instagram	85 800
Кувшинников Олег Александрович	Instagram	43 600
Меняйло Сергей Иванович	Facebook	9 128
Никитин Александр Валерьевич	Facebook	8 945
Николаев Айсен Сергеевич	Youtube	2 590
Носов Сергей Константинович	Instagram	26 700
Темрезов Рашид Бориспиевич	Instagram	118 375
Шумков Вадим Михайлович	Instagram	76 800

Составлено автором по материалам исследования

В целом во всех представленных в таблице 3 аккаунтах политиками используются разнообразные формы подачи контента: представлены качественные фото-, видеоматериалы, в том числе отражающие красоту и самобытность регионов, главами которых являются политики. Используются форматы, отражающие приближенность к реальной жизни: «селфи» (самостоятельно сделанные фото, подчеркивающие неформальность и отсутствие посредников между главой региона и его подписчиками, фото- и видеоматериалы непосредственного участия политика в решении каких-либо задач, участия в мероприятиях. Присутствует контент, демонстрирующий близость политика к народу и озабоченность проблемами региона: личный прием граждан, беседы с населением на улицах населенных пунктов. В небольших объемах присутствует информация о личной жизни политика, позволяющая «очеловечить», приблизить к народу строгий в рабочее время образ политика (как правило, отражающая семейные ценности, приверженность к здоровому образу жизни, либо демонстрирующая личные хобби). Присутствуют публикации, вызывающие положительные, яркие, искренние эмоции: например, восхищение цветами, кадры спасения касатки, застрявшей на мели. В целом, контент вызывает положительные эмоции, обязательно присутствуют публикации, вызывающие у подписчиков чувство радости и гордости (например, за победу земляков в соревнованиях), сопричастность к добрым делам или хорошим начинаниям (призыв к участию в экологических акциях, призванных навести чистоту в регионе). Отдельное внимание уделяется особенностям региона и народов, проживающих в нем, его красотам и богатствам. Особенно хорошо это видно в аккаунте главы Чеченской республики Рамзана Кадырова в социальной сети Youtube и главы Карачаево-Черкесской республики Рашида Темрезова в социальной сети Instagram. Основными ценностями, которые заложены в контент аккаунтов политиков являются: патриотизм, ответственность, взаимопомощь, доверие, уверенность, оптимизм, уважение, человечность.

Важной составляющей аккаунтов является отложенная реакция государственных органов региона на обращения граждан, которые поступают в аккаунт глав регионов. На каждый вопрос или сигнал о возникшей проблеме автор комментария получает развернутый ответ от официального аккаунта государственного органа, в зону ответственности которого входит решение вопроса или проблемы подписчика. Результат такого взаимодействия виден всем подписчикам аккаунта главы региона, он удовлетворяет потребности потенциальных избирателей, демонстрирует слаженную работу ведомств региона, побуждает отвечать благодарностью за решенные проблемы. Подобная практика также способствует сближению главы региона с жителями и потенциальным электоратом в социальных сетях. Это отражается в комментариях подписчиков, которые характеризуют главу региона: «у него слова не расходятся с делом», «хороший мужик». Важно отметить, что даже сообщения о возникших проблемах и обращения с просьбой о помощи формулируются подписчиками в подчеркнуто уважительной форме. Отдельно необходимо отметить, что в аккаунтах с числом подписчиков менее 10 тыс. обратной связи в целом немного.

Обсуждение результатов

В современных реалиях присутствие в социальных сетях и коммуникации с потенциальным электоратом для публичных политиков является важным и необходимым условием, особенно для привлечения молодежной части электората. Почти половина представителей верхней палаты российского парламента оказалась не готовой налаживать коммуникации с электоратом и не имеет аккаунтов ни в одной из трех популярных социальных сетей (Insagram, Facebook, Youtube). Наиболее открытой социальным сетям группой оказались главы российских регионов. Они также имеют самый высокий индекс популярности, а значит и наибольший электоральный потенциал в социальных сетях, и опережают представителей российского парламента по показателям активности, вовлеченности аудитории в коммуникативный процесс и обратной связи с аудиторией.

Однако выявилась прямая зависимость: чем более открытой в социальных сетях является группа политиков, тем больше ей приходится сталкиваться с критикой со стороны потенциальных избирателей. Это заставляет некоторых политиков принудительно отключать функцию обратной связи в своих аккаунтах.

При анализе критических дискуссий в комментариях аккаунтов публичных политиков было выявлено четыре основные группы направленности критики: непосредственно на автора аккаунта, на проблему, которую он поднял в публикации, на действия властей в целом и на оппонентов, которые имеют отличную от комментатора позицию по теме публикации. Наибольшее количество направлено на волнующие и релевантные для потенциальных избирателей проблемы и больше характерно для политиков, открытых в социальных сетях и освещающих такие проблемы в своих публикациях.

Однако создание полноценного канала обратной связи с потенциальным электоратом положительно влияет на образ публичного политика, позволяет уменьшать количество обратной связи с негативным дискурсом и является успешной формой взаимодействия политика с электоратом и повышает его электоральный потенциал.

Заключение

Таким образом, из трех групп публичных политиков оказались готовыми к коммуникациям и наращиванию электорального потенциала в социальных сетях лишь главы российских регионов. Представители верхней палаты российского парламента имеют низкую степень присутствия в популярных социальных сетях и тем самым недоступны для потенциальных избирателей, а те, которые присутствуют, не ведут активной коммуникативной работы с подписчиками.

Библиографический список

1. Белоконев, С. Ю., Левина, Е. В. Теоретико-методологические аспекты изучения электорального потенциала публичных политиков и их позиционирование в социальных медиа // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. – 2021. – Т. 11, № 2. – С. 47–55. <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2021-11-2-47-55>
2. Коданина, А. Л. Социально-политические аспекты блогинга: российский опыт // Знак: проблемное поле медиаобразования. – 2017. – № 3 (25). – С. 177–182.
3. Комарова, А. А. Политические лидеры и молодежь: взаимодействие в социальных сетях // Цифровая социология. – 2021. – Т. 4, № 1. – С. 42–49. <https://doi.org/10.26425/2658-347X-2021-4-1-42-49>

4. Крыштановская, О. В. Элита в сетях: новые формы обратной связи в цифровую эпоху // Цифровая социология. – 2019. – Т. 2, № 2. – С. 4–11. <https://doi.org/10.26425/2658-347X-2019-2-4-11>
5. Михайленок, О. М., Малышева, Г. А. Политические эффекты социальных сетей в России // Социологические исследования. – 2019. – № 2. – С. 78–87. <https://doi.org/10.31857/S013216250004012-6>
6. Попов, С. И., Ершов, Н. А. Политические коммуникации в интернете // Вопросы политологии. – 2018. – № 3 (31). – С. 28–38.
7. Юшкина, Н. А., Панарина, М. А. Особенности дискурсивной среды как источник создания смысла в онлайн-коммуникации (на примере социальных сетей) // Цифровая социология. – 2019. – Т. 2, № 2. – С. 25–33. <https://doi.org/10.26425/2658-347X-2019-2-25-33>
8. Hong, S., Nadler, D. Which candidates do the public discuss online in an election campaign? The use of social media by 2012 presidential candidates and its impact on candidate salience // *Government Information Quarterly*. – 2012. – V. 29, No. 4. – Pp. 455–461. <https://doi.org/10.1016/j.giq.2012.06.004>

References

1. Belokonev S. Yu., Levina E. V. Theoretical and methodological aspects of studying public politics' electoral potential and their social media positioning, *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*, 2021, vol. 11, no. 2, pp. 47–55. (In Russian). <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2021-11-2-47-55>
2. Kodanina A. L. Social and political aspects of blogging: Russian experience, *Sign: problematic field of media education*, 2017, no. 3 (25), pp. 177–182. (In Russian).
3. Komarova A. A. Political leaders and young people: interaction in social networks, *Digital Sociology*, 2021, vol. 4, no. 1, pp. 42–49. (In Russian). <https://doi.org/10.26425/2658-347X-2021-4-1-42-49>
4. Kryshtanovskaya O. V. Elite in social networks: new forms of feedback in the digital age, *Digital Sociology*, 2019, vol. 2, no. 2, pp. 4–11. (In Russian). <https://doi.org/10.26425/2658-347X-2019-2-4-11>
5. Mikhaylenok O. M., Malysheva G. A. Political effects of social networks in Russia, *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2019, no. 2, pp. 78–87. (In Russian). <https://doi.org/10.31857/S013216250004012-6>
6. Popov S. I., Ershov N. A. Internet political communications, *Political science issues*, 2018, no. 3 (31), pp. 28–38. (In Russian).
7. Yushkina N. A., Panarina M. A. Features of the discursive environment as a source for creating meaning in online communication (using the example of social networks), *Digital Sociology*, vol. 2, no. 2, pp. 25–33. (In Russian). <https://doi.org/10.26425/2658-347X-2019-2-25-33>
8. Hong S., Nadler D. Which candidates do the public discuss online in an election campaign? The use of social media by 2012 presidential candidates and its impact on candidate salience, *Government Information Quarterly*, 2012, vol. 29, no. 4, pp. 455–461. <https://doi.org/10.1016/j.giq.2012.06.004>